

ДАЛХАН ХОЖАЕВ

ЧЕЧЕНЦЫ
В РУССКО-
КАВКАЗСКОЙ
ВОЙНЕ

Annotation

Хожаев Далхан (1961—2000) — чеченский полевой командир, бригадный генерал, соратник Ахмеда Закаева. Историк, публицист, начальник штаба сектора. Начальник Департамента по делам архивов, член Кабинета Министров и Государственного Совета Оборона Чеченской Республики-Ичкерия.

-
- [Далхан Хожаев](#)
 -
 - [Предисловие](#)
 - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
 - [Шейх Мансур\[2\]](#)
 - [Генерал Александр Чеченский](#)
 - [Сераскир Хаджи-Хасан-паша Чечен-оглы](#)
 - [Тайми Биболт](#)
 - [Гибель аула Дади-юрт](#)
 - [Литературные источники и документы](#)
 - [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
 - [Имам Шамиль\[12\]](#)
 - [Песня матери Шамиля](#)
 - [Аминат](#)
 - [Губаш из Гухоя и Джокола из Майсты](#)
 -
 - [Губаш из Гухоя](#)
 - [Джокола из Майсты](#)
 - [Имамат Чечни и Дагестана](#)
 - [Чеченский вилайет](#)
 - [Столица имамата Дарго и военные крепости Чечни](#)
 - [Армия имамата](#)
 - [Артиллерия Шамиля](#)
 - [Битва на реке Валерик](#)
 - [Назрановский поход](#)
 - [Ичкеринское сражение 1842 года и разгром армии Воронцова в Дарго](#)

- [Поход в Кабарду](#)
 - [Литературные источники и документы](#)
- [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ](#)
 - [Наибы Чечни](#)
 - [Хатат, сын Амерхана из Дарго\[19\]](#)
 - [Шоаип-мулла Центороевский](#)
 - [Юсуф-хаджи Сафаров из Алдов](#)
 - [Ахмад Автуринский\[27\]](#)
 - [Усми Саадола](#)
 - [Солтамурад Беноевский](#)
 - [Байсунгур Беноевский](#)
 - [Борьба за независимость Чечни после пленения Шамиля](#)
 - [Литературные источники и документы](#)
 -
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)

- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](#)

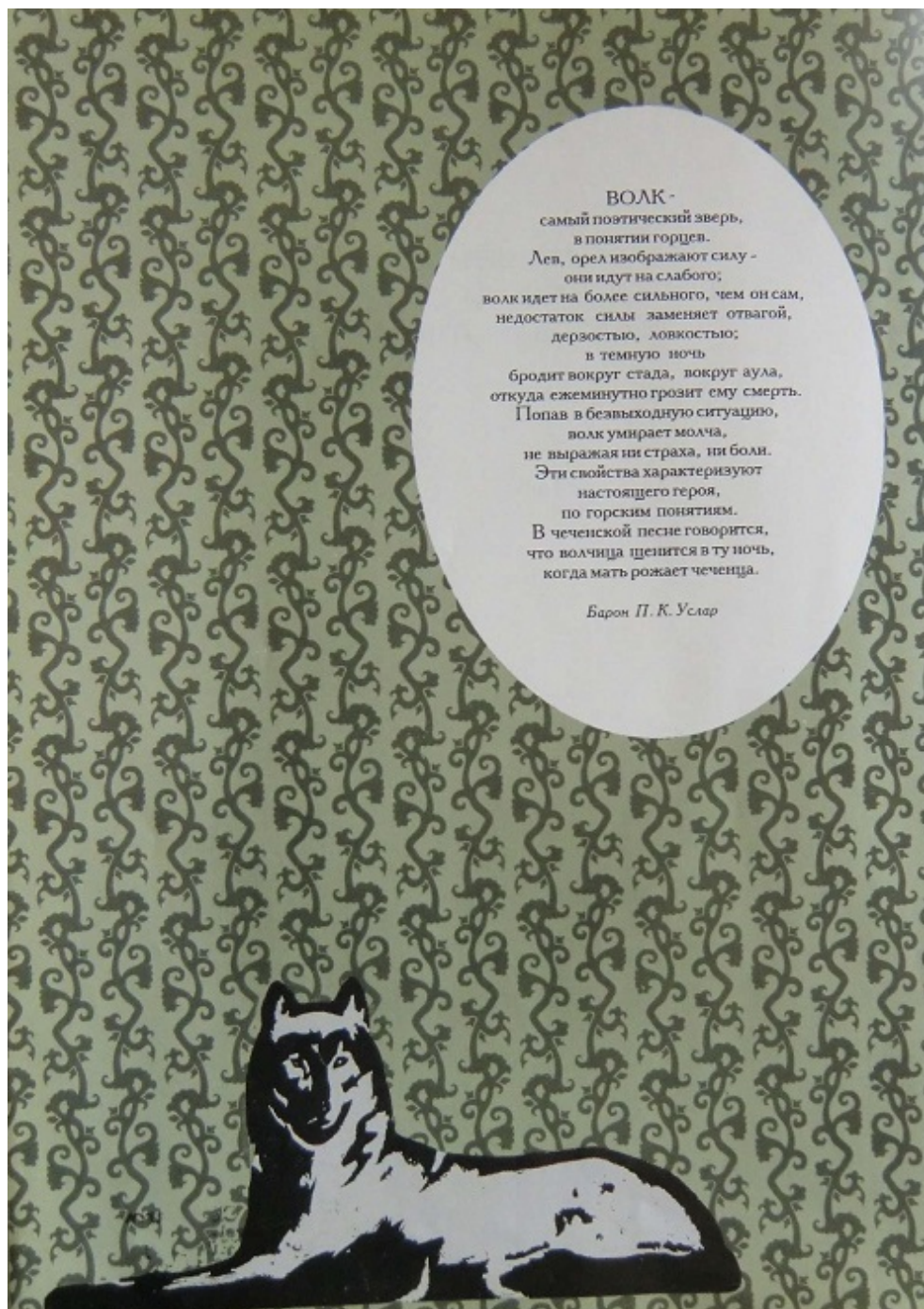
[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Далхан Хожаев

Чеченцы в Русско-Кавказской войне

ВОЛК -

самый повitchеский зверь,
в понятии горцев.
Лев, орел изображают силу -
они идут на слабого;
волк идет на более сильного, чем он сам,
недостаток силы заменяет отвагой,
дерзостью, ловкостью;
в темную ночь
бродит вокруг стада, вокруг аула,
откуда ежеминутно грозит ему смерть.
Попав в безвыходную ситуацию,
волк умирает молча,
не выражая ни страха, ни боли.
Эти свойства характеризуют
настоящего героя,
по горским понятиям.
В чеченской песне говорится,
что волчица ценится в ту ночь,
когда мать рождает чеченца.

Барон П. К. Услар

DEGHASTA

*Deghasta, Deghasta.
Azallex dūjna
xo hallak ja gheraču
qhizaču nicqhana jōxdōxal lāttas,
baqqhasca xan lāmni oganaš nīdes,
turpala bāxnaču xan klentij dōxa.*

*Deghasta, Deghasta.
Duxanna bezarij blāra ca xousalus,
soudani blārgas xijsama clanlus,
kijra clex joxucox sa sirla latto
xajn nicqh bellaču jolarijn dōxa.*

*Deghasta, Deghasta.
Dollucu daxarex ōzda jūqh jixkina,
nabaran qōlaxa xuna sagaldes,
sajni berijn vonex a sadalar docus,
xuna xex lāttincu qhōnaxijn dōxa.*

*Deghasta, Deghasta.
Nūcqhala xōx daxna dūnenōx darziyna,
xan lattax koşa barz xillaçex xōgus,
bart xattar dicdella xo dele jōxus,
sxarta dirzincu xan berijn dōxa.*

*Deghasta, Deghasta.
Azallex dala sa vajni dūne qōllica,
stiglanaš, lattanaš hittina vūlça,
dūnena lalamas nīsdina latto
dinaču leqaču xan lāmni dōxa.*

*Deghasta, Deghasta.
Mārsacu bījsanna lamanan tarxanaš
soudani muqhamex ojlane texkaš,
eqano sen klorni jōxječu xenax
xan ghenax xōstacu finalli dōxa.*

*Deghasta, Deghasta.
Delan sen purbanca malxo de dolades,
adamijn, aqarojn qhan-nabars xados,
xan lāmni berdaşkaş, saxarşkaş bizina
boda dlatottucu serlonan dōxa.*

*Deghasta, Deghasta.
Zingaliyn daxara a mexala lerina,
oqanan baqhoa tidame scena,
marşonca nīsdina, nisonca dustus,
txan dajsa qōllincu ghillaqi dōxa.*

*Deghasta, Deghasta.
Xasa-da reza va cfe qerçax lattajes,
dela sa reza va lamalas leloş,
da-nanoj reza ben dōzalxoj qīabes,
xan berkat lardincu husami dōxa.*

*Deghasta, Deghasta.
Mostaghco qu lattax daxa ca dītiça,
marxaşlax daxna a sa mārşa latto,
lulgaslax dōxna a dog kura latto
jinacu leqaču xan blauniyn dōxa.*

*Deghasta, Deghasta.
Dela cxa! vīnaçij lamezas debada,
olça baqh vīnaçij ojlanaş qaba,
xan lāmnaş sirlacu zamlate qajqa
dīnaču dūxxarcu mūdigan dōxa.*

*Deghasta, Deghasta.
Vala da vocu xo blarçjella xijzaču,
xan kientij ōguçu dōxnaçu dījnaş,
xaramcu sajni berijn nicqhanaş qhōxkaş,
txan nanoj xan qhina bōlxuçu dījnaş!
Dala larjojla xo txan nana Deghasta!*

Apti Bisultanov

Книга издана при участии и финансовом обеспечении
Мовлади Ахматханова, сына Микаила из Зумсоя
и Хизара Махаури, сына Дауда из Бамута

Автор проекта и научный редактор
Тамара Мазаева

Иллюстрации
Саид-Хусейна Бицираева

Художник
Николай Кутовой

ISBN 5-85973-012-8

© Тамара Мазаева, 1998

Предисловие

У северо-восточных склонов Главного Кавказского хребта, в одном из живописнейших уголков земного шара проживает народ нохчи (нохчо, нохчий), более известный в мире под именем чеченцы.

Последние 300 лет чеченской истории – это непрерывная борьба за свободу против России, не прекращавшаяся и после завоевания чеченских земель в 1861 году.

Захватив чеченское государство Нохчийчоь^[1], которое русские называли Чечня, Россия сделала все, чтобы лишить этот непокорный свободолюбивый народ его собственной истории и культуры, родного языка и веры, трижды совершила акции геноцида, пытаясь физически истребить чеченцев и очистить от них эту богатую благословенную землю.

Геноцид против чеченского народа был осуществлен в XIX веке, во время Кавказской войны и после нее, при выселении в Турцию; вторая попытка уничтожения чеченцев была предпринята в 1944 году, когда весь народ был согнан с родной земли и депортирован в Среднюю Азию и Казахстан; и, наконец, последнюю, наиболее чудовищную акцию физического истребления чеченского народа Россия совершила в 1994–1996 годах, обрушив на него всю мощь своей военной машины.

В этой беспримерной по героизму и высокой трагедии борьбе за человеческое достоинство и свободу в сотни раз превосходящей по численности и силе российской армии чеченцы противопоставили силу своего духа, любовь к Отчизне и священную Веру.

В XIX веке изгнавшей Наполеона Российской империи потребовалось 50 лет кровопролитнейшей войны, чтобы завоевать этот небольшой клочок чеченской земли.

В 1919 году чеченскую свободу потопил в крови генерал Деникин, обрушив на восставший против российского владычества народ все силы и ресурсы, которыми западные державы снабдили его для борьбы с коммунистами. Россия не потеряла чеченские земли, но поплатилась высокой ценой, сохранив коммунистический режим.

Во время Второй мировой войны, когда все мужское население Чечни сражалось на фронтах против фашистов, покрывая, в частности, славой Брестскую крепость, которую защищали 434 чеченца, Сталину

удалось победить чеченских женщин, детей, стариков и очистить от них столь желанную для России землю. В феврале 1944 года на страшной зимней дороге в Среднюю Азию и Казахстан и потом от голода, холода и репрессий три четверти из них погибли. И все же чудовищная ссылка не сломила чеченцев. В 1957 году они вернулись на родину, заново отстроили ее, возродили свои традиции и жизненный уклад, а когда колониальная Россия заговорила о демократии, вновь подняли знамя Свободы.

И уже в который раз империя, чья армия держала в страхе весь мир, двинула всю свою военную мощь против столь малого по численности и оказавшегося столь большим по духу народа. Сегодня весь мир задается вопросом, в чем секрет стойкости чеченского народа, с таким достоинством противостоявшего чудовищной российской военной машине и одержавшего победу над ней. Ответ на это может быть только один – такова воля Всевышнего!

И в этой войне, как уже было не раз в их судьбе, чеченцы сумели выполнить возложенную на них Божественным провидением высокую миссию борьбы со Злом.

Свидетельство тому – вся предыдущая история народа *нохчи*, не раз противостоявшего посягавшим на его свободу агрессорам, сумевшего в необычайно трудных условиях сберечь свою землю, сохранить свой древний язык, высокую культуру и насчитывающую тысячелетия историческую память.

История народа *нохчи* с древнейших времен была изложена на страницах древних хроник – *тяптаров*. Тяптары содержали рассказ об истории отдельных *тайпов* (основной структурной единицы чеченского общества) и хранились у избранных тайпом наиболее уважаемых людей. Этим людям дано было право не только хранить тяптары, но и дописывать в них современную им историю.

Начиная со времени экспансии царской России и далее, в период советской власти тяптары хранились в глубокой тайне. Свидетельствующие об очень древней и богатой событиями истории чеченцев, они были особо ненавистны колонизаторам, пытавшимся оправдать свою имперскую политику желанием принести просвещение и цивилизацию «отсталым» народам.

На протяжении длительного времени чеченцам удавалось хранить свои священные тяптары. Трагедия разыгралась в феврале 1944 года.

Сталинское НКВД очень тщательно подготовило тотальную депортацию чеченского народа. По замыслу авторов чудовищного плана, надо было не только переселить и рассеять непокорный народ в бескрайних просторах Средней Азии и Казахстана, но и уничтожить саму память о его существовании на Кавказе.

Накануне депортации НКВД удалось вывести места хранения большинства чеченских тяттаров. Три дня и три ночи горел костер в центре Грозного, в пламени которого были уничтожены почти все чеченские тяттары, а также вся рукописная и печатная литература, посвященная истории и культуре чеченцев. Этой же казни через огонь были преданы произведения философов и ученых, писателей и поэтов Чечни.

Так наш народ лишился своей писаной истории и вынужден был воссоздавать ее заново. Наиболее отважные начали эту работу уже в период депортации, продолжавшейся 13 лет, другие подключились только после возвращения на родину. Однако вплоть до 1990-х годов советские партийные органы держали процесс изучения чеченской истории и самих историков под неусыпным контролем. В школах и вузах преподавалась история только советского периода, а все, что было до установления советской власти, преподносилось как дикое и темное прошлое.

Для многих чеченских историков и писателей путь в науку и существование в ней обернулись жизненной драмой. Среди них и автор этой книги, на полях сражений последней войны защищавший свое право на свободную Родину и свободное Слово.

И все же, несмотря на эти трудности, милосердие Божье не покинуло нас. История нашего народа сохранилась и дошла до сегодняшнего дня через наш древний язык и в произведениях устного народного творчества, ее сохранил наш эпос, народные сказания и легенды, древнейшие поэтические произведения *назмы* и *илли*, она осталась в уникальном морально-этическом кодексе чеченского народа – *Адаме* и, наконец, в памяти наших стариков и сотнях прямых и косвенных источников, которые ждут исследователей в архивах и библиотеках мира.

Сегодня нет возможности хронологически последовательного изложения истории чеченского народа. Однако события этой книги станут более понятными, если мы хотя бы кратко коснемся тех ее

наиболее достоверных фактов, которые стали известны благодаря трудам зарубежных ученых, а также истинных подвижников русской и советской науки, вопреки официальной установке не боявшихся говорить правду о завоеванных Россией народах.

Народ нохчи (в самоназвании его – имя пророка Ноя (чеч. *Нох-пайхамар*), прямыми потомками которого чеченцы себя и считают) является одним из наиболее древних народов Кавказа. Грузинская эпонимическая традиция, например, первопредком чеченцев называет Кавказоса – сына Яфета, унаследовавшего от отца местность на Северном Кавказе, от реки Терек до Черного моря. Однако многократно записанная генеалогическая легенда повествует об исходе народа нохчи из Передней Азии.

Легенда гласит, что после сорока поколений от Ноя наши предки жили в крае Шема (древняя Сирия), в царстве Пилкър, и правили в нем два брата. Завоеватель пришел в царство Пилкър из местности, где протекает река Рахь (Нил). Об этом же свидетельствует одно из первых исторических упоминаний о чеченцах, сохранившееся в египетских источниках, где говорится, что правитель Египта захватил в плен семерых князей из области Ака (Аьккхи – название одного из древнейших чеченских тайпов), находящейся в междуречье Большого и Малого Заба (река в Передней Азии). Старший брат был убит, а младший принял предложение части своих противников, недовольных своим правителем, вернуться к реке Рахь и царствовать над ними. По названию царства Пилкър младший брат, отправившийся править на реке Рахь, получил имя ПирІа (фараон).

Сыновья старшего брата, их потомки и сторонники покинули царство Пилкър в поисках места для жизни. Их путь лежал через местность Забба, откуда они переселились к Зархи, затем Басха, оттуда в Нахар (Наири, позднее Нахичеван). Дальнейший путь от Нахара через Баср, к месту современного проживания, легенда не сохранила. Известно только, что шли наши предки от Черного к Каспийскому морю, навстречу восходящему солнцу. Во время отдыха в местности Нашха (Галанчожский район современной Чечни)

на посохе, воткнутом в землю, утром появилось гнездо ласточки. Наши предки восприняли это как счастливое предзнаменование и основали там поселение.

Такова легенда. Наиболее же достоверным свидетельством переднеазиатского исхода народа нохчи является чеченский язык – *нохчийн мотт*, который исследователи относят к наиболее древним языкам мира. Анализ чеченского языка, его сенсационная близость к клинописи Передней Азии, а также ареал распространения в древности позволили установить принадлежность языка народа нохчи к древнейшей хуррито-урартской группе языков. А сведения чудом сохранившихся чеченских тяттаров, исторические хроники и другие письменные источники народов Передней Азии и Закавказья пролили свет на происхождение чеченцев, предками которых современная наука считает арийских мидийцев. В самом имени легендарного родоначальника чеченского народа Турпала Нохчо – сохранившееся до сих пор древнеарийское слово *тур* – меч, что также указывает на происхождение чеченцев из привилегированной касты жрецов и воинов-меченосцев, каковыми и были арийские мидийцы.

Научные изыскания позволили установить и отдельные места пребывания древних чеченцев на их пути на Кавказ. Начало этого пути, а скорее, один из этапов – Шема. Затем мы застаем народ нохчи на юго-западе озера Урмия в Мидии и в государстве Урарту. В Урарту чеченцы дали название верховному божеству Халди (чеч. *Хал да* – владыка мира) и столице Тушпа (чеч. *Туш пхьа* – место богини Туш). Затем нохчи ушли в Нохчуванъ, а из древнего Закавказья их путь лежал, по одной версии, на север через Кавказскую Албанию, в сторону нынешней Чечни, а по другой – предки чеченцев пошли из Нохчувана в Кагызман, оттуда в Эрзерум, а затем вдоль Черного моря навстречу солнцу к реке Басхан (р. Баксан в Кабарде), в сторону Северо-Восточного Кавказа. В «Армянской географии» VII века в числе народов, проживавших в предгорьях Кавказа упоминаются нахчматьяне. Матьянами и древние греки, и армяне называли мидийцев, нахч-матьяне – чеченцы-мидийцы.

Помимо языка, не менее важным источником для изучения истории чеченцев служат отголоски древних религий, актуальных в чеченской среде по сегодняшний день.

Одним из наиболее древних для всех народов на земле является культ солнца. Верховным божеством языческого пантеона чеченцев также был бог солнца – Дела, имя которого, утратив прежнее значение, дошло до наших дней как понятие «бог». О том, что культ солнца имел в чеченской среде большое значение, свидетельствуют и следующие факты.

На памятниках архитектуры в большом количестве сохранились солярные знаки. Солярные знаки стали органичной частью национального орнамента. Могильные склепы высоко в горах называются *маълхан кешнаш* – солнечные могилы. Одним из древнейших чеченских тайпов являются *маълхи* – люди солнца. По сегодняшний день среди самых сильных клятв в Чечне – клятва солнцем. Еще в XIX веке существовал ежегодный праздник, посвященный солнцу, подробно описанный в научной литературе. Главную роль в нем играла *Маълхан Аьзни* – Голос солнца несущая. Праздник начинался с того, что при восходе солнца Маълхан Аьзни исполняла гимн светилу. *Зикр* – священный танец по кругу, исполняемый в одной из исламских сект в Чечне, – также является отголоском древнего, посвященного солнцу обряда.

Наряду с солнцем чеченцы почитали огонь. Как и клятвы солнцем, клятва огнем и сегодня в исламской (!) чеченской среде – одна из самых распространенных.

Основные слова чеченского языка, производные от огня: *цIе* (огонь), *цIа* (дом), *цIе* (имя), *цIий* (кровь), *цIие* (красный), *цIаста* (медь, предмет особой клятвы), *цIано* (чистота), *цIив* (святилище, храм) и, наконец, *ЦIу* – бог огня. Память о святилищах и храмах бога огня *ЦIу*, когда-то в большом количестве разбросанных по Чечне, сохранилась сегодня в географических названиях и наименованиях населенных пунктов.

Любопытная деталь: мусульмане-чеченцы по сегодняшний день при разводе супругов произносят уходящие в глубокую древность слова: «Даю тебе свободу. Делая тебя себе запретной, девять раз сжигаю в огне наш союз».

Очень сильны в чеченской среде античные мотивы. У чеченцев существует свой, более архаичный, нежели греческий, вариант легенды о Прометее (чеч. *Пхьармат*).

В языческом пантеоне чеченцев бог грома и молнии – *Сиела*. Целый ряд имен греческой мифологии – распространенные женские имена у чеченцев: *Сибилла* (Сивилла), *Меда* (Медея), *Дика* (Дике), *Паллад* (Паллада) и другие.

Греческий миф об амазонках существует в Чечне в виде жизненных реалий. Так, особо почиталась и пользовалась уважением в Чечне девочка, рожденная в семье первой. Ей приписывалась сакральная сила, способная приносить благополучие, излечивать болезни и т. д. Помимо общепринятых *йоИри* и *зудабераш*, эти девушки имели особое название *мехкарий* (мехк айри, т.е. земли стражи, защитницы). Внешне мехкарий отличались тем, что сбрасывали сзади волосы (*кIес хадор*) и могли носить мужской головной убор и одежду. На грудь надевалась стягивающая и позволяющая носить оружие повязка *силг*. Этот воинственный костюм лег в основу национальной одежды чеченок, единственным украшением которой являются «женские газыри» и пояс. Чтобы иметь право на создание семьи, мехкарий должны были совершить три мужественных поступка или одолеть трех врагов.

Особое отношение к девочкам-первенцам чеченцы сохранили по сегодняшний день; а наши бабушки, состригая волосы на затылке, вспоминают рассказы своих матерей о том, что, поднимая волосы под шлем, многие чеченки участвовали в сражениях.

Отражение греческого мифа об Ариадне и Тесее находим в традиционном чеченском танце *халхар*. Танец начинается с того, что юноша и девушка одновременно с противоположных концов праздничного круга начинают движение по часовой стрелке и, постепенно сужая его, закручивают спираль. Затем они раскручивают эту спираль, но при движении обратно юноша становится за спиной девушки и пассивно следует за ней. И только после этой картины, которая происходит в медленном темпе, следует *халхар*, где уже девушку ведет партнер.

Чеченские национальные танцы, равно как и национальные костюмы, – очень красивое зрелище. Аристократизм и горделивая пластика движений в танце, изысканность линий и гармония цвета в костюмах имеют давние традиции и еще раз напоминают о происхождении чеченцев от элитной касты ариев Мидии.

В целом древняя история и культура чеченцев предстает сегодня скорее как необычайно увлекательная и перспективная тема мировой истории, требующая дальнейших научных исследований.

Малоизвестен и практически не изучен раннесредневековый период в истории народа нохчи.

В IV веке на Кавказ интенсивно проникает христианство. В 303 году как государственную религию принимает христианство Армения, немного позже – Грузия и Кавказская Албания. Гипотеза о возможном пребывании народа нохчи на территории Кавказской Албании требует дополнительных исследований, однако и сегодня часть ее бывшей территории носит название Дагестан, близость которого к чеченскому слову *ДегIаста* (*да* – отец, *гIаста* – исток, Отчизна) гораздо более очевидна, нежели приписываемое ему тюркское происхождение и перевод как «страна гор». На Кавказе, где весь регион является «страной гор», такое наименование одного из его участков представляется маловероятным. Возможно, как память о пребывании в христианской Албании остался у чеченцев и миф о том, что когда-то они были *керстанами* (христианами).

И все же христианство нохчи не приняли, и скорее всего по этой причине покинули Кавказскую Албанию, уйдя на север, где словом *керст* стали называть людей без веры вообще. Такое противодействие христианству мог оказать лишь народ, уже имевший не менее цельную систему религиозно-нравственных представлений. А то, что подобная система была, подтверждает очень древний пантеон богов народа нохчи. Имена этих богов и их функции по сегодняшний день сохранились в памяти чеченцев, а также в названиях храмов, святылец и священных мест. Это бог солнца Дела, бог грома и молнии Сиела, бог огня ЦIу, богиня урожая и плодородия Тушоли, бог мести Пхьа, бог охоты Элта, бог семейного очага Ерда, богиня правды Дика, богиня мира Кхокха и др.

Дальнейшая история чеченцев более известна по тому сопротивлению, которое наш народ оказывал наиболее сильным и влиятельным в свое время мировым империям.

В VII веке на Кавказе появились арабы. Они взяли построенную еще персами в IV веке крепость Дербент и распространили на завоеванной территории ислам. Подлежал исламизации и народ нохчи. Однако позиции собственной религии в чеченской среде и в этом

случае оказались намного сильнее. Правда, на сей раз защищать их пришлось с оружием в руках. В ожесточенном бою разбив многотысячное арабское войско, чеченцы не приняли насильственно навязываемый им ислам, что не помешало им через десять веков принять его по доброй воле.

Возможно, уже тогда чеченцы имели свое государство, которое начиная с X века под названием *Дзурдзукетия* упоминается в грузинских письменных источниках. Из этих источников известно, что цари Грузии неоднократно обращались к чеченцам – *дзурдзукам* за помощью в решении своих внутривластных проблем. Обращался к дзурдзукам царь Давид, когда боролся за создание единой Грузии. Обращалась к дзурдзукам и царица Тамар за помощью «в подавлении Дербентского восстания». Царица Тамар посылала в Дзурдзукетию и миссионеров, пытаясь распространить там христианство. Но и эта попытка навязать чеченцам новую религию окончилась неудачей.

XIII – XV века – одна из блестящих страниц в истории народа *нохчи*. Два великих полководца средневековья Чингис-хан и Тамерлан, создавшие мировые империи, не смогли покорить этот народ. Более того, в знак своего восхищения мужеством чеченцев в борьбе за свободу великий, не знавший поражения Тамерлан предложил им мир и в знак дружбы одарил дорогими подарками, среди которых была великолепная, украшенная драгоценными камнями сабля. Эту саблю чеченцы хранили вплоть до депортации 1944 году (сейчас ее местонахождение неизвестно). От того времени дошла до нас любопытная легенда.

*После ожесточенной битвы с чеченцами полководцы Тамерлана дорожили ему, что покорили народ *нохчи*. Тогда Тамерлан задал удививший всех вопрос: «А забрали ли вы у них *пондуры*?» - назвав этим тюркским словом чеченские музыкальные инструменты. Получив отрицательный ответ, Тамерлан сказал: «Если вы не отняли у *нохчи* их *пондуры*, то вы лишь разбили их войско, но не покорили этот народ. Их следует сделать нашими союзниками. Пригласите их ко мне. Я желаю в знак уважения к их стойкости и в назидание потомкам подарить им саблю (*гIама*), которую не даровал никому». Посланцы не нашли воинов, не нашли юношей и девушек, так как все погибли. Они привели сказителя*

Илланча, которому было запрещено участвовать в сражении, а следовало наблюдать за его ходом со стороны, чтобы донести виденное до будущих поколений. Саблю принял от Тамерлана сказитель Илланча, а Тамерлан освободил всех пленных и отступил от земли народа нохчи. Илланча передал саблю девяти беременным женщинам, которые в свою очередь передали ее девяти малолетним мальчикам.

Очень важной вехой в чеченской истории является конец XV – начало XVI века. В этот период чеченское общество и чеченская государственность уже имеют тот облик, который сохранился вплоть до XIX века, когда после длительной и кровопролитной Кавказской войны России удалось завоевать чеченские земли.

Процесс становления чеченского общества и чеченского государства изучен мало, и трудно сказать, сколь длительным он был, какие имел этапы и когда завершился. Достоверно лишь то, что к концу XV века мы застаем на Северо-Восточном Кавказе консолидировавшийся в нацию *къам*, чеченский народ, который имеет свое государство Нохчийчоь со строго очерченными границами, ясно читаемым административным делением, четко налаженной структурой управления, единым для страны правовым институтом и системой обороны.

Проживающая на одной территории, говорящая на одном языке, объединенная единой религией и единой культурой чеченская нация создала очень стройную и целесообразную систему организации общества и государства, которая являет собой пример того, насколько уникальными и своеобразными могут быть эти институты, сформировавшись в конкретной этнической среде.

Главная особенность чеченского государства состояла в том, что все его граждане были свободными. В Нохчийчоь не существовало классовых институтов, а попытка закабалить соотечественника расценивалась как посягательство на его честь и достоинство, что жестоко каралось по законам страны. Единственный народ на Кавказе, сознательно упразднивший в своей среде социальное неравенство и признавший за каждым человеком, независимо от пола и возраста, право на личную свободу, чеченцы возможности лишиться этой свободы предпочитали смерть. Мы все *оьзда нах, уздени* (букв.

«достойные») – говорят чеченцы. Возведенная в абсолют личная свобода человека, его честь и достоинство были гарантированы самим устройством чеченского общества, его правовыми нормами и моралью.

В государстве отсутствовали аппарат насилия и бюрократия, чеченцы не платили налогов и не содержали регулярное войско. Их обязанности по отношению к государству состояли в том, чтобы с детства обучаться воинскому искусству и в случае опасности, грозящей стране, являться для ее защиты со своим конем и военным снаряжением, а также в течении всей своей жизни строго соблюдать законы и нормы обязательного для всех правового и морально-этического кодекса чеченского народа – Адата. Адат имеет очень древние корни, но окончательно сформировался в период средневековья, что и определило его рыцарский характер.

Основной социальной единицей чеченского общества был тайп (более древнее название *ваър*) – кровнородственное, по отцовской линии, объединение семей. Тайпы насчитывали от 30 до 40 поколений. Они имели своего, порой полумифического, предка, имя которого чаще всего и носили (*гендаргеной*, *цІонторой*, *хІимой* и др.), а также собственную территорию, кладбище, боевые башни, храмы и святилища. Веками апробированной и четкой была внутренняя структура тайпа. Отдельные семьи *доъзал* объединялись в *цІа* (дом) и назывались «люди одного дома»; *цІа* объединялись в более крупные союзы – *некъи*, т.е. «люди одной дороги», далее следовали *гары*, т.е. «люди одной ветви», и венчал эту пирамиду тайп. ЦІа, *некъи* и *гар*, как объединения с уже просматривавшимся во времени прошлым, носили названия по имени своих реальных предков.

Ответственным перед обществом за *доъзал* был создавший семью *да* (отец). Во главе *цІа*, *некъи* и *гар* стоял избранный членами каждого из них *верас* (доверенный), а тайп возглавлял также избираемый, коллегиальный совет – *тейпан кхел*. Тейпан кхел выбирал из своих членов *хьалханча* (предводителя) и *бьячча* (военачальника).

Дальнейшее объединение страны шло по территориальному признаку. Тайпы образовывали более крупные союзы – *тукхумы* (*нашхой*, *маьлхистой*, *шотой* и др.). Тукхумы возглавлял совет *хьалханчи* входивших в него тайпов. В Нохчийчоь в разное время было до 160 тайпов и около 11 тукхумов.

Тайпы и тукхумы делигировали своих представителей в высший совет и суд страны – *Мехкан кхел*, заседавший на священной горе Кхеташон Корта вблизи селения Цонторой.

Избрание человека на ту или иную должность не ограничивалось каким-либо возрастным или имущественным цензом, являясь признанием его большого авторитета и свидетельством доверия к нему людей. Ни одна из должностей в системе управления чеченского общества не оплачивалась, не давала никаких преимуществ, но считалась чрезвычайно почетной как для самого избранного, так и для его близких. Главной же заботой избранных чеченцами руководителей являлся контроль за соблюдением норм и законов Адата и дальнейшее их совершенствование, право на которое имел лишь *Мехкан кхел*.

Чеченское общество было исключительно открытым внутри себя. Жизнь каждого чеченца протекала на виду у его сородичей и сограждан. Его достижения и победы, так же как его неудачи и позор, разделяли с ним все его близкие и в конечном счете весь тайп. И потому для исполнения законов Адата не требовалось принуждение. Нарушение их грозило человеку, его близким и всему тайпу утратой чести и, как следствие, всеобщим презрением, отвержением и позором. Не случайно очень популярно в Чечне изречение: «Чеченцем быть трудно!».

Насколько сильной в глазах чеченцев была связь человека с «его людьми», т.е. тайпом, демонстрирует любопытный факт недавней истории. После начала Второй мировой войны в Чечне собрался *Мехкан кхел* (традиционные институты чеченского общества продолжали существовать и действовать наряду с российской администрацией вплоть до последнего времени). Основным на нем был вопрос о том, как быть с идущим войной «германом». *Мехкан кхел* принял следующее решение: он еще раз напомнил чеченцам, что земля Чечни – это еще и усыпальница, где захоронены предки, а потому ее никому нельзя отдать, дабы не осквернить их могилы (по этой причине чеченцы никогда не посягали на чужую землю, т.е. не оскверняли чужие могилы). «Герману» же, если он посягнет на чеченскую землю, был обещан достойный отпор, хотя, как добавили старики, было бы лучше, если бы этого потерявшего разум «германа» остановили «его люди», т.е. сами немцы.

Таким образом, страх позора, навлекаемого не только на себя, но и на всех близких и весь тайп, а также осознание неминуемой расплаты за содеянное зло удерживали человека от антиобщественных, аморальных действий. Адат же не оставлял места для сомнений в оценке любого, даже самого незначительного на первый взгляд поступка.

Идущего в гору первым обязан приветствовать спускающийся с горы: едущий верхом обязан первым приветствовать пешего; не давший убежище беглецу и коварством одержавший победу обречены на изгнание; посягнувшего на честь женщины или совершившего убийство ждет неминуемая смерть, при этом за убитую женщину поплатятся двое мужчин из тайпа убийцы; ложно присягнувшему или срубившему плодовое грушевое дерево кIарлаг (гору проклятия из камней) или же проклянут через фуй кхайкхадар (выстрел проклятия) и т. д. и т. п., – все в земной жизни человека имеет свои нормы и нравственные оценки по Ададу.

В XVIII веке чеченцы добровольно приняли ислам. Высокий демократизм и гуманность этой религии оказались им настолько близки и понятны, что ислам не только не изменил чеченского общества, но, напротив, органично вписавшись в существовавшие в нем институты, еще более консолидировал чеченский народ.

Таковыми были чеченское государство и чеченское общество, когда в XVIII веке в очередной раз очередная империя, теперь уже Российская, задалась целью покорить этот народ и завоевать его земли.

К началу XVIII века Российская империя значительно расширила свои границы за счет захвата чужих земель и, как агрессивная колониальная держава, претендовала на свою долю в разделе мира. На юге интересы России, стремившейся не только укрепить свои границы, но и выйти к берегам Каспийского и Черного морей, сталкивались с интересами Османской Турции и Персии. Ожесточенный конфликт разгорелся вокруг обладания землями закавказских народов: армян, грузин, азербайджанцев. Между Закавказьем и Россией лежали земли народов Северного Кавказа, часть из которых – Чечня и Дагестан – даже формально не входили в состав империи. Эти свободные от

российского владычества земли находились в стороне от соединявшей Россию с Закавказьем Военно-Грузинской дороги, и потому, после нескольких неудачных попыток покорить Чечню и Дагестан, встретив мощное сопротивление горцев под руководством чеченца Шейха Мансура, Россия сосредоточила все усилия на решении более важной для империи геополитической задачи – присоединении Грузии, Армении и Азербайджана.

К концу XVIII – началу XIX века усилия России увенчались успехом, и практически все Закавказье вошло в состав империи. Теперь уже на ее внутренней территории оказался целый регион независимых земель, покорение которых и должно было завершить присоединение к России всего Кавказа. На российских картах начала XIX века эти земли именуются как «ничейные».

Вторжение французов и Отечественная война 1812 года вновь отодвинули завоевание «ничейных» земель. И только после изгнания Наполеона перед русской армией была поставлена задача окончательного покорения Северного Кавказа. На фоне блестящих успехов российской армии в Отечественной войне 1812 года эта задача представлялась несложной и быстроразрешимой.

Однако у «ничейной» земли оказались хозяева!

Началась Кавказская война, в которой одна из ведущих мировых держав того времени 50 лет не могла сломить сопротивление народа, проживавшего в пределах ее границ, не имевшего ни регулярной армии, ни соответствующего времени вооружения. Основным местом военных действий была Чечня. Именно чеченцы составляли ядро сопротивления русской армии, которая оказалась бессильной против этого небольшого народа.

В чем же причина столь длительного и ожесточенного сопротивления, которое встретила Россия в Чечне?

Сравнительно легко покорив большинство кавказских народов, Россия столкнулась в Чечне с принципиально иной ситуацией. Характер чеченского общества, отсутствие в нем самой психологии рабства, а также социальной опоры колонизаторов – князей и феодалов явились особенно мощным препятствием в деле завоевания Чечни. Это была не просто война, а столкновение двух народов с диаметрально противоположным отношением к миру и человеку.

Исповедующие абсолютную свободу человека чеченцы противостояли феодально-крепостнической России, низведшей положение своих граждан до состояния рабов. Россия стремилась не только завоевать эти земли – для покоренных ею народов она несла крепостническое рабство, и чеченцы не колеблясь предпочитали ему смерть. Здесь столкнулись два мира, которые ни при каких условиях не могли принять друг друга, не имели точек соприкосновения, а значит, и возможности для компромисса.

Противостоянием свободы и несвободы объясняется феномен Кавказской войны.

Проявившие чудеса героизма в защите родины от французов, российские солдаты уже сами пришли на Кавказ в роли завоевателей. А здесь им противостоял народ, не просто защищавший свою землю, но в первую очередь отстаивавший свое человеческое достоинство, свое право на свободу. Против этой силы оказалась беспомощной опытная, хорошо вооруженная победоносная русская армия. Полвека войны и многочисленные жертвы понадобились ей, чтобы практически истребить чеченский народ, и только такой ценой досталась победа.

О том, как жила и боролась Чечня в период Кавказской войны, рассказывают страницы этой книги.

Тамара Мазаева

Грозный 1997

В работе над предисловием были использованы материалы и исследования И. Алироева, Г. Вертепова, А. Газов-Гинзберга, О. Герни, А. Гиейе, Б. Далгата, Ю. Дешериева, А. Диррь, И. Джавахишвили, Р. Джамуханова, И. Дьяконова, У. Лаудаева, Дж. Маккуина, Е. Максимова, М. Мамакаева, Н. Марра, И. Мещанинова, В. Миллера, М. Никольского, Х. Ошаева, К. Патканова, Б. Пиотровского, Л. Семенова, А. Сулейманова, К. Тревера, К. Туманова, П. Услара, С.-М. Хасиева, А. Чикобавы, К. Чокаева, Е. Шиллинга, А. Шиффнера, С. Эльмурзаева, Н. Эминь, М. Nyvemat, F. Lenomant, J. Oppert и др.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Шейх Мансур^[2]

С начала XIX века его имя окутано туманом загадочности и неизвестности, его считали то турком, то татаринном, то итальянцем, имамы Чечни и Дагестана с благоговением произносили его имя и называли своим учителем, о нем с восхищением отзывались известный французский философ Дени Дидро, поэт А. С. Пушкин и писатель Л. Н. Толстой.

Чеченцы и дагестанцы связывали с его именем многие замечательные легенды и предания и глубоко верили во второе пришествие шейха Майсура, который вернется для освобождения угнетенных и обездоленных.

В течение XVIII века царская Россия неоднократно делала попытки завоевания Кавказа посредством военных походов в земли населявших его народов, и в частности в Чечню. Однако многие крупные походы царских войск в глубь Чечни заканчивались полным провалом.

В 1707 году наступавшие войска астраханского воеводы Апраксина потерпели поражение у селения Чечен. В 1708 году против российских войск в крае начались военные действия чеченцев, ногайцев, кумыков и беглых казаков с Кубани во главе с башкиром Муратом Кучюковым. Ближний министр, казанский и астраханский губернатор Петр Апраксин, почувствовав мощь сопротивления в Чечне и потеряв желание вновь завоевывать эту землю, заключает 30 сентября 1708 года с калмыкским ханом Аюкой союзный договор, в одном из пунктов которого было требование о преследовании калмыкскими воинами чеченцев. В 1711 году царское командование стесняет Чечню устройством на левой стороне реки Терек казачьих станиц и военных поселений, создав плацдарм для дальнейшего продвижения в Чечню и отрезав чеченцев от традиционных мест выпаса их скота в степях за Терекком. Создание цепи укрепленных поселений на Тереке преследовало и другую цель: грозный урок поддержки горцами восставших казаков-булавицев и башкир не прошел для самодержавия даром — царизм надолго расчленил народы юга России и Северо-Восточного Кавказа.

Новый поход царских войск на Чечню в 1718 году, когда соединенные силы донских казаков и некоторых кабардинских князей под командованием атамана Краснощекова сожгли и разграбили «чеченский уезд», но и сами понесли «немалый урон», приводит к

объединению Чечни и Кумыкии в войне против царских укреплений на Тереке. Военные действия не прекращались вплоть до Закаспийского, или так называемого «Персидского», похода Петра I. В ходе подготовки к нему астраханский губернатор А. П. Волинский начал переговоры о дружбе с предводителями горцев.

«Персидский» поход 1722 года, когда во главе 160-тысячных войск стоял сам царь Петр I, явился новой крупной попыткой завоевания Чечни и Дагестана. Петр был дружественно встречен Тарковским шамхалом Адиль-Гиреем и рядом других горских правителей. Однако чеченцы, часть кумыков и дагестанских владетелей встретили армию Петра Великого неприветливо. Объединенные за год до этого силы эндериевских князей и чеченцев нанесли большой урон крепости Терки. В конце июля 1722 года Петр послал 6000 солдат и 400 казаков в поход на аул Эндери. На подходах к аулу отряд был жестоко атакован чеченцами и кумыками, и все же подполковник Наумов со своим корпусом сумел, несмотря на большие потери, прорваться к Эндери и 26 июля сжег аул.

2 августа 1722 года к корпусу Наумова присоединились основные силы бригадира Ветерани и генерал-майора Кропотова, насчитывавшие 10 тысяч донских казаков и 5 тысяч калмыков, подошедших к войску Петра сухим путем, вдоль Качкалыковского хребта. Состоялось еще несколько жестоких сражений горцев с царскими войсками, понесшими большой урон на реке Аксае от казикумухского уцмья (князя). Дальнейшее продвижение в ущелье кончилось разгромом царских войск: чеченцы сбросили рейтеров Петра с обрывистых круч реки Акташ. Разъяренный неудачей, Петр двинул 10 тысяч калмыков в горы Ауха и Ичкерии для наказания чеченцев. Калмыки razорили ряд селений Чечни, однако, понеся большие потери от отчаянно сопротивлявшихся ауховских и ичкерийских чеченцев, так ничего и не добившись, кроме присяги эндериевских князей, ушли обратно.

Как память об этом походе остались слова восхищения, сказанные Петром I в адрес горцев: «Если бы этот народ имел понятие о военном искусстве, то ни один другой народ не был бы в состоянии взяться за оружие против него».

Не имея успеха в завоевании Чечни, царское командование пыталось привлечь чеченцев на свою службу чинами и наградами, поддержкой силой и правом торговли с российской стороной, а также

через посредство послушных ему влиятельных фамилий. Однако деятельность лояльных царской администрации сограждан встречала яростное негодование в Чечне. Летом 1732 года у селения Чечен горцами был разгромлен карательный царский отряд под командованием полковника Коха и убит его проводник кумыкский князь Хамзатхан. Крупное вооруженное выступление чеченских крестьян против царских приспешников состоялось в 1757—1758 годах. Военные действия жителей селений Атаги и Чечен против российских войск, поддержавших в этом противостоянии своих ставленников, дореволюционные историки считали началом столетней войны Чечни с царизмом за независимость.

После крестьянского восстания под руководством Е. Пугачева в 1773—1775 годах самодержавно-крепостническое правительство России искало пути к разрядке напряженности внутренней социальной атмосферы за счет усиления колонизации плодородных земель юга, в том числе и Северного Кавказа. Россия, одержав победу над Турцией в 1768—1774 годах и завоевав Крым, создает в 1777—1780 годах укрепленную линию от Моздока до Азова и одновременно налаживает политические и экономические связи с местными социальными верхами.

5 мая 1785 года указом Екатерины II было образовано Кавказское наместничество, или Кавказская губерния, с двумя областями: Кавказской и Астраханской. Наместником был назначен князь Григорий Потемкин Таврический. Центром Кавказской области и всего наместничества стал Екатериноград. Южной границей Российской империи стала Кавказская укрепленная линия.

Чтобы очистить от чеченцев, наиболее опасных для завоевателей, равнинные земли по Сунже, Аргуну и их притокам, еще в 1778 году было решено создать в этом районе сеть военных укреплений с основной базовой крепостью на реке Аргун, «неподалеку от подошвы Черных гор», с громким названием Генеополь.

С 80-х годов XVIII века начинается активная военная колонизация царизмом горских земель южнее реки Терек. В 1783 году были построены укрепления Потемкинское, Григориополисское, Елизаветинское, Камбилеевское, Константиновское.

Весной 1784 года была заложена крепость Владикавказ, завершившая цепь укреплений по дороге в Грузию. Колонизация земель

затронула интересы широких слоев горского общества. С 1783 года по всему Северному Кавказу прокатилась волна выступлений против царизма и стоявших на службе у государства горских феодалов.

В 1783—1784 годах плоскостная Чечня вела ожесточенные бои против царских войск, совершавших военные экспедиции в глубь страны. В этом антиколониальном движении активное участие принимали жители чеченского аула Алды, в котором родился и вырос великий сын чеченского народа Ушурма (шейх Мансур).

Ушурма родился в 1760 году в ауле Алды в семье бедного чеченского крестьянина Шаабазы из тайпа элистанжи. Он был четвертым сыном. В юности пас скот, затем занимался хлебопашеством. В 22 года женился на дочери Этти Батырмурзина Чече, от которой имел мальчика и двух девочек.

Жаждавшая познаний натура молодого Ушурмы, активный поиск гуманистических идеалов приводят алдынца к осознанию несправедливости устройства мира и несовершенству человеческих взаимоотношений. Ушурма покидает Алды и становится отшельником.

С 1785 года Ушурма начинает активную религиозно-политическую деятельность. Этому человеку были присущи многие качества подлинного народного вождя. С юношеских лет он завоевал авторитет и уважение народа высоконравственным образом жизни, гибким и проницательным умом, твердым характером, сильной волей. Ушурма был тонким психологом и, несмотря на неграмотность, стал прекрасным оратором.

Он выступает с проповедями среди народа, выдвигая идеи равенства и социальной справедливости. Провозглашая равенство всех перед Аллахом, Ушурма призывает устранить всякие сословные деления среди горцев Кавказа и объявить их незаконными.

Он выступает против воровства, кровной мести, пьянства и курения, а в аулах его помощники собирают подать на содержание бедных людей, вдов и сирот. Своими проповедями Ушурма завоевывает доверие широких слоев народа и поддержку влиятельных мулл и богословов Чечни, которые объявляют его шейхом, дав имя Мансур (по-арабски «победитель»). Намного позже, на допросе в 1791 году, шейх Мансур заявит: «Я не был ни эмиром, ни пророком, никогда себя таковым не называл. Но не мог воспрепятствовать, чтобы народ меня

таковым не признавал, потому что образ моих мыслей и образ бытия моего казались ему чудом».

Очень скоро Мансур приобретает многочисленных приверженцев в аулах Чечни, Кумыкии, Дагестана, Северного Азербайджана. Сторонники у него появляются и среди кабардинцев, ингушей, осетин-тагаурцев, ногойцев, закубанских черкесов.

Шейх Мансур задался трудной, но благородной целью: на принципах демократического ислама объединить все горские народы Кавказа в единое государство, в «царство пророка». Боязнь объединения кавказских народов была главной причиной обеспокоенности царского командования. В деревню Алды в Чечне, в села Аксаевское и Андреевское в Кумыкии были разосланы прокламации с угрозами и требованием не верить проповедям «лжепророка». Но когда это не возымело успеха, генералом П. С. Потемкиным была послана в Чечню военная экспедиция для разгрома чеченских селений по реке Сунже, вокруг аула Алды, и захвата шейха Мансура.

Отряд полковника Де Пиери в составе Астраханского пехотного полка, батальона Кабардинского егерского полка, двух гренадерских рот Томского пехотного полка и сотни казаков Терского войска двинулся в стан шейха Мансура — равнинный аул Алды. Оставив часть команды с полковником В. В. Тамара у реки Сунжи, 5 июля 1785 года двухтысячный отряд полковника Пиери проследовал к лежащему в нескольких верстах от переправы аулу. Предупрежденные об опасности алдынцы успели покинуть селение, скрывшись в близлежащем лесу.

Шейх Мансур, не желавший войны с Россией, послал парламентаров к царскому отряду, но мирная делегация была расстреляна залпом в упор.

Отряд Пиери ворвался в опустевшее селение, состоявшее из 400 домов, разграбил и сжег его. Обнаруженные в ауле несколько человек, в том числе беззащитный старик и мальчик, были убиты. Чеченцы, на глазах у которых сжигали их дома и убивали родных, рвались в бой, но шейх Мансур медлил. Войско Пиери двинулось обратно через лес. Шейху Мансуру сообщили о гибели его старшего брата. Чаша терпения была переполнена. Мира уже быть не могло. И Мансур вытащил из ножен клинок.

В лесу отряд Пиери попал в окружение. Со всех сторон зазвучали выстрелы, царские солдаты и офицеры падали убитыми и ранеными. Отряд Пиери нес большие потери. В этот момент посланная сверху, из густой листвы, меткая пуля смертельно ранила самого полковника. Оставшихся без командира людей охватила паника. Чеченцы, вытащив шашки и кинжалы, с криком бросились в рукопашную. Раненный в ногу, майор Комарский продолжал вместе с горсткой солдат обороняться штыками от нападавших алдынцев, но вскоре, получив еще одно ранение, скончался.

«Тут видно, — доносил в своем рапорте на имя князя Г. А. Потемкина генерал-поручик П. С. Потемкин, — что наши егеря совершенно побежали».

Уже со всем отрядом Пиери было покончено. Только одна группа солдат продолжала мужественно отбиваться. Руководил ею двадцатилетний унтер-офицер адъютант полковника Де Пиери. Под ударами чеченских клинков легла вся группа. Но получивший несколько ранений молодой офицер продолжал биться один. Наконец, обессиленный от потери крови, упал и он. Чеченцы узнали его. Ушурме передали, что этот офицер — сын грузинского князя Баграта из Кизляра. Шейх Мансур видел, как храбро сражался грузин. Он приказал перевязать офицеру раны, положить его на носилки, переправить через Сунжу и отдать русским.

Отряд Де Пиери был уничтожен. Сто шестьдесят два солдата и две пушки были захвачены алдынцами.

...В сумерках факельная процессия горцев вышла к переправе. Шедший впереди с белым флагом седобородый старик и его товарищи перенесли покрытого буркой раненого и положили его у ног русских офицеров. Раненого сразу же узнали. Офицеры хотели вознаградить алдынцев. Но чеченцы сказали: «Мы храбрых людей не продаем и не покупаем».

Этим раненым унтер-офицером был князь Петр Иванович Багратион — будущий герой Отечественной войны 1812 года, немеркнущая слава России.^[3]

Значение первого успеха чеченцев было велико — резонанс в других областях Кавказа не заставил себя ждать. Эта победа сыграла важную роль и в подъеме личного авторитета Ушурмы. Вскоре при большом стечении народа и посланцев со всего Северного Кавказа он

единодушно был провозглашен имамом Кавказа. Движение горцев стало охватывать всю территорию Кавказа от Терека до Кубани. К концу 1785 года силы горцев составляли до 10 тысяч бойцов, главным образом чеченцев, кумыков и дагестанцев.

Одновременно с национально-освободительным движением усилилась и борьба крестьян против своих угнетателей — феодальных владельцев. Владетели деревни Андреевской сообщали своим покровителям — царскому командованию, что «народ из повиновения вышел: есть у них намерение, чтобы нас из деревни выгнать». Под влиянием идей имама Мансура о равенстве крестьяне убегали в лагерь Ушурмы или изгоняли своих князей. Именно простые крестьяне составляли основные силы воюющих за свободу и справедливость горцев.

Под натиском народного сопротивления царское командование в панике оставляло мелкие посты и укрепления, стягивая войска в более сильные крепости. 15 июля 1785 года Майсур с 5-тысячным отрядом восставших попытался штурмом овладеть стратегически важной крепостью — оплотом царской администрации на Тереке Кизляром. Хотя овладеть Кизляром не удалось, все же горцы захватили находящийся в 5 верстах от Кизляра Каргинский редут. В этом сражении в отряде имама были не только чеченцы, кумыки, дагестанцы, беглые казаки и русские солдаты, но также отряды из южнодагестанских ханств.

Авторитет имама все больше возрастал. 29 июля, не давая опомниться царскому командованию, Мансур с отрядом чеченцев, кумыков и присоединившимися отрядами князя Малой Кабарды^[4] Дола и узденя^[5] Берда Хапцуга двинулся на Григориополис. Два дня горцы осаждали крепость, нанесли ей большой ущерб, и хотя крепость не была взята, задачу привлечения кабардинцев на сторону армии борцов за независимость они выполнили.

Восстание в Кабарде не оставило безучастными закубанских черкесов и ногойцев. В августе 1785 года закубанцы готовятся к соединению с имамом Мансуром для совместных военных действий против царских войск. 20—21 августа отряды Мансура вторично напали на крепость Кизляр. Осажденные царские солдаты и казаки уже мало надеялись на спасение, и многие подумывали о том, чтобы бежать в затеречные станицы, когда гарнизон крепости узнал об идущем на

помощь большому военному отряду. Горцы, не вступая в бой, развернулись и ушли в Чечню.

Волнения все больше охватывали горцев. Многочисленные толпы людей стекались к шейху Мансуру в его ставку в аул Алды. Царское командование срочно стянуло на Кавказ войска и сосредоточило их в главных опорных пунктах, образовав три самостоятельных отряда: первый — против чеченцев, кумыков и дагестанцев, второй — против Большой и Малой Кабарды и третий — против закубанских народов. Однако, не отваживаясь предпринять решительных действий, царское командование ограничивалось рассылкой прокламаций, стараясь внести раздор в среду горцев.

22 октября 1785 года Мансур с отрядом горских бойцов двинулся вверх по Тереку, чтобы соединиться с кабардинцами и действовать совместно. В Малой Кабарде происходят крупные ожесточенные столкновения, но военное превосходство царских войск в организации, тактике, опыт широкомасштабных военных действий и наличие более совершенного вооружения и артиллерии оказали влияние на ход сражений. Кавказцы противопоставили царским войскам мужество и героизм, с одними кинжалами кидались на царские пушки. В сражении с корпусом полковника Нагеля воины Мансура применили «новое слово» в военном искусстве — передвижные щиты на колесах, с землей между деревянными перегородками — для защиты пехоты от вражеской артиллерии. Несмотря на военное превосходство царских отрядов, царскому командованию не удалось добиться победы над горцами — после ожесточенного сражения обе стороны ушли на прежние позиции.

Вскоре имам возвратился в Алды, где был принят уже без большого энтузиазма: наступали холода, сказывалась усталость от войны. В ноябре—декабре 1785 года старшины равнинных селений Чечни, Кумыкии и Дагестана, опасавшиеся карательных мер царской администрации на Тереке, приняли решение прекратить военные действия и заменить *аманатов* (заложников).

Уборка урожая и подготовка к зиме заставляют на время отвлечься от военных дел. Все меньше собирается людей вокруг имама, все больше упреков слышит в свой адрес Мансур от богатейшей прослойки чеченского общества, сбывавшей раньше товар за кордонную линию на Тереке и имевшей огромные доходы. Они уже добились для себя

определенных привилегий от царской администрации и не хотели воевать дальше. Несмотря на это, Мансур и его соратники рассылали во все горские селения прокламации и письма, в которых призывали горцев не давать царскому командованию аманатов, не присягать захватчикам и не бояться угроз.

Весть о появлении посланца Аллаха, справедливом и чудесном шейхе Мансуре, разносилась по всем уголкам Кавказа и далеко за его пределами. Повсеместно люди стали требовать равноправия и справедливости. 28 ноября 1785 года в турецкой крепости Согуджак вспыхнуло восстание офицеров и примкнувших к ним ногайцев и адыгейцев под руководством интенданта Хасан-Али. Восставшие готовились присоединиться к имаму Мансуру. Султанские власти были настолько напуганы восстанием, что для его усмирения попросили помощи российского командования. Совместно с царскими войсками турки сумели подавить это восстание.

Сподвижники Ушурмы неоднократно советовали имаму установить в горских землях жесткое государственное управление. Однако Ушурма, чуждый жажды власти и деспотизма, отвергавший идею насилия человека над человеком, ратовавший за социальную справедливость, не принимал меры к упрочению своей власти. И все же для более эффективной войны с захватчиками нужны были организационные изменения.

Имам проводит реорганизацию войска. Собираемая подать для неимущих людей и сирот отдавалась теперь мобилизованным в его отряды горцам. Формировалась регулярная армия, от каждой аульской мечети должно было выставляться по два воина, постоянно находившихся в войске имама. Войска делились на десятки. Во главе каждого десятка стоял *тамада* (предводитель). Были назначены также командиры и более крупных подразделений. Мансур запретил каким бы то ни было отрядам идти к российской стороне без его ведома и приказал наказывать за воровство и грабеж, даже если эти деяния совершались на российской стороне.

Беднейшая и обездоленная часть горского крестьянства продолжает спланиваться вокруг имама. В лагерь Ушурмы непрерывно бегут подвластные крестьяне кумыкских и дагестанских владетелей. Зависимые крестьяне в деревнях по приезде туда Ушурмы открыто восстают против своих владельцев. О популярности шейха Мансура в

горской среде говорил русский писатель Л. Н. Толстой в своей повести «Хаджи-Мурат»: «Это был настоящий святой. Когда он был имамом, весь народ был другой. Он ездил по аулам, и народ выходил к нему, целовал полы его черкески, каялся в грехах и клялся не делать ничего дурного. Старики говорили: тогда все люди жили, как святые — не курили, не лили, не пропускали молитвы, обиды прощали друг другу, даже кровь прощали. Тогда деньги и вещи, как находили, привязывали на шесты и ставили на дорогах».^[6]

Узнав о намерении царского командования похитить или, подослав наемных убийц, уничтожить физически предводителя горцев, местные жители расставили вокруг дома имама караул.

Казалось, пришло время осуществления идеи Мансура о создании общекавказского государства. В апреле 1786 года сподвижники Мансура готовили на реке Баксан в Большой Кабарде съезд всех северокавказских народов. Закубанские народы посылают свои делегации к имаму. Ингуши, жившие в то время по правому берегу Терека, по берегам реки Камбилеевки и в верховьях Сунжи, после письма Мансура к ингушским старшинам и народу также соглашаются выступить совместно с чеченцами и кабардинцами против царских войск.

Встревоженное образующимся блоком горских народов, царское командование путем угроз и подкупа заставило ингушских старшин отказаться от их намерения примкнуть к войскам Мансура. Не находя возможности устранить Мансура физически, царское командование попыталось дискредитировать имама в глазах горцев и их руководителей, рассылая через армянских купцов, беспрепятственно торговавших в горских аулах, подложные письма, в которых Мансура выставляли провокатором, подкупленным царским командованием и желающим передать воюющих крестьян в руки царских войск.

В конце июля 1786 года царское командование начинает решительное наступление на чеченские аулы по реке Сунже. Для разжигания раздора между кавказскими народами в составе царских войск, уничтожавших чеченские сунженские и карабулакские,^[7] а также малокабардинские селения, использовались отряды ингушской милиции, которым специально отдавали часть скота и добычи, захваченных в карабулакских и малокабардинских аулах.

После уничтожения ряда селений карабулакские и другие чеченские аулы по левому берегу Сунжи, а также малокабардинские владельцы, бывшие на стороне Мансура, принесли, как обычно в таких случаях, присягу на верность царю и дали заложников — аманатов. Желая остановить погромы селений, Мансур пытался в октябре 1786 года добиться перемирия с царским командованием. Потемкин отклонил предложения Мансура и потребовал капитуляции и сдачи его самого без каких-либо условий.

В начале 1787 года Мансур опять развил усиленную агитационную деятельность, призывая в войска горских жителей для защиты их имущества от царской армии. В мае—июне 1787 года Мансур, собрав вокруг себя ополчение в тысячу человек из чеченцев, кумыков и дагестанцев, отправился в карабулакские селения, чтобы поднять горцев и двинуться на царские крепости. Однако после недавней карательной экспедиции жители ряда карабулакских селений, опасаясь военных мер со стороны России, выступили против Мансура. Не желавший братоубийственных столкновений, Мансур ушел обратно и распустил горцев по домам, оставив лишь верных приверженцев.

Видя поредение в окружении Мансура, все смелее начинают действовать недовольные богатеи и старшины Алдов, получившие в свое время от царской администрации подачки и привилегии. Мансур узнает о заговоре некоторых алдынцев, договорившихся схватить имама и за награду выдать его царскому командованию. В русском документе говорилось: «...чеченцы сей деревни и другие... делали ему упреки и хотели его убить». В конце июня Мансур уезжает из Алдов за Кубань, где его встречают с ликованием, и в начале июля 1787 года «уже все закубанцы генерально ему присягают». Начинается вооруженное выступление закубанских черкесов и ногайцев. Мансур твердо верил, что ему снова удастся поднять горцев Северо-Восточного Кавказа и совместно с закубанскими народами одолеть общего врага.

Турецкие власти, так же как и российские, претендовавшие на эти земли, почувствовав угрозу своему влиянию на Северо-Западный Кавказ, стали заигрывать с главой кавказской армии Мансуром, пытаясь отвлечь горцев от борьбы с османами и направить их только в русло войны с российской стороной. Турецкие власти враждебно относились к классовой борьбе восставших против угнетателей, как местных, так и

российских. Не по нраву им были и идеологические лозунги движения, выражавшие социальные требования низов.

Неприязнь турецких властей к ставшему опасным из-за своей популярности Мансуру была так сильна, что «в Константинополе по приказу правительства во всех мечетях и мусульманских учреждениях было извещено о том, что имам Мансур обманщик, фальшивый святой и опасный умалишенный». Султанские власти опасались, что резонанс освободительной войны горцев против эксплуататоров докатится до Османской империи: слишком свежо было в памяти восстание в крепости Согуджак.

Во время пребывания Мансура за Кубанью его пригласил для беседы анапский паша, который всячески пытался склонить имама к тесному сотрудничеству с турками. Однако Мансур вел себя уклончиво и не давал обязательств помогать Турции. Он отказался от приглашения поехать к турецкому султану Абдул-Хамиду, который проявлял к нему огромный интерес. Султан послал к шейху Мансуру известного турецкого богослова с поручением выяснить, не является ли имам действительно посланником Всевышнего, о грядущем пришествии которого говорили священные книги.

Однако присланный богослов неприязненно отписал султану о Мансуре, что закубанцы приняли его «за истинного святого, великого проповедника», а на самом деле он «ших-ложный проповедник Мансур, который не знает мусульманскую грамоту, не знает ничего письменного».

И все же более или менее значительными силами, противостоявшими царским войскам на Кавказе, располагали в это время единомышленники Мансура, и поэтому перед самой войной с Россией правительство Порты решило вынести официальное постановление о присвоении Мансуру звания «имам».

Во время войны России с Турцией Мансур со своим отрядом держался самостоятельно и отдельно от турецких войск. Деятельность среди закубанских народов имам начал с религиозных наставлений, пытаясь внушить каждому последователю, что тот обязательно должен принять участие в *газавате* (священной войне за независимость) и победить десять «неверных» (т. е. царских солдат).

Во главе черкесов Мансур поначалу добивается неслыханных успехов. Войско его, ворвавшись в пределы Ставропольской губернии,

дошло до города Александрова. Мансур берет селение Новосельцы, захватывает множество пленных, громит Донскую крепость, берет пост Безопасный и направляется по дороге на Черкасск. На берегу реки Ея имам захватывает Болдыревский редут и полностью уничтожает стоявшие там три донских казачьих полка. В это время другой его отряд осаждает крепости Северную и Темижбек, но оба нападения были отбиты. «Это смелое нападение неприятеля, — писал Г. Прозрителев, — в таком значительном числе и на очень большом расстоянии было беспримерным и тем более опасным, что в случае его соединения с ногаями и калмыками грозило уничтожением всех предшествовавших этому результатов, достигнутых русскими на Кавказе».

После разорения родного аула Мансура в Чечне царское командование в 1787 году заставило его мятежных жителей переселиться ближе к реке Сунже. Алданцы у Сунжи основали селение Новые Алды (Йоккха Алда или БухІан-юрт). В конце 1787 года жителям в Чечне и Дагестане доставили письма от Мансура, в которых он обещал, получив от турок войско и оружие, немедленно вернуться в родные места и защитить народ от царских войск.

9 сентября 1787 года Екатерина II издала Манифест о разрыве с Турцией и открытии военных действий. Началась очередная русско-турецкая война.

20 сентября 1787 года генерал-поручик Потемкин с отрядом из 8 тысяч человек, при 35 орудиях, переправился через реку Кубань у Прочного Окопа. Цель его состояла в уничтожении отряда Мансура, расположившегося между реками Уруп и Лаба. Однако так ничего и не добившись в тяжелых боях с Мансуром 20—22 сентября и понеся большие потери, Потемкин начал отступать. 25 сентября отряды Мансура яростно преследовали спешно отступавший за Кубань арьергард царских войск.

19 октября 1787 года новый командующий на Кавказе генерал Текелли двинулся с 12-тысячным войском против Мансура, собравшего своих приверженцев недалеко от истоков рек Большой Зеленчук и Кефир. В течение 19—22 октября горцы отчаянно сопротивлялись, но силы были неравны. Многие аулы были сожжены. Тяжелое ранение получил брат Омара-хаджи, первого наставника Мансура. Сам имам с небольшим количеством закубанцев пешим перебрался через хребет в турецкую крепость Суджук-кале.^[8] Отсюда Мансур продолжает

рассылать письма ко всем народам Северного Кавказа, пламенно призывая их не прекращать войны с царизмом. В феврале 1788 года Мансур в письме к чеченцам и к своим односельчанам обещает скоро вернуться с 20-тысячным войском. Чеченцы с надеждой ждут его.

Осенью 1789 года, находясь в лагере турок, имам Мансур установил через торговых людей отношения с казаками, жившими в северо-восточной части Каспийского бассейна, призывая их к активным военным действиям против царских войск, и в частности к захвату Астрахани. С захватом этого стратегического пункта он связывал попытку создать определенные трудности для царской администрации на Северном Кавказе.

Осенью 1790 года горцы Чечни и Дагестана, призываемые имамом Мансуром, готовятся к захвату Кизляра. В сентябре Мансур перебирается из Анапы в Чечню для координации действий с турецкими войсками. Однако план изгнания царских войск с Кавказа не был осуществлен: 30 сентября 1790 года движущиеся на Северо-Восточный Кавказ турецкие войска Батала-паши были разбиты русскими.

В начале 1791 года Мансур снова перебирается в Анапу и обращается отсюда с письмом к своим соотечественникам, к кабардинцам, дагестанцам, кумыкам и другим народам, призывая их совместно выступить против царизма. Однако этим последним пламенным призывам Мансура не суждено было увенчаться успехом. 8 июня 1791 года войска генерала Гудовича перешли в наступление. 9 июня у Анапы царские войска были внезапно атакованы несколькими тысячами ногайцев и черкесов, которых сюда привел имам Мансур. 22 июня 1791 года в 8 часов утра, после яростного штурма Анапа была взята войсками Гудовича. Царское командование редко встречало такое отчаянное сопротивление турецких гарнизонов и отнесло эту неукротимость на счет вдохновителя защитников — имама Мансура.

Победители резали всех без пощады. Последним островком мужественного сопротивления был пороховой погреб, где защищался сам имам Мансур. После неудачной попытки взорвать погреб, поверив обещаниям царских генералов, давших слово в случае прекращения сопротивления сохранить свободу и почетное гостеприимство, Мансур вышел к ним.

Перед Гудовичем предстал высокий, стройный тридцатилетний мужчина с зеленой чалмой на папахе, чернобородый, черноглазый, с горбатым носом, худым бледным лицом, горящими глазами и «речью, которая жгла, как уголь».

Из крепости Мансур был отправлен в Санкт-Петербург, где много раз допрашивался секретарем «тайной экспедиции» Степаном Шешковским. Во время пленения Мансур был таким же бедным крестьянином, как и до начала войны: «Я беден... все мое имение состоит из двух лошадей, двух быков и одной хижины», — заявил он на допросе.

Пламенная, энергичная, свободолюбивая натура Ушурмы не могла смириться с заточением, и однажды Ушурма в припадке гнева убивает охранника-солдата. 15 октября 1791 года секретным рескриптом Екатерины II на имя коменданта Колюбакина имам Мансур, как бунтовщик и важный государственный преступник, был отправлен в Шлиссельбургскую крепость и приговорен к пожизненному заключению в ней «за возбуждение народов гор против России и причинение большого ущерба империи».

13 апреля 1794 года секретный заключенный этой крепости имам Мансур скончался и был похоронен без всякого обряда на Преображенской горе близ Шлиссельбурга.

Первое массовое вооруженное выступление народов Северного Кавказа против царизма в 1785—1791 годах под предводительством имама Мансура хотя и закончилось пленением Ушурмы, имело огромное историческое значение. В этой войне за независимость кавказские народы, несмотря на потери, фактически одержали победу над русским царизмом и его кавказскими приспешниками. Окончательно были изгнаны из Чечни остатки феодальных владетелей, [9] опиравшихся на царские штыки. Эта освободительная война и сложившееся неблагоприятно для России международное положение на целое десятилетие остановило военную колонизацию Северного Кавказа. Царские власти вынуждены были отдать приказ своим войскам вернуться на Кавказскую линию. В 1786 году и позднее были упразднены военные крепости и укрепления, построенные в 1783—1784 годах южнее Кавказской линии на Кабардинской равнине: Владикавказ, Потемкинское, Григориополисское, Елизаветинское, Камбилеевское, Константиновское и другие. Предав огню все строения,

гарнизоны этих крепостей перешли в Моздок. Только в 1803 году была восстановлена крепость Владикавказ, а в 1804-м — Григориополисское, Камбилеевское и Елизаветинское укрепления. В Кавказской войне 1785—1791 годов царизм потерпел поражение.

Горцы отстаивали независимость и своей героической борьбой не дали насадить чужеземные феодально-крепостнические порядки. Шейхом Мансуром был укреплен и распространен демократический ислам и сделан крупный шаг к образованию общекавказского государства. Начало широкомасштабного общегорского выступления под руководством имама Мансура многие революционные историки считали началом Кавказской войны (или Кавказских войн), а самого Мансура — проповедником и вождем газавата, «предшественником Шамиля» и предтечей имамов.

Имам Шамиль, по записям его пристава в Калуге А. Руновского, не только сильно почитал Мансура, ценил и восхищался им, но и знал многие, даже мельчайшие детали его жизни. По свидетельству Шамиля, ставшего имамом спустя полвека после Мансура, имам Мансур «был очень красив» и имел «мужественную, увлекательную наружность». Хотя Мансур «совершенно не знал грамоты», он «владел необыкновенным даром слова». Имам Мансур был «так высок ростом, что в толпе стоящих людей казался сидящим верхом на лошади». Имам Шамиль рассказал однажды Руновскому, что после гибели Мансура всех чеченских старшин вызвали в Петербург к императору. Расспрашивая старшин, прибывших к нему, царь попросил, чтобы они рассказали ему о деятельности Мансура. Все дали очень плохую, отрицательную характеристику народному вождю — кроме одного (это был брагунский старшина), он ничего не сказал. Но император настоял на том, чтобы он заговорил. Брагунский представитель дал прекрасную характеристику. Когда он начал рассказывать о внешности, умственных способностях, мужестве и самообладании Мансура, император вскочил со своего кресла. Царя попросили объяснить причину этого, и он ответил: когда говорят о человеке таких благородных качеств и к тому же уважаемом мною, я сидеть на месте не имею права.

Имам Мансур был незаурядной личностью. Этого не отрицал даже официальный царский историк Н. Ф. Дубровин, писавший, что Мансур был человек, «одаренный от природы гибким умом и сильной волей». «Воин, проповедник и пророк», наделенный «всеми высокими

качествами вождя», — так называл его английский историк Джон Ф. Бэддли в своей книге «Русское завоевание Кавказа», изданной в Лондоне в 1908 году.

Народ не забыл своего героя, его яркую, блистательную судьбу, его жизнь, отданную на благо, за счастье людей. «Это был первый кавказский революционер, которому пришлось умереть на далеком севере...» — написал о Мансуре в 1923 году историк М. Н. Покровский.

«И... подобно ослепительному метеору промелькнула на темном предгрозовом горизонте Кавказа эта своеобразная, яркая, противоречивая и трагически прекрасная фигура», — сказал о нем профессор А. Яндаров.

Пусть живет твое имя в веках, имам Мансур — Победитель!

Рассказ Вахи Умархаджиева — жителя поселка Новые Алды

Ваха Умархаджиев рассказал, что происходят они из тайпа элистанжи, что предки вышли из села Хаттуни (Веденский район), откуда спустились в Алдие. После переселения алдынцев к реке Сунже новое селение называли Йоккха Алда или БухІан-юрт, а старое называли Жима Алда (Малая Алда). Сын и дочь Ушурмы похоронены на кладбище, где сейчас водозабор (охраняемая зона родников). От Ушурмы осталось

завещание, чтобы его похоронили среди родственников (там, где его сын и дочь). В 1957—1958 годах, когда городские власти заставили переносить алдынское кладбище из зоны родников, это древнее кладбище было уничтожено бульдозером.

Сам Ушурма, по рассказам стариков, не умер, а исчез, так как был шейхом. Об Ушурме рассказов и преданий много. Об алдынском сражении рассказывают, что русское войско, идя на Алды, переправилось через гІаш гечо (пеший брод), там, где сейчас находится мост черед Сунжу на химзавод у поселка Черноречье. Возле охраняемой зоны родников сохранились рвы (саьнгарш), которые были взрыты, когда Ушурма в гнев размахивал шашкой, и при каждом взмахе шашка намного удлинялась. Русское войско в страхе бежало через чернореченский лес по направлению к Алхан-юрту, и там с крутого обрыва они прыгали в реку Сунжу.

По преданию, 63 человека из Алдов решили отдать Ушурму русским, надеясь, что их селение оставят в покое. Они схватили Ушурму и отдали его в плен. Но из плена тот ушел, и только тогда Ушурма ушел к черкесам и дальше в Анапу.

Прадеды Вахи Шоаип и Абдул-Кадыр после Кавказской войны ушли в Турцию, но попали там в невыносимые условия, и Шоаип, сказав, что не будет жить на этих камнях, стал прорываться на родину. Вместе с братом они вернулись.

Сын его Умар-хаджи был подрядчиком, он нанимал рабочих и выполнял разные строительные работы. Им был построен, к примеру, мост через Сунжу (пешеходный «горбатый») у села Новые Алды (Черноречье). Умар-хаджи в 1925 или 1926 году был арестован. 22 дня продержали его в Грозненской тюрьме, допрашивая, имеет ли он связи с антисоветским подпольем, имеет ли он, как потомок Ушурмы, влияние на людей и смог бы он возглавить какую-нибудь группу. Умар-хаджи все отрицал, и его выпустили. До войны (1941 года. — Д. Х.) его заставили сдать серебряный перстень (мухIар) Ушурмы в Грозненский музей краеведения (по рассказу Яхьяева Хам-паши, этим перстнем исцеляли людей, прикладывая его ко лбу больного. — Д. Х.). Еще одной причиной ареста Умара-хаджи было то, что люди часто в разговорах, высказывая обиду на несправедливость, говорили, что вот вернется Ушурма и тогда каждому будет воздано по деяниям. А в то время из-за таких разговоров арестовывали. Мачеха Умара-хаджи, когда его отец умер, некоторые вещи из одежды Ушурмы увезла с собой в Гойты.

Еще до выселения чеченцев в 1944 году в семье Умара-хаджи была резная подставка из дерева и металла для знамени Ушурмы (толаман кад). Во время выселения ее засунули под веранду дома, но когда вернулись, то ее уже там не было.

От отца Ушурмы Шаабаза происходят только две фамилии — Умархаджиевы и Яхьяевы. Из-за родственных связей с Ушурмой все время преследовались Умархаджиевы. В 1963 году в КГБ вызывали Бетерсолту, угрожали тюрьмой, говорили, что его посадят, так как он занимается религиозной пропагандой. Но Бетерсолта требовал очной ставки с теми, кто донес на него, и его отпустили.

На месте, где был дом Ушурмы, сейчас пятая поликлиника и двор с домом Вахи Умархаджиева.

Генерал Александр Чеченский

Денис Давыдов... Кто не знает это громкое имя славного русского поэта, партизана и удалого гусара.

Из многих изображений Д. Давыдова выделяется необычностью раскрашенная гравюра М. Дюбурга по оригиналу А. Орловского, сделанная в 1814 году, на которой изображен Денис Давыдов со своими соратниками перед боем. На коне Денис Давыдов, облаченный в одежду черкеса. На голове горская папаха, кавказская шашка на боку. Вдалеке, у походных палаток дымят костры французов. На втором плане скачут на лошадях двое гусаров. Один из них изображен анфас. Лицо смуглого гусара очень выразительно. Сухощавый, черноволосый, горбоносый, с орлиным взором. Кто же этот смуглый гусар с кавказскими чертами лица?

«Военные записки» Дениса Давыдова помогают установить личность кавказца — второго человека в партизанском отряде Давыдова: «Состоявший по кавалерии ротмистр Чеченский — черкес, [\[10\]](#) вывезенный из Чечни младенцем и возмужавший в России. Росту малого, сухощавый, горбоносый, цвета лица бронзового, волосу черного, как крыло ворона, взора орлиного. Характер ярый, запальчивый и неукротимый: явный друг или враг; предприимчивости беспредельной, сметливости и решительности мгновенной». Речь идет об одном из первых генералов из чеченцев, герое Отечественной войны 1812 года Александре Николаевиче Чеченском (1776—1834).

С 1783 года в Чечне разгорелось мощное антиколониальное движение, в 1785 году возглавленное жителем селения Алды 25-летним Ушурмой (имам Мансур). В одном из набегов на аул Алды царскими войсками был захвачен в плен одиннадцатилетний чеченский мальчик. Его взял на воспитание шестнадцатилетний подпоручик Николай Николаевич Раевский, будущий знаменитый генерал, герой Отечественной войны 1812 года, тот самый, о котором Наполеон Бонапарт сказал: «Из таких генералов делают маршалов».

Мальчика окрестили Александром Николаевичем Чеченским. Маленький чеченец воспитывался в Каменке на Украине у матери Николая Раевского, Екатерины Николаевны, с ее детьми от второго мужа, богатого помещика Льва Давыдова.

Александр получил прекрасное домашнее образование, затем окончил Московский университет, после чего начинается его военная карьера. 8 июня 1794 года в чине вахмистра он поступает на службу в

Кизляр в Нижегородский драгунский полк, где командиром был его приемный отец, полковник Н. Н. Раевский. За два года службы на Кавказе Александр, отличившийся в экспедициях против персов на Каспии и в военных действиях против турок в Причерноморье, получает звание прапорщика. В 24 года Александр Чеченский становится подпоручиком.

На Кавказе наступило временное затишье. На Западе же шла война с Наполеоном. В 1805 году Чеченский подает рапорт с прошением о переводе на Запад. Его переводят в Гродненский гусарский полк, где он командует полуэскадрой. Судьба близко сводит Александра с Денисом Давыдовым, кузеном Давыдовых, с которыми он рос. Денис Давыдов в это время — адъютант П. И. Багратиона.

Петр Иванович Багратион сразу же обратил внимание на смуглого гусара со жгучим взглядом и странной фамилией, навеявшей на князя рой воспоминаний. И не только родной городок Кизляр, где он родился и провел в имении отца свои детство и юность, вспомнился Багратиону. Странные перипетии жизни свели двух людей, удивительные судьбы которых тесно были связаны с чеченским аулом Алды. Давний случай, навечно оставивший в сердце благородного князя чувство признательности к чеченцам, сохранившим ему жизнь, вызвал симпатию Багратиона к уроженцу Алдов Александру Чеченскому. В свою очередь молодой Александр с восторгом перенимал у знаменитого полководца навыки военного искусства.

В 1805—1807 годах со своим полуэскадрой Александр Чеченский участвует в боях с наполеоновскими войсками под Мышеницами, Гутштадтом, Аккендорфом, а также в изгнании противника за реку Посаржу.

За отвагу в сражении под городом Прейсиш-Эйлау Чеченский награжден орденом Георгия 4-й степени с бантом. Такой же орден за эти бои получил и генерал П. И. Багратион. Мужество Чеченского в бою под Гутштадтом отмечается золотым Георгиевским оружием — саблей с надписью «За храбрость».

Неугомонный характер Чеченского толкает его в самые жаркие дела. С июня 1808 года Александр участвует в сражении против шведских войск в Финляндии. В его послужное дело за этот период легли следующие строчки: «28 июня и 2 июля при Кирке Лаппо, 18 августа в авангарде со стрелками при селении Каухаюки, 20 августа в

генеральном сражении при Кирке Куортани, откуда был послан от начальства ближайшей, но самой опасной дорогой мимо неприятельских, засевших стрелков с донесением главнокомандующему корпусом, что исполнил с отличным мужеством и расторопностью... Во всех сражениях оказывал примерную храбрость и неустрашимость и несколько раз находился со стрелками в самых опасных местах...»

Наступает временное затишье перед Отечественной войной.

Александр Николаевич бывает в светском обществе, общается со своими родственниками — женой Н. Н. Раевского Еленой и его детьми Марией, Николаем, Александром и Екатериной, со сводными братьями и сестрами Николая Раевского Давыдовыми.

В 1812 году Наполеон с полумиллионной армией вторгается в пределы России. Ротмистр Чеченский принимает командование над Бугским казачьим полком, который находился в арьергарде армии Барклая-де-Толли, и участвует в сражениях под Витебском, Смоленском, Тарутином.

На Бородинском поле полк Чеченского участвует в отчаянных кавалерийских атаках в составе кавалерийского корпуса атамана Платова. Неувядаемой славой покрыли себя на Бородино близкие ему люди и соратники генералы Н. Н. Раевский и П. И. Багратион.

Наполеон занял Москву. Сильно поредевший в боях Бугский кавалерийск полк был передан под командование генерал-лейтенанта Шепелева, а затем, 11 сентября 1812 года, слит с отрядом подполковника Дениса Давыдова, который с этого времени начал свои знаменитые рейды по тылам противника. О сражении под Вязьмой, закончившемся победой русских, Денис Давыдов вспоминал: «В одно время ротмистр Чеченский встретил фуры с провиантом, кочевавшие в лесу на дороге... к Вязьме. Неприятель торопился становить обоз полукружием, дабы из-за него защищаться, но Чеченский не дал время исполнить сего построения, ударил и овладел транспортом». Тогда прикрытие, состоявшее из пехоты, бросилось в лес, продолжая непрерывный огонь, но «ярый» Чеченский спешил своих и в лесу ударил «на неприятеля в дротики», «сей удалой поступок довершил поражение неприятеля». Эта стычка обошлась врагу сдачей в плен 496 рядовых, 1 штаб-офицера, 4 обер-офицеров и 41 фуры.

«Нельзя было быть иначе! — радостно восклицает Д. Давыдов. — Новыми войсками управлял ротмистр Чеченский... по природе наездник, ярый духом, богатый средствами и деятельнейший из моих помощников в продолжение войны Отечественной и заграничной».

В донесении генерал -лейтенанту Шепелеву Д. Давыдов сообщал, что 19 сентября 1812 года он явился на большую дорогу между Семлево и Вязьмой к селу Юреневу с намерением отбить 300 человек русских пленных и артиллерийский транспорт и что операция успешно завершена. «А господин ротмистр Чеченский в виду 3-х батальонов обложил ящики огнем, которые один по одному до самого вечера взлетали в воздух, треск и гром от них столь был велик, что по известиям, ко мне дошедшим из Вязьмы, гарнизон одного города целый день стоял под ружьем, ожидая на себя нападение».

К донесению был приложен рапорт Д. Давыдова с представлением Александра Чеченского к награде и характеристика: «Будучи несколько раз послан мною, нападал на сильнейшие себя неприятельские партии с успехом, все препоручения исполнял с отличнейшим успехом, деятельностью и храбростью своею всегда служил примером своим подчиненным и, наконец, сего 20-го сентября в виду двух неприятельских батальонов подложил огонь, подвергая жизнь свою опасности, принудил тиральеров спешившимися казаками отступить и взорвал неприятельский парк из 24-х палуб...»

Во всех партизанских боевых действиях проявляется незаурядная храбрость Александра Чеченского, которого Давыдов постоянно выделяет в своих реляциях.

28-го числа в селе Ляхово завязалось «дело», и Давыдов послал Чеченского с его полком на Ельнскую дорогу, чтобы пресечь сообщение с Ясмином, где находился другой отряд французов, а граф Орлов-Денисов открыл огонь по врагу. В этот момент Чеченский захватил французского связного, ехавшего с донесением об атаке на Ляхово, и «между тем, — пишет Давыдов, — Чеченский донес мне, что он прогнал обратно в село вышедшую против него неприятельскую кавалерию, пресек совершенно путь к Ясмину и спрашивал разрешения: что прикажу учинить с сотнею человек пехоты, засевшей в отдельных от села сараях, стрелявших из оных и не сдающихся...» В этом бою под руководством Александра Чеченского русские воины

вынудили сдаться в плен 2 тысячи рядовых, 60 офицеров и одного генерала, освободив Ляхово от французов.

Главкомандующий русской армией М. И. Кутузов высоко оценил эту победу: «Победа сия тем более знаменита, что в первый раз в продолжение нашей кампании неприятельский корпус положил перед нами оружие».

Партизанская практика Дениса Давыдова и его соратников послужила Кутузову для важного вывода: «Удачные опыты твои доказали мне пользу партизанской войны, которая столь много вреда нанесла, наносит и нанесет неприятелю».

Отряд Давыдова при деятельном участии 1-го Бугского кавалерийского полка под командованием Александра Чеченского захватил в плен за время от 2 сентября до 23 октября 1812 года 3560 рядовых и 48 штаб- и обер-офицеров, был взят в плен генерал Матушевич и еще 700 человек неприятеля, удалось даже перехватить топографические карты из кабинета Наполеона.

В городе Копысе у берега Днепра вражеские отряды напали на «давыдовцев», русским воинам угрожала опасность, но «коль скоро Чеченский с Бугским своим полком пробрался вдоль берега и явился в тылу... среди города, у переправы, — вспоминал Д. Давыдов, — тогда все стали бросать оружие, отрезывать пристяжки у повозочных лошадей и переправляться, где попало, вплавь на противоположный берег». Поэтому река «мгновенно» покрылась «плывущими и утопающими людьми».

13 ноября 1812 года полки Давыдова прибыли в Головнино, где неожиданно встретились с неприятельским отрядом, но эта «неприятельская кавалерия была немедленно опрокинута майором Чеченским».

«Я продолжал путь вдоль по Неману, — писал Давыдов, — препоруча авангард мой майору Чеченскому и передав ему наставление, данное мне светлейшим (М. И. Кутузовым. — Д. Х.), как обходиться с австрийцами».

В это время Александру Чеченскому случалось выступать в роли не только храброго воина, но и искусного дипломата. 8 декабря Чеченский столкнулся с аванпостами австрийцев под Гродно, взял в плен двух гусаров, но отправил их немедленно к генералу Фрейлиху,

командовавшему в Гродно отрядом в 4000 человек конницы и пехоты с 30 орудиями.

Фрейлих прислал парламентаря благодарить Чеченского за снисходительный «сей поступок», а Чеченский воспользовался удобным случаем и завязал переговоры.

Сначала австриец заявил о своем намерении сдать Гродно не иначе, как предав огню все провиантские магазины (склады), запасы которых оценивались на миллион рублей.

Чеченский ответил ему, что «все пополнение оных ляжет на жителей сей губернии, через то он докажет только недоброжелательство свое к русским в такое время, в которое каждое дружеское доказательство австрийцев к нам есть смертельная рана общему угнетателю». В результате переговоров А. Чеченскому удалось добиться, чтобы отряд Фрейлиха, который численностью намного превосходил полк Чеченского, покинул Гродно, оставив запасы нетронутыми, и удалился за границу. А. Чеченский тотчас же занял город. На другой день, 9 декабря, в город «со своею партией» вступил Д. Давыдов. За взятие города без кровопролития Чеченскому был присвоен чин майора.

В 1813 году легендарные Давыдов и Чеченский со своими верными полками гусар и казаков участвовали в разгроме саксонцев при Калише и с передовыми отрядами взяли предместье города Дрездена.

В начале марта Чеченский с небольшим отрядом осадил Дрезден. Город был сдан ему без боя. 9 марта 1813 года полковник Денис Давыдов докладывал генерал-майору Ланскому: «Вчерашнего числа я сделал сильную рекогносцировку в окрестностях города Дрездена. Чеченский, предводительствовавший 1-ым Бугским полком, с известною его храбростью атаковал неприятеля и гнал его до города, и вогнал за палисады». В другом рапорте Д. Давыдов доносил: «Вчерашнего числа я предпринял усиленное обозрение Дрездена. Ротмистр Чеченский, командующий 1-м Бугским полком, отличился, это его привычка». Здесь Чеченский на время разлучился с Д. Давыдовым.

У Рейхенбаума полк Чеченского разгромил отряд французов, захватив в плен подполковника, двух нижних офицерских чинов, около сотни рядовых, полковое знамя и уничтожив свыше 150 солдат противника.

В 1813 году Чеченский участвует в сражениях под городами Бауцен, Люцин. Новый командующий армией Барклай-де-Толли, сменивший умершего в силезском городке Бунцлау Кутузова, присваивает А. Чеченскому за храбрость и мужество чин подполковника. За успешные действия его переводят командиром в лейб-гвардии гусарский полк. Полк этот без потерь захватывает город Оснабрюк, а затем отличается в боях за города Делич и Толх.

Александр Чеченский со своим полком участвует и в исторической «битве народов» под Лейпцигом.

После этого по приказу командующего гусарский полк Чеченского отправляется в Нидерланды. Там он, объединенный в провинции Северный Брабант с тремя казачьими полками, штурмом берет крепость Бреда. Вслед за этим Александр Чеченский путем переговоров, без боя занимает с полком сильно укрепленную крепость Виллемштадт.

В 1814 году Чеченский сражается за взятие французского города Суассон.

Под городом Лион полк Александра участвует в сражении с превосходящими силами французов. Здесь 14-тысячная армия под командованием графа Воронцова спасала союзные австрийские войска от 70-тысячной армии Наполеона. На вторую ночь сражения русская кавалерия опрокинула и погнала пехоту французов. Чеченский был ранен в руку и ногу, но поле боя не покинул. За это сражение Александр Чеченский был награжден орденом св. Анны с бриллиантами.

За участие во взятии Парижа Александр Чеченский был произведен в полковники и награжден серебряными медалями «За вступление в Париж» и «В память 1812 года». После падения Парижа полковник Чеченский в свите царя, рядом с генералами Николаем Раевским и Денисом Давыдовым участвует в торжественном шествии и параде победителей на Елисейских полях.

После окончания заграничного похода Чеченский женится на дочери действительного статского советника И. М. Бычкова Екатерине, которая принесла ему в приданое Ворсклу — небольшое поместье со ста одиннадцатью крепостными душами. У них было шестеро детей: Софья, Александр, Катя, Николай, Вера, Надежда.

С января 1816 года Александр Чеченский командует Литовским уланским полком. В 1822 году его производят в генерал-майоры по

кавалерии с назначением стоять при начальнике 2-й гусарской дивизии. Но тяготы и лишения, испытанные за период многолетней боевой жизни, стали сказываться на его здоровье. В феврале 1824 года генерал-майор Александр Чеченский был уволен в «отпуск к карлсбадским минеральным водам до излечения с производством жалования и с отчислением из кавалерии».

В декабре 1825 года Чеченскому пришло приглашение из Петербурга: прибыть для принятия присяги новому государю Николаю I. Александр добрался до Петербурга в день восстания на Сенатской площади, где его и доставили сразу в свиту царя.

«Я всегда полагал, — вспоминал Денис Давыдов, — что император Николай одарен мужеством, но слова, сказанные мне бывшим моим подчиненным, вполне бесстрашным генералом Чеченским, и некоторые другие обстоятельства поколебали во мне эти убеждения. Чеченский сказал мне однажды: “Вы знаете, что я умею ценить мужество, а потому Вы поверьте моим словам. Находясь в день 14 декабря близ государя, я все время наблюдал за ним. Я Вас могу уверить честным словом, что у государя, бывшего во все время бледным, душа была в пятках“».

А. Н. Чеченский, так и не присягнув Николаю I, в тот же день уехал в Ворсклу. Его оставили в покое, но на службу не позвали. 49-летний генерал навсегда поселился в имении своей жены и жил там почти безвыездно.

Александра угнетала судьба декабристов, среди которых было немало родных, друзей, знакомых. К следствию привлекались сыновья Н. Н. Раевского Николай и Александр. На царской каторге отбывал наказание Василий Львович Давыдов — сводный брат Николая Николаевича Раевского-старшего, воспитывавшийся вместе с Александром Чеченским. Мария Николаевна, одна из первых женщин-декабристок, получившая благословение отца, Н. Н. Раевского, только после просьбы Александра Чеченского, отправилась в Сибирь вслед за мужем — хорошим знакомым Александра бывшим полковником князем Волконским и провела там, в Чите, много лет на Петровском каторжном заводе.

Через всю жизнь Александр пронес в своем сердце сознание, что он не только верный сын России, но и чеченец, имеющий свою

оваянную детскими мечтами далекую, вольную и прекрасную Родину, окровавленную войной.

Такова была удивительная и яркая судьба соратника Дениса Давыдова, генерала российской армии чеченца Александра Николаевича Чеченского.

Сераскир Хаджи-Хасан-паша Чечен-оглы

Судьба Хаджи-Хасана-паши Чечен-оглы (1766—1829) еще во многом остается загадкой. Ответ на многие вопросы дали бы турецкие архивы. Лишь воспоминания современников о кратковременном пребывании в крепости Анапа (1826—1827) приоткрывают завесу тайны над личностью одного из первых генералов из чеченцев.

...Правительство царской России готовилось к захвату Черкессии. Все более жестокими становились военные экспедиции в глубь Закубанья. Разрозненность племен, отсутствие у черкесов организованного начала, искусно используемое царским военным командованием, заставило вождей адыгов искать сильных союзников.

В 1825 году в Константинополь (Стамбул) отправилась делегация черкесских князей и старшин, уполномоченных передать просьбу от всех закубанских племен о том, чтобы турецкое правительство обратило внимание на черкесские дела.

Приезд черкесской делегации пришелся на период политического пробуждения Османской империи, обязанного решительным прогрессивным реформам султана Махмуда II. Правительство Турецкой империи понимало, что на Кавказе вследствие активной наступательной политики Российской империи вскоре вновь открыто столкнутся интересы двух держав. Нужно было готовиться к новой войне.

В мае 1826 года из Анапы отплыла и делегация от чеченцев и дагестанцев, направлявшаяся в Турцию и Иран. В составе делегации был командующий чеченскими войсками Бейбулат Таймиев, побывавший до этого у закубанских черкесов. Эта делегация также просила о помощи в борьбе против царских захватчиков. Османское правительство — Диван — не оставило ходатайство кавказских посланцев без внимания.

В июле 1826 года из Трапезунта в Анапу прибыли турецкие военные корабли с ополчением, набранным в Анатолии (область Турции). На место старого коменданта Анапы, корыстолюбивого и неспособного Сеид-Ахмета, был назначен новый паша. Вместе с новым комендантом в Анапу прибыл важный сановник — трехбунчужный паша (высший генеральский чин в Турции) Хаджи-Хасан-паша Трапезунтский. Бывший правитель турецкой провинции Хаджи-Хасан был прислан Диваном для управления краем в высшем чине султанской армии — звании главнокомандующего — сераскира. Правительство,

предоставив этому сановнику почти неограниченную власть, поручило ему исполнение обширных предначертаний, но не дало в его распоряжение достаточных средств. Усиление анапского гарнизона и смена коменданта не придали сераскиру существенной власти, и он был вынужден решать сложную политическую задачу, имея лишь ничтожные средства и преодолевая огромные трудности. Однако счастливый выбор султанского Совета — Дивана, как оказалось впоследствии, заменил недостаток материальных средств.

Анапский паша, действуя с удивительным искусством, сумел придать желанному могуществу Турции в этом крае более осязательные формы.

5 сентября 1826 года, спустя некоторое время по приезде Хаджи-Хасана, состоялся «большой съезд около Анапы князей, дворян и старшин всех черкесских народов, начиная от Кабарды».

Вскоре слава о замечательном Хаджи-Хасане-паше Терпизан (Трапезунтском) разлетелась далеко вокруг. Все черкесы, знавшие сераскира лично и по слухам, с восторгом говорили о его достоинствах. Но более всего импонировало черкесам и ногайцам то, что важный турецкий сановник был выходцем с Кавказских гор, о чем говорило и его прозвание Чечен-оглы (сын чеченца). В Закубанской Черкесии еще хорошо помнили произносимое со священным благоговением имя его великого соплеменника имама Мансура. Ореол святого шейха Мансура, тоже тесно связанного с крепостью Анапа, придавал еще больше обаяния личности и поступкам Хасана Чечен-оглы. Очевидно, османское правительство надеялось, что кавказский уроженец сумеет наладить более тесный контакт с представителями местных народов.

О том, что новый паша крепости Анапа — чеченец по происхождению, сразу же стало известно российскому военному командованию. Это сообщил в своем рапорте от 25 июля 1826 года атаман Черноморского казачьего войска Власов (через год за жестокость и лихоимство соратник Ермолова генерал Власов был отдан новым императором Николаем I под суд). Военное командование царской России очень обеспокоило это назначение — оно опасалось любой возможности объединения кавказских народов. Хаджи-Хасан-паша был уже стар, но бремя шестидесяти лет, по-видимому, его не тяготило; живой, ловкий и проворный, он казался неутомимым, что до крайности удивляло черкесов, привыкших видеть турецких сановников

всегда погруженными в лень и беспечность. Он был небольшого роста и крепкого сложения, обходился с черкесами чрезвычайно ласково, но умел в то же время внушать им к себе такое почтение, какого никогда не вызывали его предшественники. Турки — чиновники, солдаты, купцы — и вообще все жители Анапы боялись его как самого строгого сановника, который требовал от них безусловной покорности и за малейшее ослушание жестоко наказывал.

Хасан-паша старался узнавать малейшие подробности о крае, для управления которым был прислан. В короткий срок он изучил адыгейский язык. Он расспрашивал о местных обычаях, о древних песнях и преданиях, которые, по его словам, должны были иметь сильное влияние на дух воинственного народа, лишенного писаной истории. По всей вероятности, память о чеченском происхождении внушала ему это любопытство, которого он не скрывал. По крайней мере, он сказал однажды, что на его доброжелательство к черкесам турки будут смотреть не без подозрений.

Ему нравился этот красивый, благородный и свободолюбивый народ, но как истинного мусульманина, искренне приверженного исламской вере и совершившего паломничество к святыням магометан в Мекке и Медине, его коробили укоренившиеся в адыгах древние обычаи идолопоклонничества.

Хасан-паша начал усиленно проповедовать ислам, требуя, чтобы черкесы руководствовались исключительно шариатом при разбирательстве частных дел и при выполнении общественных распоряжений.

Со своей стороны Хаджи-Хасан обещал не ущемлять независимость черкесов. «Во внутренние дела кубанских черкесов, — писал К. Ф. Сталь, — никто не вмешивался, но в спорных делах они сами обращались к паше анапскому, а тот разбирал их споры и судил по шариату. По настоятельным убеждениям анапского паши, абадзехи и шапсуги уничтожили у себя титулы князей как противные духу магометанской веры... С этого времени гражданское развитие получило некоторое движение вперед. Взаимные распри между народами исчезли, учреждены у абадзехов народные суды».

Хаджи-Хасан пользовался авторитетом и среди отдаленных от Анапы карачаевцев, большинство из которых согласились принять шариат.

Уже через год внедренный Хасаном шариат, признающий равноправие свободных людей перед Богом, возбудил борьбу простого народа против дворян у бжедуггов. Поддержанные муллами вольные земледельцы отвергали всякую власть дворян, ссылаясь на то, что все классы присягнули сераскиру руководствоваться шариатом, и они как свободные люди признают над собой только власть наместника пророка (которым считался турецкий султан) и будут повиноваться лишь начальникам, от него назначенным.

Размышляя над причинами народных волнений, одни полагали, что сераскир сам старался возбудить раздор, чтобы извлечь из него пользу для своих обширных замыслов отнять власть у князей и дворян, часто менявших свои политические взгляды ради временной выгоды. Другие считали, что паша вовсе не хотел мятежа — он разгорелся сам от проповедуемых им демократических правил шариата. Скорее всего, отчасти были правы и те, и другие.

Хаджи-Хасан никогда не отказывал в помощи простым горцам. Однажды несколько черкесов после плена попали в руки армянского купца А. Авганова. Родственники их обратились к Хасану-паше с просьбой запретить купцу продажу пленников в Анапе туркам. Хаджи-Хасан тотчас же конфисковал у Авганова пленников и отпустил их на родину. Сераскир не стеснял свободу торговли черкесов с русскими. С уважением относилось к нему и российское военное командование. «Высокопоставленный и высокопочтенный трапезонтский, потийский и анапский Чечен Гаджи Гасан-паша!» — обращался к нему в письме от 15 июня 1827 года командующий Черноморской кордонной линией генерал Сысоев.

Первыми в 1826 году признали авторитет анапских пашей довольно многочисленные в этом крае ногайцы и те закубанские черкесы, которые сохранили неприкосновенным свое феодальное устройство. Это признание заключалось в том, что они подчинились паше фактически: единодушно присягнули на будущее время руководствоваться во всех своих делах, общественных и частных, Кораном, оставив навсегда древние обычаи. Такое начало давало надежду на дальнейший успех. Затем паша потребовал, чтобы черкесы приняли духовных судей (*кадиев*) для производства суда, на что они согласились. Далее Хаджи-Хасан установил, на основании Корана, отдавать в пользу казны десятую часть собираемого с полей хлеба.

Разделив край на *вилайеты* (провинции), назначил старших князей *валиями* (губернаторами) и поручил им верховную власть. В более отдаленные племена он посылал *каймакамов* (*кайму-мекам*), т. е. своих наместников, и брал аманатов. Впрочем, аманатов и присягу на подданство Турции сераскир считал делом второстепенным, исходя из того, что подданство должно основываться на более прочных связях, каковыми полагал безусловное повиновение шариату и исполнение всего, что мусульманская религия требует от правоверного, а это значило фактически полное повиновение власти наместника пророка, т. е. Махмуда II. Такими результатами, достигнутыми сераскиром всего за один год, Турция обязана была и влиянию религиозных исламских идей, значительно окрепших к этому времени среди черкесов.

Не ограничиваясь утверждением своего влияния на Северо-Западном Кавказе, Хаджи-Хасан активно интересовался и положением своей родины — Чечни. Во время пребывания в Анапе «грозы Кавказа» — командующего чеченской армией Бейбулата Таймиева, возвращавшегося из Ирана и Турции в Чечню в июле 1826 года и вновь весной 1827 года, Хасан-паша имел продолжительные встречи со своим соплеменником, которого после напутствий и с подарками провожал в путь на родину.

Как хороший администратор, Хасан-паша наводил справки о том, каких сортов хлеб произрастает на землях различных племен, употребляют ли там удобрение или нет, расспрашивал о скотоводстве, о путях сообщения и, наконец, о сельской промышленности.

Известный адыгский просветитель Хан-Гирей (1808—1842) писал о Хаджи-Хасане-паше Чечен-оглы: «Признаюсь, слушая рассказы людей, по-видимому, хорошо его знавших и сообщивших мне эти подробности, я не совсем верил им и думал, что они многое слишком преувеличивают. Да и вообще, по многим обстоятельствам кратковременного его пребывания в Анапе ясно видно, что этот прозорливый сановник с самого начала назначения на нашу окраину старался не впасть в заблуждения своих предшественников, которые — Бог их накажи! как говаривал Бесльный, — в невежестве своем предполагали большие реки там, где протекают едва заметные ручейки, и города в местах, где сгруппировано было несколько хижин, или кочующие племена там, где о кочевой жизни и понятия не имеют и рассказы о ней принимаются за диковинные вымыслы досужих людей».

Никто из окружения Хасана не имел заметного влияния на мнение паши и его действия. Несколько случаев хорошо демонстрируют независимый характер сераскира Хаджи-Хасана.

Его ногайский каймакам написал Хасану-паше, что два человека из князей этого народа, пользуясь среди закубанских ногайцев влиянием, препятствуют распространению власти османского правительства и поэтому он считает необходимым их задушить или повесить, для чего и советовал пригласить их под благовидным предлогом в Анапу. Паша, прочитав донесение своего наместника, с гневом сказал: «Что за грязь есть этот каймакам!» — и бросил на пол изорванное в куски донесение. Тем не менее он стал расспрашивать исподволь о разных подробностях, касающихся закубанских ногайцев и их князей, и узнал, что оба князя, о казни которых ходатайствовал «человеколюбивый» каймакам, — люди, достойные уважения во многих отношениях и полезны для правительства. Впоследствии выяснилось, что ненависть каймакама была возбуждена одним из князей, отказавшимся подарить ему борзую собаку, а «преступления» другого были и того меньше. Так мудрость Хасана-паши спасла от позорной казни двух достойных людей.

По прибытии в Анапу сераскир разослал по всем племенам объявление о своем назначении главнокомандующим над ними и приглашал к себе князей, дворян, духовенство и народных старшин для совещания и приведения в исполнение воли наместника пророка — утвердить в их стране порядок и силу религии, чтобы народ благоденствовал здесь на земле и обрел бы спасение на небе.

По первому его призыву в Анапу начали толпами стекаться князья и дворяне. Один только человек не являлся долго — это был бжедугский князь Аходягоко. Его завистники, находившиеся уже в Анапе, изображали Аходягоко перед сераскиром самыми черными красками. Говорили, что он, предавшись всей душой русским и участвуя в их карательных экспедициях против шапсугов и абадзехов, проливал кровь мусульман. Паша сначала было поверил им и обещал прекратить зло, причиняемое этим опасным человеком, даже убить его самого, если это окажется необходимым, но когда увидел, что правоверные князья слишком уж интересуются судьбой их соотечественника-отступника, сказал: «Надобно этого человека узнать покороче: об нем что-то много говорят!..»

Наконец в Анапу явился князь Аходягоко. «Как я слышал, князь, ты усердно служишь неверным: из преданности к ним проливаешь кровь мусульман!» — сказал ему сераскир резким голосом, гневно сверкая глазами. Но тот, к кому относились его слова, не испугавшись угроз, произнес: «Да! Я служу русским потому, что они покровительствуют мне, сражаюсь с врагами русских, для них убиваю и мусульман, не щажу и себя — я дал слово все это делать и не перестану делать, пока останусь под их покровительством. То же самое буду делать и для падишаха, если ты призовешь меня на его службу. Но не хочу обманывать: если не будешь меня ценить, как этого я заслуживаю, то не стану ни служить, ни повиноваться; ни для кого не намерен я унижать себя; не буду ни за что на равных с теми, которые уступают мне в достоинствах!..» Так ответил гордый князь и при последних словах сердито взглянул на князей, своих завистников, стоявших тут же молча, в смущении. Даже выдавшего виды турецкого сераскира поражала безграничная готовность многих князей, старшин и мулл ради своей временной выгоды или из-за неудовлетворенного самолюбия предавать интересы своих народов; и все же смелый прямой ответ Аходягоко понравился сераскиру, и с этого дня храбрый князь сделался предметом его особого уважения.

Имя Хаджи-Хасана запечатлелось и в устном фольклоре адыгов. В песне о народном герое Шрухуко Тугузе, которую слышал в 60-х годах XIX века в исполнении ашуга адыгейский просветитель Крым-Гирей, говорится, что «Гасан-паша, великий начальник Анапы, усыновляет Шрухуко Тугуза и представляет его народу как сына. Седр-азам, племянник Гасан-паши, льстясь мыслью увидеть героя, присылает к нему пригласительное письмо. Шрухуко Тугуз склоняется на просьбу Седр-азам и отправляется на корабле в Стамбул».

Пока сераскир имел дело с черкесами, которые сохранили феодальное устройство и поэтому были более расположены к признанию власти Стамбула, или с натухайцами, издавна привычными к торговым связям с Турцией, то все улаживалось довольно быстро. Сераскир, окруженный приверженцами-черкесами и почетной стражей из турецкого гарнизона, шел из Анапы на восток, приводил к присяге окрестных жителей и уговаривал их жить по шариату. Осложнения начались у Хасана-паши с частью шапсугов, категорически отказывавшихся принять шариат и признать фактически турецкое

подданство. До этого Хасану удавалось налаживать отношения с шапсугскими лидерами. Так, по настоянию Хасана-паши храбрый предводитель шапсугских наездников Кзильбей Шеретлуков совершил паломничество в Мекку.

Но как только сераскир Хаджи-Хасан вступил в пределы непокорных шапсугов, народ с оружием в руках преградил ему дальнейший путь. После тщетных переговоров оскорбленный и разъяренный сераскир вынужден был возвратиться в Анапу, откуда вскоре отплыл в Трапезунт.

...Началась русско-турецкая война 1828—1829 годов, приведшая к поражению Османской империи. По Андрианопольскому мирному договору к России отошло все Кавказское побережье Черного моря, от устья реки Кубань до северной границы Аджарии. Анапа стала российской крепостью.

Десять лет спустя к генералу Н. Н. Раевскому (младшему), командовавшему Черноморской береговой линией, прибыли шапсугские старшины. Старшины хотели получить объяснения, по какому праву Россия требует от них повиновения и идет на них войной. Раевский объяснил: «Султан отдал вас в пешкеш — подарил вас русскому царю». И получил ответ: «А! теперь понимаю, — сказал шапсуг и указал ему на птичку, сидевшую на ближнем дереве: — Генерал, дарю тебе эту птичку, возьми ее!» Этим и кончились переговоры.

«Мы и наши предки были совершенно независимы, никогда не принадлежали султану, потому что его не слушали и ничего ему не платили, и никому другому не хотим принадлежать. Султан нами не владел и поэтому не мог нас уступить», — утверждали горцы.

Это было еще только начало разгоравшегося в Черкесии пожара, в чудовищном пламени которого предстояло сгореть целым народам... Черкесы остались один на один против огромной армии царской России. Начался отсчет трагедии кавказских народов.

По инициативе Бесльния Абата, решившего узнать настоящее положение дел Турции и действительно ли черкесов закрепили по Андрианопольскому миру за Россией, в Стамбул отправилась делегация черкесов-шапсугов. Переплыв Черное море на одном контрабандном судне, депутаты остановились в Трапезунте, где бывший анапский сераскир Хаджи-Хасан, живший там по немилости подозрительного

Дивана без должности, принял старых своих знакомых радушно и отправил их с рекомендательными письмами в столицу. Депутация была встречена в Стамбуле весьма ласково и отправилась обратно, осыпанная подарками и обещаниями. Но уже без надежды на Турцию.

В Трапезунте Хасан-паша снова ласково принял Бесльния и его спутников и со слезами на глазах высказал ему свое искреннее сожаление, что не может содействовать успеху их миссии. Одарив своих старых знакомых богатыми подарками, Хаджи-Хасан проводил их до корабля.

Черкесы уходили все дальше в море, еще долго различая на берегу сгорбленную, понурую фигуру старика. Они видели его в последний раз...

Хан-Гирей так писал о Хасане-паше: «...знаменитый в сношениях Турции с этой страной Хаджи-Хасан-паша, человек, судя по последствиям кратковременных его здесь действий, государственный, с большими способностями ума, каких не показывал до тех пор ни один иноземный сановник в этой части кавказского края».

«Старики-натухажцы вспоминают имя Гасан-Паши с уважением», — писал царский военный историк Н. Дубровин.

Такой была жизнь первого генерала из чеченцев Хаджи-Хасана-паши Чечен-оглы, искренне желавшего процветания Турции и питавшего несбыточные надежды принести мир родине своих предков.

Тайми Биболт

Одним из самых замечательных образов чеченского героического эпоса всегда был Тайми Биболт (Бейбулат). Чеченские илли воспевали мужество, благородство, щедрость, гостеприимство, верность дружбе и слову, патриотизм «именем прославленного Таймин Биболата» и его знаменитых соратников — тамады именитых молодцев «старого волка» Мадин Жаммирзы из аула Чечен (его мать была сестрой отца Тайми Биболта), младших друзей Биболта — Зайтан Шах-мирзы, Жумин Актулы, отчаянного Баччи Элмарзы, молодого аккинского Жанхота и многих других.

Родился Биболт (Бейбулат Таймиев) в 1779 году на хуторе у села Шали в семье колесного мастера Тайми из тайпа билтой.

В конце XVIII века вся Чечня находилась под огромным влиянием прошедшей под руководством алдынского жителя имама Мансура народно-освободительной войны горцев Северного Кавказа 1785—1791 годов.

Отброшенные в результате героического сопротивления кавказских народов за реку Терек, царские войска с 1801 года возобновляют строительство Военно-Грузинской дороги, разоряя аулы своими набегами и занимая горские земли крепостями, постами, укреплениями и станицами. Превращенные в пепелища родные селения, кровь близких, слезы матерей вселяют в сердце юного Бейбулата жгучую ненависть к захватчикам.

Перед опасностью закабаления со стороны царских властей вновь начинаются волнения среди горских народов. Прославленные джигиты ведут против завоевателей партизанскую войну, нападая на царские крепости, укрепления и военные поселения. Уже в возрасте 23 лет своими подвигами становится известен в Чечне и Бейбулат Таймиев.

Осенью 1802 года с небольшой группой в 7 человек Бейбулат переправляется на надутых козлиных тулуках через реку Терек, нападает на казачий кордон и, мстя за убитого друга, перебивает 11 дозорных, затем отбирает оружие, поджигает кордон и отправляется тем же путем обратно. Молодому Бейбулату это дело создало имя отчаянного абрека. Царское командование в своих приказах по действующим войскам пишет: «Неизвестный злодей — чеченец Бейбулат, переправившись нагим через Терек, учинил большое злодеяние, за что мошенника надлежит изловить».

Пока Бейбулата пытаются изловить, молодой абрек, собрав вокруг себя довольно большую по тому времени для Чечни группу, в продолжение целого года занимается набегами; повсюду ему сопутствует успех. 27 сентября 1802 года Бейбулат с группой в 20 человек вновь переправился на тулуках через Терек, в отчаянной схватке около хутора Парабоч захватил в плен полковника Дельпоцо (будущего генерал-майора, коменданта Владикавказской крепости), убил на месте трех казаков и скрылся с пленным в горы. Оттуда потребовал за освобождение полковника 20 000 рублей серебром. Последовали продолжительные торги, и в конце концов Бейбулат уступил пленного царскому командованию за меньший выкуп.

После ряда успешных действий отряда Бейбулата к нему начинают присоединяться другие повстанцы. Бейбулат предпринимает усилия по объединению повстанцев Чечни. Однако царские власти, встревоженные все разрастающимся движением на Северном Кавказе и появлением организационного начала, стараются сбить накал борьбы системой подкупа, раздачей чинов, земель и имущества. Для ослабления движения на Северном Кавказе царские власти пытаются спровоцировать столкновения и вражду между горскими народами.

Бейбулат со своим отрядом продолжает тревожить царские войска и станицы близ Кавказской укрепленной линии. Бейбулат становится известен не только местному начальству колониальных войск, но и императору Александру I, которому в рапорте докладывали: «Наиболее вреда нам наносящий разбойник чеченский Бейбулат Таймиев, дерзостью своих разбойств нас беспокоит». На протяжении пяти лет Бейбулат участвует в каждом набеге, в каждой стычке с колонизаторами.

Война на Северном Кавказе шла на убыль. После разгрома ряда селений царские власти выделяют огромные денежные средства и подарки наиболее влиятельным лицам из чеченского народа. В этот период открытая война чеченцев с царизмом затихает, хотя в менее организованной форме еще продолжает вестись. Но вследствие усталости и под влиянием подкупленных старшин население уже слабо поддерживает сражающихся. Жителей принуждают к выдаче аманатов царским властям.

В 1807 году на съезде старшин 104 селений Бейбулат обсуждает положение и под их нажимом приходит к решению прекратить

сопротивление и заключить мир. Царское командование посылает к Бейбулату своего эмиссара, который предлагает ему от имени русской администрации, в случае перехода на царскую службу, чин капитана и жалованье в 250 рублей серебром. Судя по документам, 6 сентября 1807 года «важные двое человек, которые в Чечне много значат: наездник Бейбулат Тайманов и его товарищ Чулик Кендиргеев (Гендергенов из села Старые Атаги. — Д. Х.), коим Вашим именем объявил капитанские чины с тем, если они успеют в спомоществовании моем к склонению чеченцев к окончательному покорению русским, на которое от Вашей светлости решение еще не последовало — сдались».

Находящегося в русском лагере Бейбулата, несмотря на милости и щедрости, не устраивает положение прислужника колонизаторов. На запрос генерала Гудовича о Бейбулате ему сообщают, что Бейбулат ведет себя тихо, жалованье получает аккуратно, мундира не носит и ничего не делает, т. е. не сообщает сведения, необходимые для операций в Чечне.

Царское командование делает вначале на Бейбулата большую ставку. Генерал Ивелич в своем рапорте графу Гудовичу от 7 ноября 1807 года пишет: «Приехав ко мне из деревни Шали, главный чеченский наездник старшина Бейбулат Таймиев, через посредство Хаджи Реджеба и старшины Темурка Гатеева, именем Вашим уговоренный, который раскаясь в своих прежних противу России делаемых с партиями своих злодеяниях, учинил на верность подданству России присягу, с которой донеся начальническому Вашей Светлости благорасположению, как он человек, может быть весьма нужный в здешнем месте и заслужит более прочих в Чечне, носящих имя офицера, получающих жалованье, не оставить начальническим Вашим покровительством с отличием его, чрез кое более усердствовать будет впредь, в случае могущих быть от Чечни противных последствий к удержанию. Хаджи же Реджеба именем Вашим довольно его обнадежил, которое пригласило его к склонению».

Из переписки видно, что к тому времени смирились около 15 селений, остальные 15 аулов плоскости мириться не хотели. Поэтому Хаджи-Реджеб просил у генералов еще 3000 рублей серебром «для приведения в верноподданство остальных немирных чеченских деревень». Но 3000 рублей, присланные Хаджи-Реджебу, как и многие другие тысячи рублей, не привели Чечню в верноподданство, как не

привели в верноподданство Бейбулата пожалованные ему чины и деньги.

29 декабря 1807 года, вернувшись из Тифлиса, куда он был послан для беседы с главнокомандующим, Бейбулат получает сообщение, что его товарищи произвели нападение на казачий кордон. Бейбулат ночью бежит из русского лагеря в Чечню и вновь собирает вокруг себя удалцов. «Большой чеченский наездник, который в Чечне много значит», появляется на кордонной линии, внося смятение и сея панику среди казаков.

Кизлярский комендант генерал Ахвердов, негодуя на продолжающиеся набеги абреков и на поведение Бейбулата, пишет графу Гудовичу: «Мне известно, что Шалинский старшина Бейбулат Тайманов и Атагинский Чулик обязались при проведении их на высочайшие пожалованные чины к присяге, чтобы всяческие хищнические чеченские толки отвращать и о прочих всяких намерениях, ко вреду нам служащих, тотчас доносить, но и со времени получения ими чинов и жалованья поныне ни о каких чеченских намерениях уведомляем не был и особливо этого Бейбулата я и поныне не видал».

Военные действия в Чечне то утихают, то вновь вспыхивают, как порох. Летом 1810 года Бейбулат во главе чеченцев и карабулаков, с отрядом в 600 человек дает царским войскам целое сражение, в результате которого получает ранение, но наносит противнику тяжелый удар. В октябре того же года Таймиев собрал под свое знамя до 800 человек, но осведомленность царских властей о готовящемся набеге и возникшие раздоры среди лидеров помешали выполнению его плана.

В рапорте генералу Тормасову пристав Мурза-Мамед Келекаев писал: «Нарочный, посланный мною в заречные кумыкские деревни, сотник Шабаз-Гирей Кандемиров, для разведывания о покушениях неприязненного нам чеченского народа, о которых я имел честь доложить Вашему Высокопревосходительству с № 26 от 31 минувшего октября, сего числа прибыл ко мне в г. Кизляр через Ландурин, объявил мне, что чеченцы действительно были собраны весьма во многом количестве из разных чеченских деревень при главном их предводителе чеченце Бейбулате Тайманове, с тем, чтобы сделать нападение на казачьи станицы, но однако сие намерение, по неведомым мне причинам, отменено и собравшиеся разъехались по своим деревням».

Зиму Бейбулат с незначительной группой проводит в набегах на Кавказскую линию. Однако война Чечни с царизмом опять идет на спад, и царские власти вновь предлагают Таймиеву прекратить сопротивление и вернуться на царскую службу. Генерал Тормасов пишет есаулу Чернову: «Относительно Бейбулата Тайманова. Вы можете убедить его моим именем, что если он обратится к обязанности своей, сделается покорным, в чем даст Вам присягу и согласится приехать с Вами ко мне, то ему возвращен будет его чин и жалованье, и может еще надеяться получить большие милости, что зависит единственно от него самого».

Оригинально решался царским командованием вопрос об источнике финансов для подкупа чеченских верхов: «Весьма согласен я на то, чтобы склонить главнейших чеченских старшин и их духовенство на пользу нашу с предложением Вами вознаграждения важнейших из них, в рапорте поименованным дать по 250, а другим по 150 рублей серебром, собрать же означенные деньги от их же деревень». Это характерное проявление «милости» со стороны царского командования.

31 мая 1811 года Бейбулат вновь приезжает в лагерь русских. Он для видимости отказывается от борьбы и живет совершенно спокойно. Но через некоторое время покидает лагерь, прихватив с собой в плен майора Шевцова. Поняв бесперспективность борьбы с царскими войсками без объединения сил горских народов, Бейбулат начинает переговоры с аварским Шах-Али-ханом о помощи чеченцам в борьбе с царизмом. Переговоры увенчались успехом. Аварский хан, получив от Бейбулата большие деньги, посылает в Чечню наемные дружины аварцев, которые в соединении с чеченцами представляют довольно серьезную организованную силу.

Царизм, отвлеченный борьбой с Ираном и Турцией, затем войной с Наполеоном, не может вести на Кавказе наступательную политику, поэтому царская администрация старается привлечь на свою сторону лидеров горских народов щедрыми подарками и всяческими уступками.

В апреле 1816 года командиром Кавказского корпуса вместо генерала Ртищева был назначен генерал от инфантерии Алексей Петрович Ермолов. Готовясь к наступательным действиям на Кавказе, Ермолов проводит встречи с влиятельными лицами горских народов. По некоторым данным, с Бейбулатом он встречался дважды, первый раз в — Георгиевске (Гуьме); стараясь привлечь его на свою сторону,

обещал за верную службу большие привилегии. Ермолов вел себя с Бейбулатом осторожно, зная, какой резонанс может вызвать среди чеченцев коварство, проявленное в отношении председателя Совета страны (*Мехкан кхел*), каковым являлся Бейбулат. Так, своего подчиненного, начальника левого фланга линии генерала Грекова, впоследствии пытавшегося под предлогом переговоров заманить Бейбулата в крепость и расправиться с ним, Ермолов в письме предупреждал: «Раз Вы сами пригласили его, то Вы должны подобающим образом встретить и проводить его, ни в коем случае не задерживая и не применяя насилия. Другое дело, если Вы его взяли в плен в открытом бою. Тут уж Ваше право делать с ним, что Вам заблагорассудится».

В 1818 году командир Кавказского корпуса Ермолов, «получив высочайшее соизволение», переносит Кавказскую укрепленную линию с левого берега среднего течения реки Терек на реку Сунжу, сжимая непокорную Чечню новыми крепостями и укреплениями. На оккупированной территории построены укрепления Назрановское, Преградный Стан (1817 год), Неотступный Стан, Злобный Окоп, Внезапная (1819 год) и другие. В 1818 году на чеченской земле строится крепость Грозная. О целях построения крепости Ермолов недвусмысленно писал императору Александру I: «В нынешнем 1818 году, если чеченцы час от часу наглеющие не воспрепятствуют устроить одно укрепление на Сунже в месте самом для нас опаснейшем или если успеть возможно будет учредить два укрепления, то в будущем 1819 году, приведя их к окончанию, тогда живущим между Терекком и Сунжею злодеям, мирным именующимся, предложу я правила для жизни и некоторые повинности, кои истолкуют им, что они подданные Вашего Императорского Величества, а не союзники, как они до сего времени о том мечтают. Если по-настоящему будут они повиноваться, назначу по числу их нужное земли количество; если же нет, предложу им удалиться и присоединиться к прочим разбойникам, от которых различествуют они одним только именем, и в своем случае все земли останутся в распоряжении нашем».

Крепость Грозная строилась не на пустом месте. Лежащие на этой территории восемь цветущих чеченских селений (Бугун-юрт, Амирхан-кичу, Кули-юрт, Сорочан-юрт, Сунжа, Н. Чечен, Топли, Алкханчу) были уничтожены, а население согнано с земель. Уже после построения

крепости Грозной Сунженская деревня (Сольжа), «взятая штурмом, была истреблена до основания. Последствием этого было, что большая часть мирных окрестных аулов бежала в горы, и цветущие берега с тех пор надолго опустели».

Царские генералы переселяли горские аулы на плоскость и принуждали подчинившихся горцев к тяжелым работам по строительству дорог и мостов. Уклонившихся нещадно штрафовали, отбирая скот и имущество. Сопротивляющихся жестоко наказывали, причем репрессии осуществлялись по принципу «круговой поруки» — «мстили племенам за вину нескольких лиц». Началась политика массового террора, военной и экономической блокады непокорного народа.

«Малейшее неповиновение, — писал Ермолов в «Обращении» к чеченцам, — и Ваши аулы будут разрушены, семейства распроданы в горы, аманаты повешены, деревни истребляются огнем, жен и детей вырезают». Административная власть на завоеванной территории передавалась царским приставам. Они облагали население различными штрафами, контрибуциями, разнообразными повинностями, запретами на совершение паломничества к святым местам ислама, продолжали насильственную христианизацию осетин и ингушей, требовали от чеченцев выдачи беглых русских солдат и казаков, живших в горских аулах, обогащались за счет прямого военного грабежа и ничем не прикрытой эксплуатации местного населения.

Отказавшийся участвовать в геноциде против горцев генерал Н. Н. Раевский, уезжая с Кавказа, писал военному министру А. И. Чернышеву: «Я здесь первый и один по сие время восстал против пагубных военных действий на Кавказе и от этого вынужден покинуть край. Наши действия на Кавказе напоминают мне бедствия первоначального завоевания Америки испанцами...»

Не менее сурово действия русских войск и администрации на Кавказе осудил русский поэт, критик, государственный и общественный деятель князь П. А. Вяземский в письме к А. И. Тургеневу. 27 сентября 1822 года он упрекнул А. С. Пушкина, восхищенно отозвавшегося о Ермолове в эпилоге своей поэмы «Кавказский пленник»: «Мне жаль, что Пушкин окровавил последние стихи своей повести. Что за герой Котляревский, Ермолов? Что тут хорошего, что он

Как черная зараза
Губил, ничтожил племена?

От такой славы кровь стынет в жилах, и волосы дыбом становятся. Если бы мы просвещали племена, то было бы что воспеть. Поэзия не союзница палачей... гимны поэта не должны быть никогда славословием резни».

Садистские наклонности палача проявляли и подчиненные генерала, и лично А. П. Ермолов. Н. Н. Муравьев-Карский в своих «Записках» рассказывает: «Алексей Петрович (Ермолов) посрамил себя тогда поступком самым предосудительным. Он часто вешивал и казнил горцев без суда; но казни, им произведенные в лагере, вне столицы, в присутствии одних войск, хотя и обсуждались, но вслед за сим забывались его соотчиками и служили только к ожесточению тех самых горцев, в коих он хотел вселить сим страх. Пойманного муллу он велел повесить на виду всего города за ноги. В таком положении он был оставлен для позорища народу. Голова его наливалась кровью, глаза, губы наполнились оною. Он всячески просил помилования и, полагая, что его мучают за разноеверие, клялся есть свинину и пить вино, если его освободят. Видя тщетность всех его просьб, он решился искать своего спасения, и в минуту, когда народ, насытившись уже сим зрелищем, стал отходить, он раскачался и, ухватившись руками за перекадину, на которой его повесили, влез на оную и начал отвязывать свои ноги. Но он уже был лишен зрения от того тяжкого положения, в коем он так долго находился. Частный офицер, при сем находившийся, велел его немедленно снять и, повесив в прежнем положении, привязать руками к двум кольям, которые воткнули в землю под виселицею. В сем положении страдалец оставался до вечера. Смерть не прекращала его мучений до самого утра. Наконец о сем доложили Алексею Петровичу. Он приказал повесить его обыкновенным образом, т. е. за горло, чем и пресеклись его страдания».

Политику геноцида против чеченцев, «сильнейшего народа и опаснейшего» на Северо-Восточном Кавказе, генерал Ермолов выразил в формулировке: «Я не успокоюсь до тех пор, пока не останется в живых ни одного чеченца». (Через полвека на другом конце земли соратник Ермолова по духу — североамериканский колонизатор

генерал Шеридан скажет свою «знаменитую» фразу: «Единственный хороший индеец, которого я знаю, — это мертвый индеец».)

Именно при Ермолове стали правилом позорившие русское оружие жестокие карательные набеги на мирные кавказские аулы, с уничтожением населения, домов, посевов, садов и лесов, угоном скота и разграблением имущества. 15 сентября 1819 года был уничтожен до основания, вместе с жителями, аул Дади-юрт, следом — Исти-су, Горячеводское, Нойберды, Аллерой, Кошкельды, взяты штурмом и уничтожены деревни Топли, Старый Юрт и другие.

Величайший гуманист, «гордость земли русской» Лев Николаевич Толстой, до глубины души потрясенный зверствами и жестокостью царской политики на Кавказе, особенно воинственно проводившейся Ермоловым, прочитав об уничтожении аула Дади-юрт и о казнях, учиненных над горцами Ермоловым, решил включить в лучшую из своих повестей «Хаджи-Мурат» обличительную, потрясающую по силе воздействия, гуманизму и состраданию к людям девятую главу, не пропущенную в первоначальном виде цензурой. Начинается эта глава с того, что «...под предлогом внесения цивилизации в нравы дикого народа... слуги больших военных государств совершают разного рода злодеяния над мелкими народами, утверждая, что иначе и нельзя обращаться с ними. Так это было на Кавказе...

Чтобы отличиться или забрать добычу, русские военные начальники вторгались в мирные земли, разоряли аулы их, убивали сотни людей...

Ермолов, один из самых жестоких людей своего времени, считавшийся очень мудрым государственным человеком, доказывал государю вред системы заискивания, дружбы и доброго соседства. Мало того, что считались полезными и законными всякого рода злодеяния, столь же полезными и законными считались всякого рода коварство, подлости, шпионства, умышленное поселение раздора между кавказскими ханами». И далее Толстой приводит пример исключительной жестокости Ермолова: «За убийство горцем русского священника он велел повесить убийцу — это было в Тифлисе — не за шею, а за бок на крюк, приделанный к виселице. Когда же после страшных, продолжавшихся целый день мучений горец сорвался как-то со своего крюка, то Ермолов велел повесить его за другой бок и держать, пока не умрет».

В 20-х годах XIX века плоскостная Чечня была разгромлена и разграблена царскими войсками. Уничтожены десятки аулов Дагестана, Ингушетии, Кабарды, Адыгеи и других территорий Кавказа. Завоеванное население было обременено многочисленными налогами и поборами. Завоеватели, чувствуя себя полновластными хозяевами, бесчинствовали и издевались над населением, не считаясь с местными нравами и обычаями. Проводились многочисленные унижительные и жестокие казни горцев. Царские власти считали, что «один только страх русского оружия может удержать горцев в покорности». У кавказцев отбирали средства к существованию и защите.

Для удержания местного населения в покорности вблизи аулов располагали военные укрепления, плодородные равнины занимали линией передовых военных укреплений. Эти меры должны были поставить поработанное местное население в полнейшую зависимость от русской администрации.

Ермолов полагал, что таким способом «довершено... покорение Чечни», но это было далеко не так. Свободолюбивый народ Чечни не желал покоряться царским приставам и подчиняться колониальному режиму. Не было лишь руководящей силы, способной сплотить вокруг себя горское население, не хватало идеи, которая помогла бы ему преодолеть влияние социальной и межобщинной разрозненности. В середине 20-х годов XIX века такая сила среди горцев нашлась.

Еще в начале 1822 года Бейбулат при помощи влиятельных чеченских кадиев Абдул-Кадыра из Герменчука и муллы Мустафы, бежавшего в Герменчук из сожженного Сунженского аула, пытался поднять всеобщее восстание в Чечне. По этому поводу начальник левого фланга Кавказской линии Н. В. Греков рапортовал: «Начиная от Аксая до вершины Осы, все пришло в движение, чеченцы бросили дома, начали убираться в леса... не доставало только снегу и холодной погоды, чтобы народ чеченский испытывал все бедствия при подобных случаях неизбежные и почувствовал необходимость покориться».

Экспедиция Грекова, которого А. С. Грибоедов называл «грабителем», уничтожила, несмотря на отчаянное сопротивление чеченцев, два аула — Шали и Малая Атага, жители которых принимали более активное участие в волнениях. В истерзанной карателями плоскостной Чечне в 1823-м—первой половине 1824 года наступает

«временное затишье», ознаменованное уничтожением царскими войсками в «профилактических» целях аула Большой Чечен.

В 1824 году в Чечне становится известным, при активной поддержке Бейбулата, джигит и примерный мусульманин Авка Чермоевский (Гаука) из Герменчука.

Избранный имамом против своего желания, Гаука тем не менее активно включается в борьбу. При помощи Бейбулата он обновляет оборонительный ров в Ханкальском ущелье, вырытый еще в 1735 году и получивший в 1824 году название Хювкин ор (ров Гауки).

Однако вскоре во время карательной экспедиции царских войск Гаука попал в плен, и по дороге в крепость был отравлен. Но весть о появлении имама в Чечне быстро распространилась — она была долгожданной: после движения имама Мансура у чеченцев существовало поверье, что шейх Мансур не умер, а исчез, и имам должен возвратиться для освобождения народа от ига чужеземцев.

Встревоженный Ермолов неоднократно докладывал высшим военным властям и лично Александру I о необходимости укрепления левого фланга. Его беспокоило, что в борьбу против царских властей все энергичнее вмешивалось духовенство, способное сплотить религией разрозненные горские народы.

4 марта 1825 года императором Александром I был прислан в качестве начальника Кавказской линии Д. Т. Лисаневич. Весной по Чечне прошли карательные экспедиции, наказывавшие жителей за укрывательство бежавших от царских властей кабардинцев. Целый ряд аулов был razорен, у населения истреблен корм для скота и посевы. Скот падал, лишённые крова и пищи чеченцы страшно страдали от холода и голода, но все это, достаточное, по мнению руководившего экспедицией генерала Грекова, «чтобы поработить всякий другой народ», «едва поколебало нескольких чеченцев — упорство их неимоверное».

В марте—апреле 1825 года старшины, муллы и кадии активно готовили восстание, но считали его еще недостаточно созревшим, в связи с чем пошли на временный компромисс с российской стороной, давая аманатов российским властям.

29 мая 1825 года в Майртупе в торжественной обстановке открылся всечеченский съезд лидеров народа. Присутствовавшие на нем представители чеченского, ингушского, кумыкского, дагестанских

и кабардинского народов и представители духовенства официально провозгласили имамом Махому (Магомедом Кудуклинским). Во все концы Чечни, Ингушетии и других земель поскакали гонцы с этим известием.

Пожар восстания разгорался в Чечне, Ингушетии, начались волнения среди кумыков. На соединение с ополчением Бейбулата пошли воины из горного Дагестана. На борьбу поднялись народы Кабарды и Закубанской Черкесии (Адыгеи). Начались бои и вооруженные столкновения с царскими войсками, направленными для экзекуции повстанцев.

8 июля 1825 года Бейбулат с повстанцами штурмом берет очень важное укрепление царских войск Амир-Аджи-юрт, захватывая пушку и пленных. Падение Амир-Аджи-юрта было серьезным успехом восставших и послужило сигналом ко всеобщему восстанию. Для царского командования это нападение оказалось полной неожиданностью и вызвало растерянность. Греков писал Ермолову: «Чтобы мятежники поколебали укрепление — этого я никогда не мог помыслить. Надобно же было, чтобы неимоверная оплошность дала всем делам новый ход». Ермолов был взбешен.

Взяв Амир-Аджи-юрт, повстанцы во главе с Бейбулатом быстро двинулись с гехинской поляны на север к реке Сунже, чтобы овладеть укреплением Злобный Окоп, и заставили его гарнизон отступить на Терек. Затем Бейбулат стремительно поворачивает к укреплению Преградный Стан. Взять его не удалось, но «выжгли в нем несколько строений, забрали пленных и увезли два единорога».

Отсюда вниз по течению реки Сунжи лежал путь к крепости Грозной. Греков со своим отрядом из крепости Герзель спешит к Грозной. Узнавший об этом Бейбулат резко изменил направление, и его конница появилась в восточной части Чечни, у реки Гудермес, возле аула Умахан-юрт. Там находилась основная часть повстанческой армии, ранее отошедшая на кумыкскую плоскость во главе с имамом Махомой. Бейбулат обложил Герзель-аульское укрепление. Одновременно на сторону повстанцев перешла часть надтеречных чеченцев, собравшихся захватить Старый Юрт и отрезать Грозную от Старой Терской линии. Положение дел царского командования становилось все более угрожающим.

В течение 5 дней шла непрерывная осада Герзель-аульского укрепления. Бейбулат сделал попытку овладеть им хитростью. Герзель-аульский комендант доносил Грекову, что неприятель устроил ему «сюрприз». «К укреплению подъехал офицер в эполетах, с большой свитой и требовал, чтобы ему отворили ворота, уверяя, что он пришел на помощь: непростенного гостя, однако, попросили убираться подобру-поздорову, пригрозив, что будут стрелять». Лишь на шестой день после того, как генералы Греков и Лисаневич со всеми силами двинулись к Герзель-аулу, горцы организованно ушли по разным направлениям.

В Герзель-аульском укреплении царские генералы решили устроить показательную экзекуцию для устрашения горцев. В укрепление были вызваны 318 человек из уважаемых людей аксаевских (кумыкских и чеченских) селений. Генерал Лисаневич, выкликая поочередно собравшихся, на кумыкском языке угрожал им, подвергал оскорблениям. Первые двое стерпели оскорбления. Третьего же — заупрямившегося муллу Учара-хаджи из села Майртуп генерал Греков велел связать и пытался нанести оскорбление действием. В ответ чеченец Учар-хаджи убил кинжалом Грекова и смертельно ранил генерала Лисаневича. После команды Лисаневича: «Коли!» началось массовое истребление солдатами всех безоружных горцев, бывших в укреплении. Были убиты даже трое грузин и несколько гребенских казаков, одетых в черкески. Некоторые из горцев, отняв у солдат оружие, убили два десятка солдат. Лишь немногие из них сумели вырваться из крепости живыми.

Кавказская линия осталась на короткое время без генералов.

А Герзель-аульская трагедия вызвала бурю возмущения среди северокавказских горцев. Военные действия вспыхнули с новой силой.

25 июля 1825 года в Майртупе прошел очередной съезд чеченских старшин. Среди руководителей движения возникли разногласия. Имам Махома и некоторые другие участники съезда требовали ухода всего населения в горы, чтобы организовать там оборону.

Бейбулат же со своими сторонниками требовал активной наступательной войны, превращения каждого плоскостного аула в укрепленный пункт, участия всего населения, в том числе и членов семей, в защите своих домов и имущества. Бейбулат требовал, чтобы семьи вернулись из горных лесных мест, где они скрывались. Он был

противником ухода всего населения в горы, так как брошенная территория сразу же была бы занята казачьими станицами и царскими войсками, а сеть царских укреплений закрыла бы горцев в ущельях, обрекая их на голодное существование.

Не получив поддержки, Бейбулат ушел со своими приверженцами на реку Мичик. Отсутствие единства среди восставших привело к спаду движения. Лазутчики назначенного на место убитого генерала Грекова подполковника Сорочана (вместо умершего от ран командира Кавказской линии генерала Лисаневича был назначен генерал-майор П. Д. Горчаков, которого поэт А. С. Грибоедов окрестил «карточным генералом») сообщали, что «толпы на кумыкской плоскости мало-помалу стали расходиться».

Бейбулат и его соратники собрали 2-тысячный отряд и с десятью знаменами вскоре двинулись с Мичика в центральную Чечню, к Шали, Хан-кале, и в Малую Чечню, к селениям Гойты и Гехи. Не имея сил остановить Бейбулата, царское командование оставалось в роли стороннего наблюдателя.

Положение на линии было настолько угрожающим, что сам командир Кавказского корпуса генерал Ермолов 3 августа под охраной батальона ширванцев и трех неполных сотен донских казаков спешно приезжает из Тифлиса (через Владикавказ) в крепость Грозную. Не задержавшись здесь, генерал двинулся к крепости Внезапной, находившейся у селения Эндери.

29 августа Бейбулат с небольшим отрядом прибыл в аул Хан-кала и двинулся к крепости Грозной. Для разведки боем было отобрано 120 удальцов. Затем Бейбулат разделил их на две группы по 60 человек каждая. Ночью одна группа с целью отвлечения сил напала на люнет, расположенный восточнее Мамакаевского аула (современная станица Первомайская), а вторая часть во главе с Бейбулатом ворвалась внутрь крепости и начала уличный бой, в ходе которого чеченцы даже заняли казарму. Затем, разбив въездные ворота, лихие чеченские всадники выехали из крепости. Растерянное царское командование, пытаясь оправдать свою беспомощность, в донесениях преувеличивало отряд Бейбулата до 2 тысяч человек, называя среди его участников чеченцев, карабулаков и ингушей.

После этой операции Бейбулат с отрядом вернулся в Хан-калу. Уже на другой день, 30 августа, Бейбулат был в Атагах, где на

многочисленном собрании народа и старшин рассказывал об успехе задуманной им операции, подчеркивал незначительность сил, с которыми удалось ворваться в крепость, и призывал горцев собираться под его знамена поскорее, пока не опал лист и царские войска не готовы для ответных ударов.

Несмотря на постоянные попытки царской администрации внести вражду между родственными кавказскими народами, целенаправленную политику натравливания их друг на друга по имперскому принципу «разделяй и властвуй», Бейбулат имел связи и единство действий с повстанцами Дагестана, Ингушетии и Кабарды, а также Адыгеи. Чеченцев-карабулаков и ингушей в начале восстания поднимал на борьбу друг Бейбулата отважный Джамбулат Цечоев, старшина аула Яндырка, схваченный во время произнесения речи в Назрани приставом Циклауровым и казненный по приказу Грекова в крепости Грозной царскими палачами. Джамбулата шесть раз провели через тысячу шпиц-рутенев и уже мертвого повесили для устрашения народа.

На помощь восставшим в Кабарде Бейбулат послал 300 всадников, а после карательных мер царских войск дал в Чечне приют кабардинским беженцам и семьям.

В Дагестане бежавший из плена мулла Мухаммед-эфенди Ярагский развернул бурную агитацию после начала восстания в Чечне. Он не раз созывал многолюдные собрания духовенства в селе Яраг Кюринского ханства, призывая к священной борьбе за свободу. «От имени пророка повелеваю вам, — обращался незабвенный устаз к присутствующим, — ступайте на свою родину, собирайте народ, прочтите ему мои наставления, вооружайтесь и идите на газават! ...Освободите мусульман, братьев ваших».

В деле объединения всех горских народов Кавказа Бейбулат, как сообщает одно из донесений, «держался с достоинством и самоуверенностью народного правителя, смело вступал в сношения с влиятельными лицами в Дагестане».

В ходе восстания Бейбулат проводил организационные мероприятия в военной и административной сфере. Во второй половине августа во всех деревнях, примкнувших к нему, назначил старшин или *тургаков* (десятников), с помощью присяги подчинил им жителей, ответственность за которых нес тургак. За непослушание

тургаку мог быть наложен штраф в размере 10 рублей серебром. Тургаки подчинялись старшинам, которые принесли присягу Бейбулату, и брали на себя ответственность за поступки населения. В Атаге, например, было назначено 32 тургака. То же было и в других селениях.

Бейбулат создает постоянный отборный отряд, состоящий из тургаков, в количестве 500 человек, который должен собираться «где будет назначено и быть в постоянной готовности».

Через старшин и тургаков в основном осуществлялись такие распоряжения Бейбулата, как изготовление тулупов, заготовка бревен. Каждый двор должен был заготовить по два бревна для создания линии укрепления в долине Ханкала. Бейбулат собирался проложить новый ров, загораживающий дорогу через Ханкальскую долину. Он принимал также меры для оснащения горских отрядов военным снаряжением: изготавливались специальные лестницы для осады крепостей, передвижные дубовые туры на колесах, с которых вели обстрел, придвигая их к рвам крепостей. Бейбулат собирался создать и свою артиллерию из трофейных орудий, к которым были бы приставлены беглые русские солдаты.

В агитационной и административной деятельности Бейбулат и его помощники широко использовали прокламации и письменные распоряжения на арабском и чеченском (на основе унифицированной арабской графики «аджам») языках.

Бейбулат Таймиев на территории Чечни и на территории горских народов Кавказа пытался создать сильное независимое республиканское государство с самоуправлением, соответствующим быту, нравам, религии и обычаям народа.

После постройки двух больших укреплений в Ташкичу и в Амир-Аджи-юрте Ермолов делает подготовительные распоряжения к зимнему походу, намереваясь пройти по Чечне огнем и мечом. В сентябре—октябре 1825 года царское командование готовится к будущим активным действиям: подтягивает дисциплину, приводит в порядок укрепления и усиливает новыми полками гарнизоны крепостей. Сорочан уничтожает аул Шовда у Ханкальской горы (современный поселок Гикало).

В свою очередь Бейбулат в октябре 1825 года проводит операцию по уничтожению нефтяных колодцев и захвату в плен племянника

брагунского князя Устархана Джембулата Актулова, которому эти колодцы принадлежали.

20 ноября Ермолов выехал из станицы Червленной в Кабарду. Узнав через разведчиков о поездке генерала, Бейбулат с небольшой группой лучших наездников бросается к Тереку с отчаянной целью пленить главнокомандующего. Он подстерегал Ермолова за Терekom, но сгустившийся туман помог генералу избежать плена. Проблуждавший в тумане, отряд Бейбулата появился на дороге лишь спустя полчаса после проезда Ермолова.

Вскоре при помощи шамхала Тарковского Ермолову удастся разъединить силы горцев. Шамхал добился того, что аварский хан увел дагестанские отряды из лагеря Бейбулата. Это был сильнейший удар по силам сопротивлявшихся царизму горцев.

Бейбулат, понимая, что царское командование готовит большой военный поход в Чечню, пытается заключить перемирие с царским командованием, чтобы отвести удар. В ноябре—декабре 1825 года Таймиев начал переговоры с Ермоловым через посредничество Сорочана.

Ермолов на переговорах обещает Бейбулату забыть его «грехи» и дать новые привилегии, предполагая таким образом отстранить его от восставших и обезглавить движение. Он приглашает Бейбулата в свой лагерь, гарантирует безопасность, но имеет цель обманом захватить его. Бейбулат же, поняв хитрую игру генерала, делает вид, что соглашается с его доводами, и старается оттянуть время до конца весны, когда повстанцам легче будет действовать. Перемирие не состоялось, переговоры закончились неудачей. И только восстание декабристов в Петербурге в 1825 году ненадолго отложило поход российских войск в Чечню.

В январе 1826 года, дождавшись неудобного для жителей Чечни периода, когда из-за морозов трудно стало укрывать семьи, Ермолов начинает большой карательный поход в Чечню. 26 января выйдя из Грозного, он занял аул Большая Атага. Часть отряда Ермолов двинул на новую резиденцию руководителей восставших аул Чахкери, но в нем ни населения, ни Бейбулата не оказалось. Аул подожгли, и отряд стал уходить. На марше он был атакован конными и пешими чеченцами во главе с Бейбулатом. Царские войска понесли потери, но весь отряд

повстанцам уничтожить не удалось, и Бейбулат увел свои отряды за реку Аргун. Ермолов же с войсками отступил к крепости Грозной.

5 февраля Ермолов двинулся к Аргуну и занял аул Белгатой. Вскоре сюда прибыли старики из селений Шали и Герменчук с просьбой не разорять их села. 8 февраля было «очищено» от жителей селение Алда, «один из самых буйных и мятежных аулов». Начались 20-градусные морозы, заставившие даже царские войска приостановить карательную экспедицию. Но уже после 17 февраля войска Ермолова разорили и уничтожили аулы Малой Чечни — Урус-Мартан, Рошни, Гехи, Белакай, Даут-Мартан и Шельчихи. Об этих «подвигах» Ермолова генерал Дубровин писал: «Во время Ермолова главным образом объектом нападения наших войск служили не горские воинственные аулы, откуда нечего было взять, а мирные, дружественные к нам зажиточные селения, расположенные на равнине рядом с русскими станциями и крепостями и ведущие с нами торговлю. Старшие офицеры, до утра промотавшись в карты, поднимали роту и делали разбойничьи нападения с единственной целью наживы, что при Алексее Петровиче всячески поощрялось».

Пытаясь спровоцировать столкновение между чеченцами и ингушами, Ермолов насильно собирал ингушей в милицию и направлял их вместе с царскими отрядами против чеченских аулов. Однако ингуши отказывались идти против своих сородичей и соратников по борьбе, дезертируя из милиции.

В конце февраля Ермолов приостановил экспедицию, и войска вернулись за Терек. После похода, как писал Н. А. Волконский, «чеченцы были, так сказать, оглушены, но не покорены». Понимая, что одними репрессиями потушить пламя борьбы нельзя, 20 февраля 1826 года Ермоловым была составлена и разослана по чеченским аулам «Прокламация».

Восставший народ сбил спесь с надменного «проконсула Кавказа». В «Прокламации» уже отсутствовали угрозы, присущие «Обращению» 1818 года, типа «село будет сожжено, женщины и дети будут зарезаны» и т. д. Если в «Обращении» содержались лишь перечень обязанностей чеченцев и угрозы в их адрес, то теперь, в «Прокламации» перечислялись и обязанности «российских начальников» по отношению к чеченцам, льготы в виде свободы передвижения по торговым делам, более частой замены одних аманатов другими,

улучшения их содержания, более свободного общения с ними приезжающих родственников.

Ермолов отлично понимал, что такое мощное и продолжительное восстание горцев не поднимает его авторитет перед новым императорским двором. У Николая I складывалось мнение, что неоправданная жестокость Ермолова и его подчиненных вызывает недовольство кавказских народов. И кроме того, командир Кавказского корпуса Ермолов, лично руководящий войсками, дополненными резервами, не может справиться с плохо вооруженными простыми чеченскими крестьянами.

В апреле Ермолов продолжил военные действия против чеченцев. С 12 по 24 апреля были заняты селения Курчали, Гизи, Алхан-юрт, Гехин-кале, Малая Рошни. 25 апреля Урус-Мартан был превращен в развалины. Однако Бейбулат со своим отрядом дал вторичный бой в Урус-Мартане. 27 апреля в жестоком бою Урус-Мартан был вторично сожжен дотла царскими войсками. Под Белгатоем, защищая аул Шали, Бейбулат дал еще один сильный бой царским войскам. «Огонь был жестокий, неприятель имел дерзость броситься в шашки на одну егерскую роту», отмечалось в донесении. В начале мая были сожжены селения Шали и Ставнокол. 11 мая царские войска сделали набег на аул Малая Атага, а 16 мая напали вторично и разорили его.

18 мая была завершена экспедиция Ермолова в Чечню. Были уничтожены цветущие селения, вырублены прекрасные фруктовые сады, сожжены поля, угнан скот. Убиты люди, взяты в плен женщины и дети. Бейбулат со своими соратниками и толпами беженцев ушел в горы. Люди умирали от голода, холода и болезней. После возвращения войск в крепость Грозную Ермолов послал отряд из 500 казаков на Даут-Мартан. Селение было разорено и ограблено. «Борьбой горной и лесной свободы с барабанным просвещением» назвал Грибоедов поход Ермолова в Чечню.

16 июля 1826 года 30-тысячная иранская армия вторглась в Закавказье, что крайне осложнило положение царских войск. То, что Ермолов своими недалёковидными действиями спровоцировал и прозевал вторжение персиян, явилось последним доводом для царя, весной 1827 года сменившего неугодного сатрапа генералом И. Ф. Паскевичем.

Еще в августе 1826 года из Кисловодска на левый фланг Кавказской линии командиром был переведен генерал-майор Е. Ф. Энгельгардт, пробывший здесь три с половиной года; он сразу же взял ориентацию на более разумный, либеральный курс по отношению к горцам.

Был выкуплен из плена «бейбулатовский имам» Авка Унгаев. Как отмечалось в донесениях, «кроткими и разумными мерами» Энгельгардт привлекал на свою сторону слой сельскохозяйственной и торгово-ремесленной Чечни. В декабре 1827 года на имя командующего Кавказской линией Энгельгардт подал проект «Новой инструкции для чеченского пристава» (им был тогда Золотарев). Был разработан ряд проектов для удержания чеченского народа в покорности. Не все проекты одобрил командующий Кавказской линией Эмануэль. Однако и те, что были проведены в жизнь, — отмена телесных наказаний, учреждение в крепости Грозной Чеченского суда, учет особенностей обычаев горцев — способствовали некоторому спаду накала борьбы с колонизаторами. В апреле 1829 года часть чеченских старшин писала Паскевичу, что от вновь назначенного на левый фланг линии генерала «мы приобрели спокойствие... и не видим со стороны его лжи, обмана и нарушения условий...» Вместе с тем в этом же письме говорилось и о «небольшой части» чеченцев, не желающих подчиняться Энгельгардту.

Один из руководителей этой «небольшой части» непокорных — Бейбулат Таймиев отлично понимал кратковременность либерального курса царизма, отвлеченного от Северного Кавказа войной с Ираном и Турцией. В надежде на помощь Бейбулат посещает в 1826 году Иран, а в 1827 году — Турцию. Бейбулат выехал в составе группы влиятельных дагестанских феодалов: Сурхай-хана, его сына Нох-хана и знаменитого в Дагестане Умалат-бека. Лидеры горцев, желая согласовать с восточными державами совместные действия против русского царизма, как обычно в подобных обстоятельствах, подтвердили «подданство» как Ирану, так и Турции и, получив щедрые обещания и богатые подарки, вернулись домой.

Ранней весной 1828 года в Чечню тайно прибыла группа турецких эмиссаров. От имени султана они уговаривали чеченцев подняться против русских. По настоятельным просьбам посланников в селе Майртуп собралось народное совещание чеченцев. Однако ограбленная, разоренная Чечня, живущая под постоянной угрозой

карательных набегов царских войск, поддалась на уговоры «добрых» приставов и обласканных генералами ряда чеченских старшин. В надежде на возможность мирной жизни чеченцы не поддержали посланников султана.

Паскевич, пытаясь выманить из Чечни главного руководителя чеченских повстанцев, в продолжение всего 1828 года через посредников предлагает Бейбулату вернуться на «русскую службу». Ему обещают капитанский чин, прощение и почести. Однако настойчивость, с какой делались эти предложения, показалась Бейбулату подозрительной. И потому переговоры он проводит через шамхала Тарковского Мехти, имеющего звание царского генерала. Бейбулат ведет переговоры о союзе с шамхальством, что заставляет шамхала, желаящего, с одной стороны, преподнести русскому командованию сюрприз, а с другой — приобрести себе новых подданных и огромный доход, утаивать эти переговоры от Паскевича.

6 марта 1829 года Бейбулат со старшинами Чечни прибывает в Тарки. Чеченские старшины, принимая номинальное «подданство» шамхалу, пытались избежать подчинения царским приставам, отвести от Чечни угрозу постоянных набегов, получить льготы подданных шамхальства, оставаясь фактически самоуправляемыми и выплачивая шамхалу необременительную подать с каждого селения. Чеченские старшины требуют также от шамхала какой-либо гарантии, что Бейбулат не будет преследоваться царским командованием. Шамхал Тарковский охотно соглашается выдать в виде заложника чеченским старшинам своего сына, причем о последнем своем шаге согласия царского командования он не спрашивал. Окрыленный успехом, шамхал уведомляет командующего Кавказской армией Паскевича: «Спешу сообщить приятное известие: прибыли ко мне в Тарку из Чечни начальники чеченцев числом в 120 человек. Бейбулат, главный из них начальник, поручил мне сына своего аманатом, а я поручаю ему взять в Чечню сына моего Шахбаза... Надеюсь, что после сего жители Кавказа будут жить спокойно».

Чеченские старшины увезли с собой в глубь страны сына шамхала, а ловкий и блестящий дипломат Бейбулат со своим новым союзником шамхалом Тарковским отправляется к русскому командованию. Царское командование пытается арестовать Бейбулата, но возмущенный шамхал заявил, что, во-первых, он дал чеченским

старшинам слово, что с Бейбулатом ничего не случится, и, во-вторых, за Бейбулата в заложники отдан его сын. При этом шамхал недвусмысленно высказался, что всякое действие, направленное против Бейбулата, есть действие, направленное против него, и он в таком случае ни с чем считаться не будет.

Царское командование серьезно разгневалось на шамхала, но опасаясь его влияния в волнующемся Дагестане, вынуждено было смириться. Графу Паскевичу пришел из Петербурга строгий приказ с выговором, в котором указывалось, что русское командование уронило честь империи своей политикой, выдав в аманаты сына владетельного князя шамхала Тарковского.

Бейбулат же в совершенной безопасности, подтрунивая над своими новыми «союзниками», находится в русском лагере. Теперь в отношении его царское командование ведет иную политику. Оно уже не требует, чтобы он давал сведения о действиях горцев. Оно хочет лишь одного — чтобы он был подальше от Чечни. С этой целью Паскевич пишет, чтобы Бейбулат Таймиев был направлен к нему в Тифлис.

Приехав в Тифлис, Бейбулат узнает, что Паскевич находится в действующих войсках. Поняв, что его обманули, он пытается немедленно возвратиться в Чечню, но его силой задерживают в Тифлисе.

Вскоре Паскевич дает разрешение на приезд Бейбулата в действующую армию. Пала турецкая крепость Арзрум. 7 июля 1829 года по случаю ее взятия был устроен парад. Состоявший в конвое главнокомандующего «разбойник» и «атаман Чечни» Бейбулат с тридцатью чеченцами также принял участие в параде войск, заняв самое почетное место. Военный писатель штаб-офицер Кавказского корпуса, полковой командир действующей армии подполковник И. Т. Раджицкий в своем повествовании «Походные записки артиллериста в Азии с 1829 по 1831 год» писал: «В парадном каре я нарочно ездил смотреть Бейбулата, который со своими чеченцами (их было 30 всадников) стоял верхом на правом фланге сводно-линейного казачьего полка... Это человек среднего роста, довольно толстый, пожилой, с багровым лицом и темно-красной круглой от ушей бородкой; глаза небольшие, быстрые. В физиономии нет ничего отличительного, кроме лукавства и скрытности...

Шапка на Бейбулате была простая и кафтан обыкновенный... При Бейбулате было два почетных товарища, побогаче его одетые: один с добрым открытым лицом, а другой смотрел тигром... Кроме этих двух при атамане разбойников находился его оруженосец, молодой мальчик или женщина, в богатой одежде, с круглым щитом за спиной и с двумя пистолетами за поясом, державший своего повелителя трубку и кисет».

В сераскирском дворце Паскевичем был дан торжественный обед. Он с гордостью показывал гостям Бейбулата, заметив, что тот состоит в конвое с тридцатью чеченцами. «Я ему сообщил, что кончив здесь, хочу побывать у него в гостях». Бейбулат ответил: «Для того-то я к вам и приехал прежде» (то есть «Я здесь, чтобы предупредить ваш “визит” в Чечню»).

Неизгладимое впечатление оставил Бейбулат у присутствовавшего на том жеторжественном обеде поэта А. С. Пушкина. В своем очерке «Путешествие в Арзрум» он писал: «Славный Бейбулат, гроза Кавказа, приезжал в Арзрум с двумя старшинами черкесских (чеченских. — Д. Х.) селений, возмущившихся во время последних войн. Они обедали у графа Паскевича. Бейбулат мужчина лет тридцати пяти, малорослый и широкоплечий. Он по-русски не говорит или притворяется, что не говорит. Приезд его в Арзрум меня очень обрадовал: он был уже мне порукой в безопасном переезде через горы в Кабарду».

Паскевич намеренно «ослеплял» Бейбулата мощью российской армии. Поездка в действующие войска, многочисленность сил, хорошее техническое оснащение и жесткая воинская дисциплина царской армии, побеждающей в войне такую могущественную в глазах горцев державу, как Турция, — все это произвело на Бейбулата огромное впечатление. Его не покидали мучительные думы, постоянно подогреваемые недвусмысленными намеками хитроумного Паскевича о том, что после победы над Османской империей вся эта огромная армия всей своей мощью обрушится на маленькую Чечню. Что мог он противопоставить им? Разрозненные, плохо вооруженные, малочисленные партизанские отряды крестьян? И — вновь сожженные аулы, истерзанные тела погибших мужчин, женщин, детей, кровавые слезы матерей, вдов и сирот? Нет, он обязан не допустить, оттянуть нашествие врагов на беззащитную Чечню.

Состоявшиеся в Тифлисе переговоры Паскевича с Бейбулатом завершились составлением «Постановления о покорности чеченцев

России». Паскевич разрешил Бейбулату через некоторое время уехать из Тифлиса, взяв слово, что Таймиев больше с оружием в руках против России выступать не будет. До Кавказской укрепленной линии Бейбулата сопровождал «почетный караул» из казаков.

Связанный клятвой, данной Паскевичу, Бейбулат с полгода живет совершенно тихо в расположении русских войск. Но вести из Дагестана и Чечни приходили волнующие: шло и ширилось движение под руководством имама Гази-Мухаммеда, к которому присоединились многие друзья Бейбулата, в том числе и бывший имам Аука. Вновь запыхала освободительная война, в ответ на которую ужесточились карательные экспедиции царских войск.

Глубокой осенью 1830 года царское командование всполошилось исчезновением Бейбулата. Всем руководителям воинских частей сообщалось о побеге Таймиева. Происшедшее через некоторое время крупное и дерзкое, по выражению командования, нападение на червленский кордон, царские власти связали с уходом Бейбулата в Чечню, хотя показания некоторых чеченских старшин этого не подтвердили. Данное Паскевичу слово, перелом обеих ног, прогрессирующая болезнь и старые раны сдерживают Бейбулата.

Однако в стороне от национально-освободительной войны он не остается. Уже одним именем своим он вдохновляет повстанческие отряды. Царское командование несколько раз намеревалось расправиться с Бейбулатом, но опасалось открыто репрессировать его, так как это могло вызвать нежелательный резонанс по всей Чечне. И все-таки дальнейшее пребывание такого человека, как Бейбулат, в восставшей Чечне становилось для царского командования опасным. Началась подготовка убийства Бейбулата, которое вскоре и было совершено.

14 июля 1831 года неподалеку от царского укрепления Ташкичу Бейбулат был убит из засады. В официально распространенной версии указывалось, что он был убит своим кровником князем Сали (сыном убитого в 1825 году Бейбулатом кумыкского князя Мехти-Гирея) и что будто бы убийство Бейбулата произошло вследствие задиристости Таймиева, который якобы первым захотел смерти Сали, а тот, защищаясь, убил Бейбулата. Однако князь Сали, находившийся на царской службе, наказан не был, тогда как остальные случаи кровной мести царским командованием жестоко преследовались. Паскевич об

убитом Бейбулате отписал, что он был до конца изменником, поэтому и наказывать убийцу не следует.

По преданию, Бейбулат был похоронен на одном из кладбищ у хутора Даьнги-юрт (ныне хутор сросся с селением Илисхан-юрт Гудермесского района).

Через трудные, трагические годы истории чеченский народ бережно пронес благодарную память о своих героях, среди которых имя Бейбулата Таймиева всегда служило символом мужества и преданности Родине.

Гибель аула Дади-юрт

Селение Дади-юрт, утопающее в зелени садов, за которыми любовно ухаживали его жители, было одним из богатейших в Чечне. Аул, состоявший из 200 домов, славился своими храбрыми и трудолюбивыми жителями, красотой и благородством девушек.

Ермолов приказал генерал-майору войска Донского Сысоеву и полковнику Бековичу-Черкасскому с его отрядом, присоединив всех казаков, которых можно было скоро собрать, окружить мирное селение Дади-юрт, лежавшее на правом берегу Терека (напротив станицы Шелковской, выше по Тереку), и «наказать оружием, никому не давая пощады» [Записки, с. 87—88].

Узнавший о предстоящей карательной акции червленский казак, кунак чеченцев, тайно пробрался к берегу Терека и глубокой ночью громко крикнул по-чеченски: «Гей, дадиюртовцы! Через три дня ваш аул будет окружен и сожжён! Уходите!» Жители села услышали это сообщение и передали старейшинам аула. Собрался совет старейшин во главе с Загало-муллой. Многие сомневались в правдивости известия, не хотели верить в нападение на мирный аул. Совет решил, что в случае нападения мужчины, выведя из аула всех женщин, стариков и детей, окажут сопротивление: «Отступать не будем, все будем биться, защитим село или ляжем смертью героев» [Сулейманов, с. 65].

15 сентября 1819 года с рассветом аул был окружен царскими войсками, состоявшими из шести кабардинских рот (Кабардинский полк был назван так по своему местонахождению в Кабарде) и семи сотен казаков. С минарета мечети раздался призыв, жители выбегали на улицу, хватая оружие. Матери наставляли сыновей на подвиг, обещая проклясть их, если они проявят трусость в бою в этот несчастный для аула день.

Артиллерия начала обстреливать аул, царские войска пошли в атаку. Чеченцы защищались с ожесточением. Среди героических защитников аула выделялись Бахадар Мюстартг (БахIадаран Муъстартг), Яса (Ясаъ), Наа (НаIа — дядя Боты Шамурзаева), Гянжа (ГIаънжа) и другие.

Бесстрашные девушки Дади Айбика (дочь основателя аула Дады Центороевского) и Амаран Заза (Iаъмаран Заза) с другими девушками аула, собравшимися на площади перед мечетью, игрой на медной чаре и песнями вдохновляли защитников селения.

Дадияуртовцы защищались отчаянно: каждую саклю карателям приходилось обстреливать артиллерией с близких расстояний, в 100 шагов, под сильным ружейным огнем и затем брать штурмом. Как только пробивалось малейшее отверстие или осыпалась часть стены дома, солдаты врывались туда и вырезали всех без пощады. Рукопашный бой кинжалов и шашек против штыков произошел такой ожесточенный, какого царским войскам не случалось еще пережить на

Кавказе. Царскому командованию пришлось срочно спешить часть казаков и послать их в аул для подкрепления кабардинских рот.

Женщины и девушки отрезали косы, которыми восхищались многие джигиты, и забивали волосы в дула ружей вместо пыжей.^[11]

Очень скоро у защитников кончились ружейные заряды. Чеченцы бросались с кинжалами на штыки, но не сдавались. «Многие из жителей, когда врывались солдаты в дома, умерщвляли жен своих в глазах их, дабы во власть их не доставались. Многие из женщин бросались на солдат с кинжалами», — вспоминал генерал Ермолов [Записки, с. 87—88].

Под обломками минарета мечети, разбомбленной царской артиллерией, погибла любимая невеста героя Дади-юрта Бахадара Мюстарга красавица Амаран Заза. С кинжалами в руках погибли, поднятые на штыки, неустрашимые девушки Дади Айбика и Айди Жансига. Озверевшие каратели не щадили ни женщин, ни детей.

Организатор уничтожения Дади-юрта генерал А. П. Ермолов писал в своих мемуарах (с. 88): «Большую часть дня продолжалось сражение самое упорное, и ни в одном доселе случае не имели мы столько значительной потери; ибо, кроме офицеров, простиралась она убитыми и ранеными до двухсот человек (в Дади-юрте погибла четверть царского отряда. — Д. Х.). Со стороны неприятеля все, бывшие с оружием,

истреблены, и число оных не могло быть менее четырехсот человек (имеются также в виду старики, женщины, подростки и дети. — Д. Х.). Женщин и детей взято в плен до ста сорока (большой частью израненных. — Д. Х.), которых солдаты из сожаления пощадили, как уже оставшихся без всякой защиты и просивших помилования (но гораздо большее число оных вырезано было, или в домах погибло от действий артиллерии и пожара). Солдатам досталась добыча довольно богатая... Большая же часть имущества погибла в пламени». В плен было взято также 14 тяжело раненных мужчин, находившихся в беспомощном состоянии.

Во время переправы пленных через Терек, не желая переносить надругательства в плену, погибли, хватая с собой конвоиров в бурную реку, 46 захваченных в Дади-юрте чеченских девушек. Впоследствии, проходя мимо брода, где погибли девушки, терские казаки, снимая

шапки и делая крестное знамение, говорили: «Здесь погибли самые геройские чеченские девушки, царствие им небесное».

Среди пленников было два мальчика. Один шестилетний; другой, раненый, четырех лет, был подобран сердобольным русским солдатом из-под тела убитой матери. Вывезенные в Петербург, они стали знаменитыми людьми: блестящий российский офицер, талантливый наиб Шамяля, затем волей трагических обстоятельств снова майор царской армии Бота Шамурзаев и академик российской живописи, чьи знаменитые произведения на академических выставках (портреты Т. Грановского, Ф. Иноземцева, красавицы Алябьевой, герцога М. Лейхтенбергского) имели подпись «Захаров — чеченец из Дади-юрта».

Дади-юрт не был исключением в ряду карательных акций царских войск на Кавказе, эта участь постигла многие аулы и населенные пункты не только Чечни, но и Дагестана, Ингушетии, Кабарды и Адыгея. Изуверская жестокость военачальников на Кавказе поражала даже царя, до которого доходили слухи о «гениальном изобретении генерала Ермолова — походных виселицах, поставленных на телеги, на которых генерал вешал горцев и беглых русских солдат и казаков, скрывавшихся в горных аулах; о выставленных на валах крепостей отрезанных головах горцев, надетых на торчащие из земли пики; о забавах офицеров, снимающих скальпы с женщин или разбивавших головы грудных детей о стены; о продаже отрубленных голов горцев их родственникам и т. д.». Узнав об очередном набеге на мирную Чечню полковника Эристова, император Александр I особым рескриптом выразил генералу Ртищеву свое неудовольствие и «рекомендовал водворить спокойствие на Кавказской линии дружелюбием и ласковым снисхождением...» [Сергеенко, с. 160—162]. А когда после очередного уничтожения горского аула Ермолов направил победную реляцию с ходатайством о награждении особо отличившихся при уничтожении населения генерал-майора Власова и полковника Бековича-Черкасского, Александр I в письме от 29 сентября 1825 года наложил гневную резолюцию: «Истинная военная храбрость уважается и отличается только тогда, когда она употреблена против вооруженного неприятеля и соединена с тою необходимою воинскою дисциплиною, которая в минуты победы в состоянии пощадить побежденного и оставить всякое мщение над обезоруженными, над женами и детьми, столь нетерпимое в Российских победоносных войсках и помрачающее всякую славу

победителей. С другой стороны, он теряет право на награду тем, что благоразумно начатое было окончено с совершенным истреблением более 3000 семейств, из коих, конечно, большая часть была женщин и детей...» [Записки, с. 192—193].

Л. Н. Толстой. «Хаджи - Мурат»

Об одном из набегов русских войск в чеченский аул

Аул, разоренный набегом, был тот самый, в котором Хаджи-Мурат, провел ночь перед выходом своим к русским.

Садо, у которого останавливался Хаджи-Мурат, уходил с семьей в горы, когда русские подходили к аулу. Вернувшись в свой аул, Садо нашел свою саклю разрушенной: крыша была провалена, и дверь и столбы галерейки сожжены, и внутренность огажена. Сын же его, тот красивый, с блестящими глазами мальчик, который восторженно смотрел на Хаджи-Мурата, был привезен мертвым к мечети на покрытой буркой лошади. Он был проткнут штыком в спину.

<...> Старик дед сидел у стены разваленной сакли и, строгоя палочку, тупо смотрел перед собой. Он только что вернулся с своего пчельника. Бывшие там два стожка сена были сожжены; были поломаны и обожжены посаженные стариком и выхоженные абрикосовые и вишневые деревья и, главное, сожжены все ульи с пчелами. Вой женщин слышался во всех домах и на площади, куда были привезены еще два тела. Малые дети ревели вместе с матерями. Ревела и голодная скотина, которой нечего было дать. Взрослые дети не играли, а испуганными глазами смотрели на старших.

Фонтан был загажен, очевидно нарочно, так что воды нельзя было брать из него. Так же была загажена мечеть, и мулла с муталимами очищал ее.

Старики хозяева собрались на площади и, сидя на корточках, обсуждали свое положение. О ненависти к русским никто и не говорил. Чувство, которое испытывали все чеченцы от мала до велика, было сильнее ненависти. Это была не ненависть, а непризнание этих русских собак людьми и такое отвращение, гадливость и недоумение перед нелепой

жестокостью этих существ, что желание истребления их, как желание истребления крыс, ядовитых пауков и волков, было таким же естественным чувством, как чувство самосохранения.

Литературные источники и документы

А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980.

Авалиани Л. Скошенная трава // Литературная Грузия. № 6. Тбилиси, 1971.

Государственный исторический архив Грузии. Тбилиси.

Давыдов Д. Сочинения. М., 1985

Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20—50-е годы XIX века: Сб. документов. Махачкала, 1959.

Дзидзария Г. А. Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы XIX века. М., 1976.

Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. СПб., 1871.

Ермолов А. П. Письма. Махачкала, 1926.

Записки А. П. Ермолова, Ч. 2 (1816—1827). М., 1868.

Записки Н. Н. Муравьева-Карского. 1826 год // Русский архив. Кн.1. 1889.

Илли о завоевании Дади-Юрта // Нохчийн фольклор. Т. 1. Грозный, 1959.

Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 6. Тифлис, 1872.

О походе Петра В. в Дербент в 1722 г. и посольстве Волынского к шаху Гусейну. СПб., 1776.

Ортабаев В. Х., Тотоев Ф. В. Еще раз о Кавказской войне: о ее социальных истоках и сущности // История СССР. 1968. № 4.

Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым 1820—1823 // Остафьевский архив князей Вяземских. СПб.: изд. графа С. Д. Шереметева, 1899.

Прозрителев Г. Н. Шейхъ Мансуръ. Ставрополь, 1912.

Пушкин А. С. Путешествие в Арзрум // Полн. собр. соч. Т. 8. М., 1941.

Радожницкий И. Т. Походные записки артеллериста в Азии с 1829 по 1831 год. М., 1835.

Сергеенко А. П. «Хаджи-Мурат» Льва Толстого. М., 1983.

Сулейманов А. С. Топонимия Чечено-Ингушетии: В 4 ч. Ч. 4. Грозный, 1985.

Терещенко А. Лжепророк Мансур // Сын Отечества. № 15. СПб., 1856.

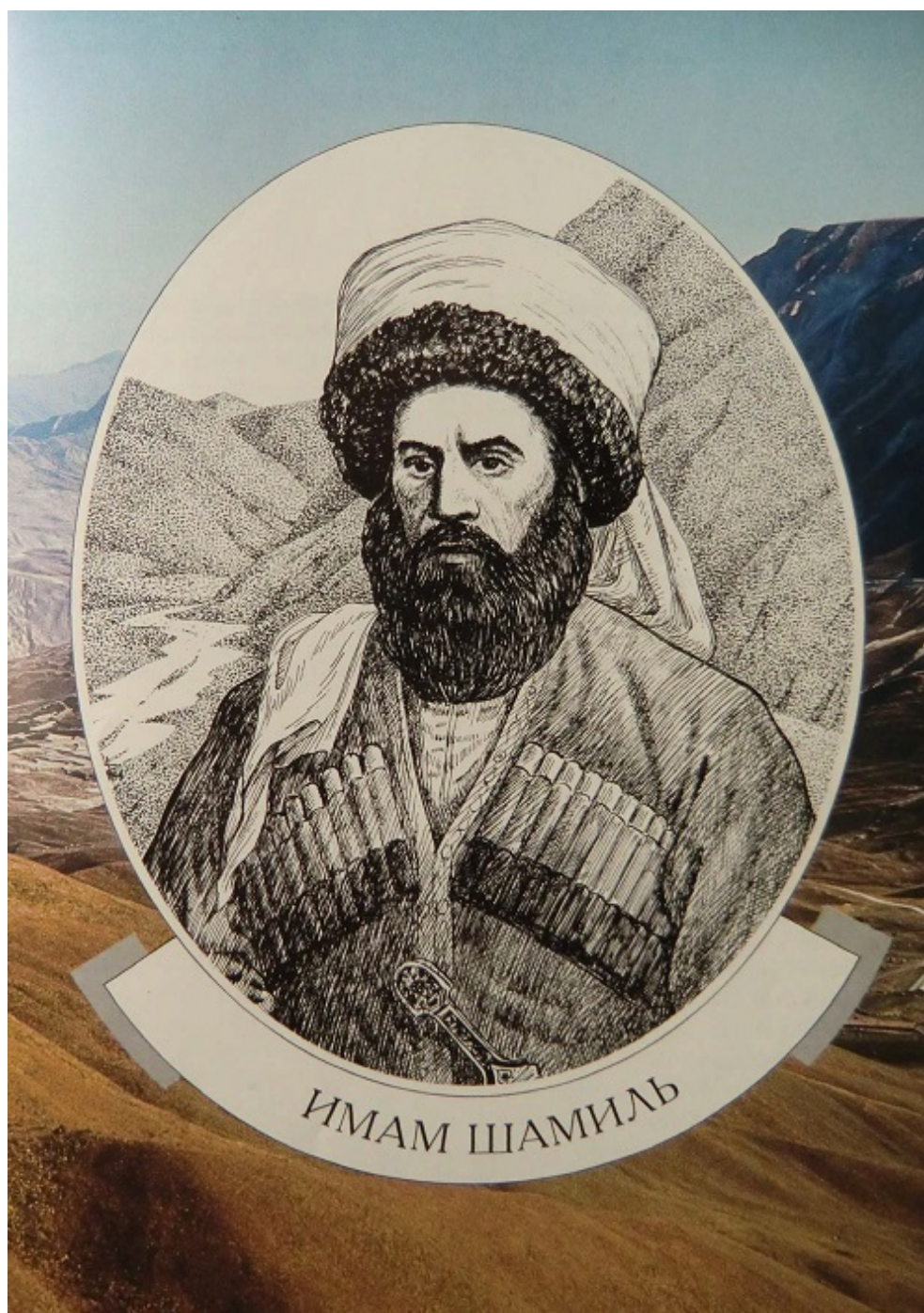
Толстой Л. Н. Хаджи-Мурат // Собр. соч.: В 22 т. Т. 14. М., 1983.

Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1992.

ЦГИА. Санкт-Петербург.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Имам Шамиль ^[12]

Имам Шамиль... С детских лет и до глубокой старости для горца его имя — это имя-легенда, имя-сказание. Это символ героизма, свободолюбия Кавказа. Это рассказы отцов и дедов об отважных мужчинах, о бесстрашных женщинах, без колебания кидавшихся с кинжалами на царские штыки, без содрогания шедших на мученическую смерть за прекрасный миг свободы.

Это боль незаживающей, кровоточащей раны в священной памяти народов Кавказа.

Течет время. Но беспрестанно, как орел-палач, терзающий печень Прометея, прикованного к горам Кавказа, официальная конъюнктурная история продолжает терзать Шамиля, а вместе с ним и всю национально-освободительную войну горцев Кавказа против царизма, обливая грязью память о народных героях.

И становится в официальной истории имам то национальным героем, то врагом народа, шпионом султанской Турции и английского империализма, то выдающимся деятелем национально-освободительной борьбы, то вновь — реакционером, деспотом и религиозным фанатиком.

За что такие муки твоей памяти, Шамиль?

Неужели проклятие именем Бога Всевышнего, сорвавшееся с уст разъяренного, израненного Байсунгура в тот роковой день на Гунибе, преследует твою смятенную, истерзанную душу и не дает ей покоя? Кто знает?..

В 1799 году (по другим данным — в 1798-м) в семье аварского узденя Денга Мохамма из селения Гимры родился сын. Мать его Баху-Меседу была дочерью аварского бека Пир-Будоха. Мечтая видеть в будущем своего сына смелым, мужественным и мудрым, родители дали ему очень распространенное и престижное в мусульманском мире имя двоюродного брата и ближайшего сподвижника святого пророка Мухаммеда — четвертого праведного халифа Али (по-арабски «благородный, возвышенный»). Но вскоре первое имя болезненного мальчика родители сменили на Шамиль (по-арабски «всеобъемлющий»).

С годами мальчик креп и стал побеждать своих сверстников в беге, борьбе, прыжках, приобретая в играх физическую силу, ловкость и храбрость.

Одаренный блестящими природными способностями, он стал обучаться у лучших в Дагестане преподавателей грамматики, логике, риторике, арабскому языку, математике, географии, теологии, философии и правоведению.

Одним из любимых учителей и наставников молодого Шамиля стал известнейший ученый Дагестана шейх Джемал эд-Дин из Казикумуха, в обучении у которого Шамиль провел восемь лет, придя к нему 12-летним мальчиком.

Очень скоро молодой *муталим* (учащийся) стал выделяться среди сверстников не только своими познаниями, но и страстным патриотизмом, жадой подвига во имя свободы Родины.

Через много лет секретарь Шамиля Хаджи-Али дал ему такую характеристику: «Шамиль был ученый, набожный, проницательный, храбрый, мужественный, решительный и в то же время хороший наездник, стрелок, пловец, бегун — одним словом, никто и ни в чем не мог состязаться с ним».

Жестокая колонизаторская политика, которая велась царизмом на Кавказе, истребительная война на покорение горцев и уничтожение непокорных вынудили муталима Шамиля оторваться от желанной учебы и книг и задуматься о путях защиты поруганной чести, самой жизни народа и независимости Отчизны. Он жадно прислушивался к проповедям Мухаммеда-муллы Ярагского, призывавшего народы гор к газавату — войне за независимость Отечества.

Вновь, как во времена имама Мансура, бывшего для Шамиля святым праведником и одним из любимых героев, в ответ на бесчеловечную завоевательную политику царских сатрапов поднимались на борьбу народы Чечни и Дагестана. Среди воинов, участвовавших в битвах против войск Ермолова, был и молодой муталим Шамиль.

«Он с ранних лет, — писал о Шамиле барон Гакстгаузен, — обнаружил железную

силу воли и гордое во всех своих поступках спокойствие, которое ничто не могло поколебать. Природа одарила его увлекательным и пламенным красноречием. В смелости и проницательности и других подобных качествах его никто из горцев не сомневался».

С 1827 года Шамиль становится активным приверженцем и надежным соратником своего друга и учителя, возглавившего горцев

Дагестана, а с 1830 года — и Чечни, имама Гази-Мухаммеда.

Из опыта предыдущих движений народов Кавказа новые лидеры горцев хорошо усвоили, что успешная борьба с царизмом невозможна без объединения всех кавказских народов в единый фронт, в единое государство с единой идеологией. Но сплочению сил кавказских народов мешали постоянные мелкие дразги ряда феодалов, некоторых влиятельных мулл, кадиев, шейхов и старшин, готовых ради временной выгоды, чинов и наград изменить своему народу. Нередко крупные землевладельцы переходили на царскую службу, предоставляли свои территории для царских крепостей и гарнизонов, а порой активно помогали врагу громить аулы и уничтожать горское население. Но даже среди них была часть более дальновидных, которые понимали, что их привилегии временны и после завоевания Кавказа всех этих подачек они будут лишены.

Гази-Мухаммеду с соратниками удалось возглавить сопротивление народов Чечни и Дагестана колонизаторам.

1832 год... Десятитысячный царский отряд барона Розена вторгся в горную Ингушетию и Чечню, пылающую огнем народно-освободительной войны. Несмотря на стойкое сопротивление жителей горной Чечни, мужественно отстаивавших каждую пядь земли, царские войска уничтожили несколько десятков аулов и хуторов. Преследуемый многочисленными силами противника, Гази-Мухаммед уходил все дальше в Дагестан и был окружен в родном ауле Гимры. В первых числах октября после долгого, кровопролитного штурма аул был взят и только небольшая горстка ожесточенно защищавшихся мюридов, среди которых был и Шамиль, ринулась на царские штыки, решив или пробиться, или умереть.

Весь исколотый штыками, праведный великомученик имам Гази-Мухаммед пал смертью храбрых. А Шамиль, тяжело раненный, насквозь пронзенный штыком в грудь, пробился с шашкой в руке через плотное кольцо врагов.

Израненный Шамиль медленно умирал. Но произошло чудо: бескорыстная помощь известного лекаря и будущего его тестя Абдул-Азиза из Унцукуля, физическая сила, железная воля и духовная вера исцелили Шамиля.

В это время имамом Дагестана был избран другой ближайший соратник Гази-Мухаммеда — Хамзат-бек. Шамиль стал одним из

сподвижников нового имама.

Антифеодальная борьба горцев Дагестана под руководством имама Хамзат-бека закончилась уничтожением «преступной знати» Аварии — аварских ханов и взятием резиденции ханского дома Хунзаха, бывшего главным препятствием распространения шариата, сплачивающего горцев в единое целое в священной войне за свободу и способствующего укреплению власти имамов.

Неожиданно 17 сентября 1834 года несколько заговорщиков из сторонников уничтоженных аварских ханов, выполняя закон кровной мести, в Хунзахской мечети убили имама Дагестана (среди заговорщиков был и будущий наиб Шамиля в Аварии Хаджи-Мурат). Узнав об этом, Шамиль собрал своих приверженцев, бросился к Новому Гоцатлю и не дал разграбить имущество Имамата.

В схватке был убит и единственный наследник аварского хана. Оплот царской колониальной администрации — Хунзахская ханская династия пала. В Дагестане началось мощное антиколониальное движение.

В сентябре 1834 года, поддержанный влиятельным шейхом и любимым *мюршидом* (учителем) Джемал эд-Дином Казикумухским, Шамиль был единодушно провозглашен новым имамом Дагестана. Ему предстояло в течение 25 лет (1834—1859) возглавлять национально-освободительную войну горцев Северо-Восточного Кавказа против царской России.

Новый имам уже в октябре 1834 года в нескольких сражениях разбил войска барона Розена и заставил царских военачальников покинуть его родное селение Гимры. Первая значительная победа создала молодому имаму славу талантливого полководца.

Росту популярности Шамиля и его дальнейшим успехам способствовали демократические преобразования, проводимые им в жизни горцев. Укрепившись в горах, духовный и светский глава Дагестана — имам Шамиль уже с 1836 года начинает проповедь всеобщего социального равенства, помощи неимущим, призывает к искоренению любой феодальной наследственной власти и существующей административно-судебной системы.

Вот как характеризовал первые мероприятия Шамиля его пристав в Калуге А. Руновский: «С распространением имамской власти на местах, где господствовало крепостное право, Шамиль тотчас же

принимал меры к прекращению такого порядка вещей. Прежде всего он уничтожил сословные различия обращением дворян в узденей (букв. «достойных людей». — Д. Х.), а вслед за этим объявил безусловно свободными тех из принадлежащих им крестьян, которые составляли исключительное население какой-либо местности. Жители четырех селений, расположенных неподалеку от Хунзаха и с незапамятных времен составляющих собственность аварских ханов, первые получили свободу и тотчас были подчинены общим правилам, действовавшим во всем крае».

Из-за непрекращающихся военных действий и блокады непокоренных земель царскими войсками полностью освободить горцев от зависимости не удалось. В частности, рабы были превращены в свободных крестьян, но не были наделены бесплатно землей и вынуждены были платить налоги землевладельцам. Однако позже имам, изгоняя врага с оккупированных территорий, поселял на них безземельных горцев. Позднее из горного, скудного землей Дагестана горцев стали переселять и в богатую плодородной землей Чечню.

В 1837 году руководитель повстанцев Чечни имам Ташу-хаджи ведет с имамом Дагестана Шамилем совместные действия против царизма. Объединение горцев Дагестана и Чечни страшило царское командование. В мае царские войска под командованием генерала Фезе были посланы в горную Чечню для разгрома непокорных, что, однако, имело ничтожные результаты.

Затем войска были двинуты в горный Дагестан. Шамиль со своим отрядом внезапно напал на противника и стал отступать в горы, заманивая врага в ловушку и собирая силы. Фезе, убедившись в том, что при дальнейшем преследовании Шамиля ему грозит окружение и полный разгром, вынужден был отступить, предварительно заключив с Шамилем почетный мир. «Экспедиция генерала, — писал один из ее участников, — без всяких существенных последствий только уверила наших противников, что Шамиль в состоянии бороться с огромными силами русского царя и разрушить все успехи наши».

После ряда военных неудач царское правительство решило раз и навсегда покончить с национально-освободительной борьбой горцев и заодно взять реванш за прежние поражения.

В мае 1839 года большой отряд генерала Граббе вторгся в горы Чечни. Подвергнув погрому непокорные чеченские аулы, царские

войска подошли к опорному пункту имама Ташу-хаджи — селениям Мескеты и Саясан, где незадолго до этого, в апреле, были возведены деревянные укрепления. 10 мая 1839 года начался бой, в ходе которого царским войскам удалось взять штурмом Саясан. Ташу-хаджи с соратниками и своей семьей отступил в селение Беной.

Генерал Граббе, по его словам, собирался двинуться дальше, «в самый центр земли ичкеринцев (“самого сильного и воинственного чеченского племени”) к главному их аулу Беной, наиболее содействовавшему замыслам Ташу-Хаджи». Однако, не рискнув пойти в леса верхней Ичкерии, 15 мая он вернулся в крепость Внезапную, а затем двинул войска в Дагестан против Шамиля.

После ожесточенных боев дагестанцы оставили аул Аргуани и отступили к труднодоступному аулу Ахульго.

Рано утром 11 июня 1839 года начался штурм селения. Более трех месяцев героические защитники села, окруженные тесным кольцом блокады, отражали бесчисленные атаки противника. Это время стало настоящей эпопеей героизма горцев Дагестана.

22 августа состоялся последний общий штурм Ахульго. Горцы дрались с яростью обреченных; кинжалы, ружья, шашки, камни — все было пущено в ход. На равных с мужчинами сражались женщины и дети. Участник осады полковник Казбек вспоминал: «Каждую саклю, каждый камень приходилось брать отдельно, защитники напрягали все усилия: женщины и даже дети с оружием в руках встречали атакующих».

Великая трагедия постигла народ Дагестана. Пали смертью героев защитники Ахульго. По условиям перемирия заложником был отдан русским старший сын Шамиля Джемал эд-Дин. Погибла от раны в голову жена Джавхарат, и, припав к груди мертвой матери, умер грудной сын Шамиля Саид. Чтобы не попасть в руки врагов, бросилась в реку Койсу любимая сестра Шамиля, беременная Петимат. Погиб дядя Шамиля Гази-Мухаммед. Испытывала страшные страдания вторая жена Шамиля, беременная Петимат. Вокруг торжествовали враги и предатели из горской среды. В отчаянии имам искал смерти, но судьба сохранила его.

Шамиль с раненым сыном Гази-Мухаммедом на руках, беременной женой Петимат и с семьей оставшимися в живых соратниками, гонимый отовсюду, преследуемый царскими отрядами и состоящей у русских на

службе милицией горских феодалов, пробирался в Чечню. Зная приказ отца «лучше умереть, чем попасть в плен», изможденный раной 7-летний Гази-Мухаммед просил, чтобы его бросили в реку. (Через 20 лет на Гунибе Гази-Мухаммед уже не смог решиться принять газават и умереть и просил отца о сдаче в плен.)

Впечатление от погрома в Дагестане было очень сильным, многие дагестанские общества прислали царскому командованию аманатов и изъявили покорность. Дагестан затих.

Царские власти торжествовали победу. Никто уже даже не думал преследовать Шамиля. Многие его сподвижники, в том числе и Ташу-хаджи, собирали приверженцев, чтобы подхватить знамя освободительной войны.

Но разгромленный Шамиль еще не был уничтожен.

Сразу же по пересечении границы Чечни Шамиль и его друзья почувствовали, что опасность миновала. В селении Даттах, где они остановились на три дня, в благодарность Всевышнему за их спасение жители зарезали быка.

Затем Шамиль остановился в Зандаке, откуда кунак имама Байсунгур забрал его в селение Беной. Вместе с лидерами беноевцев встречал Шамиля вождь Чечни имам Ташу-хаджи, обосновавшийся здесь после разорения царскими войсками аулов нижней Ичкерии. М. Н. Чичагова писала: «Жители этого аула (Беной. — Д. Х.), окруженного лесными дебрями, всегда отличались непокорностью и не скрывали своей ненависти к русским. Они охотно оказали гостеприимство Шамилю». Беноевцы отнесли к Шамилю и его мюридам с большим уважением. Здесь, в Беное, после двадцатого числа месяца раджаб (сентябрь 1839 года) родился сын Шамиля Мухаммед-Шафи. На 7-й день после его рождения в честь Мухаммеда-Шафи было зарезано жертвенное животное.

Словно птица феникс из пепла возродился в Чечне имам Шамиль. В Беной для знакомства с ним съезжаются предводители чеченских обществ. В 1839 году на горе Кхеташон Корта у села Центорой на съезде представителей чеченского народа знаменитый ученый, храбрый воин и имам Дагестана Шамиль, шейх Шамиль был провозглашен имамом Чечни и Дагестана, *мехкан да* (отцом страны) и *туран да* (отцом шашки), то есть предводителем и главным полководцем страны.

Собравшись в Беное, Шамиль, Ташу-хаджи, Байсунгур, Солтамурад, подъехавшие сюда Хаджи-Мухаммед из Герменчука, Шоаип-мулла из Центороя, Джаватхан^[13] из Дарго и другие обговаривали дальнейшие планы действий.

Шамилю было тесно в Ичкерии, которая находилась под влиянием Ташу-хаджи. Беседуя с учеными мужами из Беноя, Шамиль, узнав гордый и независимый нрав беноевцев, понял, что перед ним здесь не будут слепо преклоняться, и он может не сойтись с ними характером. Тогда он решает переехать в другое место, туда, где Ташу-хаджи имел меньшее влияние. Кроме того, ему нужно было поближе познакомиться с Чечней.

Перед новолунием месяца шабан Шамиль выехал с Хаджи-Мухаммедом, Ташу-хаджи, семьей и мюридами в Ведено и, оставив там семью, с Шабаном из Гушкорта отправился к нему домой, в Шатоевское общество, куда потом перевезли и его семью.

Экспедиции генерала Пулло в декабре 1839 года и январе 1840-го для поддержания русского управления и начавшееся разоружение чеченских плоскостных аулов, когда Пулло потребовал выдать по одному ружью с каждых десяти домов, вызвали возмущение в широких слоях чеченского народа. Лидеры чеченцев отлично поняли, к чему ведут колонизаторы. Мгновенно по всей Чечне пошли слухи о том, что русские после разоружения намерены обратить чеченцев в крепостных крестьян.

Генерал Пулло двинул свои войска к Беною, но ополчение заставило их отойти. Русские сожгли беноевский хутор Гуьржийн-мохк, соседние с ним аулы Зандак-Ара, Гендерген и отступили.

Вся плоскостная Чечня заволновалась. На оккупированной царскими колониальными войсками плоскостной территории Чечни, подчинявшейся чеченскому приставу, началась подготовка вооруженного восстания.

В готовой к восстанию Чечне нужна была лишь личность, способная объединить разрозненные общества. И взоры чеченских вождей обратились к умному и храброму имаму Шамилю. В Аргунское ущелье к нему одна за другой пошли делегации с просьбой возглавить восстание в плоскостной Чечне.

После многократных отказов Шамиля и новых настойчивых просьб делегаций с равнины имам соглашается стать вождем

вооруженного выступления и в начале марта 1840 года в сопровождении двухсот мюридов прибывает в Урус-Мартан, где его встречают восторженные толпы чеченцев, тысячами присягающие имаму в верности, обвязавшие папахи зелеными чалмами в знак газавата. На глазах у всех людей горцы, находившиеся на службе у царизма, срывали с себя эполеты и царские награды и переходили на сторону восставших. Французский консул докладывал своему правительству: «Вся Чечня вооружилась, и власть Шамиля царствует там безраздельно».

В марте 1840 года на верность имаму в Урус-Мартане присягнули делегации почти всех обществ Чечни: Аух, Ичкерия, Мичик, Качкалык, округ Шали (Большая Чечня), Шатой, Нашха, Чеберлой, Карабулак. Вся Чечня встала на защиту своей независимости. В июне против русского владычества восстали надтеречные чеченцы. Начались волнения и среди ингушей (назрановцев, цоринцев, галгаев).

Шамиль, даже не знавший еще чеченского языка (Шамиль знал аварский, кумыкский, лакский и арабский, чеченский он выучил уже позднее, в Чечне), одним появлением своим с многочисленными сподвижниками, как искра, попавшая в бочку с порохом, воспламенял народ. В 1840 году Чечня была уже охвачена пожаром восстания. Вот что писал в эти дни царский капитан Штюмер: «Общее восстание Чечни под управлением Шамиля приняло решительный оборот: война сделалась народной».

После утверждения Шамиля в Чечне восстание перекинулось в Дагестан. Видя сложившуюся обстановку, многие представители местной аристократической знати, ранее бывшие на царской службе, теперь сами переходили в ряды народной армии. В начале 40-х годов к восставшим перешли, например, султан Елисуйский Данил-бек и правитель Аварии Хаджи-Мурат.

После закрепления на освобожденных территориях, уже с 1841 года Шамиль с помощью ближайших советников начинает мероприятия по строительству государственной системы, созданию мощной экономической базы и сильной армии, приведшие чеченский и дагестанский народы к образованию государства такой мощи, что обладающая сильнейшей армией мира Российская империя в течение 25 лет не могла победить в войне с ним.

Шамиль прекрасно понимал, что успех национально-освободительной борьбы и обретение окончательной свободы и независимости народами Чечни и Дагестана невозможны без участия в этом движении горцев всего Кавказа. Отбивая агрессию царских войск на Чечню и Дагестан, Шамиль старался расширить фронт, перенести военные действия в Ингушетию, Кабарду и Черкессию.

Ингуши принимали активное участие в освободительном движении горцев под руководством имама Гази-Мухаммеда, за что в июле 1830 года царскими войсками под командованием генерала Абхазова была предпринята крупная карательная экспедиция в горы Ингушетии и Осетии. Было сожжено и разрушено множество аулов и башен (в Джейрахском ущелье — Калмыкау, Великау, Обинь, Сувань и другие; затем в Ассиновском ущелье, несмотря на упорное сопротивление горных ингушей и подошедших к ним на помощь горских чеченцев — аккинцев, также были уничтожены несколько аулов).

В 1831 и 1832 годах ингуши принимали активное участие в совместной с чеченцами и другими горскими народами борьбе против колонизаторов. И вновь в июле 1832 года 10-тысячный отряд царских войск с 33 пушками под командованием барона Розена совершил карательный поход в горную Ингушетию (Галгаевское и Цоринское общества), а также против галашевцев и карабулаков. Поход, истребивший и разрушивший, несмотря на упорное сопротивление, множество аулов, был настолько разорительным, что многие горные жители, не имея средств к существованию, были вынуждены, часто под конвоем царских карателей, выселяться на плоскость.

После разгрома в 1839 году Шамиля и захвата Ахульго царское правительство посчитало, что с движением горцев покончено. Теперь казалось, что ничто не может угрожать позициям русского самодержавия на Северо-Восточном Кавказе. Поэтому в январе 1840 года главнокомандующий царскими войсками на Кавказе генерал Головин приказал обложить «податью ингушей, состоящих из 1400 семейств или дворов, водворенных деревнями на Конбилеевке, Сунже и Назрановке при урочищах Герцали и Ачалук, каждую семью или двор по одному рублю».

Пытаясь под единым началом сплотить всех горцев для борьбы с Россией, в марте 1840 года Шамиль с ополчением двинулся вверх по

Сунже к Владикавказу. Карабулакские чеченцы встретили войска Шамиля с ликованием и сразу же стали на его сторону, подтвердив данную ему на общечеченском съезде в Урус-Мартане присягу.

Двигаясь далее, имам «вызвал возмущение среди некоторых назрановских аулов, — чем увеличил свое скопище до нескольких тысяч человек». 30 мая 1840 года жители назрановских деревень Султанговой и Гелесхановой обратились к шамилевскому наибу Малой Чечни Ахверды Магоме с просьбой прибыть к ним на помощь против царских властей. 1 июня жители этих аулов пытались бежать к восставшим горцам вместе с имуществом и семьями. Но крупный отряд царских войск, подошедший сюда быстрым маршем, окружил селения и помешал их жителям двинуться к восставшим галашевцам, которые в марте 1840 года вошли в состав шамилевского государства.

Узнав, что ингушские аулы, расположенные по рекам Камбилеевке и Сунже, приготовились перейти к восставшим горцам и уже начали вместе со своими семьями, имуществом и скотом отправляться в Галашевское ущелье, комендант Владикавказской крепости Широков двинулся в эти селения и арестовал двух старшин Наврузовых и старшину Османа Мунгалова. Несмотря на это, жители бежали в ближайшие леса. Старшины Наврузовы были подвергнуты наказанию, от которого умерли, а Мунгалова отвезли в крепость Владикавказ, где посадили в тюрьму.

Часть жителей карабулакских и ингушских аулов, обитавших около Назрановского укрепления, успела уйти в горы.

В своем донесении военному министру генерал Граббе писал в октябре 1840 года, что приказал полковнику Широкову «сделать со своей стороны движение к Ассе и Фортанге и, пользуясь отвлечением сил чеченцев... стараться также возвратить на прежние места жительства отложившихся карабулаков и ингуш», пребывавших в Галашевском ущелье и в Малой Чечне.

«В настоящее положение дел на левом фланге Малая Чечня в особенности обращает на себя внимание, ибо там кроме коренных ее жителей гнездятся теперь все беглые карабулаки, назрановцы, галгаевцы, сунженские и надтеречные чеченцы, и по призыву предводителя их Ахверды-Магома, сподвижника Шамиля, собраться могут в значительных силах, хорошо вооруженных, вблизи Военно-Грузинской дороги», — сообщал Головин начальству в конце 1840 года.

После ухода войск Шамиля полковник Широков за участие галгаевцев в восстании приказал взыскать с них в пользу назрановцев по одному рублю серебром и сверх того принять другие меры. Но начальство, видя, что восстание горцев разгорается все шире, запретило ему взимать с живших вместе с назрановцами галгаевцев эти подати. Тогда уже возмутились назрановские старшины тем, что им не разрешили брать подати с галгаевцев. Пристав ингушских и карабулакских народов есаул Гайтов доносил командованию, что «назрановцы имеют намерение по открытии весны предаться на сторону возмутителя Шамиля».

В результате ряда военных экспедиций царскому командованию удалось вернуть назад часть назрановцев и карабулаков. «Многие же селения, не изъявившие покорности, были сожжены».

И все же к Шамилю в Ингушетии было двойственное отношение. Очевидно враждебно относились к имаму и его борьбе ингуши, находившиеся на службе у царизма, пользовавшиеся определенными привилегиями, — большая часть старшин, офицерства, милиции, официального духовенства, части крестьянства, получившего земли с разрешения колониальных властей. Совершенно иное отношение и к Шамилю, и к царским властям было у тех, кто подвергся репрессиям, унижениям со стороны колонизаторов, был согнан со своих земель. Этих людей в Ингушетии было большинство. От активного выступления против царизма большинство ингушей удерживала угроза новых репрессий и близость царских крепостей, но были и те, кто открыто высказывал недовольство действиями колонизаторов, участвовал в восстаниях, партизанской борьбе и нападениях на царские укрепления, посты и конвой.

В апреле 1841 года Шамиль предпринял большой поход в ингушские земли и подошел к Назрани. Царскому командованию путем угроз и обещаний удалось не допустить восстания в самой Ингушетии и объединения горцев. Более того, совместно с царскими войсками ингуши оказали сопротивление имаму, который после нескольких дней осады крепости Назрань и тщетного ожидания поддержки со стороны восставших назрановцев отвел свои отряды в Чечню.

Весной 1842 года были разгромлены в Чечне войска генерала Граббе. А осенью 1843-го — полностью изгнаны царские гарнизоны из

горного Дагестана и освобождены территория Чечни до Сунжи и предгорный Дагестан.

За три года, прошедшие с избрания Шамиля имамом Чечни, царская Россия потеряла все позиции, завоеванные такой большой кровью еще во времена Ермолова. Царский историк Ростислав Фадеев в книге «Шестьдесят лет Кавказской войны» писал: «...в это время происходила самая кровавая борьба с мюридизмом, распространявшимся неудержимо во все стороны, пока наконец дело не дошло до того, что в 1843 году Чечня была вырвана из наших рук, наши раздробленные и слабые войска сбиты с поля в Дагестане, и 5-й пехотный корпус должен был двинуться с Днестра на Кавказ, для восстановления проигранного дела». Российский генерал Р. Фадеев не мог удержаться от восхищения героизмом горцев: «Единственные войска, которые Восток... мог противопоставлять европейцам, всегда были составлены из кавказцев, чистые азиатские армии никогда не могли выдержать европейского напора иначе, как при несоразмерном численном превосходстве. В отношении военной энергии сравнивать кавказских горцев с алжирскими арабами или кабилами, из которых французское краснбайство сделало страшных противников, может быть только смешно. Никогда алжирцы ни в каком числе не могли взять блокгауза, защищаемого 25-ю солдатами. Адыги и лезгинцы брали голыми руками крепости, где сидел целый кавказский (т. е. служивший на Кавказе. — Д. Х.) батальон; они шли на картечь и штыки неустрашимых людей, решившихся умереть до одного, взрывавших в последнюю минуту пороховые магазины, и все-таки шли, заваливали ров и покрывали бруствер своими телами, взлетали на воздух вместе с защитниками, но овладевали крепостью».

Весной 1843 года в Имамате произошло важное событие — Шамиль созвал в Андии съезд.

По записям царских историков, основанным на воспоминаниях Амир-хана

Чиркеевского, произошло это так: «Чтобы испытать наибова и народ, насколько они готовы продолжать повиноваться и быть способными к обороне, Шамиль созвал в Андию всех должностных и именитых людей. Тут он объявил собравшимся, что прошло более десяти лет, как он признан имамом, что во все продолжение этого времени он, по мере сил своих, старался служить народу и защищать

его от врагов мусульманства; что, несмотря на все усилия, борьба с неверными будет длиться еще долгое время и, может быть, в том же году придется им испытать сильные нападения; что, чувствуя себя уставшим от неусыпных трудов, он просил сложить с него звание имама и избрать человека более достойного и способного, чем он, и что он будет служить избранному народом в числе других его помощников.

Собрание единогласно ответило, что оно не знает и не желает никого другого, кто мог бы руководить делом народа лучше Шамиля, поэтому просило его не отказываться от имамства, а в доказательство своего желания исполнять беспрекословно его волю, высказывало готовность свою на все меры, какие он найдет нужными для защиты мусульманства. После такого отзыва собрания, Шамиль объявил, что подчиняется воле народа и дает письменный наказ, в котором будут определены общие и постоянные обязанности всех, а также ответственность за нарушение их.

Затем происходили совещания по разным предметам, а также прочитаны были наibaм положения, изложенные в низаме, и обязательная молитва в дни джумы. Низам и молитва составлены были Гаджи-Юсуфом и одобрены имамом».

...После ряда военных поражений царь Николай I решил сменить военное и административное руководство на Кавказе. В 1844 году командующим кавказскими войсками, а также наместником Кавказа назначается граф М. С. Воронцов. Ему дается специальная директива: «Разбить буде можно скопище Шамиля, проникнуть в центр его владычества и в нем утвердиться».

Летом 1845 года многочисленные и прекрасно оснащенные царские войска под руководством М. С. Воронцова начали быстрое продвижение в горы Дагестана. Из Андии намечено было взять столицу Шамиля Дарго. 6 июля 1845 года царским войскам удалось взять это чеченское селение и сжечь.

Однако итогом военной операции Воронцова стал беспрецедентный разгром русских войск. Царские войска потеряли в этом походе в Чечню 4 генералов, 186 офицеров и 4 тысячи солдат. От полного уничтожения армию Воронцова спас только прибывший на помощь большой отряд генерала Фрейтага.

Вести о разгроме в Чечне в мае 1842 года 10-тысячного отряда генерала Граббе, а летом 1845 года — армии под командованием

наместника царя на Кавказе графа Михаила Семеновича Воронцова всколыхнули весь мир. Удивительные новости о подвигах шейха Шамиля в Чечне, нарастающих как снежный ком, передавались в Кабарде и закубанских землях, среди народов Закавказья и Средней Азии, в Иране и Аравии. Победоносный меч ислама благословляли в Мекке и Медине. В Грузии распространялись слухи, что Шамиль — наследник упраздненного русским императором грузинского престола — мятежный царевич Александр, призванный вернуть своей Родине утраченную свободу. О победах свободолюбивых горцев писали газеты и журналы в Германии, Австралии, Франции и Великобритании.

Царское военное командование настолько было потрясено грандиозным поражением, что долго находилось в шоке и оцепенении, не преминув, однако, по привычке подать наградные реляции в Петербург за свой «победный подвиг». Растроганный литературными способностями своих полководцев, император Николай I не скупясь раздавал своему воинству чины, ордена и медали. Графу Воронцову был пожалован княжеский титул.

Упоенный удачами прошедших лет и особенно последней победой над армией Воронцова, Шамиль приказал своим наibaм непрерывно тревожить Кавказскую военную линию нападениями. В одном из писем к наibu Большой Чечни Талхигу Шамиль писал: «Беспокойте русских беспрестанно, стреляйте из орудия, сто мусульман должны бить тысячи русских (солдат. — Д. Х.). Так сказано в Коране».

С самого начала 1846 года стычки с маленькими отрядами горцев, особенно чеченцев, и внезапные нападения стали настолько частыми, что царским войскам, занимавшим левый фланг Кавказской линии, от границ Владикавказского военного округа (укрепление Казах-Кичу) до Северного Дагестана, пришлось, по словам А. Зиссермана, «нести тяжелую службу беспрестанного беспокойства, неуверенности ни единого часа в возможности исполнить предложенное, бегания на тревоги изо дня в день десятки верст то в ту, то в другую сторону, — вообще, крайнего напряжения».

Беспрерывно имаму Шамилю кабардинцы и закубанские черкесы посылали одно за другим письма, прося Шамиля «прийти к ним для укрепления их строя и усиления борьбы с врагами и их противниками».

В начале 40-х годов в Малой Чечне (округ Гехи) проживали скрывавшиеся от царской администрации абреки и беженцы

(мухаджиры) из Кабарды и других мест, принимавшие активное участие в войне против захватчиков. Уже с весны 1840 года известные проповедники шариата в Кабарде эфенди Хаджи-Умар Шеретлуков и князь Мисост Атажукин состояли в переписке с Шамилем, поддерживали связь с кабардинскими абреками, бежавшими за Кубань, и прилагали все усилия, по выражению царского командования, «к возмущению Кабарды, тайно подстрекая к тому же закубанцев».

Умар Шеретлуков в 1840 году «требовал от кабардинцев байтага (присяги. — Д. Х.) на повиновение ему как старшему в Кабарде духовному лицу», который должен разбирать «все их дела шариатом, не подчиняясь Временному кабардинскому суду». Как доносил царским властям кабардинский князь Александр Мисостов, «эфенди Умар Шеретлуков и князь Мисост Атажукин, оказывая наружную покорность правительству и повиновение начальству, втайне и весьма деятельно восстанавливают горцев против России, поддерживая недовольных, скрывая преступников и присвоив себе неограниченную власть над кабардинцами всех сословий — силою байтага, поставившего эфендия Шеретлукова, как духовное лицо, почти на одну ступень с Шамилем».

Начальник правого фланга Кавказской линии генерал-лейтенант Засс в мае 1842 года доносил командующему войсками о том, что лазутчики уведомили его о прибытии к убыхам и шапсугам «двух кумыков». Эти люди были посланы с предложениями от Шамиля, который просил черкесов открыть решительные действия против правого фланга Кавказской линии. При этом посланцы от имени Шамиля обещали, что при первом же их восстании Шамиль быстро двинет свои силы, и они завладеют всеми пунктами на реках Лаба и Кубань, затем, проникнув в глубину Кавказской линии, достигнут Ставрополя и захватят его. (По некоторым данным, весной 1842 года в Закубанскую Черкесию проник наиб Шамиля Ахверды Магома, но его попытка установить шариат среди черкесских народов не удалась, и ему пришлось возвратиться.)

В начале августа 1842 года среди закубанских народов началось сильное волнение. Несколько мулл, посланных Шамилем, тайно пробрались через Кабарду к абадзехам и, проповедуя среди них шариат, сумели собрать большие отряды, затем, перейдя через реку Лабу, двинулись к верховьям Кубани, уведя с собой аулы бесленеевцев,

башильбаевцев и тамовцев, которые оставили свои места и присоединились к восставшим.

В то же время (в начале августа) Шамиль был приглашен кабардинцами и, уступая их усиленным просьбам, поехал, но вынужден был возвратиться назад, задержанный полноводием Сунжи.

Посланный в 1842 году в Адыгею наиб Шамиля Хаджи-Мухаммед осенью 1843-го получил помощником Юсуфа-хаджи Сафарова, прожившего долгое время среди черкесов.

Хаджи-Мухаммед начал свою деятельность с абадзехских аулов. Затем посетил аулы темиргоевцев и хатукаевцев. Переходя из аула в аул, Хаджи-Мухаммед призывал к газавату. Он призывал народ принять шариат и объединиться по примеру Имамата Шамиля. Во всех аулах он приводил людей к присяге на верность в борьбе против царских войск и их приспешников. На смену отрядам *хаджиретов* — борцов за ислам, при Хаджи-Мухаммеде впервые пришли *муртазеки* — гвардия, занимавшаяся кроме войны охраной Хаджи-Мухаммеда и наблюдением за строгим исполнением религиозных обрядов шариата. Царские генералы отмечали, что число сторонников Хаджи-Мухаммеда «в особенности растет между простым народом» и что наиб сумел «под личиною религии овладеть умами людей низшего класса».

Быстрые и жесткие нововведения Хаджи-Мухаммеда вызвали вначале глухой ропот со стороны князей и старшин, ни с кем не желавших делить власть, а затем появилась оформленная оппозиция во главе с Мамедом-Эдиге, которая обвинила Хаджи-Мухаммеда в незаконном присвоении власти и самоуправстве.

Эта оппозиция вошла в сношения с царскими властями и начала кампанию за изгнание Хаджи-Мухаммеда из Закубанского края.

Успехи Хаджи-Мухаммеда среди черкесов вызывали сильное беспокойство у царского военного командования, которое называло наиба «злонамеренным агентом», «возмутителем народного спокойствия».

Военный министр России А. И. Чернышев был встревожен тем, что власть «Гаджи-Магомета» над абадзехами все более расширяется, что он берет с населения штрафы и, накопив капитал, привлекает к себе горцев. Чернышев указывал, что император Николай I предписал найти людей из кабардинцев, которые взялись бы доставить «Гаджи-Магомета» живым за вознаграждение в тысячу червонцев.

17 мая 1844 года отряды Хаджи-Мухаммеда были вынуждены отступить в горы, где 19 мая, после шестинедельной болезни, их предводитель умер. При кончине Хаджи-Мухаммеда присутствовало много мулл, созданных им за несколько дней до смерти.

На смену ему по просьбе делегации от закубанских черкесов Шамиль послал в 1844 году другого своего наиба — муллу Сулеймана (старшего сына известного чеченского муллы Мустафы Абдулаева), хорошо знавшего Коран и мусульманское право — шариат. Царское военное командование высоко оценило Сулеймана-муллу, называя его в своих рапортах и донесениях «злонамеренным агентом» и «хитрым фанатиком». Адыги называли его «Сельман Эфенди».

Тайно пробравшись со своими соратниками через Кабарду в Адыгею, Сулейман Мустафинов сразу же приступил к делу. По прибытии его к горцам последние клятвенно обязались выслать ему войско. Среди шапсугов и натухайцев Сулейман сумел собрать отряд в несколько сот человек. Впоследствии, когда Сулейман перешел на реку Белую, отряд его увеличился до 2—3 тысяч человек, набранных от абадзехов и других племен, обитавших на северном склоне главного хребта.

Сулейман продолжил начинания Хаджи-Мухаммеда, укрепляя шариат и призывая к газавату. Проповедуя в аулах, Сулейман-мулла одновременно старался убедить адыгов оказать практическую военную помощь Шамилю. Сулейман Мустафинов имел специальное задание от Шамиля собрать военные отряды из адыгских мюридов и отправить их для соединения с войсками Имамата.

В 1845 году он сделал попытку «через земли Кабарды соединиться с Шамилем». В первые месяцы своего пребывания в Адыгее Сулейман-эфенди сумел подготовить почву для организации военной помощи Шамилю. Адагумское собрание решило, чтобы натухайцы (из аулов, расположенных на реке Псебес, около Анапы и Новороссийска) выставили 30 конных всадников в армию Шамиля. Шапсуги же должны были выставить по 10 конных всадников с каждого большого ущелья и по 5 с малого ущелья. 2 мая 1845 года на племенном натухайском собрании в ущелье Ахог был разработан подробный план организации военной помощи Шамилю. Для руководства созданной военной группой были выделены особые лица.

Царское военное командование через своих лазутчиков было осведомлено о том, что Сулейман намеревается с «многочисленными толпами закубанцев пройти через Кабарду и Дигорию в Чечню». Для противодействия соединению отряда Сулеймана с войсками Имамата были собраны два крупных русских отряда у Прочного Окопа и у станицы Невинномысской. Царские войска преградили путь отряду Сулеймана, и адыгейцы не смогли пробиться через их заслоны и повернули обратно. Сам Сулейман-эфенди все же сумел пробраться к Шамилю.

Планы Шамиля о расширении фронта действий и перекрытии Военно-Грузинской дороги были прерваны широким вторжением армии Воронцова в горы Дагестана и Чечни в мае—июле 1845 года. В сентябре 1845 года, после своей грандиозной победы в Ичкерии, Шамиль посылает воззвание к улемам, шейхам, большим и малым хаджиям, кабардинской знати, абадзехам, темиргоевцам, мохошенцам и убыхам: «Вслед за посланным в благословенный край ваш... улемом Сулейман-Эфендием, я сам желал быть между вами, хотел, чтобы взаимные наши отношения сделать более близкими и твердыми; но вторжение в наши пределы множества нечистивых сил меня от того удержало».

В течение 1844—1845 годов к адыгам и Шамилю прибывали муллы, кадии, мастера пушечного дела из Малой Азии и Ближнего Востока, оказывавшие братскую помощь в борьбе с царскими оккупантами.

В начале 1846 года у шапсугов было собрание, на котором старшины, преданные Шамилю, постановили собрать значительный военный отряд для нападения на форты Лазаревский и Вельяминовский.

Шли слухи, что османский султан Абдул-Межид приказал своему флоту и всем сухопутным силам быть готовыми оказать помощь Шамилю. «От малого до великого все должны стоять перед своими врагами и до вспомоществования моего вам исполняйте безусловно его приказания» — говорилось в распространенном среди черкесов воззвании Ибрагима-паши Египетского (многие из подобных воззваний составлялись советником Шамиля Юсуфом-хаджи Сафаровым, долгое время жившим при дворе паши в Каире и Стамбуле).

Шамиль со своими единомышленниками вновь вернулся к плану совместных боевых действий и образования единого государства — Северокавказского эмирата (Дагестан и Черкесия). Советники имама настаивали на походе Шамиля на запад, говоря, что «черкесы — народ порядка, режима и дисциплины» и одного только появления имама в Кабарде будет достаточно, чтобы вызвать общее восстание всех народов от Каспия до Черного моря.

Момент действительно был самый удобный для западного похода. В апреле в Россию стал возвращаться 5-й пехотный корпус, стоявший на Кавказе с 1843 года. Об этом Шамиль знал подробно от разведки. Ежемесячно с настойчивыми просьбами о помощи имама Кабарде приезжали делегации кабардинских патриотов. Особенно настойчив был знатнейший уздень Малой Кабарды Мухаммед-Мирза Анзоров.

В апреле 1846 года по всему Кавказу начали носиться слухи о больших, небывалых по своим размерам, приготовлениях в горах. Слухи эти проникли за Кубань, до самой Черноморской береговой линии. По сведениям лазутчиков, житель дагестанского селения Аргуани (Салатавия) Салехиль-хаджи, взятый русскими в плен под Ахульго в 1839 году, затем бежавший из плена и скрывавшийся в Кабарде, ходил от имени кабардинцев к Шамилю с предложением поднять оружие против русских, если только Шамиль решится прийти к ним на помощь.

Шамиль вновь предпринял дальний поход, на сей раз в Кабарду. И в этом походе главной целью было объединение горских народов Кавказа в борьбе против колонизаторов. В апреле 1846 года, прорвав Сунженскую линию, Шамиль беспрепятственно вошел в Кабарду. «Кабардинская операция имама всеми военными авторитетами признается блестящей по замыслу и свидетельствует о недюжинных военных талантах Шамиля: удар был рассчитан на чувствительное место — на главный коммуникационный путь из России в Закавказье», — писал Н. Кровяков.

Осуществив беспрецедентный по масштабам и малочисленности потерь рейд по царским тылам, Шамиль вынужден был вернуть свои войска в Чечню. Во много раз превосходящие силы противника, отсутствие опыта длительных военных экспедиций, а также плохая скоординированность действий с закубанскими горцами и на этот раз

не позволили достичь главной цели — объединения Кабарды с Имаматом.

В начале 1848 года царское командование, собравшее большие силы, провело серию истребительных военных операций против адыгов, в результате чего эти народы понесли большие потери. Колонизаторам удалось также спровоцировать среди народов Северо-Западного Кавказа междоусобные столкновения. В этот сложный, критический момент сюда прибывает один из мюридов Шамиля — Мухаммед, названный черкесами Мухаммедом-Амином («амин» по-арабски «верный»).

Мухаммед-Амин полностью оправдал свое назначение: храбрый воин, непреклонный борец за социальную справедливость, гибкий дипломат, красноречивый оратор, он со свежими силами и большой энергией принялся за внедрение шариата и проповедь газавата, которая нашла отклик во многих сердцах. Современники тех событий писали: «Народ, упавший духом, ожил, горя ненавистью и мщением к ним».

В 1849 году под руководством наиба Мухаммеда-Амина началось наступление отрядов закубанских народов. Царские войска несли большие потери. Более 10 лет наибу Шамиля Мухаммеду-Амину удалось вести войну на Северо-Западном Кавказе, отвлекая от Чечни и Дагестана большие силы царской армии.

Шок от поражения и опыт неудач заставил кавказского наместника Воронцова начать медленное завоевание Кавказа через закрепление за собой земель путем строительства на них поселений и вырубки лесов. Началось возведение укреплений в Малой Чечне и переселение станиц на основанную в 1842 году на реке Ассе и среднем течении Сунжи передовую чеченскую линию. Горское население этих земель истреблялось и изгонялось. Завоеванные на западе Чечни территории вместе с Ингушетией вошли в состав Военно-Осетинского округа (к концу войны граница этого округа дошла до реки Фортанги, западная часть Чечни оказалась под контролем образованного в 1845—1846 годах 1-го Сунженского полка). На месте уничтоженных чеченских селений одно за другим появлялись укрепления Бамут, Урус-Мартан, Воздвиженская (Чахкери) и другие.

В 1854 году царский полковник де-Саже писал: «Система войны против кавказской природы и сынов ее избрана была верно. Каждый наступательный шаг отрезывал горцам безвозвратно кусок их родной

земли. Так покорены Малая Чечня и Галашки; так отодвинуты горцы правого фланга за Белую и Уруп. На всех этих местах поселены казаки, устроены укрепления с штаб-квартирами полков, и покоренные племена уже мирно живут под щитом нашего оружия и законов».

Во второй половине 1840-х годов обозначился спад в национально-освободительном движении горцев. Народ был истощен бесконечной, изнурительной, жестокой войной, которая отнимала все силы и разрушила хозяйство. А беспощадные карательные экспедиции и блокада еще больше обостряли нужду и голод среди обороняющихся. «Плоды скотоводства, лугов и хлебопашества уничтожаются русскими, бедность доходит до крайности», — свидетельствовали современники. Холодное, голодное, нищенствующее, численно сокращающееся население не могло нести столь продолжительное время все тяготы и лишения войны.

Особенно трудно было содержать армию. Ее обеспечение тяжелым грузом ложилось на Чечню — главную продовольственную базу, житницу горских народов. Силы и экономика Имамата, истощенные оборонительной войной, были на пределе. Все чаще вспыхивало недовольство крестьян, переходящее даже в вооруженные выступления против администрации Имамата. Лучшие силы Имамата пали в непрерывных боях с внешним врагом, а пополнение не поступало вследствие демографического спада.

В 1845 году в Имамате происходят изменения в политическом устройстве. Имам Шамиль принимает титул монарха-эмира. Образуется Северокавказский эмират, устроенный по принципу шариатской монархии. В январе 1848 года съезд в Ведено утвердил наследственную власть эмира Шамиля. Наследником был провозглашен его сын — Гази-Мухаммед. Монархия, ограниченная съездами и Верховным советом (Диван-хана), которые решали основные политические и законодательные вопросы, была не абсолютной, а демократической.

И все же это вызвало ропот среди не признающих наследственную власть чеченцев. Наибы еще не успели разъехаться, а в народе уже пошли разговоры, что Шамиль передал своему сыну имамство как родовое наследство, что он заботится только о себе, о своем возвышении и нисколько не думает о Боге. Люди стали подозревать Шамиля в том, что он жаждет богатства.

Секретарь Шамиля Али-Хаджи (Гаджи-Али) писал в «Сказании очевидца о Шамиле» (с. 39—40): «Через это и произошло между учеными и некоторыми наибами с Шамилем разьединенность и несогласие. Некоторые наибы и другие, искавшие власти, старались дать делам Шамиля другое направление. Все наибы начали копить богатство и убивать напрасно мусульман, не различая между дозволенным и запрещенным, между истиной и ложью. Они наружно только как бы исполняли приказания Шамиля, а в сущности старались обманывать и ниспровергнуть его. Шамиль их считал за помощников, но того не знал, что они изменники. В народе распространились притеснения, козни и сплетни, между тем, как Шамиль об этом ничего не знал, но как только замечал за наибами несправедливость какую-нибудь, то тотчас сменял их с должности. Они оклеветали перед Шамилем некоторых ученых наибов и других влиятельных лиц, истинно преданных ему, что будто бы они добиваются имамства. Шамиль верил им, удалял приближенных и сменял наибов. Однако впоследствии узнал их коварство, низкие поступки, зависть многих наибов и противозаконные действия сыновей своих. Но это была такая болезнь, которую излечить или уничтожить не было ни средств, ни лекарств, оставалось покоряться только воле Божьей и Его предопределению. С этих пор шариат наш обратился к низам (потому что толковали его каждый по-своему). Дела приняли другое направление, потому что поступки наибов были соединены с несправедливостью. Но все старания Шамиля исправить дела были тщетны. Он остался один, без помощников и часто повторял слова одного арабского поэта: “Я вижу 1000 человек, строящих здание, которое может разрушить один человек! То что же сможет построить один человек, когда сзади по тысяче разрушителей?”. Итак, с этого времени дела и предприятия Шамиля были безуспешны. Во всех походах и сражениях наибы поступали по своему желанию, вопреки приказаниям».

С 1847 года возглавляемое Шамилем движение пошло на убыль. Участники этого движения постепенно теряли веру в силу Шамиля и отказывались от него.

Самодержавие России, наращивая свои силы, начало на Кавказе медленное, но решительное наступление с использованием всех

имеющихся в его распоряжении средств, от военных и политических до подкупа влиятельных лиц из окружения Шамиля и убийств.

С помощью шпионов по горам распространялись прокламации со лживыми обещаниями царского командования о мирной жизни, предоставлении земель и различных наград и льгот горцам в случае их перехода на сторону царизма.

Уже в 1845 году главнокомандующий отдельным Кавказским корпусом и наместник Кавказа князь Воронцов в «Прокламации горским народам» писал: «...религия ваша, шариат, адат, земля ваша, имения ваши, а также все имущество, приобретенное трудами, будет неприкосновенною вашей собственностью и останется без всякого изменения... Начальство будет заботиться о благоденствии вашем и вы ни в чем не встретите нужды, и никогда вас не постигнет никакое бедствие».

Чтобы изолировать освободительное движение, на оккупированных территориях для горцев создавали условия наибольшего благоприятствования, а «немирные» аулы, наоборот, подвергали жесточайшим репрессиям.

«Во всей Чечне, — писал царский генерал Орбелиани, — не осталось ни одного аула, ни одного двора, которые по несколько раз не переселялись бы с одного места на другое».

В Грозной в 1852 году был образован горский суд, на захваченной чеченской территории созданы «наибства». После восстания в плоскостной Чечне 1840 года были отменены планы введения в Ингушетии подымного налога, а в продолжение войны ингушам дали привилегированное право не платить налоги и предоставили различные льготы и свободы, чтобы те не присоединялись к воюющим чеченцам и дагестанцам. Более того, отряды ингушской милиции, как и кабардинцев, кумыков, дагестанцев и грузин, преднамеренно использовали в военных действиях против чеченцев и аварцев — для насаждения вечной и непримиримой вражды между этими народами.

Царизм вел против кавказских народов войну на уничтожение.

Лучшие, передовые люди России осуждали эту жестокую войну. Еще А. С. Пушкин, великий русский поэт, писал: «Черкесы нас ненавидят. Мы вытеснили их из привольных пастбищ, аулы их разорены, целые племена уничтожены». С гневным осуждением

царизма в грабительской войне выступили Герцен, Чернышевский, Буташевич-Петрашевский, Добролюбов и многие другие.

Шло ухудшение положения народных масс, ужесточение жандармского режима и в самой России, занятой то подавлением восстаний во внутренних областях, то подавлением революций в Европе.

В этой крайне сложной обстановке начались военные неудачи имама: несмотря на огромные потери, в ноябре 1847 года вражеские войска заняли аул Салты в горном Дагестане, а в июне 1848-го — Гергебиль.

Театр военных действий переместился в Большую Чечню.

Зимой 1849 года от крепости Воздвиженской царскими войсками была прорублена просека к Шалинской поляне. Весной 1850 года по приказу Шамиля чеченцы и дагестанцы под руководством Юсуфа-хаджи Сафарова воздвигли при выходе из просеки Шалинское укрепление и укрепленную линию, а также редут наиба Талхига. 22 августа 1850 года укрепленная линия была взята штурмом царскими войсками и частично разрушена.

Зимой 1850/51 года рубка просек и дорог в Большой Чечне продолжалась. Экспедиция генерал-майора Козловского в Большую Чечню превратила эту местность до реки Басс в безлесную равнину. Шалинский окоп, восстановленный чеченцами и дагестанцами, в начале 1851 года снова был подвергнут штурму царских войск. Попытка рейда конницы наиба Хаджи-Мурата в Большую Чечню против царских войск не удалась.

В 1851 году происходят столкновения с войсками генерал-лейтенанта А. И. Барятинского при ауле Автуры и на реке Мичик. В этом году колонизаторская политика вытеснения непокорных чеченцев с плоскостей и долин продолжалась, количество укрепленных пунктов увеличивалось.

В ожесточенных боях с чеченцами большие потери несли и царские войска. В Малой Чечне 10 декабря 1851 года был убит генерал-майор Н. П. Слепцов, а 18 января 1852-го — генерал-майор Ф. А. Круковский.

В январе и феврале 1852 года князь Барятинский совершил ряд экспедиций в глубь плоскостной Чечни, где шли бои с отрядами Шамиля.

Горячий и упорный бой произошёл в Большой Чечне, на берегах рек Гонсаул и Мичик, с генерал-лейтенантом Барятинским и полковником Баклановым.

Двухсоттысячная царская армия стала постепенно сжимать кольцо окружения горских земель. Разорвать этот замкнутый круг не помогали даже такие отчаянные попытки имама и его полководцев, как нападение Шамиля на крепость Грозную 17 сентября 1852 года. Шамиль терял свой авторитет среди чеченцев и дагестанцев, которые выражали открытое недовольство беспомощностью имама: «В настоящее время, — писал в феврале 1853 года один из духовных лиц Дагестана эфенди Халид, — в нагорных обществах Дагестана господствует всеобщее уныние, близко подходящее к отчаянию. Непрерывная война истребила весь цвет горского народонаселения: люди влиятельные, умом и храбростью своею поддерживающие дух независимости в народе, или погибли в боях с русскими, или подавлены мрачною подозрительностью Шамиля, который в каждом сильном человеке видит опасного для себя соперника. Терроризм, составляющий его могущество, в последнее время принял еще более нестерпимый характер».

Среди наивов расцветало взяточничество, интриганство, предательство. Видя недовольство народа, имам пытался защитить от сплетен свое доброе имя. В 1850 году совет Шамиля распространил обращение к народу: «От злодеяний, которые совершали они (наибы, муфтии, кадии, старейшины. — Д. Х.), я чист... Я не участник тех, которые совершают насилие». Однако большинство населения, уставшего от войны, уже было невосприимчиво к словам имама. Люди стали привыкать к несправедливости, взяткам, воровству. Народом все больше овладевали равнодушие, неверие в победу. Зрела оппозиция правительству Имамата, лозунгом которой было прекращение сопротивления. По разным причинам на сторону царских войск перешли наибы Эндирей Умаяев, Сулейман-эфенди Мустафинов, Бота Шамурзаев, Хаджи-Мурат Хунзахский и другие. Целые семейства и селения переходили к русским. Шамиль жестоко карал предателей, опираясь на самых стойких и непреклонных соратников и единомышленников в Чечне и Дагестане.

Вместе с тем суровый имам неоднократно, еще с самого начала движения, предлагал царскому командованию мир — на условиях, что

царские войска оставят пределы кавказских земель. Но царизм требовал капитуляции. Имамат Шамиля стоял на грани падения, но Крымская война 1853—1856 годов распорядилась иначе.

Воспользовавшись тем, что Крымская война поглощала основные военные силы и ресурсы России, Шамиль старается активизировать действия против царских войск на Кавказе. В свою очередь командование союзников Англии, Франции и Турции также хотело использовать в войне против России силы Шамиля. Турецкий султан Абдул-Межид даже просил Шамиля помочь Турции «прогнать русских», обещая ему всяческие награды и присвоив звание генералиссимуса.

В конце мая 1854 года в селения Чечни и Дагестана пришел приказ собрать муртазеков для похода. Тяжело болевший Байсунгур послал с отрядом муртазеков Солтамурада. Подразделениями беноевских муртазеков командовали одноглазый богатырь Мусхин Жаапар и Хухан Арби. Конные отряды чеченцев поступили в распоряжение сына Шамиля наиба Гази-Мухаммеда. Кавалерия и пехота собрались в аварском ауле Зунуб-Каритля близ Караты. Всего здесь было 12 тысяч войска с тремя орудиями. Цель похода Шамиль не объявлял никому.

Через три дня, в начале июня, войска двинулись к селению Хуштада, затем к селению Тинда, потом к Цунте. Заняв башню, имам послал Гази-Мухаммеда в Кахетию, а Данил-бека с 5-тысячной пехотой — штурмовать царское укрепление в селение Шильды, где погибло около 40 мюридов и 60 было ранено. Погиб и наиб Хаджи-Мухаммед Тиндинский.

Гази-Мухаммед с 5-тысячным войском ворвался в селения перед крепостью Шильды.

Получив на другой день предписание от имама переправиться с конницей через реку Алазань, Гази-Мухаммед оставил часть конных и пеших с их наибами на дороге в Шильду и с 500 конными чеченцами ворвался в Цинандали. Здесь захватил он богатое имение князей Чавчавадзе, много добычи и пленных и возвратился обратно. В плен попали внушки грузинского царя Георгия XII княгини Анна и Варвара Орбелиани, 18-летняя княжна Нина Баратова и 20 детей, со слугами и гувернанткой — француженкой мадам Дрансе. В плен был взят и князь Чавчавадзе с его людьми. Всего в Грузии, по данным Мухаммеда ал-

Карахи, было взято 885 пленных, сожжено 18 селений и убито более тысячи человек.

«Если верить французским газетам, — писал внимательно следивший за борьбой горцев К. Маркс, — то Шамиль порядком-таки помял русских и угрожает даже Тифлису».

Однако вместо благодарности Шамиль получил упреки турецкого командования за нескоординированные действия. Шамиль посчитал такую ноту личным оскорблением себе и тому делу, которому он посвятил всю жизнь. Он снялся со своих позиций и ушел с войском обратно в Ведено, твердо решив никогда больше не действовать совместно с Турцией.

Внутри Имамата грузинский поход также не прибавил авторитета Шамилю. Чеченцы, посчитавшие недостойным для себя участие в грабительском походе и пленении женщин и детей, были разочарованы и роптали. Открыто свое недовольство по этому поводу выражал известнейший наиб Чечни Солтамурад Беноевский.

Секретарь Шамиля Мухаммед-Тахир ал-Карахи писал: «В том сражении в Грузии были многочисленны утаивание добычи, измены и увеличение угнетения со стороны правителей и наибов. Они постепенно переставали повиноваться. А ведь известно, что “государство продолжает существовать при неверии, но не может продолжаться при угнетении... И не прибавил Аллах Всевышний войскам имама после этого сражения, куда бы они ни направлялись, ничего, кроме принижения и поражения, оставления без помощи и отступления. И в то же время не было у глав и правителей ничего, кроме удаления и гордости, у имама — кроме опущения узды правления... у семьи имама — кроме расширения за пределы дозволенного имамом и припрятывания, у простого народа — кроме недовольства правителями и неодобрения этого припрятывания”».

Пленных знатных грузинских княгинь весной 1855 года обменяли на реке Мичик в Большой Чечне на старшего сына имама Шамиля Джемал эд-Дина, бывшего почетным заложником при царском дворе. Вся Чечня и Дагестан растроганно говорили о том, что имам не сдержался от радостных слез, увидев сына-заложника. Шамиль женил своего сына на дочери наиба Большой Чечни Талхига из села Шали.

Напуганное победами Шамиля царское правительство с 1854-го по 1856 год держит прикованными к Кавказу 270 тысяч человек, так

необходимые Крыму. Сменен под предлогом лечения престарелый главнокомандующий Воронцов. В 1855 году умер царь Николай I. Царское правительство уже серьезно подумывало о предоставлении не только самоуправления, но и независимости Имамату, когда неожиданно стало известно о согласии Шамиля на перемирие. Под влиянием воспитанного в Петербурге сына Джемал эд-Дина имам заключил с наместником русского царя на Кавказе генералом Н. Н. Муравьевым устное перемирие.

Отпустив из рук бразды правления, имам почти пустил дела на самотек. Особое внимание на «бездействие Шамиля во время войны» и осады Карса русскими войсками обратил и Муравьев. В своем дневнике он писал: «Многие удивляются, что во время пребывания моего на Кавказе Шамиль и горцы ничего не предприняли, приписывая сие к особенному моему счастью. Явление это в самом деле покажется странным, если не расследовать причины оногo. Горцы и Шамиль равно гнушаются подданничества султану и нам; домогаются они только свободы и потому их не могло польстить сближение с союзными державами, старавшимися их к тому времени склонить, да и не постигали они подобного союза».

В течение всего времени с 1855-го до половины 1856 года, т. е. до возобновления царскими войсками военных действий, войска Шамиля не совершили ни одного нападения на русскую укрепленную линию. На Сунже были открыты базары, куда съезжались тысячи горцев.

Однако кратковременный мир сослужил Шамилю плохую службу.

Момент для решительных боевых действий против царизма был упущен. Царское командование, которому после крымского поражения нужна была громкая победа, коварно нарушает свои обещания мира и подтягивает к кавказскому театру военных действий огромную армию — 240 тысяч человек, т. е. армию, по численности равную той, что выиграла войну с Наполеоном (в конце войны русская армия на Кавказе состояла из 310 тысяч человек, из них 160 тысяч на Северо-Восточном Кавказе).

С конца 1856 года новый главнокомандующий русской армией А. Барятинский начал широкомасштабное наступление на Имамат. В 1857 году царские войска заняли всю плоскость Большой Чечни. В 1858-м предпринимаются военные действия по завоеванию Малой Чечни и Аргунского ущелья. Вся Чечня была залита кровью и застлана дымом

пожарищ. «Чечня горит, имам, иди тушить», — писал в отчаянии Шамилю его наиб Талхиг. Но у Шамиля, метавшегося между наступавшими со всех сторон на Чечню и Дагестан войсками, уже не было сил.

Один за другим к русским переходили наибы: сын Джемаля Чиркеевского, Эски Чартоевский, Саадола Дышнинский, Дуба Чинхоевский. Летом 1856 года к русским бежал знаменитый советник Шамиля Юсуф-хаджи Сафаров, с 1853 года сосланный Шамилем в ссылку за предательство.

6 июля 1858 года Шамиль собрал в Шатое всех чеченских наибов и обратился к ним с призывом мобилизовать все силы против царских войск. В середине июля 1858 года Солтамурад и Байсунгур получили предписания явиться с учеными, почетными, уважаемыми людьми и войском на собрание в Шали. 16 июля со всей Чечни на площадь к укреплению Шали съехались люди. С речами выступали ученые, наибы и другие известные люди Чечни. Шамиль сказал в своей речи: «Не пугайтесь русских. Я из Ахульго вышел с 7-ю человеками, а теперь я вот каким сделался с помощью вас. Не думайте, что я вас оставлю без всякой помощи и уйду в горы, нет, я умру здесь, на земле вашей. Вы такие смелые и храбрые. Будьте покойны и ничего не бойтесь».

Имам, его сын Гази-Мухаммед и наибы поклялись в том, что лучше погибнут, сражаясь против царских войск. Затем по приказу Шамиля все наибы, ученые и сотенные начальники вместе со своими людьми поклялись, что будут сражаться с русскими.

Дав общую клятву, люди вновь воодушевились. Шамиль сказал: «О народы и общества Дагестана и Чечни! Знайте, что я вам говорю истину. Я не требую от вас денег, нет, желание мое — чтобы вы сражались с русскими и не имели бы с ними никаких сношений, и, ей-богу, они не имеют никакой другой цели от этих бедных жителей Чечни и Дагестана, расточая столько денег и погубляя солдат, как только той, чтобы брать вас в солдаты, а жен ваших — в матушки (т. е. в русские женщины. — Д.Х.), они отберут у вас оружие и даже не позволят иметь ножа. Всех почетных ваших сошлют в Сибирь, и вы будете после того как мужики. Вы подождите немного, и увидите, что будет после, и вы будете раскаиваться и грызть себе пальцы, но ничего вам тогда уже не поможет».

...В августе 1858 года шатоевцы сложили оружие. В сентябре того же года их раненый наиб Батуко сдался царскому военному командованию.

В январе 1859 года царский отряд генерала Евдокимова начал наступление по ущелью реки Басс на селение Тевзан и оттуда на столицу Имамата Ведено.

Не полагаясь только на силу оружия, царское военное командование привлекло и средства агитации. Оно распространило среди чеченцев прокламации на арабском и русском языках: «Прокламация к чеченскому народу: объявляю вам от имени Государя-Императора, 1) что правительство Русское предоставляет вам совершенно свободно исполнять навсегда веру ваших отцов; 2) что вас никогда не будут требовать в солдаты и не обратят вас в казаков; 3) что даруется вам льгота на три года со дня утверждения сего акта, по истечении сего срока вы должны будете для содержания ваших народных управлений вносить по три рубля с дома. Предоставляется, однако, аульным обществам самим производить раскладку этого сбора; 4) что поставленные над вами правители будут управлять по шариату и адату, а суд и расправы будут отправляться в народных судах, составленных из лучших людей, вами самими избранных и утвержденных начальством; 5) что права каждого из вас на принадлежащее вам имущество будут неприкосновенны. Земли ваши, которыми вы владеете или которыми наделены русским начальством, будут утверждены за вами актами и планами в неотъемлемое владение ваше... Подлинную подписал главнокомандующий Кавказской армией и наместник Кавказа генерал-фельдмаршал князь Барятинский».

Многие чеченцы и наибы, разуверившиеся в Шамиле, наивно ухватились за эти прокламации и даже прибавляли от себя льготы, якобы обещанные русским царем.

8 февраля 1859 года, несмотря на сопротивление чеченцев и дагестанцев, многочисленные царские войска, расчистив от лесов все пространство между селениями Тевзан и Элистанжи, вышли к укреплению Ведено.

В ту же ночь наибы собрались в доме Шамиля и просили его, чтобы он ушел из Ведено. Шамиль согласился удовлетворить их просьбу и, оставив в Ведено своего сына, 3500 воинов и 13 наибов, вместе с приближенными и некоторыми наибами ушел в Эрсеной.

В течение 20 дней Евдокимов вел подготовку штурма Ведено. Каждый день шли перестрелки и схватки.

В Эрсеное Шамиль получил известие, что на сторону русских перешел наиб Большой Чечни Талхиг. Шамиль тяжело переживал предательство от Талхига, которому доверял чрезмерно и даже женил на его дочери своего старшего сына.

В результате кровопролитного штурма царские войска захватили Ведено. Горцы отступили в Харачой. После захвата Ведено Шамиль ушел в Старое Дарго. С ним был лишь один чеченский наиб Осман.

1 апреля Шамиль сделал последнюю попытку. Он приказал чеченцам вновь собраться в Эрсеное. В отчаянии Шамиль взывает к гордости чеченцев: «Во всем Дагестане храбрее вас нет, чеченцы! Вы свечи религии, опора мусульман, вы были причиной восстановления ислама после его упадка. Вы много пролили русской крови, забрали у них имущества, пленили знатных их. Сколько раз вы заставляли трепетать их сердца от страха. Знайте, что я товарищ ваш и постоянный ваш кунак, пока буду жив. Ей-богу, я не уйду отсюда в горы, пока не останется ни одного дерева в Чечне».

Но окончательно разочарованные в имаме чеченцы, уже не видя толку в его речах, оставили Шамиля и разошлись по домам. Разоренный и уставший от войны народ не могла остановить даже яростная речь беноевцев — Байсунгура и Солтамурада, призывавших не верить лживым обещаниям царских военачальников и сплотиться для защиты Родины.

Шамиль, потеряв всякую надежду на возвращение Чечни, ушел с приверженцами в дагестанское селение Ичича.

На сторону русских перешли Эдил Веденский и Умалат Ичкеринский.

5 апреля чеберловцы изгнали наиба и покорились. 12 апреля свое бессилие перед русской армией признали ауховские чеченцы. Всех покоренных горцев тут же, под конвоем царских войск, переселяли на плоскость для надзора.

Не встречая сопротивления, русские войска вошли в центр Ичкерии, аул Центорой, и расположились на священной для чеченцев горе Кхеташон Корта. Сюда начали идти делегации старейшин из окрестных сел с сообщением о готовности сложить оружие. К 13 мая 1859 года вся Чеченская область Имамата, за исключением отдельных

высокогорных ичкеринских аулов Ауховского наибства (Зандак, Симсир и др.) и Беноевского общества, была завоевана. В июне, однако, и эти аулы подчинились и прислали царскому военному командованию свои делегации.

Единственным непокоренным островком Чечни оставалось Беноевское общество. От беноевцев царское командование так и не дождалось делегации. Сюда, в беноевские лесные дебри, со всех концов Чечни стекались все непримиримые враги Российской империи. Временной администрации окрестных селений прямо предписывалось прекратить всякие контакты с Беноем, брать в плен и уничтожать беноевцев. Приказания царского военного командования, однако, не выполнялись чеченцами.

4 июля 1859 года чеченская депутация почетных лиц, среди которых были бывшие наибы Талхиг, Эски, Эдил, Дуба, Умалат, явилась в крепость Грозную к князю Барятинскому с надеждой, что управление покоренной Чечней, как и было обещано в Прокламации, остается в руках чеченцев. Перешедшие на сторону русских наибы получили царские чины, награды и были назначены наибами тех же участков, где когда-то они служили Шамилю. Царское правительство вело с ними довольно тонкую игру, стараясь на время укрепления своих позиций в горах не вызывать недовольства горцев.

Байсунгур с родственниками, следуя своему обету газавата и присяге на верность имаму, двинулся на помощь Шамилю в горный Дагестан. Но и в Дагестане происходил массовый отход от Шамиля. Дагестанские наибы переходили на сторону русских один за другим. Перешел к русским ушедший с Шамилем в Дагестан чеченский наиб Осман.

Шамиль, потерявший в результате ограбления всю казну и библиотеку, преследуемый повсюду царскими войсками, милицией горских феодалов и предателей, укрылся с самыми верными соратниками в своей последней крепости на горе Гуниб (это место он стал укреплять еще с 1841 года). 18 августа 1859 года он с 300 смельчаков (считая с жителями и женщинами Гуниба, их было всего около 400 человек) был окружен 10-тысячным царским войском. Посланный для переговоров барон Врангель предложил Шамилю сдаться русскому царю, что гарантировало имаму свободный выезд в Мекку с обязательством избрать ее своим постоянным

местопребыванием. Но это предложение принято не было: аварцы, чеченцы, андийцы, черкесы, казаки, русские, украинцы и другие, оборонявшие Гуниб, изъявили решительную готовность умереть, но не сдаваться. Имам Шамиль заявил парламентарам, чтобы они передали главнокомандующему русской армией князю Барятинскому: «...у меня есть еще в руках шашка — приди и возьми ее».

Первый штурм Гуниба был отражен его мужественными и отчаянными защитниками. На другой день — новый, более мощный приступ. Ряды защитников становились все малочисленнее, а враг все прибывал.

Имам то и дело обращался к воспоминаниям о героической гибели своего учителя и друга имама Гази-Мухаммеда. Он должен был принять газават. «Шамиль уже приготовился защищаться, положив перед собой шашку и заткнув полы за пояс, — вспоминал преданный имаму его секретарь Хаджи-Али. — Он решил умереть. “Я хочу сражаться и умереть в этот день”, — сказал Шамиль».

Но как гром среди ясного неба прозвучали слова сына Гази-Мухаммеда — в минутном помрачении ума и слабости воли потребовал он от отца капитуляции, дающей жизнь. Жить во что бы то ни стало хотели любимые дети, любимые жены Шамиля. Имам мог перенести многое, но он был любящим отцом и мужем. И что-то сломалось в Шамиле. В одно мгновение грозный, суровый, великий стал старым, больным, обмякшим человеком.

Дважды, в 1832-м и в 1839-м, он совершил невероятное, пробившись через окружение врагов. В третий раз, в 1859 году, судьба не дала ему шанс, старик уже не мог повторить прежние подвиги.

Все было как во сне. Выход к парламентарам, согласие на сдачу... И ничто уже не могло остановить рокового шага, даже ярость и проклятие, брошенное вслед искалеченным наибом из Беноя.

Шамиль перестал быть имамом и эмиром правоверных. (В плену он подписывался только именем «раб Божий Шамуил».)

25 августа 1859 года князь Барятинский с ликованием телеграфировал царю: «Гуниб взят, Шамиль в плену». Почетный пленник был отправлен со своей семьей в Санкт-Петербург, а затем в Калугу, где был встречен с величайшими почестями.

Со сдачей Шамиля война на Северо-Восточном Кавказе считалась законченной, а Чечня и Дагестан завоеванными.

В декабре 1859 года на Северо-Западном Кавказе сдался царской армии наиб Мухаммед-Амин, впоследствии навестивший Шамиля в Калуге, перед своим отъездом в Турцию, куда он был отпущен на постоянное жительство.

Однако война на Северо-Западном Кавказе продолжалась до 1864 года, а в Чечне массовое сопротивление было до 1865 года.

Пребывание в почетном плену, в «золотой, но клетке», вдали от родины, в непривычном для горцев климате болезненно отразилось на здоровье Шамиля и всей его семьи. Чахотка унесла 17 жизней из семьи и окружения Шамиля.

Бывший имам проводил время, жадно поглощая книги, приобретая новые знания — то желанное, от чего оторвала Шамиля война царизма против его народа. Давали о себе знать старые девятнадцать ран, полученные Шамилем в боях. Единственное, чего он желал, — это отдать долг мусульманина и совершить *хадж* (паломничество) к святым местам ислама. Хотя царское правительство обещало отпустить Шамиля после сдачи в плен в Мекку, оно под разными предлогами о гостеприимстве и дружбе все время откладывало его поездку, боясь непредсказуемых последствий появления знаменитого имама в мусульманском мире. Шли годы, и все более стареющий имам уже отчаивался вырваться из тесных объятий «гостеприимных» хозяев. 26 августа 1866 года он был вынужден пойти на принятие присяги на верность Российскому престолу.

В 1870 году Шамиль был отпущен в Мекку. По дороге в Мекку он был встречен всеобщим ликованием. Слава о великом имаме с Кавказа далеко опережала его эскорт. Толпы людей стекались к местам его посещений, чтобы хоть одним глазом увидеть святого праведника и поцеловать место, где ступала нога имама.

В Стамбуле произошло невиданное в истории Турции — турецкий султан поцеловал руку великого Шамиля. Слава и почести шли с Шамилем до самой Мекки. 4 февраля 1871 года Шамиль скончался в Медине, где и был похоронен недалеко от святынь ислама, на кладбище Джаннат-эль-Баки.

Так закончилась славная и трагическая жизнь этого замечательного человека, являющегося символом общенационального движения северокавказских горцев, мудрого вождя, гибкого дипломата, талантливого полководца, религиозного авторитета и выдающегося

государственного и политического лидера мощного северокавказского государства — Имамата.

Песня матери Шамиля

В книге «Мой Дагестан» Расул Гамзатов рассказал легенду о песне матери Шамиля. Вот она.

«“В песне ищи что-нибудь одно — или смех, или слезы. Нам, горцам, сейчас ни то, ни другое не нужно. Мы воюем. Мужество не должно жаловаться и плакать, нам нечему и радоваться. Печаль и горечь в наших сердцах. Вчера я наказал молодых людей, которые около мечети танцевали и пели. Глупцы они. Увижу такое еще раз, накажу снова. Если вам нужны стихи, читайте Коран. Твердите стихи, написанные пророком. Его стихи высечены на воротах Каабы“.

Так запрещал имам Шамиль петь в Дагестане. Женщин за песню наказывал метлой, а мужчин кнутом. Приказ есть приказ. Немало певцов попало в те годы под удары кнута.

Но разве можно заставить замолчать песню? Певца — можно, а песню — никогда. Мы видим много надгробных камней, там похоронены люди. Но кто видел могилы песен?

На одной могильной плите я прочитал: “Умер, умирают, умрут“. Про песню можно сказать: “Не умерла, не умирает, не умрет“. Чего только не делали с песнями в дни газавата, а они мало того что выжили и дошли до нас, но называются теперь по иронии судьбы “песнями Шамиля“.

Так вот, про песню матери Шамиля... В те дни неприятельские войска захватили аул Ахульго. Много героев породила эта битва, но все они остались там, на поле битвы. Раненые, не желая сдаваться, прыгали в Аварское Койсу. Среди осажденных была и сестра Шамиля с детьми.

В это тяжелое время усталый, израненный имам приехал в свой родной аул Гимры. Не успел он отдать мюридам повод коня, как услышал песню. Или, вернее, плач:

*Плачьте, люди, в горных аулах,
Плачьте по мертвым и славьте их.
Врагу досталась крепость Ахульго,
И никого не осталось в живых.*

Даже в песне перечислялись имена всех убитых героев. Сочинивший песню просил всех надеть траурные одежды. Говорилось о том, что в горах высохли все родники, прослышав о такой горе. Была в песне мольба к Аллаху защищать горцев, вдохнуть силы в имама и сохранить жизнь восьмилетнему Джемалэддину, сыну Шамиля, находившемуся в заложниках у “белого царя” в Петербурге.

Шамиль сел на камень, запустил пальцы в густую бороду, испытующе посмотрел на стоящих вокруг людей, а потом спросил:

— Юнус, сколько строк в этой песне?

— Сто две строки, имам.

— Найди сочинителя этой песни и подвергни ста ударам кнута.

Два удара оставь за мной.

Мюрид незамедлительно вытащил кнут.

— Кто сочинил эту песню?

Все молчали.

— Я спрашиваю: кто сочинил песню?

Тут к имаму подошла его согбенная, печальная мать. В руках она держала метлу.

— Сын мой, песню сочинила я. В нашем доме сегодня траур. Возьми эту метлу. Исполни свой приказ.

Имам задумался. Потом он взял из рук матери метлу и прислонил к стенке.

— Мать, ты уходи домой.

Оглядываясь на сына, мать ушла. Как только она скрылась в переулке, Шамиль снял с себя саблю, развязал пояс, сбросил черкеску.

— Бить мать нельзя. Ее вину должен взять на себя я, ее сын, Шамиль.

Раздевшись до пояса, он лег на землю и сказал мюриду:

— Зачем ты спрятал кнут? Достань-ка его и исполняй то, что я говорю.

Мюрид колебался. Имам нахмурился, и мюрид лучше всех знал, что за этим может последовать.

Он начал стегать имама, но стегал мягко, не наказывал, а гладил. Шамиль вдруг встал и крикнул:

— Ложись вместо меня!

Мюрид растянулся на лавке. Шамиль взял его кнут и больно стеганул три раза. На спине мюрида появились красные рубцы.

— Вот как надо бить, понял? Теперь начинай и не вздумай снова ловчить.

Мюрид начал хлестать имама и отсчитывать удары.

— Двадцать восемь, двадцать девять...

— Нет, только еще двадцать семь. Не пропускай, не перескакивай.

С мюрида катился пот, и он вытирал его левым рукавом. Спина имама была похожа на горный хребет в пересечениях дорог и тропинок или на склон холма, истоптанный многими табунами.

Наконец истязание кончилось. Мюрид отошел в сторону, отдуваясь. Шамиль облачился, надел оружие. Повернувшись к людям, сказал:

— Горцы, нам надо воевать. Нам некогда сочинять и распевать песни, рассказывать сказки. Пусть враги поют песни о нас. Этому научат их наши сабли. Вытирайте слезы, точите оружие. Ахульго мы потеряли, но Дагестан еще жив, и война не кончилась.

После этого дня еще двадцать пять лет воевал Дагестан, пока не отгремела последняя битва и не пал Гуниб».

Те, кто в ненависти к национально-освободительному движению горцев пытался опорочить их вождя, объясняли подобные запрещения имама Шамиля мракобесием и фанатизмом тирана. А все было очень просто. А. И. Руновский так рассказывает в своих записках (с. 54—55):

«На другой день, утром, орган был уже у меня в нумере. Хотя я и твердо верил в непогрешимость предсказаний Хаджио насчет действия музыки, но признаюсь откровенно, что ожидал этой минуты далеко не равнодушно. Наконец Мустафа, уделом которого на земле была, по мнению Шамиля, вокальная часть, начал пробовать свои силы на инструментальной. Оказалось, что здесь он несравненно сильнее: при первых же звуках, которые он извлек из органа, в комнату вошел Шамиль, с сияющим от удовольствия лицом. Он сел подле меня на диване и с полчаса слушал музыку внимательно, почти не шевелясь и только изредка посматривая на Мустафу тем взглядом, каким художник смотрит на свое любимое создание. Потом он встал, подошел к инструменту и начал рассматривать его во всей подробности, для чего пришлось даже снять всю наружную оболочку. Удовлетворив несколько свое любопытство, он объявил, что у него в горах не было ничего подобного. Я воспользовался этим, чтобы спросить, с какой целью запретил он у себя музыку.

— Вероятно, и про нее написано в книгах? — прибавил я.

— Да, — отвечал Шамиль, — в книгах написано и про нее; но я считаю, что музыка так приятна для человека, что и самый усердный мусульманин, который легко и охотно исполняет все веления пророка, может не устоять против музыки; поэтому я и запретил ее, опасаясь, чтобы мои воины не променяли музыки, которую они слушали в горах и лесах во время сражений, на ту, которая раздается дома, подле женщин».

Слова Шамиля подтвердил и его мюрид Хаджи (Хаджио): «...запретил он танцевать и быть вместе с женщинами: не оттого он запретил, что это грех, а для того, чтобы молодой народ не променял бы как-нибудь ночного караула на пляску да на волокитство; а вы сами знаете, что воинов у нас и без того немного, и если мы так долго держались против вас, так именно потому, что вели строгую жизнь и всякое наслаждение считали за великий грех... О, Шамиль большой человек!»

Несмотря на запрет светской музыки и песен, в Имамате поощрялось пение религиозных гимнов — зикров и назмов, прославляющих ислам, пророка, имама. Один из таких гимнов, который исполняли чеченские мюриды, сопровождавшие имама Шамиля, был зафиксирован (с приложением нот) Иваном Клингером, проведенным в плену у чеченского наиба Тарама два с половиной года (с 1847-го по 1850-й). В гимне были такие слова:

*Ла иллахИу иль АллахИ.
Я — АллахИу, Везан Дела,
Имам Шемал маърша лелийта.
Я — гIаннар, я — саттар.*

*(Нет бога, кроме Аллаха.
О Аллах, Великий Боже,
Сделай путь имама Шамиля свободным,
О Всепрощающий, О Всемилостивый)*

Сохранились и интересные легенды о лезгинке Шамиля. На весь мир знаменита мелодия «Лезгинка Шамиля». Но мало кто знает, что эту

музыку написал старший брат известного основоположника азербайджанской классической музыки чеченца из Старых Атагов Муслима Магомаева — Магомед Магомаев. Это музыкальное произведение состоит из двух частей: «Молитва Шамиля» и «Лезгинка Шамиля». С ней связывают и картину Ф. Рубо «Шамиль на молитве».

Люди рассказывают, что однажды во время Кавказской войны отряды Шамиля попали в окружение. Видя вокруг себя бесчисленные войска врагов, воины Шамиля начали падать духом. Тщетно выкликивал имам имена наибов, призывая прорвать кольцо: лучшие воины его, видя неизбежность смерти, впали в уныние. Тогда Шамиль, договорившись о чем-то с барабанщиком и зурначом, расстелил перед конным строем мюридов ковер и начал молитву. Тысячи глаз наблюдали за каждым движением имама. Закончив молитву, имам сделал знак музыкантам — и сначала медленно, затем постепенно убыстряясь зазвучала мелодия лезгинки. И имам, грозный имам, повелитель правоверных, начал танцевать лезгинку. Тысячи глаз, увидев невиданное, расширились от изумления, тысячи сердец, заслышав призывные звуки горского танца, заколотились от волнения. А теми все ускорялся, барабан бил все громче, все неистовее танцевал имам. Ритм сделался бешеным, и когда в экстазе мюриды стали подпрыгивать в седле, имам вскочил на своего коня и, выхватив шашку, ринулся на врага. Громоподобный клич из тысячи уст разорвал небо — и, подобно лавине с гор, промчался, сметая все живое на своем пути, отряд Шамиля. Стальное кольцо окружения было прорвано. *(Рассказал известный чеченский писатель Халид Ошаев Баширу Чахкиеву.)*

С религиозными гимнами «Ла иллахИ иль АллахИ» войска Шамиля шли в бой.

В период Имамата было создано множество назмов и илли, прославляющих подвиги имама и его наибов. Запрет Шамиля на танцы, музыку и песни светского содержания часто нарушался чеченцами, которые были неспособны долго выдерживать пуританские порядки суровых мюридов, отрекавшихся во имя победы от всего земного.

Вернемся к легенде. А был ли в действительности подобный случай или народ придумал о своем горе еще одну жестокую, но прекрасную сказку?

Офицер, служивший в Куринском егерском полку, поведал в своих записках об «одном из фанатических поступков Шамиля».^[14] Случай

этот был «рассказан автору в 1845 году муллою Шаих, который около двух лет был одним из приближенных к Шамилю мюридов».

«Жители Большой и Малой Чечни, теснимые со всех сторон русскими войсками, понимая свое бессилие и не видя подкрепления со стороны лезгинских обществ, в 1845 году, после многократных совещаний, решились послать к Шамилю депутатов с просьбою о присылке к ним на помощь такого числа пеших и конных лезгин, с которыми бы они могли не только защищаться, но и выгнать русских из земли чеченской, где они, устроив крепость Воздвиженскую, начинают хозяйничать не на шутку; в противном же случае, позволить им, чеченцам, покориться русскому правительству, для сопротивления которому они чувствуют себя бессильными. Долго не находилось охотников принять на себя это опасное поручение — явиться к Шамилю с такими и подобными предложениями значило рисковать если не головою, то, по крайней мере, возвратиться к домашним своим с зашитым ртом, с отрезанным языком, с укороченным носом и ушами. Кому понравится операция такого рода? Чеченцы вынуждены были, не ожидая охотников, выбрать депутатов по жребию, и этот жребий выпал на долю четырех человек из деревни Гуной.

Дикая гордость не позволяет чеченцу выказывать чувства страха, хотя бы перед лицом явной, неизбежной опасности, тем более, если поощрять его названием джигита, на которого возлагают товарищи все свое упование. Поэтому избранные депутаты, приняв возложенное на них поручение, не обнаруживая робости, обещались своему народу вырвать от Шамиля согласие — дать им помощь для борьбы с русскими войсками или дозволение покориться могущественному неприятелю. С такою похвальною решимостью гуноевцы пустились в путь, но по мере приближения к аулу Дарго чувство самосохранения сильно напоминало об опасности принятого ими на себя поручения. Они несколько раз советовались между собою, как лучше приступить к такому отважному делу, но все их соображения оказывались неудобноисполнительными. Наконец, старший из депутатов, опытный чеченец Тепи, обратился к своим товарищам со следующим предложением: “Вы знаете, — сказал он, — что не только чеченцы, но и самые приближенные к грозному имаму мюриды не могут безнаказанно произнести перед ним слово о покорности гяурам. Что же ожидает нас, если мы осмелимся обратиться к Шамилю с таким словом? Он тотчас же прикажет отрезать нам языки,

выколоть глаза или отрубить головы, и все это не принесет ни малейшей пользы чеченскому народу, а только осиротит семейства наши. Чтобы избежать верной гибели и достигнуть хотя в некоторой степени полезной цели, я придумал самое верное средство“.

“Говори, говори“, — закричали в один голос обрадованные товарищи. “Слушайте, — продолжал Тепи, — я знаю от верных людей, что Шамиль, не принимающий ничьих советов, по необычайной любви к своей матери выполняет все ее желания, как завет священного алкорана. Было много примеров, что по представительству этой доброй старухи осужденные на смерть получали прощение, ограбленным — возвращалось имение, и даже в сильных порывах гнева Шамиль становился кротким ягненком от одного умоляющего слова, от взгляда этой необыкновенной старухи. Каждый день толпа просителей окружает саклю общей покровительницы, и если она возьмется за чье-то дело, то успех несомненный. Итак, почему бы нам не обратиться к ней с нашей просьбой? Это будет безопаснее и вернее. У нас есть в Дарго кунак — Хасим-мулла, который не откажет представить нас матери Шамиля, а остальное будет зависеть от того впечатления, какое должны мы будем внушить ей рассказами о настоящем бедственном состоянии чеченского народа“.

Совет, предложенный опытным Тепи, был с радостью принят его товарищами; он рассеял мрачные их мысли о грозных последствиях, и все четверо депутатов весело и быстро помчались к аулу.

К закату солнца спутники были на месте и, расположившись в сакле одного знакомого лезгина, решились без отлагательства обратиться к посредничеству муллы Хасима.

Жители Кавказских гор очень хорошо понимают, что в дипломатических разговорах с лицами, имеющими влияние на их участь, деньги играют важную роль, а потому чеченские депутаты при их отправлении в Дарго были снабжены полновесными кошельками золотых и серебряных монет, собранных заблаговременно со всего народонаселения. Из этих денег депутаты отсчитали триста тюменей (300 р. сер.) блестящими полуимпериялами, для удобнейшего убеждения муллы Хасима, и с такою суммою отправили к нему Тепи в тот же вечер. Хасим принял своего старого кунака с непритворным радушием и с соблюдением лезгинского приличия, угостил его на славу: бузою, вареною бараниной и копченым курдючным салом,

растопленным в камине. Усевшись на парчовую подушку и поговоривши о днях давно прошедшей молодости, наши приятели постепенно перешли к обстоятельствам нынешнего времени. Тепи, как тонкий политик, без затруднения успел приблизиться к своему предмету, но лишь только высказал причину и цель своего прихода, брови Хасима нахмурились и он наотрез отказался от всякого участия в чеченском деле, присовокупив к этому, что мать Шамиля, хоть и женщина, однако понимает, как велико преступление тех правоверных, которые, вопреки священному алкорану, решаются искать покровительства у гяуров. “Нет, — вскричал он, — ваши чеченцы недостойны называться поклонниками великого пророка, если они решаются променять вечное блаженство на временное успокоение! Ла Иллаха Иллалахь Мухаммадан расуллуллахь (нет Бога, кроме единого Бога, и Магомет пророк Его). Их только должны бояться правоверные и на них одних возлагать надежды. Понимаете ли вы, что неверие ваше и сомнение в милосердии Аллаха и Магомета суть важнейшие причины, по которым Бог допускает русских издеваться над правоверными. Вы страшитесь смерти от руки гяура, тогда как она пролагает нам самый прямой путь в бесконечное блаженство, украшенное прелестными гуриями. Предложение, с каким вы приехали к законоучителю, могло бы быть простительно только одним женщинам; но вы не произнесете его безнаказанно перед лицом Шамиля. Вы не возвратитесь более к вашим преступным чеченцам и весть о позорной смерти вашей внесется в чеченские пределы вместе с заслуженным наказанием“.

Тепи, зная из многих примеров, что нрав его приятеля весьма склонен к снисходительности при всяком деле, в котором он усмотрит собственные свои выгоды, и спокойно выслушав грозную прокламацию, медленно развернул свой бешмет и, высыпав на ковер у ног Хасима блестящие полуимпериалы, сказал с приветливой улыбкой: “Мои соотечественники уважают достоинство мудрого Хасима, и в знак истинного уважения и преданности прислали тебе в подарок эти деньги“. Блеск золота в мгновение рассеял мрачные тучи с лица Хасима, глаза его заблестали огнем восторга, из-под седых усов выглянула отрадная улыбка, левая рука невольно опустилась на золотую грудку, а правая сжала руку Тепи, который внутренне радовался, глядя на благоприятное одушевление своего кунака от магического влияния могущественного металла.

“Итак, нам нечего надеяться? — сказал хитрый чеченец после некоторого молчания. — Из твоих слов, почтеннейший друг, я мог только извлечь полезный для себя совет: возвратиться обратно в Чечню, взяв с собой 230 монет серебра и золота, привезенные нами в подарок матери Шамиля, на помощь которой мы полагали всю нашу надежду“.

При наименовании такой значительной цифры Хасим сделался еще более внимательным к своему старинному кунаку. “Не будь так поспешен, — сказал он ему с приветливой улыбкой, — так ли я понял рассказ твой о настоящем положении и желании чеченского народа? Пожалуйста, расскажи мне еще раз цель твоего приезда со всюю подробностью, а потом подумаем, нельзя ли помочь вашей беде. Мать Шамиля имеет сильное влияние на своего сына. Почти во всех случаях он повинуется ей слепо. Расположение этой женщины ко мне и 200 тюменей, привезенные вами ей в подарок, наверное, заставят ее действовать в вашу пользу. Я говорю 200 тюменей, потому, что это круглое число, которое гораздо приличнее поднести такой важной особе, и что остальные тридцать ты должен передать мне“.

Лукавый Тепи, после такого “бескорыстного“ объяснения, скрыв ироническую улыбку и сложив на груди руки, повторил прежний рассказ, в котором объяснил со всюю подробностью бедственное состояние своего народа, живущего на Чеченской плоскости, где их прикрывали одни только леса, которые быстро и постоянно истреблялись русскими отрядами, многочисленность неприятелей, славу их оружия, неистощимые средства русских и собственное свое бессилие. К этому присоединил он, что русское правительство обходилось и обходится с покорными чеченцами миролюбиво, нисколько не стесняет их в обрядах религии и всеми мерами заботится об их спокойствии и благоденствии.

“Понимаю, понимаю, любезный друг! — сказал Хасим с притворным вздохом. — Чеченцы, живущие на плоскости, окруженные со всех сторон неприятелем, похожи на птичек в клетке; но ведь птичка побьется, побьется в западне своей, и убедившись в невозможности разрушить преграду, примиряется наконец со своей неволей, и даже начинает жить припеваючи, если встретит усердную заботливость о насущном ее пропитании. По моему мнению, великий пророк не осудит за покорность гяурам чеченцев, если они принесут ее не по доброй воле, а при неизбежной необходимости. Итак, призвав на помощь

Аллаха, я примусь за ваше дело: завтра же переговорю со старухой Ханум (мать Шамиля, дочь аварского бека Гир-Будаха, звали Баху-Меседу. — Д. Х.), а к вечеру, без всякого сомнения, ты и твои товарищи будете представлены матери нашего Имама“.

Теги, утешенный такими обещаниями, около полуночи дружно расстался с Хасимом и поспешил обрадовать своих товарищей, которые в ожидании его возвращения, находясь между страхом и надеждой, не могли сомкнуть глаз своих.

Хасим сдержал свое обещание. На другой день, часа за два до заката солнца, чеченские депутаты были представлены матери Шамиля. Она благосклонно приняла 200 тюменей, полученные ею от чеченских депутатов, и обещания их удвоить эту сумму, в случае успеха, возбудили в ней непреодолимое желание доказать чеченцам свою к ним благосклонность, а вместе и свое могущество. В тот же вечер она отправилась в кунацкую Шамиля, где застала сына своего с алкораном в руках, окруженного толпой мюридов, готовившихся отправиться к мехтулинцам и аварцам с различными возмутительными предложениями. Приход Ханум, не посвященной в политические тайны Шамиля, был очень некстати, но она, не обратив на это никакого внимания, самонадеянно потребовала аудиенции.

“Нельзя ли отложить до другого времени, любезнейшая мать?” — спросил Шамиль почтительно, хотя с весьма недовольным видом.

“Ни одной минуты, — отвечала Ханум настойчиво, — дело, о котором хочу говорить с тобою, много занимает меня и ты должен уважить просьбу твоей матери для ее успокоения“.

Лицо Шамиля омрачилось еще более. “Хорошо, — сказал он до крайности суровым тоном, — я готов оставить для тебя мое важное занятие, будучи уверен, что твое настойчивое требование вполне заслуживает такой великой жертвы“.

Мать и сын, оставшись вдвоем, беседовали далеко за полночь. Что между ними происходило, остается тайной до настоящего времени, но на другой день Хасим нашел почтенную старушку с заплаканными глазами, на бледном лице ее изображалось горестное уныние. “Я взялась не за свое дело, — сказала она дрожащим голосом, — даже мой сын не смел решить вопрос о принесении покорности гяурам чеченцами, и чтобы дать этому делу законное направление, Шамиль

отправился в мечеть, где будет поститься и молиться до тех пор, пока не удостоится услышать святую волю из уст нашего великого пророка“.

Шамиль действительно заперся в мечети, сделав заблаговременно распоряжение, чтобы все жители селения Дарго, собравшись на площади вокруг мечети, оставались там в беспрестанной молитве до тех пор, пока он не выйдет из своего заточения. Приказание немедленно было исполнено: народ стеснился на означенном месте и окрестности огласились от воплей молящихся. Все спрашивали о причине такого небывалого явления, но никто не мог ответить на эти вопросы. Каждый толковал по-своему и все единодушно ожидали совершения какого-либо чуда. Только мулла Хасим и несчастные чеченские депутаты знали истинную причину и молча, с трепетом ожидали неведомого результата.

Проходит день и ночь — Шамиль не является; уплывают другие сутки — дверь мечети остается затворенною; наконец, солнце в третий раз застает изнуренных жителей Дарго в молитвенном бдении. Звуки голосов сделались уже хрипыми; многие из народа, ослабев от поста и бессонных ночей, не могли уже подняться на ноги; невольный ропот пробегал по засохшим устам; ко вот дверь мечети распахнулась, выходит Шамиль, бледный, глаза налиты кровью, как бы от продолжительных слез. Мановением руки он подозвал к себе одного мюрида, шепотом отдал ему какое-то приказание, и тот быстро исчез в толпе народа. Потом великий Имам молча и медленно взошел на плоскую крышу мечети в сопровождении двух других мюридов.

Общая тишина, как предвестник страшной бури, царствовала на всем видимом пространстве. Но вот густая толпа народа заколебалась — посланный Шамилем мюрид очищал дорогу, а за ним неровными шагами, покрытая белой чадрой, двигалась мать грозного Имама. Двое мулл внесли ее на крышу мечети и поставили лицом к лицу ее сына. Несколько минут Шамиль хранил глубокое молчание, наконец, подняв мутные глаза к небу, произнес слабым голосом:

“Великий пророк Магомет! Святые и неизменны веления твои: да исполнится правый суд твой, в пример всем последователям священного алкарана“. Потом, обратясь к народу, сказал довольно громким голосом: “Жители Дарго, я должен объявить вам страшную весть. Чеченцы, изменяя долгу правоверных, забывая клятву, принесенную ими пред лицом Аллаха и Магомета, в преступных

сердцах своих положили дерзкое намерение покориться гяурам и не устыдились даже прислать в Дарго своих депутатов, для получения на то моего согласия. Но чувствуя гнусность такого намерения, эти депутаты не осмелились явиться ко мне, а обратились к несчастной моей матери и она, как слабая женщина, решила ходатайствовать в пользу безумных чеченцев. Ее настойчивость и безотчетная моя к ней преданность внушили мне смелость узнать волю об этом любимого бога Магомета. И вот в присутствии вашем, при содействии ваших молитв, я в продолжение трех суток взывал постом и молитвами на правый суд пророка, и он удостоил меня ответом на мои дерзновенные вопросы. Но этот ответ как гром поразил меня! По воле Аллаха повелено дать сто жестоких ударов тому, кто первый высказал мне это постыдное намерение чеченского народа, и этот первый, увы! была мать моя!". Услышав свое наименование, бедная старушка испустила жалобный вопль, но Шамиль, как верный исполнитель воли Аллаха и пророка Его, несколько не поколебался. По его мановению мюриды сорвали чадру с несчастной жертвы и схватили ее за руки, а беспредельно преданный сын сделался палачом своей матери. Но за пятым ударом страдальца, бледная как полотно, лишилась чувств; голова Ханум безжизненно склонилась на грудь ее, Шамиль, пораженный этим убийственным зрелищем, опустил наказующую руку, упав к ногам своей матери.

Мертвая тишина, господствовавшая в народе, заменилась общим безутешным рыданием; многие простирали руки к мечети, молили о пощаде той, которую имели причину называть своею благодетельницею.

Но вот Шамиль поднимается на ноги. К удивлению всех в его лице не заметно и тени прежнего отчаяния, напротив, глаза играют каким-то непостижимым торжеством. Он выпрямился, поднял пылающие взоры к небу и восторженным голосом произнес: "Ла Иллаха Иллалахь Мухаммадан расулуллахь. Жители небес! Вы услышали мои усердные молитвы, вы позволили мне принять на себя остальные удары, для которых была обречена бедная мать моя. Эти удары я приму с радостью, как неоцененный дар вашего милосердия..." Тут он, с улыбкою на устах, скинул с себя красную чуху свою, снял бешмет, вооружил двух мюридов толстыми нагайскими плетями и приказал отсчитать себе девяносто пять ударов, подтвердив при том, что если кто

из них осмелится слабо выполнять веления пророка, тот будет поражен кинжалом из собственной его руки.

Мюриды, испуганные таким невыгодным для них обещанием, с подобострастным усердием наложили 95 кровавых рубцов на высокопочтенной спине их повелителя, но он не обнаружил ни малейших признаков страдания. По окончании варварской операции, совершенно спокойно надел лежащую у ног его одежду, быстро сошел с крыши мечети и, остановившись среди народной толпы, приведенной в крайнее удивление неслыханным дотоле событием, спросил совершенно спокойным голосом: “Где те злодеи, за которых потерпела мать моя позорное наказание, где чеченские депутаты?”

“Здесь, здесь“, — закричало множество голосов, и в одно мгновение ока несчастные жертвы были привлечены к ногам повелителя. Все присутствовавшие нисколько не сомневались, что страшная, мучительная и позорная смерть ожидает этих несчастных четырех чеченских депутатов. Надежды на пощаду не было никакой. Несколько мюридов обнажили уже шашки, чтобы быть готовыми к исполнению казни по первому слову или мановению руки их великого Имама. Чеченцы, припавшие лицом к земле в ожидании своей близкой кончины, тихо читали отходные молитвы, не смея приподнять голов своих и произнести слова мольбы о несбыточном прощении. Но Шамиль поднял их собственными руками, приказал им ободриться и окончил эту сцену словами, поразившими всех предстоящих неописанным удивлением: “Возвратитесь к народу вашему и в ответ на безрассудное их требование, перескажите все то, что вы здесь видели и слышали!“».

«Анекдот» ли все вышеописанное или так случилось на самом деле, пока неизвестно. И хотя для наказания матери и самого себя у Шамиля были, по-видимому, более веские причины, чем просто песня, все же что-либо подобное вполне могло произойти.

Известно много случаев, когда изнемогавшие в войне общества (а здесь идет речь не обо всех чеченцах, а только о тех, кто жил на территории, близкой к царским крепостям, и подвергался каждодневной опасности) посылали к Шамилю или к его наибам депутатов с просьбой о реальной помощи, угрожая в противном случае сложить в войне оружие. Были, кстати, примеры, когда наибы, не имея сил для защиты каких-либо чеченских или дагестанских обществ,

разрешали временно внешне подчиняться царскому военному командованию. На самом деле эти общества платили налог в казну Имамата, выполняли поручения наибова и при приближении войск Имамата открыто поднимали восстания (к примеру, надтеречные и сунженские чеченцы). Положение чеченцев Большой и Малой Чечни, а также ряда других обществ чеченцев, из года в год лишенных возможности собрать урожай с посевов — которые постоянно вытаптывали, жить в домах — которые постоянно сжигали, растить детей — которых постоянно уничтожали, было катастрофическим. Их силы были на пределе. И эта жизнь на пределе продолжалась десятилетия. Лишь необычайное свободолюбие и священная вера помогали держаться большинству из них.

Мюрид Шамиля Хаджио говорил капитану Руновскому в Калуге:

«Шамиля выбрал весь народ для того, чтоб он защищал нас... Шамиль умный человек, очень умный человек и, еще, он очень добрый человек, такой добрый, что добрее его никого нет. Зато, когда виноватым был бы Казы-Магоммет (сын Шамиля. — Д. Х.), он сейчас же голову бы ему снял... За это все мы любили Шамиля и слушались его во всем» [Руновский, с. 53—54].

В этой страшной войне имам Шамиль не жалел ни себя, ни родных, ни чужих. И пока он отдавал священной борьбе всего себя, люди, несмотря ни на что, делали невозможное и верили в него, шли за ним.

Уже позже, в плену, на вопрос, отчего он не сдался раньше, Шамиль отвечал: «Я был связан своей присягой народу. Что сказали бы про меня? Теперь я сделал свое дело. Совесть моя чиста, весь Кавказ, русские и все европейские народы отдадут мне справедливость в том, что я сдался только тогда, когда в горах народ питался травой» [Чичагова, с. 119—120].

Аминат

У Шамиля было восемь жен. С первой женой — своей односельчанкой, гимринкой Хориа — молодой Шамиль прожил всего три дня.

В 1832 году Абдул-Азиз Унцукульский спас Шамиля от смерти, излечив его раны. Шамиль женился на дочери Абдул-Азиза — Фатимат (Петимат), которую любил больше других жен. От нес родились сыновья Шамиля — Джемал эд-Дин, Гази-Мухаммед, Мухаммед-Шафи. Фатимат была верным спутником имама в самые трудные годы его жизни, и он ценил ее за это. Когда она умерла в июле 1845 года, Шамиль оставил Ичкерия, где шло сражение с армией Воронцова, и уехал на ее похороны.

Третья жена, Джавхарат, была односельчанкой Шамиля. Вместе с грудным сыном Саидом Джавхарат погибла при обороне Ахульго в августе 1839 года.

После поселения в Ведено (Новое Дарго) в 1845 году имам женился на дочери своего мюрида шейха Джемал эд-Дина Казикумухского. Зайдат (Захидат, Залидат) было тогда всего 14 лет. Эта некрасивая женщина имела большое влияние на Шамиля, пользуясь тем огромным уважением, которое Шамиль питал к ее отцу. Зайдат сопровождала своего мужа до самого конца его жизни. Она ненадолго пережила Шамиля, скончавшись в 1871 году, через три месяца после его смерти в Медине.

Жена Шамиля Шуанет была моздокской армянкой. В 1840 году ее захватил в плен наиб Ахверды Магома. Шамиль был буквально очарован красотой 16-летней девушки. Дочь армянского купца ответила на нежность сурового владыки гор своей первой любовью. В 1842 году Анна Улуханова добровольно приняла ислам, получив новое имя Шуанет, и вышла замуж за Шамиля. Она также была верным спутником имама и умерла в Медине в 1877 году.

В последний раз Шамиль женился на старухе Фатимат, чтобы та смотрела за хозяйством.

Каждая из жен великого Шамиля достойна песен и написания романов, но здесь речь пойдет только о двух женах имама, имевших непосредственное отношение к Чечне.

Об одной из них М. Н. Чичагова писала: «Зайнаб, чеченка; Шамиль жил с нею всего три часа».

Кто же была эта «чеченка»? Н. Дубровин в своей книге «История войны и владычества русских на Кавказе» (с. 243) сообщал: «В начале ноября (1842 года — Д.Х.) Шамиль задумал набег на Кизляр и поручил исполнить его Шуаибу, а сам с Джамал-ад-Дином отправился в Шали, в Большой Чечне, и желая привязать к себе чеченцев женился там на дочери Абдуллы. Этот Абдулла был уроженец Кази-Кумуха, но теснимый Аслан-ханом, бросил свою родину и поселился в Чечне. В короткое время он успел снискать себе расположение чеченцев, известность в горах, а впоследствии даже доверие русского правительства. Когда недовольные правлением г.-м. Пулло чеченцы начали волноваться, Шамиль, находящийся после потери Ахульго в Баяне (Беной, осень 1839 г. — Д. Х.), послал к Абдулле для переговоров преданных себе мюридов — Казиоу и Шуаиба, вслед за тем возведенных в наибское звание. Они успели склонить его на сторону Шамиля, а народ последовал их примеру. С этих пор (с 1840 г.) мюридизм начал распространяться и в Чечне. Шамиль отблагодарил за это Абдулла подчинением ему четырех наибств, в состав которых входила вся Чечня».

Как видим, Зайнаб была не чеченкой, а лачкой, дочерью влиятельного мусульманского ученого Абдулы Цакхара, вынужденного из-за преследований покинуть свою родину Кази-Кумух и поселиться в Чечне, в селении Шали. Конечно же, Шамиль, находившийся под обаянием чар молодой жены-армянки Шуанет, испытывал мало интереса к дочери Абдулы, а брак имел чисто политические мотивы. Можно предположить, что этот брак должен был показать общественному мнению независимость имама от влияния красавицы-армянки и укрепить его пошатнувшуюся репутацию. Бывший в 1842 году в плену у Шамиля князь Орбелиани вспоминал, что, по слухам, юная Шуанет до того очаровала Шамиля, что, оставаясь с ним наедине, заставляла степенного имама прыгать с собой по комнате.

Так или иначе, Шамиль, женившись на Зайнаб, провел с ней всего три часа и уехал обратно в Дарго, назначив своего нового тестя Абдулу начальником Чеченской области.

Среди прислуги жен Шамиля была и пленная ингушка с Тарской долины по имени Месси, девушка семнадцати лет, прибывшая в Калугу в 1859 году.

Но была среди жен Шамиля и чеченка. Об очень непростой судьбе этого нежного цветка со скалистой расщелины суровых гор и пойдет наш рассказ.

Аминат родилась в 1836 году в горной Чечне, в ущелье Чанты-Аргуна. В русских документах ее называли кистинкой, т. е. горской чеченкой. В некоторых селениях горной Чечни, отказывавшихся подчиняться Шамилю, власть устанавливали силой оружия. В начале 40-х годов в дом Шамиля в Дарго привезли маленькую плененную девочку Аминат. Почти одного возраста с шамилевским сыном Гази-Мухаммедом, Аминат играла и воспитывалась вместе с ним; и хотя жилось ей хорошо, не переставала думать о том, что когда-нибудь вернется на родину к сестрам и матери. Шли годы, росла и хорошела Аминат, и вскоре на обоюдную привязанность резвой девочки и юного Гази-Мухаммеда стали смотреть с подозрением. Случайностей допустить было нельзя, ведь Гази-Мухаммед был объявлен наследником эмирского престола. В 1850 году имам Шамиль берет Аминат в жены. С этим рушилась надежда Аминат на возвращение домой. 14-летняя Аминат начала хлопотать о том, чтобы к ней по крайней мере привезли мать. Шамиль согласился и исполнил ее желание. В том же году женили и Гази-Мухаммеда — на дочери наиба Данил-бека Елисуйского. Вместо убитого ученого Турача Гази-Мухаммед был назначен наибом Каратинского общества и поехал в свое наибство. Аминат осталась одна: она ни с кем не могла так сблизиться, как была близка с самого детства с Гази-Мухаммедом.

Воспоминания грузинских княгинь Чавчавадзе и Орбелиани, бывших в 1854 году в плену у Шамиля, раскрывают облик и характер Аминат. «...Княгини заметили очень стройную и прекрасно сложенную женщину лет семнадцати или восемнадцати. Она была в пестром ситцевом ахалукке, темной рубашке и красных шальварах; вместо вуали, или легаки (головное покрывало. — Д.Х.), на голове ее был большой черный шелковый платок. Лицо ее отличалось белизной, нос был небольшой, тонкий, немного вздернутый, рот довольно большой, но зубы ослепительно белые, а губы самого живого розового цвета, из всего этого составлялась весьма привлекательная наружность, которую прекрасные, большие серые глаза озаряли выражением доброты и живой, пылкой души. Это была Аминат, кистинка, третья жена Шамиля» [Вердеревский, с. 17].

В особом отделении сераля вместе со старшими дочерьми Шамяля жила кроме других женщин и «кистинка Нана, мать третьей жены Шамяля, миловидной Аминаты, очень худая и бледная женщина, уже немолодая и постоянно отправляющая обязанности кухарки». Кроме того, в Ведено служил брат Аминат, с которым она виделась только через дощатый забор.

В то время двумя другими женами Шамяля были Зайдат (23 года) и Шуанет (30 лет), причем Зайдат считалась старшей (главной) женой, зато Шуанет была «царицей сердца» Шамяля.

Кушанья, обыкновенно самые простые и незатейливые, подавались имаму обеими женами, то есть Шуанет и Зайдат.

«Третья жена Шамяля, — вспоминали княгини, — как будто удалена от непосредственного участия в услугах своему повелителю... Действительно, Аминат — более прихоть, чем жена или подруга Шамяля. Трудно определить настоящие чувства его к ней, но на деле, в ежедневной жизни сераля, она постоянно является как будто на втором плане. Несмотря на это, Аминат все-таки едва ли не более любима Шамялем, чем старшая его жена Зайдат.

...Аминат еще пока не в силах бороться с такими соперницами: она еще слишком молода... Но молодость такой порок, который иногда лучше всякого достоинства, да притом же и проходит без особенного затруднения... Соперницы это понимают и задумываются о будущем...»

Аминат долго как будто уклонялась от сближения с пленными княгинями. Они только встречали ее мимоходом или видели издали, в комнате Шуанет, вместе с которой она часто работала или пела, и пела очень приятным голосом, свои полузабытые кистинские песни; иногда же находили ее в кругу детей, с которыми она бегала взапуски, прыгала или лазила на крышу, откуда порой очень долго и очень задумчиво смотрела вдаль, в сторону своей родины. Но наконец понемногу Аминат стала беседовать с пленницами и незаметно сблизилась с ними. Это дитя природы выказало пленницам много ума, но еще более чувства, нежности и какого-то ребяческого простосердечия, привлекательного и иногда трогательного. Аминат понимала своё положение, но покорялась ему с беспечностью; никому не завидовала и никого, кроме Зайдат, не ненавидела, да и той всегда прощала с истинным великодушием. Оставаясь наедине с пленницами, она посвящала их в свою жизнь. «Зайдат я не люблю, — говорила Аминат,

— она скупая, ревнивая, злая женщина во всех отношениях. Всего ей мало. Весь дом поручен ей, но никто ей не угодит; на всех она жалуется. Шуанет люблю; да и кто же ее не любит? Она всем делает добро; сама не вмешивается ни в хозяйство, ни в домашние дразги, а хлопотать и ходатайствовать готова за всех. Но и с нею дружбы у нас нет: она гораздо старше меня, и мы как-то не во всем сходимся. А Написет (дочь Шамиля. — Д. Х.) слишком молода для меня. Так вот я все больше и живу сама с собой...

— А муж? А Шамиль? — спросили княгини.

— Шамиль? Я как-то все еще не привыкну к нему, будто все чего-то боюсь при нем... — вздохнув, заключила Аминат».

Откровенность прекрасной кистинки очень многое в жизни сераля разъяснила княгиням, а во многом утверждала их собственные догадки и заключения.

В другой раз Аминат рассказывала о нравах, обрядах и обычаях народа, среди которого ей суждено вести свою невеселую жизнь.

Аминат обладала добрым, отзывчивым характером. Так, когда 30 августа 1854 года Шуанет родила дочь, то Аминат не отходила от больной все время, пока та не встала на ноги. В ночь с 10 на 11 сентября одна из беременных женщин, бывшая у пленных княгинь, рожала и долго страдала. На рассвете прибежала Аминат (она никогда не ходила, а всегда бегала), узнала, в чем дело, тотчас же отправилась к Шуанет и привела бабу-татарку, которая за несколько дней до того повивала дитя Шуанет.

Как и другие жены Шамиля, Аминат имела свои обязанности. Так, по уходу Шамиля в пятницу в мечеть, Аминат вытрясала ковры и производила уборку кабинета.

Во время посещения столицы Эмирата Гази-Мухаммедом Аминат преображалась.

Очень довольная и веселая прибежала она к пленницам и пригласила их послушать, как поют люди Гази-Мухаммеда. Когда Гази-Мухаммед пребывал в серале, княгини не могли налюбоваться Аминат — была она постоянно весела, игрива и счастлива. Причину угадать нетрудно: она ежедневно виделась с другом своего детства.

В свободное время Аминат вышивала золотом и серебром узоры на чехле для пистолетов для Гази-Мухаммеда. Но впоследствии эта

любезность оказалась почему-то неудобной для исполнения, и великолепные чехлы отослали к брату Аминат.

Время отъезда Гази-Мухаммеда из столицы было тяжелым для молодой горянки. Она сидела возле дверей своей комнаты и была очень расстроена.

Жены Шамиля жили изолированно от всего мира, большую часть жизни проводя на женской половине дома. Часто Аминат и Написет следовали примеру Зайдат и Шуанет — подкрадывались к окну, чтобы поглядеть на сидящих в кунацкой приезжих наивов.

Аминат быстро схватывала все новое; часто болтая с княгинями, она успела за короткое время порядочно выучиться говорить по-грузински.

Юная и резвая горянка не могла обойтись без озорства над обитателями сераля. Особенно Аминат подружилась с княжной Баратовой и иногда вместе с ней проказничала так, что княгини смеялись от души их шалостям и в эти минуты забывали о своем грустном положении. В особенности занимательны были проделки Аминат и княжны с простаком и святошей Хаджио. Пользуясь исключительным его расположением, княжна позволяла себе жестокие с ним шутки: она узнала от Аминат, что всякий добрый мюрид должен всего более избегать прикосновения к нечистой женщине, т. е. женщине-христианке, если же с мюридом случилось подобное несчастье, то по закону он должен семь раз совершить омовение после такого осквернения. По наущению Аминат княжна заставляла почтенного казначея раз по двадцать в день совершать омовения: заведев его где бы то ни было, она подкрадывалась к казначею и прикасалась к нему рукой. Хаджио смущался, плевал, приходил в ярость, но все-таки отправлялся мыться. Кончилось тем, что он стал бояться княжны как огня, околицами обходил те места, откуда мог ожидать ее появления, озирался во все стороны и был в постоянном, очень забавном, страхе. Несмотря на это, он ежедневно являлся к пленницам узнать о их здоровье.

Жизнь Аминат омрачалась ее отношениями со старшей женой Шамиля Зайдат. О Зайдат А. Руновский писал (с. 33): «Зайдат есть нечто вроде домашней язвы, прикосновение которой становится тлетворным для всех, кто имеет несчастье вступать с нею в какие-либо сношения. Шамиль терпит ее как неизбежное зло, к которому он

привык, без которого ему скучно будет и которое, наконец, служит источником всякого добра имамского дома. Он терпит ее еще и потому, что она дочь Джемал-ад-Дина, его воспитателя, который пользуется неограниченным его уважением и имеет огромное влияние в народе; а это придавало Зайдат в глазах ее мужа... большое достоинство...»

Как-то во время похода Шамиля в сентябре 1854 года и поездки его по селам с проповедями приехали с подарками чеченцы из Хасав-юрта. Женам Шамиля дали по куску атласа. Получив дары, «Зайдат очень обрадовалась, но тут же заметила, что третий кусок, предназначенный для Аминат, не может быть ей отдан, потому что она этого не стоит, да притом она и не настоящая жена и т. п.». Атлас передали дочерям имама.

«Аминат жестоко обиделась и так рассердилась, что дня два не приходила к пленницам, а когда, наконец, пришла, то растрогала их своими, впрочем, совершенно справедливыми жалобами на судьбу и на притеснения старших жен.

— Уйду отсюда, — говорила она, — не хочу здесь жить: у всех много платья и вещей, а у меня ничего!..

— Да ты попроси Шамиля, когда он вернется: он, верно, тебе не откажет в том, что принадлежит тебе, — заметили княгини.

— Просить? Нет, я на это не способна!

Забавна была пленницам эта бесполезная гордость молодой дикарки, но в то же время она была так благородна, да и так шла к красоте ее, что княгини не могли не полюбить еще более Аминат...»

После возвращения Шамиля из похода история с атласом не осталась без последствий. Шамиль рассудил, что с Аминат поступили несправедливо, и чтобы избавить жен от яблока раздора, приказал положить все три куска атласа на хранение в свой кабинет.

Хитрая Зайдат пыталась оправдаться перед Шамилем тем, что она якобы знала, как не любит он роскоши на своих женах, и потому хотела приберечь атласы для дочерей Шамиля.

С приезда Шамиля Аминат опять уже успела поссориться с Зайдат из-за атласа и говорила княгиням, что она очень рада, что материи у Шамиля и никому не достались.

В другой раз Аминат пожаловалась на Зайдат Гази-Мухаммеду, при котором неосторожно пригрозила, что убежит из сераля со своим братом, если Шамиль за нее не заступится и не уймет Зайдат. После

этого Шамиль был с нею ласковее обыкновенного и даже сказал, что если уж ей так хочется возвратиться на родину, то он ее удерживать не станет. Аминат радовалась своим успехам, делаясь с княгинями, а между тем не знала, что ее брат уже никогда более не навестит ее, так как Шамиль принял меры предосторожности, отдав приказание прекратить его посещения.

Пылкая и простосердечная Аминат часто платила своим притеснителям той же монетой, позволяя себе проказы даже с самим Шамилем.

Однажды поздним вечером княгини решили выйти на галерею, чтобы посидеть на своей скамеечке и подышать холодным воздухом лунной зимней ночи. Аминат была с ними. Вдруг показался Шамиль, одетый в белую шубу. Он шел через двор из своей комнаты к комнате Аминат. Заметив это и не говоря ни слова, Аминат спряталась за скамью, на которой сидели пленницы. Между тем Шамиль вышел из комнаты, прошел раза два по галерее, очевидно ожидая, что она выйдет откуда-нибудь из других комнат, но, не дождавшись, запер ее дверь, взял к себе ключ и спрятался за угол дома. Долго стоял за углом дома имам Чечни и Дагестана, уподобляясь простому грешному юноше, мерзнувшему в ожидании любовного свидания. Но он караулил напрасно: Аминат не хотела показаться из-за скамьи пленниц. Наконец холод и скука напрасного ожидания заставили Шамиля подумать о теплой комнате, и он вернулся в свой кабинет.

Аминат через несколько минут вылезла из-за скамьи со словами: «А! Он стал за мной присматривать? Это Зайдат, это все Зайдат сплетничает... Так хорошо же, пусть будет правда!» — и ушла ночевать к Написет.

Пленницы опасались, что Аминат сильно достанется от Шамиля, но на другой день они с удовольствием узнали, что Гази-Мумаммед успел примирить с нею своего отца.

Аминат была очень щепетильна в отношении того, как относятся к ней другие жены Шамиля. Так, когда Шуанет получила из Хасав-юрта через княгинь кусок двуличневой шелковой материи на рубашку и поделила материю с Зайдат, то Аминат, которой опять ничего не досталось, перестала ходить к пленницам, сердясь на них за обиду.

Детскую обиду свою Аминат забыла, когда княгини защитили Шуанет от несправедливых словесных нападков Хаджи-Ребиль —

воспитательницы детей Шамиля. Явившись свидетелем этого, Аминат тут же приблизилась к грузинским княгиням, позабыв свое недовольство за двуличневую материю и уверяя, что ей «весело бесить Зайдат».

Настал день прощания с княгинями (они были обменены на старшего сына Шамиля Джемал ад-Дина, находившегося с 1839 года в заложниках у русского царя).

Аминат не дала проститься с собой: вся в слезах, она убежала из комнаты и, завернувшись в свою чадру, приютилась на дворе у ворот.

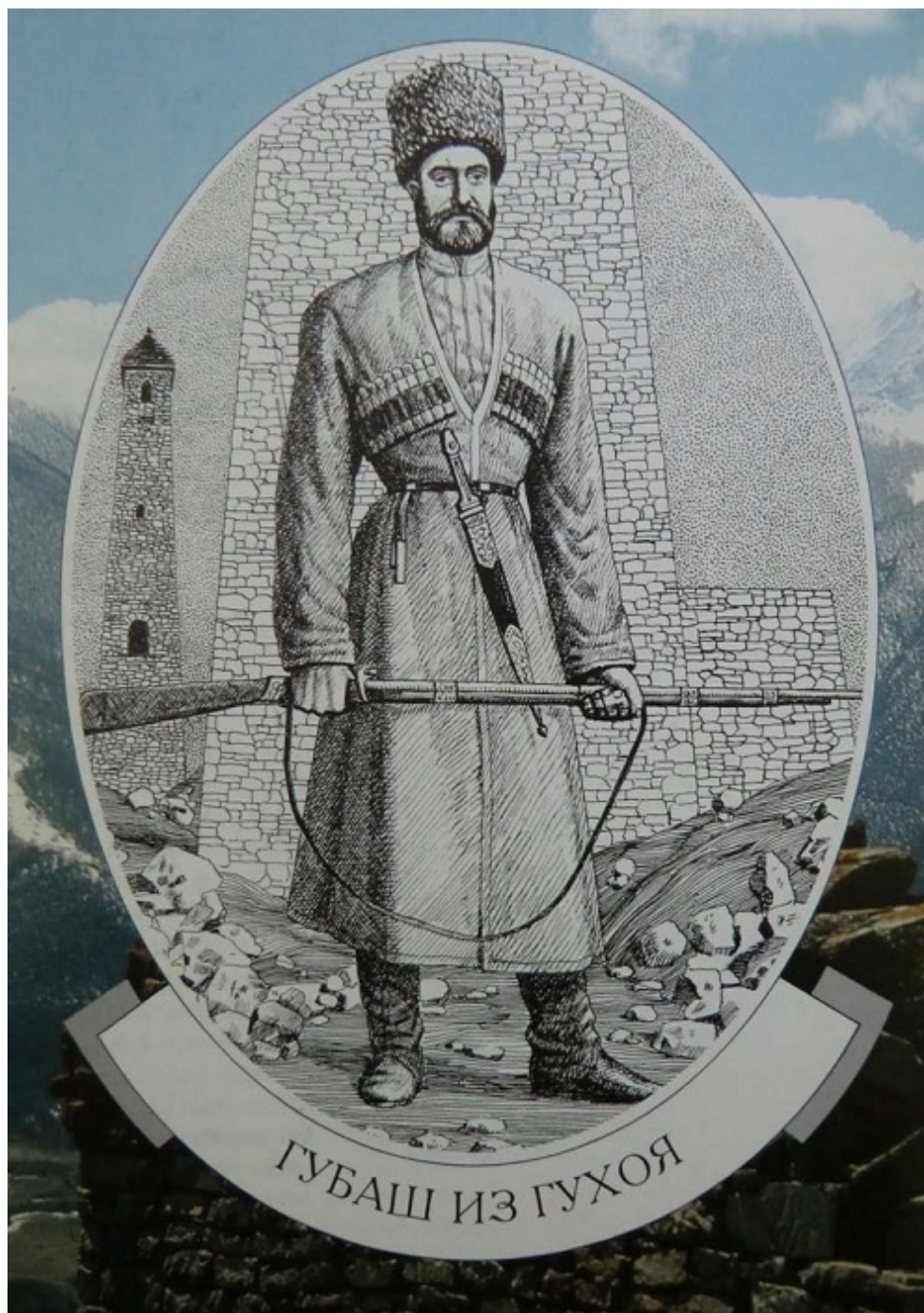
Такой запомнили ее княгини, уезжая из Ведено.

Еще около пяти лет продолжались радости и печали прекрасной Аминат. И конечно же маленькие войны Аминат с Зайдат не прекращались ни на минуту. Руновский писал о Шамиле периода его пребывания в плену, что огромное уважение, которое он питал к Зайдат из-за ее отца, «послужило даже поводом к остракизму хорошенькой, но резвой Аминат, подвергшейся этой немилости за свои, иногда немножко злые, шутки против старой, но как видно еще очень опасной соперницы по брачному ложу. Кроме всего этого, Зайдат имеет честь называться супругою Шамиля уже более четырнадцати лет. Понятно, что привычка, продолжающаяся четырнадцать лет, могла обратиться в потребность, в природу, и Шамиль, погрешив против закона изящного вкуса, все-таки остается до некоторой степени правым в глазах тех представителей изящного, которые, будучи на его месте, оставили бы при себе Аминат ипустили бы Зайдат; но по мнению мюрида Хаджио, которое я вполне разделяю, Шамиль не прав тем, что в деле развода с Аминат поступил совсем не по убеждению и даже не вследствие сделанной привычки, а просто вследствие политических соображений, столь необходимых у горца, когда во время какого-либо спора дело коснется родственных связей. И теперь по словам того же Хаджио, хотя Шамиль и в настоящем положении питает прежние чувства к старой подруге своей жизни, а на проказы резвушки Аминат продолжает смотреть тем же суровым взглядом, но это только по наружности, а в душе, говорит Хаджио, он “совсем” был бы рад, если бы кому-нибудь пришла благая мысль обратить в христианство Зайдат и оставить ее на Кавказе, а вместо нее прислать в Калугу провинившуюся кистинку».

Сейчас приходится только гадать, что повлияло на решение Шамиля развестись с Аминат. Тут могло быть и обострение всех противоречий в семье вследствие поражений Шамиля; могло сыграть свою роль и нежелание Аминат покинуть родину и расстаться с матерью и сестрами, чтобы ехать за нелюбимым мужем и испытывать каждодневные страдания от интриг злобной Зайдат. Последняя «шутка» Аминат против Зайдат, по-видимому, сопровождалась бурными упреками в адрес самого Шамиля.

Так или иначе, Аминат развелась с мужем в 1858 году и осталась на Кавказе. О дальнейшей ее судьбе пока ничего неизвестно.

Губаш из Гухоя и Джокола из Майсты

Процесс объединения народов Чечни и Дагестана под единым началом нередко наталкивался на непонимание и даже сопротивление не осознавших степень его значения горцев. Так, например, некоторые чеченские общества власть Шамиля признавали лишь как трагическую альтернативу российской колонизации. Вот что писал об этом царский историк Р. Фадеев в книге «Шестьдесят лет Кавказской войны» (с. 75):

«Чеченцы бесспорно храбрейший народ в восточных горах. Походы в их землю всегда стоили нам кровавых жертв. Но это племя никогда не проникалось мюридизмом вполне. Из всех восточных горцев чеченцы больше всех сохраняли личную и общественную самостоятельность и заставили Шамиля, властвовавшего в Дагестане деспотически, сделать им тысячу уступок в образе правления, в народных повинностях, в обрядовой строгости веры. Газават (война против неверных) был для них только предлогом отстаивать свою племенную независимость...»

Губаш из Гухоя

«В те времена, когда имам Шамиль стал устанавливать свою власть в Аргунском ущелье (по реке Чанты-Аргун), шариат был принят везде по ущелью, от Шатоя до Итум-кале. Лишь выше живущие аулы не признали власти Шамиля и не желали присоединяться к имаму. В окружении примкнувших к Имамату аулов лишь одно селение ГутIа, где проживало общество гухой, отказывалось подчиняться Шамилю.

Аул Гута находился выше аулов Тумсой и Борзой, соседями их были представители общества мулкхой и коттой, а через реку — чIиннхой. Выше же по Чанты-Аргуну жили дишний и чIаьнтий (с. Итум-кале). Гухойцы являются подразделением общества чIуохой.

Тогда знаменитым среди гухойцев человеком был ГIубаш. Он был бесстрашным воином, и гухойцы уважали и слушались его. Родного брата его звали Гела. Имам Шамиль прислал своих мюридов к гухойцам (три или четыре человека) с тем, чтобы те призвали горцев принять шариат (гухойцы уже до этого считали себя мусульманами), присоединиться к газавату, давая воинов в войско имама, платить в казну определенную часть скота и т. д. Губаш с презрением ответил, что никогда не будет ходить под властью грязного тавлина (“Со боьхачу суьйличун кIелахь лелар вац”). Получилась стычка с мюридами, и посланцы Шамиля были перебиты. Одного из оставшихся в живых раненого мюрида Губаш отправил к Шамилю, чтобы тот передал своему повелителю его ответ.

Шамиль пришел в большую ярость, когда услышал такой ответ. С войском он двинулся в аул Гута. Брат Губаша — Гела был в это время в

отъезде. Войско Шамиля окружило селение Гута. Гухойцы сразились с мюридами, но силы были слишком неравны, и они были разбиты. Губаш с родичами, женщинами и детьми засел в башне (эта башня жилая, трехэтажная, до сих пор находится в Гуте). Взять башню мюриды не смогли и осадили ее. Но в башне оказался предатель (чувитан стаг), этот человек был подкуплен Шамилем. Он занимался тем, что покупал хлеб на равнине и продавал своим родичам — гухойцам. Он спустил со второго этажа ночью, когда защитники спали, лестницу, и мюриды, ворвавшись в башню, перебили защитников. Губаш и его сын были захвачены в плен.

Решение суда было непреклонным — Губаша должны были ослепить. Ослепленного Губаша бросили в яму (темницу), которая была на первом этаже башни. На третьем этаже башни (гІала) поселился имам. Губаш ночью задушил охранника и, взяв кинжал убитого, размахивая им перед собой, так как он не видел врагов, стал подниматься по лестнице к Шамилю (лестницы в башнях представляли собой бревно с вырубленными в нем ступенями. — Д. Х.). Размахивая кинжалом, он убил телохранителей Шамиля, которые были на втором этаже башни. Кинжал попал в каменную стену, и у него отломился копчик. Шамиль увидел, что слепой Губаш идет по лестнице на него с кинжалом в руке, и не дожидаясь, пока слепец взойдет на третий этаж, прыгнул на него, сев прямо на плечи Губаша. Имам яростно начал бить горца кинжалом по голове. Слепец же, пытаясь сбросить Шамиля, тыкал кинжалом в ягодицы имама, нанося раны. С каждым ударом имам стонал. Шамиль спросил Губаша, нанося ему очередной страшный удар кинжалом по голове: “Ну как теперь ты себя чувствуешь, Губаш?” (“ХІинца мухха ду хьан дегІ, ГІубаш?”). Губаш ответил: “Дер ду, Шемал, ткье итт шерахь йисин йолу жерочуьнца доьххьара буйса яккхинча санна!” (“Клянусь Богом, Шамиль, как будто со вдовой, тридцать лет бывшей без мужа, провел первую брачную ночь!”). Губаш был очень сильным и мужественным человеком, и Шамиль понял, что ему так не свалить его. Имам перерезал кинжалом Губашу шейный позвонок, повредив костный мозг. Только тогда Губаш пал мертвым. Шамиль же, у которого на ягодицах

было девять ран, около двух месяцев пролежал, смазывая раны коровьим маслом. Маленького сына Губаша родичи выкрали из

темницы. От сына Губаша пошла фамилия Губашевых». (Рассказал это семейное предание потомок Губаша — Салавди Губашев.)

О своих предках Салавди сообщил также: «Предок гухойцев Шаракъ пришел сюда из Малхисты».

Салавди назвал своих предков:

1. Борз. 2. КІези. 3. КІужал. 4. ГІубаш Гухоевский. 5. Ема. 6. Іац. 7. Чупал-хъажи. 8. ГІубаш. 9. Саламбек (1928 г. р.). 10. Салавди (информатор).

Салавди не помнил, кто из Емы и Іацы были отцом и сыном. Дядя Салавди рассказывал ему эту историю более точно, называл имена, в том числе и предателя, хорошо помнил диалоги Губаша и Шамиля. Кинжал с отломанным кончиком долгое время хранился у потомков Губаша, но потом затерялся.

Чупал трижды был в Мекке, поэтому к его имени прибавлено почетное «хаджи». Он прославился своими подвигами и приключениями в Аравии, когда ходил паломником. В третий раз, совершая паломничество, он погиб. Даже в 80-летнем возрасте он заимел от жены сына.

Дед Салавди — Губаш был торговцем, имел магазин в Гуте, за товарами ездил даже в Петербург. У Губаша в доме, в его комнате висел большой портрет имама Шамиля. Племянники и дети Губаша, возмущенные тем, что Губаш повесил портрет кровного врага их рода, требовали выкинуть портрет. Но Губаш так и не снял, отвечая им, что Шамиль был истинным имамом («Шемал бакъверг имам хилла»). Сами Губашевы принадлежали к секте Кунта-хаджи из Илисхан-юрта.

Джокола из Майсты

Джокола также был ярким представителем чеченских обществ, не желавших подчиняться ни русскому царю, ни турецкому султану, ни имаму Шамилю. В воспоминаниях современников, в документах, преданиях сохранился образ этого бесшабашного горского предводителя из общества МІайста (горная Чечня).

Родился Джокола около 1818 года в семье Деркиза в ауле Пого (общество Майста). Уже молодым он выдвинулся в лидеры общества.

Вот что рассказывают о нем в горах:

«До Жокалы в Майстах не было таких знаменитых людей. Деркизан Жокъала из Майста прославился еще в юности. Его отец Деркиз славился своими набегами. Во время набегов на тушин (бацай), после того, как майстинцы отгоняли овец, Деркиз всегда оставлял заслоны по двум боковым ущельям горы, чтобы их не смогли обойти преследователи. С одной и с другой стороны оставались в засаде по пять человек. Когда в очередной раз Деркиз собрался это сделать, то пятнадцатилетний Жокала попросил оставить его одного для заслона. Но Деркиз сказал: “Отстань, где тебе справиться”. Но Жокала уговорил отца, и тот оставил его в засаде. К месту, где находился Жокала, подошла погоня тушин. Жокала, стреляя по подходившим преследователям, перебегал с одного склона горы на другой, не давая тушинам обойти его. Деркиз отогнал отару за кордон и возвращался с воинами на подмогу Жокале. Когда они подошли к Жокале, то помощь уже была не нужна: потеряв несколько человек убитыми и ранеными, тушины отступили. Изумленный Деркиз, сказав, что ему теперь в набегах делать нечего, перестал ходить за добычей». *(Рассказал писатель Муса Бексултанов из тайпа хилдехъарой, слышавший эти предания от хилдехароевцев, мелхистинцев, майстинцев, харачоевцев и других.)*

К 30 годам Джокла был самым уважаемым среди майстинцев. Уважение это подкреплялось славой Джокла как наиболее удачливого предводителя дружин (гҀерий).

После образования Имамата Шамиль и его наибы силой оружия присоединяли к новому государству не желавшие никому подчиняться чеченские общества.

Не избежали этих притязаний и майстинцы, которые в то время не были даже и мусульманами, исполняя языческую обрядность совместно с соседними родственниками — хевсурами, которые были такими же «христианами», как майстинцы «мусульманами». Майстинцы, используя неприступность своих мест и горя желанием отстоять свою независимость, несколько раз отбивали попытки шатоевских и итумкалинских наибов присоединить их к Имамату. Не имея возможности штурмом овладеть аулами майстинцев, наибы блокировали общество Майста, не давая майстинцам закупать

продовольствие, иметь хозяйственные и культурные связи с горной Чечней (что, впрочем, нередко нарушалось).

Блокада была сильным ударом по социально-экономической жизни горцев, ведь продовольствия, соли и самого главного в горах, скудных на землю, — хлеба хватало всего на несколько месяцев, и майстинцам, да и горным грузинам — хевсурам приходилось большую часть продуктов закупать в плоскостной Чечне или через посредство горцев-перекупщиков. Именно острая нехватка средств к существованию, борьба за землю, феодальные междоусобицы — а не врожденное «хищничество» горцев — были причиной резкого возрастания количества набегов на соседних горных грузин и кахетинцев. Кстати, соседние хевсуры и тушины сами тоже нередко совершали набеги в соседнюю Чечню. Но взаимоотношения соседей — хевсуров, тушин и чеченцев не сводились только к взаимным набегам и стычкам. Хевсуров, тушин и чеченцев, прежде всего майстинцев и мелхистинцев, гораздо большее связывало, чем разъединяло. Они имели друг с другом обширные родственные связи, владели языками соседних народов, имели одну культуру, одни обычаи, одни верования. Даже считаясь мусульманами, майстинцы и мелхистинцы отправляли моления в общих с хевсурами языческих храмах. В период внешней опасности хевсуры объединялись с горными чеченцами, как это было, например, с 25 мая по 10 августа 1813 года в боях с царскими войсками, совершившими поход против хевсуров.

В русской мемуарной и исторической литературе остались свидетельства об этой своеобразной, по-своему незаурядной личности — Джокола. А. Л. Зиссерман, 22-летним чиновником с разведывательными целями исходивший горы, писал в своей книге «Двадцать пять лет на Кавказе»:

«В Муцо жили несколько семейств кистин, переселившихся сюда, скрываясь от преследования кровомстителей. Один из переселенцев, Лабуро, вызвался по моему желанию сходить в Майста, узнать, что там делается, и если окажется удобным, переговорить с одним из тамошних вожakov о моем намерении посетить их. На третий день он возвратился с весьма благоприятными известиями: самый удалой и почетный из майстинцев, Джокола, заверял, что я могу смело прийти к ним и положиться на его слово и священный закон гостеприимства. Недолго думая, я решился привести свою затею в исполнение, и 18-го июля 1848

года, в сопровождении Лабуро, одного хевсура из Муцо, моего Давыда и рассыльного Далакишвили пустился пешком в путь, взяв с собой запасов на несколько дней... Не доходя несколько верст до Майста, мы были встречены Джоколой с двумя товарищами, поздравлявшими нас с благополучным прибытием. Джокола — стройный горец, лет тридцати, с блестящими карими глазами и темно-русой бородой, ловкий, полный отваги, протянул мне руку, которую я принял, выразив благодарность за доброе расположение и готовность познакомить меня с его родиной. Часов около двенадцати мы наконец вошли в аул Пого, в дом Джоколы. Я достаточно исходил Кавказские горы во всех направлениях, но ничего угрюмее и мрачнее ущелья, в котором расположены три аула общества Майста, я не встречал. Бедность жителей самая крайняя, за совершенным отсутствием не только пахотной земли, но даже удобных пастбищ; все ущелье — почти ряд голых, неприступных скал, лучи солнца проникают в него на несколько часов, а зимой вероятно весьма редко и не более как часа на два; все достояние жителей — оружие, да несколько коров и коз; соседи они весьма беспокойные и хищничество составляло их специальность. Таково это “общество”, подобное которому едва ли можно встретить еще где-нибудь. Несмотря однако на бедность, для угощения зарезали барана, которого тут же стали варить: дым не находя выхода поднялся к потолку, давно уже поэтому принявшему лоснящийся черный цвет. Вся деревушка состоит из двухэтажных башен, в верхней части коих помещаются люди, а в нижней корова, несколько овец и запас кизяку. Хозяин долго рассказывал мне о притязаниях мюридов укрепить между ними мусульманство, о том, как Майста еще недавно отстояла свою независимость, прогнав толпу чеченцев, окруживших их деревню по приказу Шамиля; затем о своих набегах мелкими партиями в верховьях Алазани, откуда он не раз приводил пленных кахетинцев и т. д. После ужина он развлекал меня игрой на балалайке, пел, плясал, одним словом, старался выказать полнейшее радушие. Я предложил ему “побрататься”, на что он с радостью согласился. Я подарил ему три серебряных рубля и пистолет, а он мне отличный кинжал. Утром человек пятнадцать собрались поздравить меня с приходом. Поблагодарив их, я обещал им дружбу, готовность быть при случае полезным и просил их жить, как добрым соседям подобает. По моему предложению затеяли стрельбу в цель. На расстоянии 200 шагов была

поставлена расколота палка и в ней пожертвованный мною серебряный рубль, служивший и целью и призом. Много было отличных выстрелов, опрокидывавших даже палку, но рубль все еще оставался на своем месте; наконец один старик, стрелявший уже два раза, с некоторою досадой передал ружье своему сыну, лет десяти или одиннадцати; тот весьма проворно сам зарядил длинную винтовку, уселся на землю, уперся в коленки, стал целиться и выбил монету из палки. Нужно было видеть торжество мальчика и радость отца! Впрочем, у горцев это не редкость; я в Шатилии не раз видел, как мальчишки 9—10 лет по несколько человек упражнялись в стрельбе в цель, с большим искусством попадая в едва заметные точки. При появлении неприятеля многие выбегали с винтовками на тревогу.

Часу в одиннадцатом, в сопровождении “брата” Джоколы и еще нескольких кистин, мы отправились из этой в следующую деревню Туга, куда нас пригласил на ночлег родственник Джоколы, Тешка. Вечером собрались в маленькую его башню много гостей, с большим любопытством смотревших на меня, на мой щегольский черкесский наряд и красиво выделанное оружие. Несколько прехорошеньких девушек, одетых в длинные красные и желтые сорочки, архалуки, подпоясанные ременными кушаками, по горскому обычаю импровизировали в честь мою песнь, превознося мою храбрость, отвагу, меткость в стрельбе, ловкость в верховой езде и тому подобные, в глазах горцев наивысшие достоинства человека. После, под звуки балалайки и другого инструмента, по волосяным струнам коего играют смычком как на виолончели, три девушки показали мне образец живой грациозной пляски, выделявая с необычайной быстротой мелкие, частые па и становясь на кончики больших пальцев, как наши балетные танцовки. Когда я предложил им в подарок несколько мелких монет, они отвечали, что не возьмут от меня подарка, пока я не покажу им своего искусства в пляске.

Никакие отговорки не помогли, я должен был выйти на середину, снять папаху, поклониться всей компании (таков уж общий обычай) и, выговорив себе условие получить от каждой танцовки по поцелую в награду, пустился выкидывать ногами, раскинув руки врозь, и припрыгивать, потоптывать, одним словом, как пляшут лезгинку в Грузии. Сделав таким образом несколько кругов под общее хлопанье в ладоши, я почти насильно расцеловал девушек, подарил им денег и

возвратился на свое место при всеобщих криках: “маржа кьонах, маржа кьонах!” (“удалец, удалец!”), а мои люди просто в умиление пришли, что я так достойно поддержал славу их начальника...

Было уже около полуночи, когда гости один за другим, со словами: “буьйса дика хуьйла.” (“доброй ночи”) удалились; на полу постлали по войлоку и мы наконец улеглись. Лучина потухла, в амбразуре стены мерцала звездочка, тишина нарушалась однообразным шумом горного потока. Мне не спалось; я лежал в каком-то полузабытьи, мысли толпились хаосом. Я переносился из России к Тифлису, от родного дома в Малороссии и от княжеского дворца наместника к башне в Туга... Засыпая, я часто просыпался, взглядывал на окружавшие меня предметы. Как бы забыв, где и с кем я, ощупывал в головах свое оружие... Никогда не забуду этой ночи! Занесенный в такую даль, в дикий, оторванный от всего известного мира угол, в трущобу живущих разбоем дикарей, не признающих ничьей власти, я веселился, рискуя между тем жизнью, или еще хуже, свободой. А все кипучая молодость и жажда сильных ощущений!

Вертелась у меня там же еще одна мысль, не попытаться ли пройти по Аргуну до Воздвиженской, где тогда находился с войсками сам главнокомандующий, и озадачить всех сумасбродностью, смелою выходкой, но Джокола на мой вопрос о таком путешествии решительно отказался, не желая рисковать ни своею, ни моею головой; вся Чечня была тогда на ногах, по случаю сосредоточения значительных русских отрядов, все дороги были усеяны партиями, караулами и вообще нельзя было думать пройти туда благополучно.

На другой день, распростившись с гостеприимными майстинцами, я пустился в обратный путь. До вершины горы провожали меня толпой, с песнями и выстрелами, а Джокола и Тешка пошли со мною до Муцо отдать визит».

Судьба Джоколы и его родичей в дальнейшем была трагична.

Вот что рассказывают чеченцы:

«Майста имела очень мало плодородной земли. И Жокал решил с частью людей переселиться, так как население увеличилось и в Майстах стали голодать. Еще до этого бацай (тушины) посылали к Жокале своих людей с вопросами, при каких условиях бы он согласился прекратить нападения и набеги на тушин. Жокал ответил, что он согласен оставить тушин в покое, если те отдадут ему Іаьмбаччи

(селение Амбарчи). Парламентеры вернулись и передали слова Жокала своим. Тушины обратились за советом к своему старейшине. Тот сказал, что Амбарчи нельзя отдавать, потому что на этой земле как трава вырастают рога (имелась в виду плодородность земли, где пасли скот. — Д. Х.). Поэтому Жокале выделили место, где сейчас находится Жокъалан-юрт».

Вот как это происходило:

«В конце 1851 года Джокола вместе с несколькими кистинцами появился на горе Борбало, с ними было несколько хевсуров. С горы Борбало Джокола послал нескольких хевсуров к истокам Алазани к Ивану Цискаришвили, который в это время был моуравом тушин, дабы ему передали, что он хочет с ними начать переговоры. Цискаришвили обещал мир и полное покровительство.

Джокола с кистинцами спустился к верховьям Алазани, где во главе с Цискаришвили собрались тушины. Тушины с честью приняли вождя кистин, зарезали баранов, устроили пир. Одним словом, тушины очень старались угодить кистинам. Причиной этого было то, что они стремились как-нибудь помириться с беспокойным Джоколой, приносившим своими набегами большой ущерб. Из напитков у тушин ничего не было, кроме водки. Когда И. Цискаришвили протянул Джоколе серебряную чашу с водкой, тот не принял ее, а когда спросили о причине отказа, ответил, что хотел бы побрататься с Цискаришвили по обряду. Джокола и Цискаришвили побратались.

После этого несколько знатных тушин отправились к кистинам и при содействии Джоколы переселили одно село в Панкиси. Тушины содействовали переселению кистин в Панкиси и покровительствовали им.

Князь Джамбакур Орбелиани, претендовавший на это ущелье, подал жалобу наместнику Воронцову. Но тушины, со своей стороны, тоже послали жалобу, в которой писали, что Орбелиани не имеет на него никаких прав. Воронцов вынужден был согласиться с доводами тушин».

Климатические условия Панкисского ущелья отрицательно сказывались на переселившихся туда майстинцах. Среди них начались болезни, особенно свирепствовала малярия, унесшая в могилу много жизней. Поэтому майстинцы решили вернуться в свои родные края. Один из архивных документов сообщает: «Кистины решили

возвратиться в Чечню. Тушины же, когда узнали об этом, с целью вернуть их, последовали за кистинами и нагнали в ущелье Циплоани, однако не сумели уговорить группу Джоколы вернуться, но все же часть кистин вернули и расселили на своих землях».

О причинах ухода Джоколы в Грузию и возвращения оттуда есть и другая версия (А. Ицлаев): «Селение Джоколо также носит свое название от имени основателя. Его звали Джокълал. Он жил в Майстах. Из-за недостатка земли, жившие там бедно и тяжело люди добывали себе пропитание абреческими набегами за добычей... Против Шамиля долго воевали майстинцы. Потом в 1854 году Джокал уходит в Грузию, взяв с собой 54 семейства. Управлявший в то время Тианетией Леван Чолокашвили пишет о том, что его бывший противник Джокал теперь перешел на его сторону и привел в Тианети 8 августа 36 семейств, а 15 сентября 18 семейств (всего — 54 семейства). Там, где сейчас находится Джоколо-юрт, всем семьям дали землю. По имени Деркизан Джокала, приведшего этих людей, новое село получило название.

В начале весны (в апреле 1855 года) было это. Зная о бедности переселенцев, местная власть обещала до осени выдать необходимые деньги и зерно. Когда обещанное к выдаче стали задерживать, майстинцы отправились в путь, чтобы уйти оттуда. Но из этого ничего не вышло: одна группа тушин была отправлена вслед за ними с просьбой от имени властей, чтобы они вернулись назад. Тогда же было записано обязательство о том, что они будут сражаться против дагестанцев, в случае нападения оных. С тех пор с той стороны границу Грузии берегли они».

Джокола вернулся в Чечню, а часть майстинцев все же осталась в Грузии, основав в Тушетии кистинское селение Туга-юрт.

Имамат Чечни и Дагестана

Осенью 1839 года на священной горе Кхеташон Корта, у селения Центорой в Ичкерии имам Дагестана Шамиль был провозглашен имамом Чечни и Дагестана. Чеченцы присягнули на верность Шамилю, а Чечня стала составной частью созданного на принципах шариата государства — Имамата Чечни и Дагестана.

С первых дней существования Имамата Шамиль при помощи своих советников не переставал трудиться над превращением Имамата в сильное, способное существовать в экстремальных условиях непрерывной военной угрозы государство. Огромную роль в этом сыграл Юсуф-хаджи Сафаров — советник и наиб Шамиля, бывший полковник Османского корпуса, долгое время живший в Египте и занимавший там высокое положение. В Египте он «изучил арифметику, инженерное искусство, устройство крепостей и траншей; знал основательно арабский и турецкий языки; издал правила для войск, как конных, так и пеших; научился, как делать подкопы для взрыва крепостей и как поджигать порох; сверх того знал десять кавказско-горских языков».

Присоединившись в 1841 году к Шамилю, Юсуф-хаджи все свои знания посвятил делу создания сильного государства, деятельно участвуя в организации не только законодательной, политической и административной, но также военной, дипломатической и хозяйственно-бытовой жизни Имамата.

Все объединенные в Имамате земли были разделены на округа (*вилайеты*), находившиеся под управлением своих наибов, имевших военно-административную власть. В каждом наибстве был *муфтий* — высшее духовное лицо, *кадий* — судья, *татель* — блюститель религиозных правил и нравов и др.

Для исполнительной власти при каждом наибе состояло от 50 до 100—300 мюридов.

Наибства делились на более мелкие округа (*махали*), которыми управляли *мазуны* (*маазуны*) — помощники наиба. При мазуне мюридов заменяли муртазеки. При имаме службу государственной безопасности исполнял институт *мухтасибов*, задачей которых был контроль за действиями наибов.

В 1842 году Имамат был разделен на три области со своими начальниками (*валий*): Чеченская, Аварская и Андалальская. Наибства западной области Имамата были объединены в Чеченскую область. Имам Шамиль так и называл ее — «Чечен вилайет». Общее же название всего государства горцев Северо-Восточного Кавказа от Дарьяла до Каспия было традиционное — Дагестан (чеч. *ДегIаста* — отчизна), а территория Северо-Западного Кавказа называлась Черкесия. С 1842 года к Имамату присоединяется еще и часть Закубанской Черкесии (Абадзехская область).

В самой крупной области — Чеченской начальником с 1842 года стал тесть Шамиля Абдула Цакхар, живший в селении Шали. С конца 1843 года до марта 1844-го начальником был Шоаип-мулла из Центороя, в начале 50-х годов — сын Шамиля Гази-Мухаммед. Если первый начальник западной области Имамата имел в обязанности только надзор за исполнением шариата и о нарушениях его наибам должен был докладывать имаму, то со времени назначения Шоаип-моллы начальник Чеченской области был наделен уже не только религиозной, но и военной и гражданской исполнительной властью с последующим подчинением его непосредственно имаму Шамилю.

В 1843 году Шамиль ввел должность старшего наиба — *мудира* (генерал-губернатор), которому поручал руководство над несколькими наибствами. Однако в последнее десятилетие существования Имамата эту должность имам был вынужден отменить из-за непрекращающихся дразг между наибам и мудирами.

После разгрома чеченцами летом 1845 года войск М. С. Воронцова увеличивается количество наибств. Происходят коренные изменения в политическом устройстве государства. Помимо высшего духовного сана имама и высшего воинского чина главнокомандующего войсками (*тур да*), Шамиль принимает титул монарха — *эмир*. Таким образом, с середины 40-х годов XIX века образуется государство Северо-Кавказский Эмират (Эмират Дагестана и Черкесии), устроенное по принципу шариатской монархии. Однако первое время власть монарха была ограничена выборностью этой должности. В январе 1848 года на съезде в столице Эмирата Ведено наследником престола был признан сын Шамиля Гази-Мухаммед. Должность эмира становилась наследственной.

Для расходов на нужды Имамата Шамиль создал государственную казну — *байтамал*. Она пополнялась за счет налогов, военных трофеев, штрафов и т. д. Все эти поступления носили как натуральный, так и денежный характер. Несмотря на военную и экономическую блокаду царскими войсками, в Имамате ходили в обращении царские серебряные деньги, за подделку которых фальшивомонетчики строго наказывались. Только на эти валютные средства Имамат, окруженный со всех сторон территорией Российской империи, мог делать широкие подпольные закупки, необходимые для нормального функционирования во время войны сжатого блокадой горского государства. Кроме того, изъятие денег из торгового оборота российского рынка подрывало экономику империи, ухудшая социально-экономическое положение внутри России.

Население платило в казну установленную шариатом десятую часть всех своих доходов с хлеба, овец, денег — закят; подать с горных пастбищ — *харадж*; одну пятую часть военной добычи — *хумс* и т. д.

Вызванные нуждами войны, практиковались и чрезвычайные сборы, главным образом хлеба, поставщиком которого была Чечня.

Взимаемые с населения средства тратились на закупку оружия, военного снаряжения, лошадей, пороха, продовольствия для армии и другие военные нужды, на материальную помощь неимущим людям, калекам, вдовам и сиротам, пансион героям Имамата, награжденным высшими наградами, орденами и медалями горского государства. Расходы шли также на оказание помощи в случае стихийных бедствий, закупку в казну пастбищ для армии (к примеру, у чермоевцев в Чечне была куплена гора Чермой-лам, а им в обмен были выделены земли в предгорьях, где они основали селение Махкеты), земель под укрепления (после сожжения русскими летом 1845 года столицы Имамата — чеченского аула Дарго имам купил у дишнинведенцев землю для закладки новой столицы, названной Новое Дарго или Ведено).

Для решения государственных, законодательных, административных и религиозных дел в 1841 году был образован постоянно действующий Верховный совет — Диван-хана, главным в котором был глубоко почитаемый Шамилем *мюршид* (учитель) имама — шейх Джелал эд-Дин Казикумухский. Имам Шамиль не руководил Диван-ханой, но имел право вето на решения Совета, идущие вразрез с государственными интересами, что делал в исключительно редких

случаях. Высшим государственным органом страны был чрезвычайный съезд народа, собираемый в судьбоносные для страны времена и уполномоченный решать абсолютно любые вопросы. Для решения важных государственных и военных вопросов и для утверждения новых законов периодически созывался съезд наибов и других должностных лиц Имамата. Съезд наибов, как и чрезвычайный съезд народа, мог сместить руководителя страны и заменить его новым, а также изменить форму правления.

Верховным руководителем государства был имам. Уже при его жизни назначался преемник, способный заменить имама в случае его смещения или смерти. Сначала это был наиб Малой Чечни (а затем и мудир) Ахверды Магома Хунзахский, погибший в 1843 году, затем другие известные наибы, а в 1848 году преемником имама был официально утвержден сын Шамиля Гази-Мухаммед. Как и всякий руководитель государства, ведущего тотальную оборонительную войну, имам Шамиль вынужден был, несмотря на демократические настроения в горских обществах, приостановить углубление демократических перемен и, сосредоточив в своих руках огромную военно-административную власть, подчинить все в стране нуждам обороны. Французский консул в Тифлисе Кастильон писал о Шамиле: «С одной стороны — это политический вождь, диктатор, которому событиями была предоставлена безграничная власть при демократическом строе, основанном на принципе абсолютного равенства. В то же время — это религиозный вождь, которому звание великого имама, верховного главы правоверных, придает священный характер. Имея это двойное звание, единственный судья в вопросе принесения жертв, требуемых войной против неверных, он распоряжается имуществом и жизнью населения. Его власть твердо организована».

Идеология Имамата вся подчинялась идеям борьбы за независимость. С помощью религии внедрялись пуританское самоотречение от всех благ и радостей жизни ради приверженности шариату и высшей форме самопожертвования, достойного всех благ Аллаха, — газавату.

В этой борьбе имам Шамиль не жалел ни себя, ни своих родных, не жалел никого. И несмотря на все тяготы жизни в военное время, на то, что горцы тяготились и страдали от жестоких порядков, а иногда

открыто выражали недовольство, они верили Шамилю и шли за ним. Как писал в 1859 году царский историк А. П. Берже, «несмотря на все справедливые неудовольствия чеченцев, они упорно отстаивали против нас свою независимость».

Шамиль жестоко карал пьянство, курение, разгул и увеселения, взяточничество, злоупотребление служебным положением. Смертной казнью карались такие государственные преступления, как шпионаж, измена, а также преступления, нарушавшие моральные устои общества (например, прелюбодеяние). Система управления и внутренняя жизнь Имамата регламентировались специальными законами, вытекающими из принципа шариата и известными под названием *низам*. Низам касался многих сторон жизни, в частности организации вооруженных сил; он регламентировал судебное производство, налоговые обложения, штрафы и наказания, распорядок домашнего быта, положение женщины в обществе, имущественные права разведенной женщины и др.

Даже высокомерно и предвзято относившиеся к «отсталым и диким», по их мнению, горцам представители официозно настроенного дворянства вынуждены были признать заслуги Шамиля. А. П. Берже писал: «Все его усилия и реформы стремились к тому, чтобы образовать нечто похожее на правильно организованное государство. Но мог ли он надеяться на успех? Он имел против себя слишком могучего неприятеля, борьба с которым ему предвещала, рано или поздно, неминуемое падение. При всем этом на старания имама к прочному соединению разнородных племен Кавказа в одно стройное целое, повинующееся одному верховному главе, по справедливости можно смотреть как на смелые порывы энергичного ума, которому нельзя отказать ни в политическом смысле, ни в обширной предприимчивости, характеризующей гениального человека, одаренного железной волей и сумевшего в продолжение почти 25 лет управлять по своему произволу».

Имам укрепил границы Имамата, в состав которого входили в основном горный Дагестан и Чечня (горная Чечня, Ичкерия, Аух, Мичик и Качкалык, Большая Чечня, Малая Чечня, Арштхой и Галай). Северной границей Имамата в Чечне считалась река Сунжа, по которой проходила с 1817 года кордонная линия крепостей, укреплений и постов.

В оккупированной царскими колонизаторами зоне оказались часть Чечни в районе Притеречья и равнинной зоны Ауха, земли кумыков и Тарковского шамхальства, а также равнинные территории Дагестана и земли ингушей.

Как только войска Шамиля предпринимали наступление по тому или иному направлению, в оккупированной захватчиками зоне поднимались восстания и к Имамату начинали присоединяться то недовольные колонизаторами ингуши (цоринцы, галгаи, назрановцы), то общества горных грузин-хевсуров и тушин, то общества горного и предгорного Дагестана, то кумыки и ногайцы.

В Имамат за свободой и волей бежали от царских колониальных властей мухаджиры — надтеречные чеченцы, ингуши, кумыки, дагестанцы, осетины, ногайцы, татары, кабардинцы и черкесы, казаки и русские староверы, беглые солдаты, украинцы, пробирались польские и венгерские революционеры. Несмотря на стесненное земельное положение, имам тем не менее с радостью принимал переселенцев, создавая им самые благоприятные условия, вплоть до того, что разрешал даже в своей столице Ведено христианам-казакам строить старообрядческие скиты. В столице Имамата вольно проживали до 500 русских, имевших те же права, что и все свободные уздени. По прибытии в Имамат беглые рабы освобождались от крепостной зависимости и становились вольными людьми.

Если военнопленные изъявляли желание принять мусульманство, то они сразу же освобождались. Шамиль часто выкупал у горцев русских военнопленных и даровал свободу мастерам и воинам, желавшим остаться жить в Имамате.

Большое внимание в Имамате уделялось подготовке образованных кадров. Во всех мечетях были открыты школы. Официальным языком в горском государстве был арабский, языком же межнационального общения в Чечне и смежных с ней районах Дагестана стал чеченский, а в Дагестане — кумыкский и некоторые другие языки.

Начался расцвет письменности, появились новые алфавиты для горских языков. Так, аварский просветитель из Хунзаха Лачинилау, бывший наибом в Чеберлое (горная Чечня), создал на основе арабской графики свой вариант аварского, а затем чеченского алфавита (самый принцип применения арабской графики для чеченского и аварского письма не был нов и известен задолго до Лачинилау). В период

Имамата Шамиля чеченцами и дагестанцами было создано множество летописных хроник, стихов, песен, трактатов по теологии, истории, астрономии и другим наукам. Несмотря на жестокую войну, духовная культура в Имамате расцветала. Многие из создателей этой культуры и многое из их творений погибло в огне страшной войны. Сам имам выше всего ценил книги и знания и сочинял прекрасные стихи на арабском языке.

В ходе народно-освободительной войны из среды горцев выдвинулись поражающие своим военным талантом, умом, храбростью, знаниями и способностями люди.

Известными полководцами и государственными деятелями стали Ташу-хаджи Эндерийский, Шоаип-мулла Центроевский, Бота Шамурзаев, Ахверды Магома Хунзахский, Кибит-Магома Тилитлинский, Байсунгур Беноевский, Солтамурад Беноевский, Улубий-мулла Ауховский, Суаиб-мулла из Эрсеня, Талхиг Шалинский, Ахмад Автуринский, Ума Дуев из Зумсоя, Сулейман-мулла Мустафинов из села Сольжа, Джаватхан из Дарго, Юсуф-хаджи из Алдов, Батуко Шатоевский, Дуба из Чинхоя, Атабай-мулла Атаев из Чунгароя и многие другие.

Чеченский вилайет

Сразу после своего избрания имамом Чечни Шамиль приступил к государственно-административному устройству Чеченской области. Осенью 1839 года он назначает своими наибам предводителей крупнейших ичкерийских обществ (селения Дарго из общества Белгатой, общества Центорой, Беной и др.). В начале 1840 года, после многочисленных делегаций от плоскостных чеченцев Шамиль разделил подвластные шариату территории этого края на четыре военных округа — вилайета. Аух с окрестностями занимал междуречье Акташа и Аксая (наиб Ташу-хаджи). Округ Шали—Гирмчик (Большая Чечня) находился на плоскости, в междуречье Хулхуло и Аргуна (наиб Джаватхан). Округ Гехи (Малая Чечня) располагался в междуречье Аргуна и Форганги (наиб Ахверды Магома), а округ Мичик (Мичиковское наибство) — в междуречье Аксая и Хулхуло (его возглавил Шоаип-мулла).

Северной границей округов Имамата служила кордонная линия царских крепостей и укреплений, хотя и эту границу можно считать условной и непостоянной.

После марта 1840 года (всеобщее восстание на оккупированных царскими войсками территориях Чечни) к вилайету Гехи (Малая Чечня) присоединились общества Арштхой (Карабулак) и Галай (галашевцы) (их представители вместе с другими обществами Чечни в начале марта торжественно присягнули на верность имаму в селении Урус-Мартан). С этого времени западной границей Имамата стало среднее течение рек Асса и Сунжа.

Во второй половине 1841 года под руководством наиба Юсуфа-хаджи Сафарова начинаются разработка и строительство четкой государственной военно-административной системы. В 1842 году русскоязычные письменные источники фиксируют существование в Чечне четырех крупных наибств: Ауховское, Мичиковское (пространство между рекой Аксай, Качкалыковским хребтом, реками Сунжа и Хулхуло и Андийским хребтом), Большая Чечня (между реками Хулхуло, Сунжа, Аргун и Черными горами), Малая Чечня (между реками Аргун, Сунжа, Асса, включая и всю горную Чечню).

В мае 1843 года Чечня была подчинена двум *мудирам* (генерал-губернаторам): Шоаипу были подчинены наибства к востоку от реки

Аргун, по водоразделу рек Шаро-Аргун и Хулхуло (Восточная губерния Чечни), а Ахверды Магоме — Западная губерния (Чечня к западу от Аргуна).

Осенью 1843 года Малая Чечня была разделена на два округа, границей между которыми стала река Рошни. Тогда же из Малой Чечни выделились наибства Шатой и Чеберлой. Многие крупные общества также имели особый статус наибств. Часть территорий Чечни (к примеру, Притеречье) находилась в оккупированной царскими войсками зоне, но и там жители негласно выполняли поручения имама и его наибов, платили налоги и в случае необходимости поставляли продовольствие, товары, проводников, разведчиков и воинов.

После марта 1844 года в связи с гибелью начальника Чеченской области Шоаипа наибства Мичиковское и Большая Чечня были разделены каждое на две части, а Малая Чечня — на четыре. Таким образом, Чеченская область стала состоять из 9-ти военно-административных округов: 1. Ауховский, 2. Ичкеринский, 3. Качкалыковский и Мичиковский, 4. Большая Чечня (округ Шали), 5. Чеберлоевский, 6. Шатоевский, Шароевский и Нашха (предгорные аулы и территория всей горной Чечни, аулы выше дороги Урус-Мартан — Нестеровское укрепление, общество Галай и часть Карабулакского общества), 7. Харсеновский (предгорные аулы между реками Аргун, Мартан и дорогой Атаги — Урус-Мартан), 8. Гойтинский (предгорные аулы между реками Аргун, Мартан, Сунжа и дорогой, связывающей села Атаги и Урус-Мартан), 9. Гехинский (территория между реками Мартан, Сунжа, Асса и дорогой Урус-Мартан — Нестеровское укрепление, т. е. равнинная часть Карабулака).

В 1846 году после образования Эмирата горная Чечня была разделена на три крупных наибства: Шароевское, Шубутовское, Чеберлоевское.

В 1850 году в Чечне, по данным А. Берже, существовали наибства Аух, Ичкерия, Мичиковское, Сунженское, Аргунское, Гойтинское и Гехинское.

После окончательного разгрома и завоевания в 1851 году западной части Чеченской области — Карабулак (Арштхой) и Галашки (Галай), — занятой военными поселениями 1-го Сунженского полка, и эвакуации непокорившихся семейств карабулаков во все округа Чеченской области в Эмирате остаются, по данным Юсуфа-хаджи

Сафарова, 9 наибств этой области: Гехи, Шали, Мичик, Аух, Ичкерия, Чеберлой, Шубут, Нашха, Шаро. Были ликвидированы также губернии (*мудирства*), объединявшие каждая до четырех наибств.

13 мая 1859 года вся Чеченская область, кроме отдельных аулов Ичкерии, входивших в Ауховское наибство (Зандак, Энгеной подчинились и прислали к царскому военному командованию свои делегации только в июне), и непокорного Беноевского общества, объявленного царским командованием вне закона, была завоевана, расчленена и подчинена военно-колониальному управлению царской России.

Столица имамата Дарго и военные крепости Чечни

Главнокомандующий русской армией на Кавказе князь А. И. Барятинский из своей ставки у подножия окруженного Гуниба в победном донесении венному министру 22 августа 1859 года, за три дня до пленения Шамиля, писал, что полувековая кровавая борьба на Северо-Восточном Кавказе закончилась и русским в течение нескольких дней без выстрелов были сданы «крепости замечательной постройки, взятие которых потребовало бы огромных жертвований...»

Что же это за грозные крепости, столь высоко оцененные царским командующим?

Рассмотрим только некоторые из этих военно-инженерных сооружений Имамата — расположенные на территории Чечни.

Гойтемаран ков (Гойтемировские ворота) — укрепленная теснина по реке Акташ в Восточной Чечне — Аухе. Гойтемир — наиб Ауха, начальник кавалерии Имамата.

Шолайпан гIап (укрепление Шолайпа). Центаройн Шолайп (Шоаип-мулла) — мичиковский наиб, затем мудир и начальник Чеченской области Имамата, то есть *мушир* (маршал). Сохранился четырехугольный глубокий ров между селениями Бачи-юрт (Бачин-юрт) и Центорой (Хосин-юрт) Шалинского района у реки Мичик. Сооружения в этих местах называли также Шемалан гIаьпнаш (Шамилевские укрепления). В русских источниках крепость эта называлась Шуаиб-капа.

СаIдулийн гIап (укрепление Саадола). Саадола — гехинский наиб Шамиля в Малой Чечне, затем мудир. Находилось в селении Нурикой, в 2—3 км к юго-востоку от села Мартан-Чу.

Телхиган гIап (укрепление Талхига). Талхиг из Шали — известный наиб Шамиля в Большой Чечне, мудир. Укрепление находилось у Сержан-хутора (Сиржа-кIотар) на лесистом склоне горы у селения Шали (Шела).

Шемалан саьнгаьрш (рвы Шамиля). Остатки длинных и глубоких рвов в Большой Чечне, закрывавших дорогу в Веденское

ущелье, находились на западной окраине селения Сержень-юрт, а также между селениями Новые Атаги (Жима АтагIа) и Шали.

Все эти инженерные сооружения — укрепления Талхига, шамилевские рвы, шалинские окопы — составили единую систему оборонительной линии перед столицей Имамата — крепостью Новое Дарго (Ведено).

Крепость Шамяля (Шемалан гIала) находилась выше селения Ведено на ровном плато Дишнийн Ведана, выкупленном летом 1845 года у дишниведенцев. В 1859 году, в марте, немного ниже крепости Шамяля было построено царское укрепление Новое Ведено (штаб-квартира Куринского полка), перестроенное позже в каменную крепость Ведено.

Чечню с Дагестаном соединяла Шамилевская дорога (Шемалан некъ), протяженностью около 10 км, идущая серпантином от села Харачой по горе Хьалхара-лам. По преданию, эта дорога была построена за одну ночь чеченским отрядом шамилевских войск. Позже русскими строителями, чеченскими и андийскими крестьянами для проезда царя Александра II в 1871 году на том же склоне горы была сделана новая дорога, названная Царской дорогой (Паччахьан некъ). Царская дорога полностью перекрывала дорогу Шамяля.

Как же выглядели крепости Имамата в Чеченской области?

ШоIайпан гIап был построен после укрепления столицы Имамата Дарго (Юго-Восточная Чечня) в начале 40-х годов XIX века. Многие царские военачальники пытались «овладеть известным неприятельским укреплением Шуайб-капа, которое чеченцы считали неприступным и которое в течение нескольких лет, невзирая на близость многих сильных отрядов, осталось нетронутым».

По данным А. Зиссермана, горцы считали «Капу твердынею, прикрывавшею с этой стороны, т. е. от Мичика, всю Чечню; собственно для Шамяля она, быть может, была важнее еще в том смысле, что постоянный караул этого укрепления, со своим начальником мазуном (из преданных мюридов), надзирал за самим населением Мичика и мог препятствовать одиночным переходам жителей к нам».

Этот «грозный оплот Чечни» был взят царскими войсками 6 января 1855 года с помощью бывшего наиба Шамяля Боты Шамурзаева, выступившего проводником русских войск.

А. Зиссерман писал в «Истории 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка» (с. 209): «Укрепление действительно было устроено так, что даже человек сто могли упорно защищаться и штурм, при глубине широкого рва, при увенчанном турами с бойницами бруствере, при внутренней постройке из толстых бревен, служившей вроде цитадели второю обороной, стоил бы, без сомнения, немало людей. Кроме того были боковые завалы и засеки вне укрепления, рассчитанные на сопротивление большой партии, и в тылу еще разные искусственные сооружения для прикрытия отступающих людей.

Егеря с особенным усердием приступили к сожжению редута и уничтожению по возможности линии турок. Когда покончили с этим, приказано было отступать...»

«Знаменитые Гойтемировские ворота» в марте 1857 года представляли из себя «сильный завал с воротами посредине, устроенный перед лесной полосой, которая тянется поперек хребта, отделяющего ущелья рек Ярых-су и Яман-су. Эти укрепления и лес прикрывали ауховские аулы и их пахотные земли, и за ними неприятельское население считало себя совершенно безопасным против наших вторжений». «...Завал был устроен вдоль по гребню, составлявшему нечто вроде уступа, он состоял из глубокого рва, а за ним из вала, укрепленного деревянными сваями и хворостом; направо он терялся в густом лесу, который спускается до самого берега Яман-су» [Там же, с. 263, 264].

За лесом по берегу Яман-су находился редут Капу (ḡap), «в котором имел место пребывания начальствовавший здесь маазум». Караул Гойтемировского завала и редута под началом мазуна «состоял из около 100 конных и 200 пеших ауховских чеченцев».

19 марта 1857 года эти укрепления были захвачены царскими войсками и уничтожены.

Укрепление Ведено (Дарго-Ведено, Новое Дарго) было лучшей резиденцией Шамиля. Оно представляло собой хорошо укрепленный замок, расположенный в долине среди гор.

Шамиль выбрал местность Дарго не зря. Это был стратегический пункт на границе с Дагестаном (обществом Андии), с которым он связывался дорогой через перевал. Местность, покрытая девственными непроходимыми лесами, густо населенная воинственными и

преданными сторонниками имама Шамиля ичкеринцами, сама по себе была здесь природной крепостью. С разрешения белгатовцев в нескольких верстах южнее аула Дарго имам основал на поляне свою столицу Дарго, населив ее родственниками, мюридами, муллами, бывшими солдатами, перешедшими на сторону чеченцев. Поначалу столица Имамата представляла собой небольшой аул с неказистыми турлучными саклями.

Иван Загорский, взятый в плен 22 марта 1842 года в Кази-Кумухе, оставил описание «столицы гор»: «Дарго лежит на правом берегу Аксая и в расстоянии полуверсты от этой реки; оно состоит из 50-ти небольших турлучных хижин, разбросанных в беспорядке; жилище Шамиля ничем по наружному виду не отличается от прочих. Жители Дарго почти все абреки, т. е. выходцы из обществ, покорных России, которые были привлечены сюда святостью места и самого учения имама; некоторые же с честолюбивыми целями оставили свою родину, отдав себя молитве и войне. Равнина, где находилось Дарго, плодородна, засеяна кукурузой, фасолью, тыквами. Верстах в 4-х ниже его, также на правом берегу Аксая, в ущелье расположен аул Большое Дарго домов в 100, далее на северо-восток — Беной, домов 200».

Н. А. Волконский оставил описание крепости Ведено (Новое Дарго): «Бывший аул Ведень лежал на правом берегу левого притока реки Хулхулау, при выходе его из лесистого и более или менее недоступного ущелья. Окруженный заповедными горными и лесными тущобами, он красиво покоился в долине, и только западная и восточная стороны аула были ограждены отвесными обрывами, круто ниспадавшими в глубокие овраги; кроме того, они были укреплены брустверами из плетней и туров, засыпанных землей. Северная сторона аула была обращена на поляну и укреплена толстыми параллельными брустверами из глины, расположенными один от другого в расстоянии 3—5 шагов. Наружный бруствер был одет плетнем и увенчан в два ряда турами, имевшими полтора аршина [1,07 м] в диаметре, засыпанными глиной и камнями. Промежуток между брустверами блиндирован бревенчатою настилкой. На северо-восточном и северо-западном углах устроены турбастионы таких же профилей, фланкирующие овраги и ров переднего фаса. В расстоянии 40—50 сажень [85,2—106,5 м] от северного фаса укрепления узкое пространство между оврагами перерезано другим широким и глубоким рвом, который ланкировался с

редута — положим № 1-й. С западной стороны Веденя тянется гребень высот, постепенно понижающийся от вершины уже известной нам горы Ляни-Корт и отделенный от аула оврагом. Вершины этого гребня были заняты шестью отдельными редутами, сильных профилей, вмещавшими каждый от пятисот до шестисот человек гарнизона. На сообщениях между редутами были возведены еще промежуточные постройки, имевшие, как видно, в то же время назначение редутов. Редуты № 1-й и 2-й были вооружены каждый полевым орудием. Сильнейший из всех редутов был нижний, лежавший на одной высоте с северным фасадом Веденя. Это, так называемый, андийский редут, составлявший ключ позиции. Название свое он получил от того, что был предоставлен защите андийцев. Он состоял из трех отдельных, весьма неправильных, построек, соединенных между собой крытыми ходами.

Фасы этих построек, окруженные широкими и глубокими рвами, состояли из глиняных брустверов, имевших в некоторых местах до восьми шагов толщины, одетых снаружи толстым плетнем, увенчанных в два ряда турами до двух аршин в диаметре, засыпанными глиной и камнями. С внутренней стороны брустверов были устроены блиндажи для гарнизона.

Строения в ауле были большей частью деревянными, обнесенные общим частоколом. В середине аула был двор Шамиля, также обнесенный частоколом, а в середине этого двора — его дом, со всеми необходимыми службами, в том числе с кунацкой и гаремом. В том же дворе было здание для двухсот мюридов, составлявших конвойную команду имама. Все они были из аварцев...»

В укреплении располагались мастерская, арсенал, парк и мечеть. В многочисленных мастерских, на пороховом и оружейном заводах искусные мастера изготовляли все необходимое. Был даже часовой мастер, прекрасно справлявшийся с ремонтом сложных механизмов.

В Ведено находился старообрядческий скит для казаков, перешедших на сторону горцев. Здесь же жило около 500 русских, украинцев, поляков и венгров, перешедших к Шамилю; они чинили орудия, подковывали коней, исполняли разные другие работы, получая военное жалованье из казны Имамата. Всем перебежчикам к Шамилю давали свободу и права гражданина (узденя) Имамата. Из бывших русских солдат были составлены артиллерийские команды и отдельный

шамилевский батальон. Казаки же вместе с чеченцами служили в кавалерии.

Территория, на которой находился замок Шамиля, представляла собой большой четырехугольник, окруженный высоким частоколом и рвом. Этот четырехугольник, имевший только одни двойные ворота, заключал в себе внутренний и внешний дворы. Внутренний двор, или сераль, Шамиля по периметру был застроен зданиями, в которых жили семья Шамиля, некоторые должностные лица и прислуга, здесь также находились хозяйственные постройки. Там же были расположены дом Шамиля, особые помещения для суда, для казначейства и для гостей и наибов, приезжающих по служебным делам. На внешнем дворе в случае необходимости и во время празднеств собирался народ. Недалеко от замка находился пороховой погреб, охраняемый гвардией имама — муртазеками.

В доме Шамиля была комната, где проходили совещания наибов и хранилась библиотека, сюда имели доступ немногие. Эта же комната служила для Шамиля местом отдыха и столовой. Над библиотекой находилось помещение, где хранились деньги и драгоценности. Кроме Шамиля, в эту комнату имел доступ только казначей.

Описывая укрепление Ведено, Н. А. Волконский не смог сдержать удивления: «В Ведено, как говорят, жило несколько иностранцев — нечто вроде политических агентов, которым резиденция имама более или менее была обязана своими верками. И нужно полагать, что это не несправедливо, так как трудно думать, чтобы все исчисленные фортификационные работы могли быть произведены какою-нибудь неспециальною рукой».

Занятая 1 апреля 1859 года царскими войсками, крепость Ведено была полностью уничтожена в течение пяти дней.

Зимой 1849/50 года царские войска вырубili просеку от крепости Воздвиженской к Шалинской поляне, и уже весной 1850 года Шамиль устраивает при выходе из просеки целую укрепленную линию, простиравшуюся на 4,5 версты (5 км) и пересекавшую дорогу и лес. Об этом шалинском окопе современник писал, что Шамилем «возведен был на протяжении семисот пятидесяти сажень [1597,5 м] грозный окоп, или как его называли шалинский завал. Материалом для него служил щебень, перемешанный с глинистой землей и ею же утрамбованный. Это гигантское сооружение, производившееся пятью

тысячами человек, стоило невероятных усилий и жертвований. Бруствер шалинского окопа имел два с половиною аршина [1,8 м] высоты, ров глубиной в 2 [1,4 м] и шириной в 6 аршин [4,3 м]. По всей кроне бруствера стояли туры, набитые тем же щебнем и глинистою землей, между ними сквозили небольшие промежутки для ружей, заменявшие бойницы. По краям этого оригинального укрепления возвышались полукруглые башни, с пятью амбразами для орудий каждая. На левом фланге окопа, у самой опушки леса, стоял сомкнутый редут коменданта шалинского окопа — наиба Талгика. Правый фланг упирался в густой, почти непроходимый лес».

Руководил строительством военно-инженерных сооружений в Имамате Юсуф-хаджи Сафаров из Новых Алдов. Применив свои знания военного инженера, Юсуф достиг больших успехов. По его чертежам и при непосредственном руководстве были сооружены крепости и укрепления в Дагестане: Риси, Чох, Ири, Гуниб, Уллу, Чалда, Харакань, Салты, Гергебиль, Согратлю; а в Чечне: Ведено, Шали, Шуаиб-капа, Гойтемировские ворота и др.

Чеченцы были искусными строителями укреплений и до появления в Имамате профессионального военного инженера Юсуфа-хаджи. Не останавливаясь на относительно хорошо известных каменных жилых, сигнальных, сторожевых и боевых башнях и замках, рассмотрим для сравнения с укреплениями Имамата Шамиля укрепления его предшественника — имама Чечни (до 1839 года) Ташу-хаджи.

В 1834—1836 годах резиденция Ташу-хаджи, откуда он предпринимал набеги на противника, находилась на речке Мичик близ аула Гансол. «Там у него выстроено было укрепление, окруженное глубоким рвом, бруствер которого защищался с наружной стороны палисадом из толстых, высоких и заостренных бревен. Внутри этого укрепления, кроме дома, в котором жил Ташов-хаджи, находилась казарма на сто мюридов, конюшня для лошадей их и амбары для продовольственных запасов. Укрепление было расположено в дремучем лесу; доступы к нему ограждались на большом пространстве со сторон, наиболее доступных, завалами из срубленных громадных вековых деревьев» [Дроздов, с. 274].

В главном опорном пункте Ташу-хаджи — ауле Саясан (Сесан) было устроено укрепление, разрушенное царскими войсками 12 мая

1839 года. Саясан располагался на небольшом плато, круто обрывающемся к Аксаю. К югу от селения, на небольшом мысу, между двумя крутыми оврагами, находилось укрепление Ташу-хаджи. Оно состояло из толстой бревенчатой ограды, фланкированной башнями с бойницами, и с башней-редутом посередине. Все скаты были защищены рвами, завалами, засеками в несколько рядов; единственная же тропинка сюда от селения была во многих местах перекопана и обстреливалась перекрестным огнем. Позади укрепления начинались лесистые склоны.

В марте 1839 года Ташу-хаджи, войдя в селение Мискит (Мескеты) на Аксае, начал строить укрепление на урочище Ахмед-тала (Ахьмадан ирзо), среди дремучего леса. Укрепление Ахмед-тала было сожжено царскими войсками 10 мая 1839 года. «Выбор этого пункта сделан был не без цели: опираясь на новое укрепление, Ташов-Хаджи мог пользоваться всяким удобным моментом и броситься на любую точку сунженской линии или кумыкской плоскости», — писал А. Юров.

Укрепление было построено на холме между двумя глубокими лесистыми оврагами, в полутора верстах от реки Аксай, и представляло собой квадратный редут с бревенчатой башней-редутом посередине. Наружную ограду составляли две стены, одна за другой, промежуток между которыми был заполнен землей. Выход с западной стороны защищался башней. Лес вокруг укрепления был расчищен на ружейный выстрел, из огромных же деревьев и пней устроено несколько рядов завалов, преграждавших как все доступы, так и дорогу от Аксая к селению Балан-су, граничащему с укреплением.

Таковы были крепости Чечни, недоступные для противника и в то же время вызывавшие их восхищение. Остается только воздать дань уважения и удивления мастерству и знаниям наших предков. И все же самой лучшей крепостью Чечни были храбрость, мужество и благородство свободолюбивого народа.

Армия имамата

Отгремели последние бои долголетней и кровопролитной войны русского царизма против имама Шамиля. И на пепелищах и пожарищах, на грудах развалин государства кавказских народов победители с удивлением воздавали должное стойкости и неожиданной мощи армии поверженного врага...

В 1841 году имам Шамиль поручил Юсуфу-хаджи Сафарову реорганизовать армию горцев.

Было разработано положение об армии. Все мужское население Имамата от 15 до 50 лет, способное носить оружие, считалось военнообязанным. Армия состояла из регулярных войск и ополчения. На содержание регулярного войска собиралась подать — десятая часть всех доходов (*закат*), имам также оставлял у себя пятую часть военной добычи (*хумс*).

В армию (*низам*^[15]) выставлялся один человек от каждой семьи. В случае необходимости проводилась тотальная мобилизация (в основном добровольная) всех способных носить оружие. Почти всегда женщины добровольно выходили на оборонительные позиции, выполняя не только вспомогательные работы, но и сражаясь наравне с мужчинами. Некоторые селения и общества в Дагестане были освобождены от воинской обязанности, но должны были добывать и доставлять серу, селитру, соль, изготавливать холодное и огнестрельное оружие и т. д. В Чечне соль добывали в месте Мержой-берам. Сера имелась в окрестностях Черката, Шатоя, Кикуна и в горах хребта Арактау.

В 1842 году Шамиль завел артиллерию, сперва из трофейных орудий, однако вскоре горские мастера наладили производство собственных пушек, отливая их из меди на оружейном заводе в столице Имамата Ведено. Было отлито до 50 орудий различного качества. Порох изготавливали на заводах в Дарго, Унцукуле, Ведено и Гунибе. Учителями горцев в артиллерийском, инженерном и строевом деле кроме своих инструкторов были часто русские повстанцы, бежавшие из царской неволи.

Строительством военных и хозяйственных объектов, дорог, мостов, крепостей и т. д. под руководством военных инженеров (к примеру,

Юсуфа-хаджи Сафарова), горских строителей и перебежчиков из царской армии занимались как жители, военнопленные, так и войска Шамиля.

Военные силы разделялись на три рода войск: кавалерия (*феварис*), пехота (*мешшат*) и артиллерия — каждый со своим начальником. К примеру, чеченцы Талхиг Шалинский и Гойтемир Ауховский были: первый — начальником артиллерии, второй — начальником кавалерии. Численное соотношение пехоты и кавалерии было пять к семи. По переписи, проведенной Юсуфом в 1841 году, в Имамате насчитывалось 65 тысяч мужчин, способных встать под ружье. Царские военачальники исчисляли военную силу Шамиля приблизительно в 5 тысяч муртазек и 48 тысяч воинов временного ополчения.

Была образована и гвардия — *муртазеки* (*муртазагеты*, *муртазакиты*). В гвардию выставлялось по одному всаднику с полным вооружением от каждых 10 хозяйств. Гвардия набиралась только в Чечне и состояла из самых отборных воинов. Муртазеки, как и ополченцы, разделялись на десятки, сотни, пятисотки и тысячи, во главе которых находились известные военачальники. В случае призыва ополчения рядовые муртазеки становились десятниками над ополченцами.

Муртазеки проявляли исключительное мужество в боях. Они клялись: «Умрем, но не убежим от врагов в газавате». Шамиль питал к ним большое доверие. Царские военачальники предпочитали встречу в бою с несколькими тысячами ополченцев, чем с несколькими десятками муртазек. Царские генералы писали о муртазехах, что «малое число их опаснее целого скопища горцев». Не было случая, чтобы муртазеки сдались живыми в плен. Муртазеки посвящали себя караульной или кордонной службе и занимали караулы по всей границе Чеченской области. За свою службу они первоначально получали на человека по одному рублю (цена одного барана) и по десять мер хлеба с каждых десяти домов. Впоследствии в связи с обнищанием жителей Чечни от непрерывной войны Шамиль уменьшил плату муртазекам и они стали получать по одному рублю и по восемь мер хлеба с каждых двадцати домов. Численность муртазек составляла от 600 до 900 человек.

Тактической боевой единицей был *альф* — полк из тысячи человек. Каждый полк делился на два батальона или эскадрона — *хамсамиа*, по пятьсот человек в каждом. В каждом батальоне было по пять рот (*миа*), состоящих из 100 человек. Рота состояла из двух взводов (*хамсин*), по 50 человек в каждом, а взвод из пяти капральств (*амара*). Начальники этих подразделений назывались “раисульальф” (тысячник), “раису-хамса-миа” (пятисотенный), “раису-миа” (сотенный), “раису-хамсин” (пятидесятник), “раису-амара” (десятник). Тысячниками считались все наибы, но так как их не хватало по числу полков, то командирами назначались особые офицеры. Офицеры назывались генералами, полковниками и капитанами. Каждый начальник имел свой значок в форме древка с прибитым к нему разноцветным лоскутом, каждый полк имел знамя.

Шамиль желал обмундировать муртазек, и «дать возможность муртазакитам сшить костюмы, наподобие чеченских». Рядовые муртазеки должны были иметь желтые черкески и зеленые чалмы на черных папах, начальники — черкески из черного сукна, чалмы на черных папах также зеленые. Знаком отличия впоследствии служил и цвет чалмы. Чалмы имама и мюридов имели белый цвет, наибов — желтый, пятисотенных и сотенных — пестрый, десятников — красный (муфтии, кадии и муллы носили чалмы зеленого, палачи и фискалы — черного, а хаджи — коричневого цвета).

В качестве знаков различия наибы и командиры носили на правом плече выше патронников-газырей серебряные пластинки. Знаки тысячника и пятисотенного состояли из серебряной пластинки в форме круга, разделенной двумя внутренними параллельными кругами на три части или отделения. В первом, большом отделении помещалась по кругу арабская надпись: «Если ты предаешься войне, то малодушие в сторону. Терпи все ее невзгоды: нет смерти без предопределения». В четырех противоположных местах второго круга, по двум перпендикулярным диаметрам, были написаны два главных постулата магометанской веры: «Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед — пророк Его». Наконец, в центральном круге было звание командира (тысячник или пятисотенный).

На прочих знаках различия указывалось только звание, а сами знаки состояли: для сотенного командира — из серебряной доски, имеющей форму полулуния, нижняя часть которого имела вид

выгнутой линии или лука; для пятидесятника — из треугольной доски с тупыми, вогнутыми внутрь углами, а для десятника — из медного вытянутого прямоугольника с оконечностями в виде фестонов.

В числе чинов, жалуемых Шамилем, были звания пятисотенного, сотенного и десятника. За заслуги и храбрость Шамилем были установлены чины, ордена и знаки отличия. Ордена носили на ремешке из сыромятной кожи на левом плече. Ордена (*нисан*) и медали (*седа, мидал*) были нескольких степеней и имели различные формы и конструкции. Многоугольные звезды, изображение полумесяца с помещенною над ним саблей, выпуклый круг в виде пуговицы и серебряные треугольники с отсеченными углами, отделанные чернью, составляли ордена, украшенные именем получателя и различными надписями и стихами из Корана. На одном из орденов, например, была такая надпись: «Кто думает о последствиях, тот не бывает храбрым».

Надписи варьировались. Так, чеченские наибы Шоаип-мулла Центороевский и Улубий-мулла Ауховский за разгром царских войск в 1842 году в Ичкерии были награждены знаками в виде звезды с надписью: «Нет силы, нет крепости, кроме Бога единого». Известный чеченский наездник пятисотенный Оздемир из Цацан-юрта получил шашку с надписью: «Нет Оздемира храбрее, нет сабли его острее».

Найденные в сакле наиба Дубы в 1847 году два серебряных знака, полученные им за военные подвиги, имели следующие надписи: «Имам Шамиль этого храброго наиба награждает первоклассным орденом и молит Бога, да поможет Он ему идти по истинному пути»; «Это герой, искусный в войне и бросающийся на неприятеля как лев».

Кроме орденов, Шамиль награждал отличившихся эполетами, причем левый эполет бывал меньше правого и на обоих делались надписи типа: «Господину мужества и храбрости» или «Одни трусы оборачиваются назад». Разного рода подарки, почетное оружие, платье, лошади, бараны, деньги и земля составляли награду достойных.

В начале 40-х годов были учреждены: за усердие — четырехугольные звезды и круглые медали, за храбрость — нагрудный знак треугольной формы с надписью: «Храбр и мужественен». За храбрость давали также кисть на шашку, вроде темляка, а за особое мужество и неустрашимость даровались именные надписи на шашку: «Нет такого-то храбрее, нет сабли его острее». Удостоившийся такой именной надписи (к примеру, Ахверды Магома) получал три рубля

серебром в месяц. Давшие присягу погибнуть за Шамиля получали от него по 2,5 сабы муки в месяц и носили на чалме прямоугольную нашивку из материи зеленого цвета.

Малодушные, бежавшие от неприятеля имели также свой знак отличия: на спине им пришивали к одежде медную четырехугольную бляху. Таким же позорным был цветной войлочный знак, пришиваемый к одежде на спине или на правый рукав. Знак носили до первого отличия в бою.

С 1841 года пятисотенные и сотенные начальники стали носить нагрудные знаки-медали с надписью: «Нет силы без помощи Божьей», указывающие их должность и звание.

Впоследствии у командного состава были следующие знаки различия: у сотенного — на правой стороне груди треугольник из серебра на сафьяновом кружке; у двухсотенного — два таких же знака на обеих сторонах груди; у трехсотенного — на правой стороне груди такой же знак, а на левой — с текстом из Корана; у четырехсотенного — на обеих сторонах груди большие круги с текстами из Корана; у наиба — то же самое, но с более полными текстами из Корана.

Армия Имамата (низам) состояла из 15 тысяч человек, в том числе 6 тысяч конницы. С ополчением Шамиль мог одновременно выставить до 40 тысяч бойцов. Однако самое большое войско, которое во время войны Шамиль выставил в одном направлении — в походе на Грузию в 1854 году, — составило 12 тысяч человек.

В войсках имама Шамиля была установлена железная дисциплина, регламентируемая низамом. Регулярно проводились сборы ополчения, во время которых проходил смотр личного состава и снаряжения. За найденные во время смотра или в другое время табак и спиртные напитки провинившийся воин жестоко наказывался (к примеру, трубку или табак подвешивали за бечевку к носу, в котором выбивали отверстие). Смертью наказывались нарушение приказа командира в бою, мародерство, предательство, трусость. Имам Шамиль политикой социальной справедливости, жестокими мерами и словом убеждения сумел добиться того, что чеченцы, привыкшие к своеволию, начали беспрекословно подчиняться ему, превратившись в непобедимую военную касту, сплоченную единой верой и жесточайшей дисциплиной.

Была налажена служба государственной безопасности. Здесь служили наиболее уважаемые в народе люди, пользующиеся доверием

Шамиля. Называли их *мухтасибами*. В их ведении находился контроль за наибами и исполнительными органами. Мухтасибы руководили также разведкой и контрразведкой. Обо всех нарушениях закона наибами мухтасибы докладывали лично имаму.

Особым подразделением были телохранители Шамиля. Всего в штате телохранителей было 200 человек. Они носили бурку, черную черкеску, белую чалму, ноговицы и чувяки, имели четыре пистолета, шашку, кинжал, ружье. За исключением вооружения, внешне, одеждой имам мало чем отличался от своих телохранителей. Никто не мог подойти близко к Шамилю без ведома и предварительного представления через телохранителей. Телохранители становились полукругом сзади Шамиля, держа над головой его ружья с взведенными курками и пистолеты, направив их на представляющегося. На выезде впереди имама, окруженного телохранителями, ехал *якуб* (палач) с секирой, периодически восклицая: «Наместник пророка!» — на что телохранители вторили основной формулой мусульман: «Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед — пророк Его!» Телохранители Шамиля состояли в основном из чиркеевцев (аварцев) и чеченцев. В Дагестане имама сопровождали чеченцы, а в Чечне — аварцы. Телохранители Шамиля были фанатично преданы имаму и связаны обетом верности ему.

Армия Шамиля была многонациональной. В ней служили чеченцы, дагестанцы, кумыки, ингуши, ногойцы, татары, арабы, турки, осетины, черкесы, поляки, русские, украинцы, казаки, грузины, армяне.

Из русских у Шамиля был составлен целый пеший батальон, до 700 человек, несколько артиллерийских команд, саперные и строительные отряды. Русские офицеры, служившие у Шамиля, выступали на конях. Жили они в столице Имамата Ведено.

Казаки служили в кавалерии Шамиля среди чеченцев. Особенно прославились своей отвагой в Кавказскую войну командир диверсионного чеченского отряда казак из станицы Наурской Алпатов (в честь Алпатова названо селение в Наурском районе), гребенской казак Карчагин и беглый солдат Беглов.

Русские, казаки, украинцы и поляки пользовались неограниченной свободой в Имамате и всеми правами граждан (узденей) горского государства. Многие из них приняли ислам, обзавелись семьями. Полная свобода вероисповедания была и для христиан. К примеру,

казаки-старообрядцы с позволения Шамиля построили в столице старообрядческий скит, где со своим священником справляли обряды.

Русские до конца сохранили верность Шамилю. В Гунибе — последней твердыне Шамиля — они составляли треть его защитников.

За короткий срок Шамилем была создана такая сильная армия, что в сражениях с ней в течение двух десятков лет терпели поражения лучшие полководцы России. Тактика горцев, оружие, методы войны были взяты впоследствии на вооружение русской армией и внесли большой вклад в мировое военное искусство.

Артиллерия Шамиля

«Является к Шамилю однажды человек, говорят, ламароевец. Пушку, говорит, может из дерева сделать, будет не хуже царской из чугуна.

— Делай, — сказал Шамиль, так как очень хотел иметь свою пушку.

Распилил человек дубовое бревно, выдолбил в половинках каналы и скрепил половинки железными обручами. Большая пушка получилась. Три пары быков еле на гору ее тащили. Наибы имама Шамиля зарядили жерло пушки порохом, вместо ядер набили булыжниками. Навели пушку на лагерь царских войск. Изобретатель фитиль к запальнику поднес. И раздался гром. Пороховой дым окутал гору. Когда он рассеялся, все увидели: ни пушки, ни мюридов имама.

Каким-то чудом уцелел незадачливый изобретатель деревянной пушки.

— Награжу я тебя, мастер, — сказал Шамиль. — Повесить его!

— О великий имам! — взмолился пушкарь. — Ты несправедлив. Если моя пушка у нас положила лучших твоих наибов, то представь себе, что эта пушка натворила у неприятеля. От него дым и мокрое место осталось!..

Засмеялся, говорят, Шамиль и сохранил жизнь неудачливому пушкарю» [Муталибов, с. 183].

Так звучит один из распространенных в Чечне анекдотов о деревянной пушке Шамиля.

Подобный анекдот рассказывают и о беноевцах:

«Как-то у Шамиля русские подбили пушку. Не зная, откуда взять орудие, огорченный Шамиль находился в расстроенных чувствах. Прознавший об этом беноевец вызвался сделать пушку Шамилю, да не обычную из металла, а из дерева. Обрадованный Шамиль пообещал ему в случае удачи большое вознаграждение. Беноевец не долго думая выдолбил из дерева пушку и готов был испытать ее. Как раз в это время должен был начаться бой. Большая свита Шамиля окружила необыкновенную пушку, чтобы поглядеть на невиданное зрелище. Беноевец зарядил пушку и поднес огонь к запалу. Раздался оглушительный взрыв. Когда дым рассеялся, перед всеми предстала

разорванная пушка, тела мюридов и чудом уцелевший живой и невредимый беноевец, весь чумазый, в изодранной черкеске. Разгневанный Шамиль тут же приказал схватить горе-мастера и отрубить ему голову, но беноевец воскликнул:

— За что?

— Как за что? — спросил грозно имам. — Разве не по твоей вине погибло столько мусульман? — и указал на тела убитых мюридов.

— Послушай, имам! Если здесь от выстрела моей пушки столько душ правоверных отправилось в рай, то представь, сколько гяуров убило в стане врагов! Довольный ответом находчивого беноевца, Шамиль приказал отпустить его».

(Рассказал Б. А. Гайрбеков, житель г. Грозного, 1931 г. р. Записано Д. Хожяевым в 1979 г.)

Другой вариант анекдота о деревянной пушке звучит уже более сатирически:

«Белгатоевцы, обидевшись на имама Шамиля за то, что он перенес столицу из Дарго в Дишни-Ведено, собрались, чтобы выстрелить в Ведено из пушки. Они заложили порох в дупло дерева, сверху закидали отверстие камнями, а под ним развели костер. Через некоторое время огонь достиг пороха, дупло взорвалось, убив сидящих вокруг белгатоевцев.

Оставшийся в живых белгатоевец по имени Геза-Махма, который залез на чинару, чтобы увидеть, что будет, когда выстрел достигнет цели, сказал: “Если здесь она разнесла все в тартарары, то в Ведено вообще ничего не осталось”». (Информатор Ибрагим Мулаев, 1958 г. р., житель Казахстана, выходец из Ведено. Записано Д. Хожяевым в 1977 г. в г. Грозном.)

Точно такой же анекдот приходилось мне слышать и от жителей Сержень-юрта о чермоевцах или в Дишни-Ведено о харачоевцах.

Имел ли подобный случай место или это выдумки чеченских острословов, занимавшихся сочинением различных небылиц о глупости своих соседей?

Оказывается, этот вопрос задавали еще в прошлом столетии. Пристав имама Шамиля Аполлон Руновский рассказывает в своих «Записках о Шамиле» (с. 77) в 1859 году:

«Прежде всего я спросил, справедлив ли был слух, ходивший когда-то по Кавказу, что будто в то время, когда у горцев еще не было

артиллерии, они стреляли по нас из деревянных пушек.

Шамиль засмеялся и, обращаясь к Хаджию, сказал:

— Вот, сколько я ни старался скрывать глупость Хидатли-Магома, однако русские узнали...

Потом он начал преинтересный рассказ о том, как житель аула Куадали, в обществе того же имени, Хидатли-Магома, заведовавший у него производством артиллерийских снарядов, предлагал ему однажды устроить кожаные пушки особым способом, который он же и изобрел и который, по объяснению, заключался в следующем:

Из нескольких железных полос, толщиной в ладонь, Хидатли-Магома хотел “выковать” орудие кузнечным способом и потом обшить крепко-накрепко в несколько слоев буйволовою кожей.

За прочность устроенной таким манером артиллерии Хидатли-Магома ручался своей головой; но несмотря на это, Шамиль не согласился осуществить его идею и, желая отклонить дальнейшие настояния, сказал ему: “Пожалуйста, брат, не хлопочи о твоей пушке: и голова твоя для меня дорога, да и не хочется мне, чтоб русские над нами посмеялись и назвали бы нас с тобою дураками”.

— Так вот, — в заключение прибавил Шамиль. — Это самое, верно, и были те деревянные пушки, о которых говорили у вас».

Как видно, никто из чеченцев к «деревянной пушке» отношения не имел, а рассказы о ней являются чистым вымыслом.

Но так ли плоха была артиллерия Шамиля, что, кроме улыбки и насмешек, ничего не заслуживала?

Профессор Петербургского университета М. Казем-Бек, в 1859 году беседовавший с Шамилем, писал в своей книге «Мюридизм и Шамиль», что «артиллерия у него до ста орудий». Русские военные источники указывают, что за время правления Шамиля в Имамате было отлито 40—50 пушек.

С пушками кавказские народы были знакомы давно — через Золотую Орду, генуэзские и венецианские колонии в Причерноморье, Турцию, Иран и Крым. Но не имея нужды в применении громоздкого и тяжелого оружия, в массовом порядке его не производили. Во время военных действий против русских войск орудия в качестве трофеев довольно часто попадали в руки кавказцев, но в большинстве своем продавались обратно царским войскам. Хотя фиксируются не только

случаи употребления пушек горцами во время боевых действий, но и производство орудий кавказскими мастерами еще до Имамата Шамиля.

С. Макалатия в своей книге «Тушети» опубликовал предание, записанное у тушин, о нападении в первой четверти XIX века горских чеченцев (кистин) под предводительством Муртаза на тушинскую крепость Фарсма. В 1931 году С. Макалатия в селении Чешо видел брошенную воинами Муртаза пушку, арабская надпись на которой гласила: «Амали Ахмад» («сделано Ахмадом»).

Имам Шамиль изменил отношение горцев к употреблению и производству артиллерии. М. Н. Чичагова писала в 1889 году: «Шамиль занимался деятельно в Ведено преобразованием военного искусства у горцев и устройством артиллерии, взяв себе за образец русский. Артиллерия Шамиля состояла по большей части из русских пушек, взятых в 1843 году; но имам начал отливать и собственные пушки и ядра. Он устроил пороховые заводы в Ведено, Унцукуле и Гунибе, где выделялись ракеты».

Действительно, создание регулярной армии Имамата — низама, захват 27 трофейных орудий в 1843 году (не считая двух орудий, захваченных в Ичкерии во время разгрома царских войск в 1842 году) толкали имама Шамиля на производство пушек, пороха и ядер, а также ракет.

И мастер нашелся. Вот что писал секретарь Шамиля Мухаммед-Тахир ал-Карахи о событии 1843 года:

«Умелый кузнец Джабраиль Унцукульский пошел из Чирката в хадж без разрешения со стороны имама. Когда он возвращался из хаджа, оказался в Египте (Миср), то увидел сон: ему говорят: “Возвращайся в Дагестан и помоги Шамиллю”. После этого Джабраиль Унцукульский выехал из Египта и прибыл в Стамбул (Истамбул). Там он остановился и забыл о своем сне. Затем во сне Джабраиль увидел: его упрекают и говорят ему: “Тебе разве не было сказано: “Иди!” Так почему же ты не идешь? Иди!”. После этого Джабраиль отправился в путь и шел, пока не остановился рядом с имамом.

Он посоветовал мюридам отлить пушку. У мюридов имелись тогда куски сломанной ими большой пушки, которую они захватили в качестве добычи при нападении на Ичкерия (Кучулик). Людям эта идея понравилась, они почувствовали влечение к пушке, но имам начал отговариваться: “Мы не сможем использовать пушку из-за ее нужды в

большом количестве пороха и ядер”. Люди, однако, все же принялись за отливку пушки.

Когда пушка оказалась готовой, мюриды для пробы начали стрелять из нее ядрами. Тут она, однако, раскололась и окончательно испортилась. Имам тогда поклялся: “Мы обязательно отольем пушку, даже если мне придется продать моего коня и мое ружье. Лишь бы мунапики не говорили: “Шамиль начал что-то делать, но не сумел завершить этого”. После этого мюриды отлили отличную благословенную пушку, которую было легко передвигать, но при этом вред от нее был большим.

Всевышний Аллах назначил этой пушке солдат, которых он заставил служить имаму. Эти солдаты пускали пушку в дело и выполняли другие работы. Имам заставил собрать порох для пушки, а также — подобрать ядра с мест сражений, таких, как Ашильта, Ахульго, и с других».

Хроника Мухаммеда-Тахира подтверждается и русскими документами. В донесениях военных чиновников указывается, что Джабраиль из Унцукуля приехал «будто из Константинополя». В документах за март—апрель 1843 года указывается, что «в селении Дарго льют уже орудия и что три уже отлиты каким-то мастером азиатцем, обучившимся этому искусству в Эрзеруме». В 1843 году царскими дозорами были перехвачены письма имама Шамиля Ибрагиму-паше Египетскому с просьбой прислать «двух людей, искусных в делании оружия, военных снарядов и в извлечении железа, серебра и прочих материалов из земли», а также султану Абдул-Между о том, что в Имамате умеют делать «большие ружья» и нечто вроде конгревых ракет.

Способ, которым горские мастера отливали орудия, подробно описан со слов имама Шамиля А. Руновским:

«Когда я показал Шамилю чертежи, сделанные Хаджио, он рассматривал их с большой любовью, беспрестанно повторяя; “Коп яхши! Валла яхши!” и напоследок объявил окончательно, что чертежи (на чертежах мюрид Шамиля изобразил ящики для добывания соли, футляр для пушек, горн для плавки меди. — Д. Х.) совершенно верны.

...Литьем орудий в Ведено распорядился унцукульский житель Джабраиль Хаджио, который, вместе с тем, управлял и тамошним пороховым заводом. Прежде он был простым оружейником, а

пороховому и литейному делу выучился в Аравии, во время путешествия своего в Мекку.

В продолжение всего имамства Шамиля отлито было от 40—50 орудий; но из числа их совершенно годными было признано от 12—14, которые и находились в действиях против нас. Отливка их производилась следующим образом:

Прежде всего приготовлялась опока. Она была цилиндрическая, цельная, без разделений, длиною несколько больше человеческого роста, а в диаметре от 12—16 вершков. Она составлялась из железных жердей, шириною в два пальца, толщиною в полпальца. Эти жерди с одного конца переплетались, образуя собою круглое плоское дно, в виде колеса. Жерди не прилегали плотно одна к другой, а имели между собою промежутки, через которые по окончании всего процесса выбивалась глина. Опока оковывалась в трех, а иногда в четырех местах железными толстыми обручами. Дно опоки плотно укладывали сырую глиною, после чего в середину опоки опускали форму орудия, выделанную из простого деревянного бруса; пустое же пространство между стенками опоки и формою набивали тою же глиною, которую смачивали еще и плотно утрамбовывали.

Приготовленная таким образом опока ставилась на землю, обкладывалась со всех сторон до верху дровами, которые вслед за тем и зажигались. Опока и глина накаливались и обугливали форму, на которую для скорейшего тления поливали нефть. Когда форма окончательно истлевала, образовавшийся из нее уголь вытаскивали особым черпаком, после чего являлась форма для будущего орудия.

Остывшую опоку переносили к приготовленной заранее яме, куда и опускали ее так, чтобы верхнее ее дно помещалось немного ниже уровня земли. После того, в середину формы опускали железный цилиндрический брус, оканчивающийся тупым концом (все орудия отливались камерными). Брус этот предварительно обмазывали ровно и гладко глиною, перемешанной с золою. Диаметр бруса зависел от калибра, какой хотели дать орудию. В верхнем конце бруса было отверстие, сквозь которое продевалась железная жердь, клавшаяся на земле и не допускавшая, таким образом, конус цилиндра до дна формы на такое расстояние, чтоб образовать дно и тарель. Затем оставалось только литье, потому что затравка просверливалась уже в готовом орудии.

Над самою ямой складывали больших размеров каменный горн конусообразной формы, с полушарным дном. Материалами для этой постройки служил камень и огнеупорная глина. На дне горна, по направлению оси канала орудия, проделывалось отверстие, которое на время плавки металла затыкалось железной пробкой. В своде горна, над поверхностью металла, проделывались три окна для закладки металла и угля и для надзора за плавкою. Дутье было ниже. Когда горн был готов окончательно, в него клали такое количество меди, которое по соображению Джабраила Хаджио признавалось нужным для орудия. Кроме меди, никаких других металлов не употребляли; но так как вся она была деловая, с полудою: котлы, тазы и проч., то это условие в некоторой степени делало не чувствительным отсутствие бронзы. (Вся эта медь принадлежала прежде частным лицам, имущество которых, по разным случаям, было конфисковано. В распоряжении Шамиля такой меди было, по его словам, до 10 000 пудов.) После меди сыпали в горн уголья, которых выходило для каждого орудия не менее ста пудов. Когда металл расплавлялся, из дна вытаскивали особыми щипцами пробку, в отверстие стекала медь и орудие было готово. Через несколько дней из ямы вынимали опоку, разбивали глину и вытаскивали из опоки орудие.

Наружный вид орудия всегда бывал более или менее шероховат, так же, как и канал его; но канал опиливали и выравнивали ручными средствами, а самое тело снаружи обтирали железными брусками и точильным камнем, после чего, просверлив затравку, тотчас же делали пробу, заряжая орудие двойным и тройным зарядом.

Немногие орудия выдерживали пробу; а у некоторых после первого же выстрела казенная часть так сильно раздувалась, что, по словам Хаджио, делалась похожею на очень толстого человека. Поэтому, из предосторожности, фитиль для пробы употреблялся очень длинный.

Вообще, доморощенная артиллерия Шамиля была недолговечна, и после некоторого времени ее службы нередко случалось, что по оплошности третьих нумеров первым нумерам отрывало руки, а вторые бывали ранены, как это и случилось теперь в Гунибе, где, кроме того, и лафеты были так ветхи и вообще дурны, что при каждом выстреле орудия выскакивали из своих гнезд; оковки и винты разлетались далеко в разные стороны, и Кази-Магомету, с моим приятелем Хаджио,

неоднократно приходилось бегать за ними по аулу. Подъемных клиньев совсем не было, а вместо их защитники Гуниба употребляли большей или меньшей величины камни, смотря по наклону орудия.

Для работ в литейном и на пороховых заводах употреблялись одни туземцы.

“Аллах, аллах! — думал я, слушая рассказы Шамиля о его военном управлении. — С какими ничтожными средствами этот человек так долго противостоял нашим усилиям!..”

Под влиянием этих размышлений, я спросил у Шамиля, есть ли теперь такие люди, которые могли бы дать Кавказу его прежнее грозное значение.

Долгим, чудесным взглядом отвечал Шамиль на мой вопрос. В этом взгляде заключалось все: и прошедшее, которое действительно было, и будущее, которого для него никогда не будет.

— Нет, — сказал он наконец, — теперь Кавказ в Калуге...»

О производстве пороха, гранат, ракет и ядер А. Руновский со слов имама Шамиля приводит следующие сведения:

«Во всех обществах Дагестана, признававших власть Шамиля, не было деревни, в которой не выделявали бы пороха сами жители для собственного употребления и очень редко для продажи своим более ленивым односельцам.

Чеченцы, за весьма немногими исключениями, не умели выделять пороха; поэтому они выменивали его у дагестанцев, отдавая за один патрон пороха две пули.

Употребляемый в Дагестане способ выделки пороха можно назвать первобытным: в каждом ауле, на площади, служащей жителям сборным пунктом для торга, мены и джигитовки, всегда есть подле мечети огромный камень, с выдолбленною в середине довольно глубокою ямою, так что он представляет собою грубо сделанную ступку. Каждый горец, нуждаясь в порохе, берет нужные для того материалы, кладет их в общественную ступку, придвигает к ней другой камень и, укрепив на нем рычаг, приводит его с помощью товарищей в движение.

Рычаг этот есть длинный деревянный брус, к верхнему концу которого приделан деревянный же пест. При действии рычага этот пест раздробляет селитру, серу и уголь и обращает их наконец в порошок. Через вспыскивания водою порошок обращается в тесто, которое перекладывается в мешок, сшитый из невыделанной кожи. Усилиями

нескольких человек мешок этот приводится в быстрое движение, продолжающееся до тех пор, пока из теста не образуются зерна. Тогда их пересыпают в решето и просеивают, после чего они обращаются в зерна более мелкие, которые и составляют порох, окончательно готовый. Остающееся в решете тесто выкладывается обратно в мешок и снова подвергается трясению.

Приготовленный посредством такого процесса порох имеет форму чрезвычайно разнообразную и цвет буро-зеленый, при небольшой сырости подвергается порче, а при сжигении оставляет после себя много копоти. Полировка пороха горцам не известна; составные его части не всегда кладутся в надлежащей пропорции. От этого выделяемый ими порох не имеет ни определенной формы, ни должной прочности и вообще редко бывает хорошего качества. Выделка пороха, в больших размерах, производилась в последнее время на трех заводах: в Гунибе, Унцукуле и в Ведено. Четвертый завод находился в прежней резиденции Шамиля — Дарго; но завод этот, вместе с аулом, разорен князем Воронцовым в 1845 году.

Веденским пороховым заводом управлял тоже Джабраил Хаджио, который распоряжался и литьем орудий. Устройство и выделка пороха производились под его личным надзором и руководством.

Веденский пороховой завод был не что иное, как длинный деревянный двухэтажный сарай, верхний этаж которого составляли мельница с деревянными жерновами, приводимыми в движение водою из нарочно проведенной через завод канавы. На протяжении двух длинных фасов нижнего этажа были установлены 24 каменные ступы, по 12 с каждого фаса. При этих ступах были устроены рычаги с тяжелыми деревянными пестами, обитыми листовою медью. Рычаги приводились в движение тоже посредством водяных приводов.

Сера, селитра и уголь, истертые мельничными жерновами, переносились вниз, в каменные ступы, посредством рычагов, окончательно обращались в мякоть. Тогда ее вынимали из ступ, вспрыскивали водою и клали в длинные большие деревянные бочки, которые после этого катали в продолжение нескольких часов. Мякоть разбивалась на зерна; зерна пересыпались в решета, устроенные в особых каморках, здесь же, внутри сарая. Просеянные зерна составляли готовый порох, а оставшиеся в решетках обращались в бочки и снова подвергались катанию.

Приготавливавшийся на заводах порох очень немногим отличался от того, который выделяется частными людьми, и в качестве своем нередко бывал ниже его.

Заводской порох отпускался только мюридам, окружавшим Шамиля, и жителям собственно Веденского аула. Кроме того, Шамиль рассылал порох к своим наibaм для раздачи состоявшим при них мюридам.

Весь процесс выделки пороха продолжался пять дней, в течение которых приготавлилось пять сабу пороха. (Единицею меры вместимости, в Аварии, принимается пригоршня — “муд”. Четыре муда составляют “сах”, пять сах — “кали” (по-аварски), или “сабу” (по-кумыкски). Рассчитывая эту меру на вес и принимая пригоршню за один фунт, окажется, что Веденский завод давал ежегодно около 190 пудов пороха.)

Вокруг здания завода было несколько отдельных построек меньших размеров, служивших для склада пороха и сырых материалов, а также для жительства заводским надзирателям и сторожам.

Невдалеке от заводских строений стояла казарма для рабочих; немного дальше — квартал беглых солдат, холостых. Семейные, принявшие ислам, жили своими домами отдельно. Самый завод отстоял только на пистолетный выстрел от жилища Шамиля и отделялся от него глубокою балкою (оврагом).

Богатые месторождения серы находятся в окрестностях Черката, Шубута (Шатоя. — Д. Х.) и Кикуна, а также и в горах хребта Арактау. Каждый желающий мог брать ее сколько угодно. Для пороховых заводов она добывалась и доставлялась жителями названных мест. Обязанность эту Шамиль возложил на них вместо военной повинности.

Потребная для производства пороха селитра доставлялась на заводы жителями пяти деревень: Тълох, Муно — Хиндаляльского общества, Гуниб, Оточ и Хиндак — Андаляльского общества. Все эти люди — лучшие во всем Дагестане работники для тяжелых земляных работ, но совершенно неспособны к военному делу. С незапамятных времен занимаются они производством селитры, довольствуя ею весь немирный край и получая чрез то средства к жизни. Условия, на которых доставляли они селитру Шамилю, были очень выгодны: кроме освобождения от военной повинности, они еще получали из общественной казны по полтора рубля в год на каждое семейство. Если

же обязательного количества селитры оказывалось недостаточно, то им выдавалась из той же казны особенная плата по условию. Но в случае противоположном, то есть когда селитры на заводах было так много, что недостатка в ней не предвиделось на долгое время, тогда производителей ее требовали на войну, в качестве землекопов. В последнее время они были собраны в Гунибе, где произвели все работы по укреплению его.

Из артиллерийских снарядов у Шамиля отливались ядра и гранаты (в Ведено, Чохе и Сугратле). Последние имели только форму гранаты; снаряжались они редко, а снаряженные — еще реже разрывались. Поэтому производство их впоследствии оставлено.

Столь же неудачно приготавливались ракеты. Все это происходило, конечно, от неумения горцев обращаться с делом, которое они изучали наглядным образом от наших беглецов, и потом, приглядевшись мало-мальски к их приемам, обыкновенно спешили удалить своих учителей.

Отливкою или, вернее, переливкою ядер занималось несколько мастеров и между ними знакомец наш, пресловутый Хидатли-Магома, предложивший Шамилю обзавестись кожанною артиллериею. Потребного для ядер металла горцы у себя не имели, а употребляли для этого наши ядра и гранатные осколки, которыми поля и леса немирного края весьма изобиловали. Собираaniem их горцы занимались с большою охотою, находя в этом пользу и удовольствие. Обыкновенно собранные ядра доставлялись местному наибу, который выдавал за них или деньги (если ядра доставлены были в большом количестве), или порох. Последний способ уплаты горцы (преимущественно чеченцы) предпочитали первому. Сбором ядер горцы занимались не только по окончании сражения, но и во время его: заметив катящееся ядро, они бросались на него иногда целою толпою. Каждый из них, желая овладеть этою добычею раньше другого, старался всеми силами остановить ядро. Нередко случалось, что ядро оказывалось гранатою, которую тут же разрывало, и смелые охотники приплачивали иногда за свою охоту жизнью. Но это несколько не останавливало других любителей этой неизвестной еще европейцам охоты.

Переливка ядер производилась посредством форм совершенно так, как льются пули. На одной стороне ядра клалось клеймо с именем Шамиля (Шамуиль), а на другой — с изречением: “Да возвеличит Господь славу его (Шамиля) на многие лета”».

Большую помощь в обучении артиллерийской прислуги оказывали русские офицеры и солдаты, перешедшие на сторону армии горцев. В русских документах (1845 г.), основанных на донесениях лазутчиков, описывается положение русских «беглых солдат»: «Шамиль живет в ауле Ведено... В хорошо устроенном огромном сарае хранятся 8 больших орудий (вероятно крепостных) более того размера, какие имеют Саадула и Атабей (наибы Малой Чечни. — Д. Х.), и несколько малых пушек; все они на лафетах, выкрашенных зеленою краскою. Беглые солдаты смотрят за ними и деятельно занимаются постройкою лафетов, зарядных ящиков и колес, часть коих совершенно готова и окрашена зеленою краскою».

Горская артиллерия, находившаяся при наиболее талантливых в этой части наибох, наносила царской армии значительный урон, выигрывая легкостью орудий и подвижностью. Больших успехов в применении артиллерии достиг «один из лучших наибох» Хаджи-Яхья Казикумухский, известный как организатор артиллерийского дела в Имамате. Но наиболее значительных результатов в развитии тактики артиллерийского боя добился один из самых талантливых полководцев Имамата Талхиг Шалинский, также долгое время бывший начальником артиллерии Имамата. Талхиг положил начало конно-горной артиллерии и придумал «кочующие батареи». (Некоторые, правда, считали, что первым, еще в XVIII веке, придумал устроить горную артиллерию, разборную и перевозимую на спинах мулов, шейх Мансур [см.: М. Авантюрист XVIII века, с. 303]. Талхиг Шалинский, этот «неутомимый искатель новой тактики боя», ввел и применение артиллерийского огня по ночам.

Для царских войск новшества Талхига оказались совершенно неожиданными. Артиллерия Талхига была практически неуловима: дав несколько выстрелов из орудий по царским войскам, она быстро передвигалась на лошадиной упряжке в другое место, откуда снова наносила урон русским. Так повторялось периодически. Бросавшиеся на звуки выстрелов драгуны и казаки артиллерию на месте не находили. Подобная тактика горцев получила у русских название «кочующие батареи».

По данным русских документов, впервые тактику ночного артиллерийского обстрела Талхиг применил в 1848 году против лагеря царских войск, строивших укрепление Урус-Мартан. П. А. Павленко в

своей книге «Шамиль», основанной на большом фактическом и документальном материале, так описывает этот случай: «Талхиг, уже до этого хорошо известный русским за крепкого военачальника, теперь превзошел себя. Впервые показал он в бою горскую артиллерию, укомплектованную беглыми русскими канонирами. Она работала мастерски и, что самое удивительное, даже по ночам».

В начале 1851 года в связи с подготовкой обороны Большой Чечни имам Шамиль решает усилить укрепленную линию в Большой Чечне артиллерией. «Пушечные заводы работают день и ночь. Уже объявлено по всем наибствам о пользе и славе пушкарского дела и обещаны награды и почести тем, кто посвятил себя пушкарскому искусству. Маленькие конные батареи приписывались к каждому завалу. В январе пушек было в три раза больше, чем в прошлом году.

Но кадры артиллеристов отставали от роста промышленности. Новое оружие еще не приобрело своих энтузиастов, не сформировало мастеров.

На ночь артиллеристы благодушно расходились по аулам, оставляя при пушках одних караульных. Зарядные ящики тоже уходили в тыл, и в случае ночного сражения нельзя было ни стрелять из пушек, ни увезти их». Безалаберность горцев дорого им обходилась, так как пронюхавшие об этом царские войска по ночам уничтожали артиллерию чеченцев.

Артиллерия использовалась войсками Имамата и в дальних походах, как это было, к примеру, во время похода Шамиля в Кабарду в апреле 1846 года. Артиллерию отряда имама составляли 8 горных пушек (на каждую пушку в упряжке было по 8 лошадей), 16 зарядных ящиков и 80 вьюков со снарядами.

Артиллерию использовал Шамиль и в своем последнем бою на горе Гуниб. Из четырех орудий, однако, только две пушки были пригодны к стрельбе, и в конце концов пушки были сброшены на головы наступающим царским войскам.

Такой короткий и трагический, но славный путь прошла артиллерия Имамата Шамиля.

Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи.

О дагестанских войнах в период Шамиля. (с. 151—152)

«Опытный кузнец Джабрахил ал-Унцукулуви отправился в хадж из Чирката без разрешения имама. Когда он находился в Египте, по возвращении из хаджа, он увидел, что как будто бы ему было сказано: “Вернись в Дагестан и помоги Шамилю”. Он уехал из Египта, остановился в Стамбуле и оставался там, а про свой сон совсем забыл. Тогда он опять увидел во сне, что его укоряли и ему было сказано: “А разве тебе не было сказано “иди”, так почему же ты не идешь? Иди!” Он отправился и поселился у имама.

Затем он посоветовал им отлить пушку. А у них были осколки от разбитой большой пушки, которую они забрали при нападении на Кучулик. Народу эта мысль понравилась, и он захотел ее осуществления, однако имам отговаривался под тем предлогом, что “Мы не сможем ее использовать из-за недостатка пороха и снарядов”. Но все-таки принялись за отливку. Когда кончилась отливка и начали стрелять из нее для пробы ядрами, то она разорвалась и разрушилась.

Тогда имам поклялся: “Клянусь, мы отольем-таки ее, хотя бы пришлось мне продать свою лошадь и ружье, дабы не посмели сказать отступники: “Шамиль взялся сделать дело и не смог завершить его”.

На этот раз отлили хорошую славную пушку. Легко ее передвижение и велико от нее поражение. Определил Аллах Всевышний к этой пушке солдат и заставил их служить имаму. Они приводили эту пушку в действие и выполняли иные дела, кроме этого. Имам собрал для пушки порох и велел собрать ядра на местах сражений у Ашильты, Ахульго и др.».

Битва на реке Валерик

Весной 1840 года плоскостная Чечня присоединилась к непрерывно воюющим против царских захватчиков горным чеченцам. По приглашению равнинных чеченцев 7 марта из Шатоевского общества в селение Урус-Мартан прибыл имам Шамиль с 200 мюридами. Вся Чечня встречала его как освободителя.

Начались повсеместно вооруженные выступления чеченцев против царских войск.

В июне 1840 года подняли восстание надтеречные чеченцы. В чеченских аулах Старый Наур, Новый Наур, Эмингуловский, Мундаров, Банки-юрт, Мижи-юрт, Бени-юрт, Кожак, Калаузов, Мамакай-юрт и Гунешки жители разгромили дома царских прислужников. Истребив огнем часть и своих жилищ и забрав имущество, они ушли в глубь

Чечни. Владельцы этих селений князя капитан Мундар Эльдаров, штабс-капитан Кагерман Алхасов, подпоручик Кучук и прапорщик Айдемир Турловы бежали в казачьи станицы, потеряв все имущество. Бежали и другие царские офицеры из чеченцев. Был убит брат Арцу Чермоева, взят в плен штабс-капитан К. Алхасов, огромные потери понес офицерский состав.

Назначенный командиром карательного отряда, направленного в Чечню («Чеченский отряд»), генерал-лейтенант Галафеев поставил перед собой задачу остановить движение надтеречных чеченцев (скопившихся в основном в Малой Чечне) в горы и помешать их соединению с Шамилем. Заодно военная экспедиция Галафеева должна была «примерно наказать присоединившихся к Шамилю» чеченцев.

М. Н. Чичагова, жена генерал-губернатора Калуги, долгое время воевавшего на Кавказе, в своей книге «Шамиль на Кавказе и в России» в 1889 году писала: «Генерал Галафеев двинулся в Малую Чечню с целью наказать жителей за измену, но понес сильное поражение при Валерике».

В июле 1840 года, едва оправившись от кинжальных ран и переломов ребер, полученных в начале июня в рукопашной схватке с Губашем из Гухоя, имам Шамиль в сопровождении шейха Ташу-хаджи и других чеченских наибов вторгся через Салаватию в горный Дагестан с большим ополчением, состоявшим в основном из ичкерийских и шатоевских чеченцев, а также из андийцев и нескольких десятков чиркеевцев и аварцев. С боем имам занял аул Цоботль, жители которого отказались добровольно присоединиться к мюридам. Затем отряды имама двигаются на юг, вверх по Сулаку. Шамиль присоединяет к своему отряду воинов из села Чиркей и подходит к аулу Ишкарты. Здесь мюриды разбивают русский отряд и милицию тарковского шамхала Абумуслима и мехтулинского Ахмед-хана. После боя у села Ишкарты 10 июля 1840 года имам Шамиль овладел подвластными шамхалу селениями Эрпели и Каранай, поставив под угрозу шамхальство Тарковское, чем вызвал большое беспокойство царских властей. Из крепости Темир-хан-Шура навстречу мюридам с войском идет генерал Ф. К. Клюки фон Клугенау.

В это время на другом конце левого фланга Кавказской линии генерал Галафеев, знавший об отсутствии в Чечне имама Шамиля и большей части чеченских воинов, решил покончить одним ударом с

Чечней и отличиться перед начальством. Накануне похода М. Ю. Лермонтов писал своему другу А. А. Лопухину: «Завтра я еду в действующий отряд на левый фланг, в Чечню брать пророка Шамиля, которого, надеюсь, не возьму...»

Усиленный отряд генерал-лейтенанта А. В. Галафеева в составе около 4 тысяч пехоты, 1500 казаков и 14 орудий 6 июля 1840 года вышел из лагеря крепости Грозной и прошел через Ханкальский проход к аулу Большой Чечен. Уничтожив это селение и аул Дуду-юрт с обширными полями, засеянными до самого Аргунского ущелья, 7—8 июля войска прошли селения Большая Атага и Чахкери, оставив их невредимыми, чтобы иметь материал для строительства укрепления в Чахкери. Затем они направились к Гойтинскому лесу, через который прошли с боем, и уничтожили аулы Ахшпатов-Гойта, Чунгурой-юрт, Урус-Мартан, Гурак-Рошни, Хажи-Рошни, Таиб с садами и посевами кукурузы. Не дожидаясь подхода царских войск, жители покидали свои селения и уходили в леса и горы. Множество беженцев из Притеречья и сунженских аулов скопилось в лесу между аулами Гехи и Валерик.

Не встречая серьезного сопротивления, кроме небольших рукопашных схваток, перестрелок и одиночных «сшибок» удалых чеченских и казачьих храбрецов, отряд Галафеева, оставляя за собой разрушенные и сожженные селения, вырубленные сады, вытоптанные посевы, достиг 10 июля селения Гехи и, предав огню хлебные поля, стал там лагерем.

Тем временем предводители чеченцев Иса из Урус-Мартана, Атабай-мулла из Чунгурой-юрта, Таиб, Саадола из Нурикоя, Майлин Таймасха (отважная женщина из Гехи), Хамзат, Муса и Саид из Притеречья и другие собирали силы, призывая на помощь чеченских ополченцев из районов Нашхи, Карабулака (Арштхой), Шатоя и Ичкерии (Нохчи-мохк). Во время всеобщей мобилизации районы Гехи, Арштхой и Нашха могли выставить лишь до 3 тысяч вооруженных ополченцев. В большинстве своем это были люди, вынужденные отрываться от сохи на время внешней опасности. Умелых и хорошо вооруженных воинов насчитывалось лишь 300—500 человек. И хотя большинство конных воинов из Ичкерии и Шатоя участвовали в это время в походе в Дагестан, все же мичиковский наиб Шоаип послал на помощь свой отряд. Сам он не мог присутствовать в Малой Чечне, так как имам Шамиль поручил Шоаипу безопасность своей семьи, которую

оставил в ауле Дашмирза (Дачу-Борзой). Из этого аула Шоаип перевез семью имама в Анди, а оттуда в Дарго.

Участник экспедиции Галафеева поручик М. Ю. Лермонтов писал в своем стихотворении «Валерик»: «Из гор Ичкерии далекой уже в Чечню на братний зов толпы стекались удальцов». На призыв о помощи горские матери посылали своих сыновей и из других районов Чечни — Нашхи, Карабулака и Шатоя. Гонцы помчались к имаму Шамилю в Дагестан с просьбой вернуть кавалерию для защиты селений. Получив данные разведки о наметившемся маршруте царских войск (сведения часто поступали от мирных горцев, служивших проводниками и переводчиками в царских войсках), чеченские военачальники организовали устройство в Гехинском лесу завалов из поваленных деревьев и земли, засад и ловушек, рвов и ям, создав по дороге через лес целую цепь оборонительных сооружений. Недалеко от оборонительной линии, в лесах предгорий скопилось большое количество семей беженцев: старики, женщины и дети. Оставленные в обозе вооруженные подростки охраняли жизнь и честь своих старейшин, матерей и сестер, скот и имущество. Все, способные держать в руках оружие, двинулись в Гехинский лес, чтобы не пропустить противника. С мужчинами на оборонительную линию пошли и женщины. Лермонтов писал: «Над допотопными лесами мелькали маяки кругом; и дым их то вился столпом, то расстился облаками; и оживились леса...»

Утром 11 июля войска Галафеева выступили из лагеря. В авангарде отряда находились три батальона Куринского полка, две роты саперов, одна сотня донских и сотня линейных казаков и четыре орудия под командованием полковника Фрейтага. Впереди отряда ехали восемь сотен донских казаков во главе с полковником князем Белосельским-Белозеровым. Арьергардом, состоявшим из двух батальонов пехоты, четырех орудий и сотни казаков, командовал полковник Врангель. Остальные охраняли обоз.

Отряд двинулся к Гехинскому лесу. Чеченцы, скрывавшиеся в лесной чаще, не выдавали себя, заманивая противника в глубь лесных дебрей. Лишь дым маяков (костров), с помощью которых горцы сообщались друг с другом, передавая сигналы о движении вражеских войск, говорил о присутствии в лесу чеченских разведчиков.

Войска вошли в лес и двинулись по узкой арбяной дороге. Время от времени солдаты замечали мелькавшие между деревьями одиночные фигуры горцев. Головной отряд царского войска подошел к чеченским завалам, перекрывавшим дорогу, откуда был открыт яростный огонь. Чеченские стрелки осыпали царский отряд выстрелами со всех сторон, будучи сами неуязвимыми за деревьями и кустами. Некоторые забирались на деревья и, привязывая себя к стволам и ветвям, сверху посылали пули в солдат. Царские командиры бросали свои роты в штыковые атаки на штурм завалов, теряя людей, но чеченцы исчезали неуязвимыми, словно привидения.

Оттеснив чеченцев и разобрав завалы, отряд двинулся дальше, к лесной поляне, где поджидала их главная опасность. По опушке леса протекала речка Валарг-хи, пересекавшая дорогу. Берега речки были отвесны и высоки. По левому берегу тянулся лес, правый же, обращенный к отряду, был открыт, лишь в некоторых местах речку скрывали перелески.

Выехав на поляну, артиллерия открыла картечный огонь в сторону леса. В ответ не было ни звука. На поляну отряд выехал с награбленным в разоренных аулах добром. Был отдан приказ сделать привал, а пехота отправлена в лес, чтобы обеспечить переправу.

Артиллерийская прислуга уже снимала орудия с конных передков, как в этот момент чеченцы открыли убийственный огонь. Лермонтов писал:

*А вот и слева, из опушки,
Вдруг с гиком двинулись на пушки;
И градом пуль с вершин дерев
Отряд осыпан. Впереди же
Все тихо — там между кустов
Бежал поток. Подходим ближе.*

*Пустили несколько гранат;
Еще подвинулись; молчат;
Но вот над бревнами завала
Ружье как будто заблистало;
Потом мелькнуло шапки две;*

И вновь все спряталось в траве.

Чеченцы стреляли из-за завалов, срубов из бревен, с вершин деревьев и из-за кустов, били на выбор солдат и офицеров, двигавшихся по открытой поляне. Женщины и девушки заряжали ружья своих мужей, отцов, братьев, становились на место убитых мужчин. Чеченцы, у которых очень скоро кончились заряды, выхватив шашки и кинжалы, кинулись на врага. Начался упорный рукопашный бой прямо в воде быстрой речки. Лермонтов вспоминал:

*Верхом помчался на завалы
Кто не успел спрыгнуть с коня.
«Ура!» — и смолкло. «Вон кинжалы,
В приклады!» — и пошла резня.
И два часа в струях потока
Бой длился. Резались жестоко,*

*Как звери, молча, с грудью грудь,
Ручей телами запрудили.
Хотел воды я зачерпнуть...
(И зной и битва утомили
Меня), но мутная волна
Была тепла, была красна.*

Военный историк царской России генерал В. А. Потто в своей работе «Чечня» писал о тактике чеченцев во время Кавказской войны: «...горе, если ослабевала или расстраивалась где-нибудь цепь, тогда сотни шашек и кинжалов мгновенно вырастали перед ней, как из земли, и чеченцы с гиком кидались в середину колонны. Начиналась ужасная резня, потому что чеченцы проворны и беспощадны, как тигры. Кровь опьяняла их, омрачала рассудок; глаза их загорались фосфорическим блеском, движения становились еще более ловки и быстры; из гортани вылетали звуки, напоминающие скорее рычание тигра, чем голос человека». Л. Н. Толстой, воевавший на Кавказе в начале 50-х годов XIX века, вспоминал боевые кличи чеченцев: «Гиканье горцев есть

звук, который нужно слышать, но нельзя передать. Он громок, силен и пронзителен, как крик отчаяния, но нет выражения страха».

Жаркие схватки возникали над телами убитых горцев, десятки родственников и друзей которых иногда погибали на штыках солдат, пытаясь вынести тело с поля боя. Яростно сражавшиеся чеченцы стояли насмерть, давая возможность семьям уйти в горы.

Сражение, ни на минуту не затухавшее в течение двух с лишним часов, кончилось так же внезапно, как и началось... Тела убитых стаскивали в кучу. Царские войска, понесшие большие потери, были остановлены. По официальным, сильно заниженным данным, отряд Галафеева потерял убитыми, ранеными и пропавшими без вести 30 офицеров (из них 6 убитыми) и 316 нижних чинов (из них 65 убитыми). Численность и потери участвовавших в сражении чеченцев неизвестны, так как чеченцы стреляли в основном из-за завалов и укрытий и тела погибших не оставляли. (Не желая лишаться наград за свои «победы», Галафеев солгал в раеляции, что чеченцы оставили на поле боя 150 мертвых тел.)

Чеченцы готовились к новому сражению. Но на следующее утро началось движение сильно поредевшего отряда Галафеева к Ачхою на соединение с отрядом генерал-майора Лабынцева. После совещания Лабынцев выступил на Ассу, а Галафеев, уничтожив Ачхой, через селение Шильчихи и Казах-Кичу двинулся обратно и 14 июля прибыл в Грозную.

Н. Кровяков в книге «Шамиль» писал: «В кровопролитной битве на реке Валерик (“Речка смерти”) отряд Галафеева был разбит горцами». Походы Галафеева, по словам Г. И. Филипсона, «доставили русской литературе несколько блестящих страниц Лермонтова, но успеху общего дела не помогли».

Даже командиру Кавказского корпуса генералу Головину, трубившему о фантастических победах царских войск и в рапорте военному министру графу А. И. Чернышеву охарактеризовавшему Валерикское сражение как «жаркое дело, обратившееся к чести оружия нашего», пришлось впоследствии признать, что в сражениях при Валерике генерал-лейтенант Галафеев «сделал некоторый вред чеченцам, но и сам претерпел значительную потерю в людях».

17 июля пополненный отряд Галафеева отправился из крепости Грозной в дагестанскую крепость Темир-хан-Шура на помощь генералу

Клюки фон Клогенау, войска которого потерпели поражение у аула Каранай, а сам генерал едва не попал в плен к Шамилю. Темир-хан-Шура была беззащитна перед войском мюридов. Но помощь Галафеева оказалась уже ненужной, ибо в разгар успехов Шамиль, получив тревожные вести из Чечни, спешно прервал военные действия. 16 июля он отпустил дагестанское ополчение и вернулся в Чечню, приведя в полное недоумение русское командование на Кавказе, усмотревшее в этом неожиданном уходе «особенный дар провидения».

На самом деле имам, отлично понимая, какой резонанс вызовет захват крепости Темир-хан-Шура горцами, хотел продолжить поход, но начавшийся ропот чеченской кавалерии, взволнованной вестями из Чечни, и ссора имама с влиятельным среди чеченцев и андийцев шейхом Ташу-хаджи заставили Шамиля переменить свои планы.

По дороге в Чечню Шамиль получил радостную весть о победе на речке Валарг-хи, сгладившую досаду имама на то, что его оторвали от похода на Темир-хан-Шуру.

Победа в первом (после провозглашения Шамиля имамом Чечни) серьезном сражении на Валерике еще раз продемонстрировала силу стойкости, героизма и упорства чеченского народа в освободительной войне против колонизаторов.

Назрановский поход

В 1841 году весь край между Сунжей и Андийским Койсу, все селения до самого Аварского Койсу признали Шамиля своим имамом и предводителем.

Взоры имама вновь обратились на запад. Уже 23 февраля 1841 года владикавказский комендант полковник Широков получил от лазутчиков сведения «о поголовном сборище чеченцев под начальством Ахверды-Магомы с намерением будто бы предпринять набег к Назрану». Известие это заставило Широкова собрать всех людей трех кавказских линейных батальонов, находившихся на дорожных и других работах, и усилить небольшой наблюдательный отряд около крепости Назрань. В рапорте генерала от инфантерии Головина военному министру генерал-адъютанту Чернышеву от 24 февраля 1841 года говорилось о необходимости принятия мер для преграждения пути горцам к Владикавказу и Военно-Грузинской дороге.

В марте 1841 года Шамиль посылает чеченца Магомета Киреева к закубанским черкесам для согласования совместных действий. В то же время к Шамилю постоянно прибывали представители назрановского общества, призывавшего имама с войском для освобождения ингушских мусульман от господства гяуров. Ингушские патриоты клялись Шамилю в том, что при первом его появлении у Назрани вся Ингушетия присоединится к войску мюридов. Желание назрановских ингушей перейти на сторону Шамиля подтверждали и мюриды из карабулакских и галашевских чеченцев.

Еще при первых известиях в марте 1841 года о намерении Шамиля сделать поход на крепость Назрань комендант Владикавказской крепости полковник Широков спешно прибыл в Назрань и, собрав всех жителей, с помощью обещаний и уговоров, при активном содействии назрановских старшин сумел пресечь народное волнение. В знак доказательства своей покорности жители выдали 40 аманатов.

По инициативе командующего сунженским отрядом подполковника Нестерова и назрановского пристава есаула Гайтова, который провел совещание с ингушскими старшинами, жители приступили к прорытию канавы от берега реки Назранки до берега реки Сунжи, в версте от Назрановского укрепления. Есаул Гайтов

личным примером и денежным пожертвованием до 40 рублей серебром на угощение жителей много способствовал скорейшему окончанию работ.^[16] По замыслу Нестерова, сбор всех жителей Назрановского округа с их скотом и имуществом за прорытой канавой, в зоне достижения пушечных выстрелов со стен Назрановской крепости, должен был удерживать колеблющихся назрановцев от перехода на сторону Шамиля и ободрить их «противиться неприятелю и дать мужественный отпор его натискам».

Еще до 3 апреля по распоряжению полковника Широкова большая часть скота назрановцев была перегнана к Владикавказу; а 5 апреля по приказанию подполковника Нестерова назрановцы с оставшимся скотом, небольшим количеством имущества и хлеба с помощью русских войск и услужливых назрановских старшин были собраны в укрепленный лагерь между вырытой ими канавой и Назрановской крепостью. Практически царским военным командованием были приняты все меры предосторожности для того, чтобы «связанные по рукам и ногам» назрановцы не присоединились к Шамилю.

В первых числах апреля Нестеров получил известия от генералов Ольшевского, Пирятинского, Мусы Хасаева и от своих лазутчиков о приближении сильного войска горцев под командованием самого имама Шамиля. Число мюридов было преувеличено до невозможности – по слухам, их насчитывалось двадцать с лишним тысяч человек. Эти тревожные известия заставили Нестерова обратить внимание на те пункты, через которые Шамиль мог прорваться к Назрани, чтобы «увлечь колеблющихся назрановцев». Нестеров расположил войска своего отряда в Малой Яндырке (1 батальон и 2 орудия), Назрани (3 роты пехоты, 150 малороссийских казаков и 2 орудия); на правом фланге при ауле Дзанга для прикрытия камбилеевских аулов и крепости Владикавказ были оставлены 1 батальон, 50 малороссийских казаков и 2 орудия.

5 апреля царским командованием в Назрани от лазутчиков были получены более определенные сведения: Шамиль находится на реках Осе и Фортанге с войсками, насчитывающими якобы более 20 тысяч воинов, и собирается идти прямо на Назрань тремя отрядами. (На самом деле войско Шамиля было намного малочисленнее.)

Здесь к войскам Шамиля присоединились тысячи карабулакских чеченцев, галашевцев, а также беглых назрановских ингушей. Войско

Шамиля было доведено до 9 тысяч человек.

Один из отрядов под предводительством наиба Малой Чечни Ахверды Магомы должен был идти левым берегом Сунжи, по Кабардинским горам и напасть на Назрань с севера. Второй отряд под личным предводительством Шамиля должен был двигаться правым берегом Сунжи и напасть на Назрань с запада. Третий отряд под предводительством помощника наиба Аварии Хаджи-Мурата – лихого наездника Кахара должен был перерезать дорогу между Назранью и Владикавказом и прекратить все сношения между этими укреплениями.

Взволнованный Нестеров, воспользовавшись инструкцией от командования, что главной целью его отряда является прикрытие покорных назрановцев, чтобы они не присоединились к Шамилю, приказал собрать назрановцев ближе к крепости и присоединил к себе еще один батальон. Около 10 тысяч назрановцев было собрано близ укрепления.^[17]

Во Владикавказ были посланы лазутчики с известием на маленьком лоскутке: о наступлении Шамиля на Назрань и с просьбой о помощи. Владикавказский комендант тотчас же приказал майору Сулимовскому с отрядом, стоявшим при селе Заги-юрт (в 8 верстах от Владикавказа), идти в Назрань для соединения с подполковником Нестеровым. Последовало также предписание командиру Волынского пехотного полка прислать подкрепление во Владикавказ. Однако Сулимовский, не желая рисковать, потребовал усиления своего отряда, чтобы не быть разгромленным по дороге.

В это время отряд Нестерова расположился на высотах Гоши-Камемыш, в одной версте к юго-западу от Назрановской крепости.

6 апреля на рассвете три отряда 9-тысячного войска Шамиля показали против позиции, занятой царским отрядом Нестерова в 1,5 тысячи человек и назрановским ополчением, насчитывавшим 3,5 тысячи человек. (Впоследствии Нестеров в донесении преувеличил войско Шамиля до 16 тысяч, хотя Шамиль никогда в дальних походах не собирал, как это было в походе на Грузию, более 12 тысяч воинов.) Отряд под предводительством Кахара двинулся из Кончи для пересечения дороги на Владикавказ, прервав сообщение с этой крепостью на трое суток. Второй отряд, Ахверды Магомы, из аула Большая Яндырка направился к Кабардинским горам (Сунженский хребет) и расположился на высотах, господствующих над рекой

Назранкой. Шамиль же с третьим, более многочисленным отрядом стал на высотах Имбарц на правом берегу реки Сунжи.

Тотчас после того, как все три отряда заняли свои позиции, имам выслал к назрановцам почетных людей с прокламацией, в которой призывал жителей перейти на сторону борцов за ислам и отойти от покорности гяурам. Имам Шамиль был вполне уверен в успехе своих предприятий и потребовал аманатов. Но удача изменила ему. Назрановские старшины немедленно доставили прокламации царскому командованию.

Других подкреплений, кроме владикавказского отряда майора Сулимовского, который должен был присоединиться только вечером, у Нестерова не было. Подполковник вновь отправил лазутчиков с просьбой о помощи и разрешил назрановским старшинам вести переговоры, поручив им дать посланникам имама лживые обещания о выдаче аманатов и даже переходе на сторону Шамиля, чтобы оттянуть время до утра 7 апреля и дождаться подкрепления.

Тем временем во Владикавказ прибыл батальон Волынского пехотного полка. Комендант крепости распорядился, чтобы солдатами этого батальона были заняты в крепости караулы, а также командировал к отряду Сулимовского батальон Владикавказского гарнизона и 250 человек конной осетинской милиции. Сулимовскому полковник Широков предписал, невзирая ни на какие препятствия, пробиться «сквозь толпы Шамиля» и соединиться непременно с подполковником Нестеровым.

А назрановские старшины, согласно инструкции Нестерова, повели с Шамилем тонкую игру, пытаясь перехитрить его. «Назрановцы обманули тогда Шамиля, – писал секретарь имама Мухаммед-Тахир ал-Карахи, – заявив, что они согласны с ним. Они оттягивали решение своего вопроса до тех пор, пока не завели в крепость своих детей и жен, свои имущества».

Шамиль, регулярно получавший данные разведки, быстро разгадал игру назрановских старшин. Недовольный их медлительностью, имам дал им срок на размышление до 2 часов дня с угрозой в случае невыполнения его требований начать опустошение аулов заблудших пособников гяуров.

Окончательно убедившись, когда истек срок, что обещания назрановских старшин были коварной ложью, имам решил вернуться

обратно в Дарго, но предварительно исполнил свою угрозу, приказав поджечь оставленные жителями аулы. Сильный ветер быстро распространил пламя, так что вскоре все аулы, лежавшие по берегам Сунжи и Назранки, были в огне. Конница же Кахара начала жечь ингушские аулы по реке Камбилеевке и осетинские хутора в 6 верстах от Владикавказа.

Кавалерия Шамиля насчитывала до 4 тысяч всадников, и естественно, что Нестеров со 150 малороссийскими казаками не смел выйти за пределы оборонительных рубежей Назрановского укрепления. Спаслись только ингушские аулы, лежавшие на расстоянии выстрела царских орудий, но и к тем мюриды Шамиля стали приближаться, спускаясь с холмов хребта Имбарц по направлению к Ведзижеву-аулу, расположенному при слиянии двух рек – Сунжи и Назранки.

Назрановцы, пришедшие в отчаяние при виде своих горящих аулов, спросив разрешения у царского командования, ободренные Нестеровым и подкрепленные пушечным огнем, бросились в бой. Атака назрановцев была усилена 3 ротами русской пехоты с 2 орудиями под командованием майора Траскина. Эти роты расположились между крепостью и валом по берегам Назранки и Сунжи; остальные же 3 роты, 2 орудия и 150 малороссийских казаков, оставшись на прежней позиции, расположились так, чтобы мюриды были долгое время в недоумении о числе отряда русских. План Нестерова осуществился, и имам, поняв, что готовность назрановцев перейти на его сторону мнимая и что он может встретить повсюду сильный отпор со стороны царского отряда, почти до 6 часов вечера ничего не предпринимал.

Пока происходила сильная перестрелка в окрестностях редута Назрана, Ахверды Магома, спустясь с Сунженского хребта, прошел с отрядом влево, на Владикавказскую дорогу, с явным намерением атаковать русских с фланга и оттеснить их к Назрановскому укреплению. Опасаясь этого, Нестеров скрытно перевел 2 роты и 1 орудие на прежнюю позицию, оставив для защиты и одновременно угрозы назрановцам 1 роту и 1 орудие.

Ахверды Магома со своими чеченцами сделал несколько быстрых атак на царскую роту, расположенную цепью, но встретив огонь батареи 3 орудий и сильный ружейный огонь, прекратил свой натиск и двинулся влево на соединение с отрядом Кахара. Нестеров тотчас же послал к назрановцам 2 роты и 1 орудие под командованием майора

Триха на то место, где раньше стояла крепость и где теперь происходил упорный бой. Назрановцы, чувствуя за спиной «заботливую» силу царской крепости, оскалившейся пушками и штыками, и готовность Нестерова во всем им способствовать, вели сильную перестрелку и пытались выбить мюридов с занимаемой ими позиции у Ведзижева-аула и смежных с ним сел. Эта позиция неоднократно переходила из рук в руки, пока наконец вечером мюриды не ушли на исходные рубежи.

Шамиль распорядился отвести воинов со всех пунктов.

Назрановские мухаджире, воевавшие в его войсках, еще продолжали убеждать имама в том, что назрановские жители перейдут на его сторону, и собиравшийся было уйти обратно в Чечню Шамиль решил остаться еще на день, чтобы его не упрекнули в поспешности.

...Настало время вечерней молитвы. Провожаемые картечным огнем мюриды вернулись на высоты Имбарц. Была оставлена лишь передовая цепь мюридов, с которыми назрановцы вели перестрелку до поздней ночи.

Ночь с 6 на 7 апреля русский отряд провел под ружьем на тех самых позициях, где проходил бой. Ночь эта была для Нестерова очень беспокойной. Подкрепление из Владикавказа все не приходило. Ежеминутно ожидалось нападение мюридов. Нельзя было положиться и на назрановцев, которые, уверовав в силу Шамиля, могли перейти на его сторону и напасть на крепость.

Но надежду в Нестерова вселяло то, что ему удалось спровоцировать столкновение и вражду между назрановцами и войсками Шамиля.

В ночь на 7 апреля отряд майора Сулимовского, к которому был присоединен владикавказский батальон майора Петриева и 250 человек конной осетинской милиции, выступил из Заги-юрта на помощь подполковнику Нестерову.

7 апреля с зарей Нестеров ожидал нового нападения. Но Ахверды Магома узнал о приближении отряда Сулимовского, идущего от Владикавказа, и, пользуясь темнотой ночи, двинулся со своей конницей навстречу колонне Сулимовского. Сулимовский был предупрежден о нападении Ахверды Магомы стоявшим на аванпосте корнетом Сосновым, который, различив в тумане приближающуюся конницу, поскакал уведомить майора и тем избавил отряд от внезапной атаки

чеченцев. Несколько атак всадников Ахверды Магомы были встречены огнем. Стрелки обоих батальонов отряда майора Сулимовского, подкрепленные картечным огнем отряда Нестерова, бросились вперед с криком «ура!» и прорвались к Назрани.

Таким образом, под командованием Нестерова теперь было 3,5 тысячи человек (4 батальона пехоты, 450 казаков и осетин), 6 орудий, а также около 3,5 тысячи человек назрановского ополчения. Всего около 7 тысяч человек.

Шамиль присоединил отряд Ахверды Магомы к себе и долгое время оставался на месте, не предпринимая никаких действий, пока около полудня, воодушевленные русским подкреплением и бездействием имама, храбрые назрановцы первыми не завязали перестрелки на правом берегу Сунжи, по хребту Имбарц. Ожесточенные опустошением своих жилищ, они горели мщением к мюридам и бросились на левый фланг войска Шамиля так молниеносно и с такой решимостью, что мюриды были выбиты с высот и начали отступать. Во время этого боя назрановцы с жадностью набрасывались на патроны, которые им раздавали в царских войсках, даже раненые не выходили из боя, желая отомстить и получить бесплатные боеприпасы. Русские подкрепляли назрановцев огнем артиллерии и несколько раз выдвигали роты для их ободрения. Видя успех назрановцев, Нестеров воспользовался минутным замешательством на левом фланге мюридов и тотчас под командой подполковника Рихтера послал 1 батальон, 2 орудия и 150 малороссийских казаков по левому берегу Сунжи для действий в тыл и на фланг чеченцев. Казаки и солдаты переправились через реку. Мюриды были выбиты и, теснимые со всех сторон, отступили за хребет Имбарц. Секретарь Шамиля Мухаммед-Тахир писал, что назрановцы «напали на один край войска имама. Люди его отошли в сторону. Имам с товарищами передвинулся тогда на холм и начал называть отходящих по племенам. Они тут возвратились к нему, сразились с назрановцами и загнали их в крепость».

Несмотря на то, что действие артиллерии Назрановского редута, обстреливавшей ущелье почти по всем направлениям, было весьма опасно для мюридов, разъяренные чеченцы, преследуя отступавших назрановцев и русских, перед вечером подошли к укреплению настолько близко, что только сильный орудийный огонь и вылазка

добровольцев под командованием поручика Осмоловского заставили мюридов отойти.

Окончательно убедившись, что назрановцы не примкнут к нему, имам Шамиль приказал наибам готовиться к сбору.

На рассвете 8 апреля Нестерову доложили, что Шамиль со всем своим отрядом в полночь ушел в Кончинский лес. Узнав об уходе войска Шамиля, русские солдаты радостно крестились, благодаря Господа за избавление. Назрановцы же с горечью смотрели на дым догорающих своих аулов.

Потери у русских составили: убитыми 2 рядовых, ранеными 8 человек и 3 лошади из артиллерийской упряжки. У назрановцев было убито 12 человек, ранено 44, лошадей убито 6, ранено 10. Всего: 14 убитых, 52 раненых. Кроме того, чеченцы взяли в плен 2 ингушей и захватили 6 лошадей. Была сожжена большая часть назрановских аулов по Сунже, Назранке и Камбилеевке, а также несколько осетинских хуторов.

Русские войска выпустили 18 449 ружейных патронов (из которых назрановцам было выдано 5258 штук) и 153 пушечных заряда.

Уже 9 апреля в донесении начальнику подполковник Нестеров, как обычно в таких случаях, расписал свои фантастические «подвиги» и «большое поражение» Шамиля и преувеличил (якобы согласно показаниям лазутчиков) потери мюридов. На самом же деле ни одно тело мюрида не попало в руки к русским, потери не превышали потерь царского отряда и их местных прислужников. Также не было никакого военного поражения Шамиля. Наоборот, поход Шамиля на Назрань в военном отношении был для имама успешным, так как он заставил противника укрыться в крепости, нанес огромный моральный и материальный ущерб союзникам русских, лишив их домов, имущества и продовольствия и заставив их увидеть в войсках имама грозную силу.

Самой большой своей победой царское военное командование считало внесение раздора и вражды между кавказскими народами. 26 апреля 1841 года военный министр России генерал-адъютант граф Чернышев сообщил командующему войсками Кавказской линии и в Черномории генерал-адъютанту Граббе, что «Его Величество с особенным удовольствием усмотрев из этого журнала храбрость, усердие и преданность нашему правительству назрановских жителей, оказанные ими при отражении нападения, сделанного Шамилем на

Назран 7 апреля, всемилостивейше соизволил пожаловать им знамя, разрешая притом войти с представлением о награде пристава их есаула Гайтова, предводительствовавшего ими».^[18] Был награжден также и Нестеров, ставший полковником.

В начале июня 1841 года полковник Широков, собрав во Владикавказе назрановских старшин, торжественно объявил им о монаршей милости в виде награждения назрановских жителей Георгиевским знаменем за отражение нападения Шамиля на Назрань. Кроме того, назрановским старшинам были выданы крупные денежные подарки и вознаграждения.

Царские власти щедро раздавали ингушским предводителям награды и деньги, льстили гордости честолюбивых назрановцев, лишь бы привлечь ингушей на свою сторону, чтобы на время расправы с Чечней обезопасить Военно-Грузинскую дорогу, не дать объединиться Северо-Восточному и Северо-Западному Кавказу и разгромить кавказские народы по одиночке. Свою ошибку ингуши поняли в 1858 году, но было уже поздно.

«Так благодаря предательству старшин, простой народ не примкнул к Шамилю, и тот вынужден был удалиться назад», – писал ингушский историк С. Б. Котиков.

Вскоре, однако, Шамиль свел на нет весь политический успех царского командования. В конце апреля тысячный отряд чеченцев во главе с наибом Малой Чечни Ахверды Магомой переправился близ аула Самашки на левый берег Сунжи и через Малую Кабарду осуществил набег на Военно-Грузинскую дорогу. (В царских донесениях количество чеченцев было преувеличено до 2 тысяч.) 28 апреля чеченский отряд, разделившись надвое, атаковал военное поселение Александровское; одна часть отряда отвлекала войска, а другая напала на поселян, занимавшихся полевыми работами. После перестрелок с солдатами чеченцы ушли из Александровского, захватив в плен до 100 душ обоего пола и угнав весь скот селения. Не встретив никаких препятствий, они вернулись в Чечню.

Назрановский отряд под командованием начальника центра Кавказской линии генерал-майора Пирятинского, состоявший из 4 батальонов, 5 орудий, 2 малороссийских эскадронов и назрановской милиции, был в сборе еще с апреля для обеспечения охраны Военно-Грузинской дороги, окрестностей Назрана, Владикавказа и всего района

между этими пунктами и Моздоком. Однако из-за тяжелой болезни генерал-майора Пирятинский не сумел ни предупредить набега чеченцев на военное укрепление Александровское, ни настигнуть их, когда они возвращались за Сунжу, обремененные своей добычей. После смерти генерал-майора Пирятинского отряд поступил под начало талантливого царского полковника Нестерова.

Неудачи, преследовавшие царские войска в Чечне и Дагестане, вынудили командование в 1841 году на помощь действовавшим против Шамиля военным частям прислать 14-ю пехотную дивизию. В Дагестане на реке Койсу, у Чиркея было заложено царское укрепление Евгеньевское. В Чечне после неудачной попытки отряда Граббе заложить укрепление Чахкери в конце июля было начато строительство двух новых укреплений на реке Сунже, у чеченских аулов Казах-Кичу и Закан-юрт, завершенное в середине октября 1841 года. Этими укреплениями была закончена Сунженская линия, которая хотя и не полностью закрыла Малую Чечню и Терек, но весьма затруднила продвижение чеченцев на левый берег Сунжи и к Тереку и блокировала торговые и иные связи внутренней Чечни с другими регионами.

«За блистательное отражение скопищ Шамиля и за верность ингуши удостоились получить знамя и некоторые привилегии, которыми и пользовались до 1858 года.

Главные привилегии, данные ингушам, заключались в том, что они были избавлены от несения подворной повинности и за ними было утверждено право владения землей на всей территории, занимаемой ими в 1840 году», – писал Н. Грабовский.

Ичкеринское сражение 1842 года и разгром армии Воронцова в Дарго

Блестящей победой чеченского духа и чеченского оружия в Кавказской войне можно назвать Ичкеринское и Даргинское сражения. К сожалению, сведения о них очень скупы. В русской историографии XIX века и в дальнейшем, вплоть до сегодняшнего дня, история этих сражений в Чечне либо замалчивалась, либо подавалась заведомо искаженно. Изгнавшей Наполеона империи трудно было признать, что столь сокрушительное поражение одна из лучших в Европе армий потерпела от значительно уступавшего в численности и вооружении ополчения кавказских горцев.

Чечня, май 1842 года

В мае 1842 года 500 чеченских воинов под началом наиба Малой Чечни Ахверды Магомы и имама Шамиля ушли в поход на Кази-Кумух в Дагестан.

Воспользовавшись их отсутствием, 30 мая генерал-адъютант П. Х. Граббе с 12 батальонами пехоты, ротой саперов, 350 казаками и 24 пушками выступил из крепости Герзель-аул по направлению к столице Имамата Дарго. Десятитысячному царскому отряду противостояло, по сообщению А. Зиссермана, «по самым щедрым расчетам до полутора тысяч» ичкеринских и ауховских чеченцев.

Возглавляемые талантливым чеченским полководцем Шоаипом-муллой Центроевским, чеченцы готовились к сражению. Наибы Байсунгур и Солтамурад организовали беноевцев на строительство завалов, засек, ям, приготовление провизии, одежды и военного снаряжения. Андийцам, охранявшим столицу Шамиля Дарго, Шоаип поручил при приближении врага уничтожить столицу и вывезти всех людей в горы Дагестана. Наиба Большой Чечни Джаватхана, тяжело раненного в одном из недавних сражений, заменил его помощник Суаиб-мулла Эрсеновский. Ауховских чеченцев на борьбу с завоевателями поднимал их молодой наиб Улубий-мулла.

Остановленный героическим сопротивлением чеченцев у аулов Белгатой и Гордали, уже ночью 2 июня отряд Граббе начал отступление. Огромный урон врагу нанес отряд беноевцев во главе с Байсунгуром и Солтамурадом. Царские войска были разбиты наголову, потеряв в бою 66 офицеров и 1700 солдат убитыми и ранеными. Чеченцы потеряли убитыми и ранеными до 600 человек. Были захвачены 2 пушки и почти все военные и продовольственные запасы противника.

3 июня Шамиль, узнав о движении русских к Дарго, повернул назад в Ичкерия. Но к приезду имама все уже было кончено. Чеченцы громили превосходящего, но уже деморализованного противника. По воспоминаниям царских офицеров, «...были батальоны, которые обращались в бегство от одного только лая собак».

Вся Чечня праздновала победу. Шоаип-мулла Центороевский и Улубий-мулла Ауховский были награждены двумя трофейными расшитыми золотом знаменами и орденами в виде звезды с надписью «Нет силы, нет крепости, кроме Бога единого». Байсунгур Беноевский получил медаль за храбрость. Были награждены и многие другие воины, в том числе и Солтамурад из Беноя. Поощрения получили также беноевские командиры Баршкхин Бира (старший брат Байсунгура), Рамзин Иада, Болатан Тимаркъя, Мусхин Жаапар, Иемазан Тлалбиш, Хухан Иарби и другие.

Чечня, май 1845 года

В мае 1845 года царская армия несколькими крупными отрядами вторглась в пределы Имамата. В начале похода для действий по разным направлениям было создано 5 отрядов. Чеченским руководил генерал Лидерс, Дагестанским – князь Бейбутов, Самурским – Аргутинский-Долгоруков, Лезгинским – генерал Шварц, Назрановским – генерал Нестеров. Главные силы, двигавшиеся к столице Имамата, возглавил сам главнокомандующий русской армией на Кавказе граф М. С. Воронцов.

Не встречая серьезного сопротивления, 30-тысячный отряд прошел горный Дагестан и 13 июня вторгся в Андию. Старики рассказывают: царские офицеры хвастались, что они берут горские селения холостыми выстрелами. Говорят, проводник-аварец отвечал им, что они еще не

дошли до осинового гнезда. В ответ на это разозленные офицеры пинали его ногами.

6 июля один из отрядов Воронцова двинулся из Гагатли в Дарго. В отряде было более 8 тысяч пехоты, 1200 конницы, 350 артиллеристов и 16 орудий.

Дорога на Дарго шла по пересеченной местности, посреди леса. Чеченцы уже давно знали о приближении этой военной экспедиции и следили за ее маршрутом. В ночь с 5 на 6 июля по всей Чечне мчались гонцы с призывом встать на защиту Родины. Цель экспедиции чеченцы разгадали сразу, и к Дарго шла помощь из других мест Чечни. По рассказам даргоевцев, во главе прибывших отрядов чеченцев был поставлен 22-летний наиб Хатат, сын Амерхана из Дарго, так как он хорошо знал местность, пользовался доверием имама и, несмотря на молодость, был известен храбростью и умением руководить людьми в бою. Хатат же, как и все наибы, подчинялся Суаибу-мулле Эрсеноевскому, который осуществлял общее командование.

По преданию, когда войска Воронцова подходили к Дарго, то Шамилю через лазутчика-дагестанца доставили записку, что якобы чеченцы его предали и готовятся сдаться русским. В записке далее просили Шамиля покинуть Чечню и возвратиться в Дагестан. Этой подложной запиской царское командование хотело выманить имама из Чечни в почти готовый уже покориться Дагестан. Записку эту Шамиль показал Хатату, на что тот ответил, чтобы Шамиль завтра с подзорной трубой поднялся на гору неподалеку от места, где планировалось дать бой царским войскам, и следил за битвой.

Шамиль последовал его совету и наблюдал за началом боя, но когда сражение развернулось полным ходом, не выдержал и с двумя пистолетами в руках ворвался в гущу сражающихся. Его с трудом удержали телохранители и отвели на прежнее место, так как царские офицеры и солдаты могли узнать имама и весь огонь направить на Шамиля, чтобы погубить его.

...Сначала дорогу царским войскам преградили немногочисленные успевшие подойти жители ближайших чеченских селений Большое Дарго, Беной, Белгатой, Центорой, Энгеной и другие. Вместе с чеченцами был и небольшой дагестанский отряд, посланный имамом из Дарго.

По рассказам стариков, в ложине при подходе к Дарго войскам Воронцова была устроена засада протяженностью чуть более километра. Несколько сот чеченцев, укрывшись за завалами из больших деревьев с переплетенными ветвями (было сделано 20 завалов), планировали пропустить царский отряд в глубь леса и начать сражение.

По обе стороны дороги все высокие деревья были подрублены так, чтобы в любой момент можно было их повалить. По договоренности, главная засада не должна была себя выдать до тех пор, пока с последнего завала не раздастся выстрел.

Дорога то круто поворачивала в сторону, то круто поднималась, то опускалась. И на каждом таком опасном месте солдаты боялись идти вперед, за что их ругали офицеры. На одном из подъемов где-то в середине засады страх обуял солдат, и тогда генерал-майор Фок вышел вперед с саблей на плече и браво зашагал вперед. Оказавшийся поблизости в засаде чеченец по имени Блэштиг из аула Беной не смог упустить такого удобного случая и выстрелил в генерала. Пуля попала Фоку в голову и убила его наповал.

Тогда прогремели выстрелы с головной засады, а затем зазвучали со всех сторон. Подрубленные деревья сразу были повалены, и весь отряд царской армии лишился возможности отступить. Так началось знаменитое в истории русско-кавказских войн Даргинское сражение.

Теряя раненых и убитых, царские войска шли вперед: чеченцев было слишком мало, чтобы остановить их. На отдельных участках мюриды пропускали часть отряда без сопротивления, затем отрезали его от основных сил, окружали и полностью уничтожали ружейным огнем и кинжальными атаками.

Рассказывают, что в боевое ополчение чеченцев хотели войти трое мальчиков, но их не пустили, так как они были слишком юны. Тогда они вышли далеко вперед всех чеченцев и из-за завала открыли огонь по царским солдатам. Двое заряжали, а третий стрелял. Все трое мальчиков погибли в бою.

Всего, по официальным данным, в этом бою было ранено и убито 160 солдат и офицеров. Погибло также много лошадей.

Дарго по приказу Шамиля был сожжен и оставлен чеченцами.

Воронцов считал, что основные силы горцев разбиты и окружены, полагая, что с часу на час придет с капитуляцией Шамиль. Но он жестоко ошибся.

Один из участников похода генерал Бенкендорф писал: «В день занятия Дарго силы Шамиля были слабее наших, но уже на другой день вся Чечня и весь Дагестан собрались вокруг него, и теперь многочисленный противник словно громадный муравейник окружил нас со всех сторон...»

7 июля к Шамилю отовсюду начали стягиваться отряды чеченских наибов. С ополчением беноевцев подошли Солтамурад и Байсунгур.

В ночь с 7 на 8 июля Шамиль на военном совете приказал устроить засаду в лесу для перехвата русского транспорта, который, по данным чеченской разведки, должен был прибыть из Андии в Дарго через два дня. Весь день и всю ночь воины Солтамурада рубили завалы.

Самый крупный отряд ополчения составляли беноевцы. Под началом Байсунгура и Солтамурада был пятисотенный полк ополченцев. В рядах ополченцев из Беноя и других сел было много женщин и подростков.

8 июля в местности между Белгатоем и Дарго произошел бой, в котором царские войска потеряли 187 солдат и офицеров убитыми и ранеными.

В этом бою погиб молодой дагестанский наиб Шамиля Хитын из селения Данухи общества Гумбет. Было ранено несколько человек из Беноя.

Посланный Воронцовым отряд генерала Пассека, натолкнувшись на упорное сопротивление, отступил.

9 июля 4-тысячный отряд под командованием генерала Клюки фон Клугенау по приказу Воронцова двинулся за провиантом из Дарго к дороге от Речельского перевала.

К Шамилю прибыли в этот день плоскостные чеченцы.

9 и 10 июля произошло сражение чеченцев с отрядом Клугенау.

Чеченцы отрезали отдельные части от основных сил, окружали и затем уничтожали их. Мюриды стремительно атаковывали русских и тут же исчезали из виду, не прекращая стрелять. Неудержимые в ярости беноевцы во главе с Байсунгуром и Солтамурадом буквально расколошматили колонну царских войск, вырезая шашками и кинжалами из русских рядов целые подразделения. На дороге из мертвых тел солдат громоздились целые завалы.

Потери несли и чеченцы. Упал с оторванной рукой наиб Байсунгур. Пал со сквозной штыковой раной в грудь кадий Беноя Джонха. Пал

на смерть пораженный орудийным ядром командир беноевской сотни Рамзин Ада.

Разъяренные беноевцы с остервенением кидались врукопашную и резали солдат, как волки, попавшие в отару овец. Старожилы селения Дарго утверждают, что только за один час рукопашной битвы было зарублено 750 солдат и офицеров царской армии. Раненый Солтамурад продолжал командовать беноевскими ополченцами. Русские несли огромные потери. Погибли генералы Виктор и Пассек. Количество раненых и убитых перевалило за тысячу...

В Даргинском сражении прославился беноевец – меткий стрелок Ходу. По преданиям, Ходу перед Даргинским сражением заготовил 1200 зарядов к своему ружью, и он уверял, что ни одна пуля из них не пропала даром, попадая или в солдата или в лошадей.

Даже чеченские женщины с кинжалами нападали на солдат, забирая в плен целые подразделения. Отчаяние и паника, охватившие царских солдат, были столь сильны, что при виде выскочившего из леса горца солдаты, бросая ружья и плача, становились на колени и наклоняли шеи под чеченские кинжалы.

День, солнечный и ясный поутру, когда начиналось сражение, закончился сильным ливнем. Окровавленную почву смывало дождем в реку Ясса (Аксай), и река стала красной от крови. По официальным данным царского военного командования, только 9 и 10 июля было убито 2 генерала, 17 офицеров, 537 солдат, а ранено 32 офицера и 738 солдат. Чеченцы захватили также 3 орудия.

Остатки изнуренного и окровавленного войска Кругенау были спасены от полного уничтожения подошедшей помощью. Солдаты называли это сражение «сухарной оказией».

13-дневное сражение в Ичкерии закончилось победой горцев. Только из-за внезапной смерти жены Шамиля, на похороны которой имам отлучился 18 июля, гибели 16 июля Суаиба-муллы и благодаря подошедшей на помощь Воронцову колонны генерала Фрейтага царская армия была спасена от полного уничтожения.

20 июля жалкие остатки российской армии вернулись из Мескеты в укрепление Герзель-аул. По заниженным официальным данным, потери царских войск в этом походе составили 3003 солдата, офицера и генерала убитыми, ранеными и пропавшими без вести. По данным же

военных историков царской России, потери составили не 3 тысячи, а 5 тысяч человек.

А чеченский народ вновь хоронил лучших своих сынов и дочерей, отдавших жизнь за свободу и независимость Родины. Вновь на чеченских кладбищах выросли целые рощи высоких деревянных шестов с флажками на верхушках – холламы (шахиды). Наибы хоронили своих героически погибших соратников: Суаиба-муллу из Эрсеноя, Элдара – наиба Ичкерии, Хитына из Гумбета, дылымского Хаджи-бека, андийского Мамада и других. Плечом к плечу с чеченцами и дагестанцами «за нашу и вашу свободу» воевали и погибли в Даргинском сражении бежавшие от царской неволи поляки, русские, казаки и украинцы.

Правдивая повесть о восьмимесячном и шестидневном (в 1854–1855 гг.) пребывании в плену у Шамиля семейств:

Покойного ген.-м. князя Орбелиани и подполковника князя Чавчавадзе, основанная на показаниях лиц, участвовавших в событии.

Отрывок из рассказа покойного генерал-майора князя Орбелиани о своем плене у Шамиля в 1842 году

«... В первых числах мая Шамиль получил уведомление, что небольшой отряд русских разбил при Раче горцев под начальством Гаджи-Яги и Абдурахман-Дибиря (карахского наиба). Вследствие чего Шамиль приказал наибам Чечни и Ауха, то есть ичкеринскому Шуембу, шубутовскому Джават-Хану, ауховскому Улу-Бею и Большой Чечни Ахверды-Магомету, собрать отборной конницы 500 человек. В несколько дней она изготовилась и должна была под начальством Ахверды-Магомета отправиться в Казикумухское Ханство. По этому случаю упомянутые наибы Чечни прибыли в Дарги и, с позволения Шамиля, пришли, в сопровождении телохранителей своих, посмотреть на нас. Нас вывели из ямы и представили им. Таким образом познакомился я с некоторыми из сподвижников Шамиля.

...Шуемб небольшого роста, лицо смуглое с небольшими рябинками, ловкий во всех приемах и в особенности верхом.

Он известен, как человек с хитрым и бойким умом, как отличный рубака, лихой наездник и искусный предводитель с бою.

Улу-Бей молодой человек, не более двадцати пяти или, много, тридцати лет, хорош лицом и сложением. Смелые набеги и отличная храбрость поставили его наряду с предыдущими; сам же он себя ставит выше Шуемба, которого вообще (как можно было заметить из некоторых выражений, произнесенных в нашем присутствии) не очень жалует и уважает. Как Улу-Бей, так и Шуемб имели на груди, выше патронников, серебряные пятиугольные звезды <...>

Шуемб и Улу-Бей ругали перед нами русских, говорили, что Шамиль, взяв нас в плен, доберется теперь до Ключенау и до Граббе, а потом (если Бог поможет) возьмет Тифлис и самого сардаря, истребит гяурское войско и приведет к нам на собеседование в яму богатых армян, грузин и русских. Эта хвастливая выходка сопровождалась общим хохотом.

...В половине мая горцы двинулись к Казикумуху, за ними выехал туда же и сам Шамиль, оставив Чечню в распоряжении Шуемба и Улу-Бея, на которых он надеялся как на самого себя. В конце этого месяца даргинцы стали поговаривать, что русские идут в Чечню.

1-го июня генерал Граббе вступил в ичкеринские леса...

Шуемб и Улу-Бей встретили генерала Граббе с ичкеринцами и ауховцами; прочие не успели или не хотели участвовать; мы сами видели до ста человек андийцев, спокойно оставшихся в Даргах. Оба наиба беспрестанно посылали к семейству Шамиля с просьбой переселиться в Андию или в дальнейшие горы Дагестана; они приказывали сказать, что будут защищаться до последнего дыхания, что русским нет почти возможности дойти до Даргов, но что при всем том, нельзя за все ручаться, потому что генерал Граббе, если захочет, настоит на своем, несмотря ни на какую потерю. Это общее мнение всех горцев о генерале Граббе, и убеждение это так пугало чеченцев, что они хотя и полагали, что русские никогда не дойдут по этой дороге до

Даргов, однако ж начали переселяться в безопаснейшие места. Семейство Шамиля, со всем имуществом его переехало в Андию.

...После отступления генерала Граббе из ичкеринских лесов нас опять погнали в Дарги и снова засадили в прежнюю яму. Через несколько дней прибыл и сам Шамиль, спеша на помощь Чечне и семейству своему, полагая их все еще в опасности. Не застав русских, он начал показывать как бы неудовольствие за то, что отвлекали его от казикумухских дел, где, как он говорил, став в тылу русских, лишил бы их всякой возможности получать подвозы и хотел выморить голодом; но скоро досада его прошла и он чрезвычайно ласково принял наибов Шуембу и Улу-Бея, которым за храбрость и мужественное отражение русских в кровавом ичкеринском деле, подарил два наших знамени, доставшихся ему в Казикумухе от жены Аслан-Хана, которому пожалованы они были графом Паскевичем-Эриванским, за удержание спокойствия во всем Дагестане во время персидской войны».

Хроника Мухаммеда-Тахира ал-Карахи. О дагестанских войнах в период Шамиля.

Глава о набегах на Кучулик (с. 144–147).

«Когда имам вышел для оказания помощи (наибу Гази-Гумука) и направил туда войска, то проклятый граф, начальник неверных, с многочисленным войском и обильным снаряжением отправился к семье имама в Дарго. Он шел со стороны Кучулика между двумя вилайетами храбреца Шуайба и Улубия, наиба Ауха.

В это время известный храбрец шейх Мирза ад-Дилими направился к наибу Улубию и нашел его со склоненными рогами и опечаленного. Его привели в замешательство дела своей семьи и ее охрана. Затем шейх Мирза направился к Шуайбу. Его он нашел подобным льву, приготовившемуся к прыжку. Он уже строил завалы поперек дороги, по которой

направлялись русские, и решил преградить ее. Шейх Мирза спросил его: “Ну, как ты себя чувствуешь?” – “Я имею твердое намерение оказать сопротивление и не поворачивать вспять перед врагом”, – ответил Шуайб. “А как твои войска?” – спросил Мирза. “Так, как им надлежит быть, – ответил Шуайб. – Русские пройдут здесь только тогда, когда убьют меня, выпустят по капле мою кровь и растопчут мой труп ногами”.

Затем шейх Мирза вернулся к Уллубию, ободрил его и помог собраться с силами. Шуайб, да помилует его Аллах Всевышний, тайно приказал семье и домочадцам имама переселиться в Андию и забрать с собой туда все пожитки и их имущество и не оставлять в Дарго ничего, даже ломаной ложки. Он приказал также сжечь дома семьи имама в Дарго, если туда приблизятся русские. А публично он во всеуслышание заявил: “Пока я жив, русские не приблизятся к Дарго”. Затем, когда проклятый начальник двинулся со своими дьявольскими войсками, его удерживал бывший с русскими Хасиль Муса ал-Яхсави. Он говорил ему следующее: “Истинно, в лесах Чечни – львы-наездники. А в вилайетах имама – самые отчаянные храбрецы. Так не ходи же к ним для того, чтобы отдать им одежды солдат и побросать трупы для собак и волков”. Но он не обратил на это внимания и разговаривал с Хасиль Мусой с присущей ему гордостью и надменностью. Русские выступили с их тщеславием и кичливостью.

В течение первого дня они не встретили никого, кто предстал бы перед ними с оружием. Тогда этот начальник, издеваясь над Хасиль Мусой, спросил его: “Где же те львы и герои?” – “Подожди до завтра”. – отвечал Хасиль Муса.

На третий день, когда войска графа только что собрались выступить, против них развернули военные действия и спереди, и сзади, и справа, и слева войска упомянутых наибов, андальцы и Сухайб, заместитель Джавад-хана. Сам Джавад-хан был ранен до этого в одной битве и вскоре умер от полученной раны, да помилует его Аллах Всевышний.

Джавад-хан, будучи ранен, кусал свои пальцы от сожаления, что он не мог подняться для этой битвы.

С ними (войсками русских) сражались, их убивали и забирали в плен. Когда те приблизились к Бальгиту и Гудару, русские обратились в беспорядочное бегство. Убивали и множество косили их так, что бывало отделят их отряд отступающих, напав на них спереди и окружив их, избивают до тех пор, пока полностью не уничтожат. И так продолжалось и продолжалось».

Поход в Кабарду

Не имея сил самим восстать против царской администрации, кабардинцы неоднократно приглашали к себе имама, обещая присоединиться к нему с 5 тысячами всадников и поднять соседнее с ними племя абадзехов, которое поставит Шамилю до 3 тысяч всадников. «Если бы это действительно случилось, то Шамиль мог бы располагать тогда двадцатитысячным отрядом и с этой силой завладел бы военно-грузинской дорогой, прекратил бы сообщение с Тифлисом и по терской линии и разрушил бы наши укрепления в Чечне. Наконец, все мирные горцы взяли бы за оружие и отложились от нас. Этого было бы весьма достаточно, чтобы нанести на долгое время, так сказать, чувствительную рану и в несколько дней разрушить наши многолетние труды», – писал офицер Куринского полка Николай Горчаков.

В ответ на предложения кабардинцев Шамиль со своей стороны дал торжественное обещание снести все укрепления и военные поселения (станции) по Тереку и впадающим в него рекам.

В первых числах апреля 1846 года за Кубань начали проникать слухи о намерении Шамиля вторгнуться в районы, находящиеся под контролем царской администрации. Еще ранней весной здесь собирались для тайных совещаний приверженцы Шамиля. 12 апреля абадзехи получили от имама письмо, в котором он укорял закубанские народы в намерении вступить в подданство России и обещал или сам прибыть к ним, или прислать доверенное лицо «с вооруженной силой».

9 апреля начальник левого фланга генерал-лейтенант Фрейтаг получил сведения, что Шамиль отдал приказание всем горским народам северного и южного Дагестана быть готовыми к выступлению в поход. Такой же приказ был послан и чеченским наибам, которые должны были по прибытии Шамиля или его доверенного лица в плоскостную Чечню присоединиться к дагестанским военным отрядам.

В одном из писем, доставленных лазутчиком к Фрейтагу в Грозный, говорилось: «От эмира всех мусульманских народов и султана тех, кто признает единого Бога, братьям моим Бате (качкалыковский наиб. – Д. Х.) и Талгику (наиб Большой Чечни – Д. Х.). Да хранит вас Всемогущий Бог от неверных и злонамеренных козней. Я приказал

всем наибам собрать вверенные им части войск в будущую субботу (13 апреля) прежде полудня. То же самое должны будете исполнить и вы. Шали я назначу сборным пунктом, куда и сам прибуду с несколькими орудиями в означенное время. Орудия я хочу поставить возле самой неприятельской дороги. Прошу хранить это в тайне от жителей».

С письма была снята копия, а подлинник возвращен лазутчику, который, получив свои несколько сребреников, отправился по назначению. Тотчас было дано знать начальникам всех частей и велено принять меры предосторожности, были созваны резервы.

Но произошло то, что никому из царского командования и в голову не могло прийти. Никто так и не понял значения слов «неприятельская дорога».

Противоречивые слухи о направлении удара войск Шамиля то на шамхальство и Кумыкскую плоскость, то на весь левый фланг, то на Военно-Грузинскую дорогу, Владикавказ и Назрань сбивали царское командование с толку.

10 апреля были получены новые сведения о том, что Данил-бек с андалальцами и Лабазан с андийцами прибыли в новую резиденцию имама – Ведено; Джемал эд-Дин с кавалерией выступил к Шали, а Нур-Али-мулла с пехотой двинулся Шаро-Аргунским ущельем к Шатою.

Тревога охватила Владикавказский военный округ. И для нее имелись серьезные основания. 14 апреля были получены сведения о сборе в аккинском обществе отряда, который, по мнению лазутчиков, намеревался через село Цори проникнуть в галгаевское общество и затем в Джейрахское ущелье.

15 апреля вечером сильный чечено-дагестанский отряд под руководством наиба Чеберлоя и Шубута (Шатой) Нур-Али-моллы вступил в село Гуль аккинского общества горной Чечни и двинулся к селу Цори с намерением поднять против русских галгаевское и джейрахо-мецхальское общества и, прорвавшись через Джейрахское ущелье, занять Военно-Грузинскую дорогу.

Старшины, явившиеся к царским местникам в село Пемат с этим известием и с просьбой о помощи от имени цоринского и галгаевского обществ, говорили, что никогда прежде в горах не было таких сборов. Но царскому командованию было не до помощи горным ингушам. 15 апреля начальник Владикавказского округа генерал Нестеров спешно сосредоточил все вверенные ему войска на передовой линии

Владикавказского округа – в крепости Назрань. Был приостановлен также вывод войск 5-го пехотного корпуса в Россию, что сыграло немаловажное значение в последующих событиях.

12 апреля начальник левого фланга генерал-лейтенант Фрейтаг узнал, что в Шали находится сам Шамиль. 13-го числа вся чеченская кавалерия начала стягиваться к Шалинской поляне. В предгорных аулах Большой Чечни и у реки Мичик сосредотачивалась пехота горцев. Вечером весь отряд Шамиля переправился через Аргун и подошел к гойтинскому лесу.

15 апреля утром Шамиль стоял на реке Фортанге, недалеко от Ачхоевской поляны. В 2 часа дня Шамиль выступил с Фортанги и, повернув на запад, стал подходить кASSE, где в это время у северного края Военно-Грузинской дороги маневрировал Нур-Али. Сделав ложный маневр, с наступлением темноты Шамиль неожиданно вернулся на прежнюю позицию и ночью все войско двинул вверх по Сунже, к одному из ее правых притоков – Яндырке.

Ночью под прикрытием конницы Шамиль скрытно переправил через Сунжу пехоту с артиллерией, а затем и кавалерию, которая все время шла в арьергарде, чтобы затаптывать следы от пушек. Получив о передвижениях Шамиля противоречивые сведения, Фрейтаг из Казах-Кичу двинулся вслед за имамом.

Группировка же генерала Нестерова была скована маневрами Нур-Али и дезинформацией, что часть отряда Шамиля в 5 тысяч человек идет к Владикавказу.

16 апреля 10-тысячный отряд Шамиля двинулся мимо Константиновского укрепления к реке Курп в Малую Кабарду. Переночевав на этой реке у Ахлова-аула, Шамиль послал наибов Саадолу и Атабая поднять на восстание жителей Малой Кабарды, а сам двинулся к Большой Кабарде.

С имамом было шесть чеченских наибов: Атабай, Саадола, Дуба, Талхиг, Бота, Гойтемир Ауховский; дагестанцы: андийский наиб Лабазан, аварский Хаджи-Мурат, койсубулинский Ибрагим-хаджи, андалальский Муртузали – брат Кибит-Магомы Тилитлинского. Кроме того, к нему прибыли ополчения с Аварского Койсу, из Гидатля и Ахваха. Под личным предводительством Шамиля находилась вся кавалерия, а из пехоты он оставил при себе только тысячу человек. Из артиллерии, которой командовал наиб Яхья-хаджи Казикумухский, он

взял с собой 7 (по другим данным – 8) полевых орудий на упряжках из сильных, отборных лошадей, по восемь при каждом орудии, 16 зарядных ящиков и 40 вьюков с запасными снарядами. За ним следовало до 60 вьюков с казной и лично ему принадлежавшим имуществом; съестные запасы перевозились также на вьюках, по одному на каждые 7 человек. Порядок шествия отличался некоторою торжественностью: впереди ехали дагестанские наибы с кавалерией, за ними Шамиль, окруженный сотней приближенных телохранителей с винтовками на плечах, за Шамилем артиллерия и обоз под прикрытием тысячи человек пехоты; шествие замыкали чеченские наибы с кавалерией.

«В отряде Шамиля находились лучшие представители, джигиты, цвет фамилий Чечни, Андии, Салатавии, вообще нагорного и северного Дагестана», – писал Н. Горчаков.

Никогда имама не видели таким приветливым и веселым. Он строго запретил грабить и прибегать к насилиям и говорил: «Я никого не буду принуждать; они сами последуют тому, что будет угодно Богу». Со всеми встречавшимися по дороге он обходился ласково, а одного казака, попавшего в плен, приказал немедленно отпустить и нитки не позволил тронуть на нем.

О настоящей цели похода Шамиля никто из его приближенных ничего не знал до последней минуты. Он говорил своим наiban, что если его поход в Кабарду увенчается успехом, то двинется на запад, за Кубань, где его с нетерпением ожидают абадзехи и выселившиеся кабардинцы; к абадзехам, главному племени, пристанут шапсуги, натухайцы и все другие племена, населяющие береговую полосу.

Наконец-то сбывались давние мечты Шамиля об освобождении Кавказа от чужеземного ига!

Чеченская кавалерия Саадолы, Дубы и Атабая поднимала восстание в аулах Малой Кабарды и одновременно совершала маневр вниз по Тереку, отвлекая царские войска от главного отряда имама и дезинформируя Фрейтага: якобы Шамиль повернул обратно. Разительно изменились казалось бы навечно покоренные кабардинцы: «Со стороны неприятеля не приходилось ему (Фрейтагу. – Д. Х.) воспользоваться ни одним лазутчиком. Так неподатливо держали себя на этот раз горцы», – вспоминал Горчаков.

Вся Малая Кабарда, молниеносно вспыхнув, восстала и присоединилась к Шамилю. Царские офицеры из малокабардинцев в панике бежали с имуществом и семьями в леса, Большую Кабарду и за Терек, в станицы. Часть жителей аула Бековичи бежала за Терек, в Моздок, бросив и предав пламени свое селение. 17 апреля заняв Бековичи, против Моздока стоял Хаджи-Мурат со своим отрядом.

Восставшие жители Малой Кабарды, предав пламени свои селения, под прикрытием наиба Саадолы последовали за Шамилем в Большую Кабарду. С имуществом и семьями, на 500 арбах, они потянулись в леса.

В это же время (17–20 апреля) Данил-бек, оставшийся в Имамате, по заданию Шамиля объявил сбор ополчения и начал распускать ложные слухи о готовящемся вторжении в Тарковское шамхальство и на Кумыкскую плоскость. «Восстание в Кабарде могло распространиться на кумыкское владение, жители которого, как и всех вообще мусульманских провинций, не отличались непоколебимой преданностью русскому престолу и очень легко могли увлечься примером соседних народов», – писал царский офицер.

Собранные Данил-беком отряды двинулись к центру Кавказской линии, и в Дагестане на некоторое время воцарилось спокойствие.

17 апреля на рассвете Шамиль переправился через Терек ниже Татартупского минарета, возвестив орудийным салютом о вступлении в Большую Кабарду. На левом берегу к нему навстречу выехали князья и уздени Большой Кабарды, которых он благословил и одарил оправленными в серебро шашками и кинжалами.

18 апреля утром началась переправа через Терек бежавших из Малой Кабарды жителей. В 6 верстах от аула Эльхотово (напротив Змейской станицы) по всем направлениям тянулись арбы и скакали всадники. Терек был буквально запружен обозами беженцев, рогатым скотом и лошадьми.

К 10 часам утра к реке подошел отряд генерал-лейтенанта Фрейтага. Заметив приближение противника, Шамиль, наблюдавший за переправой, тотчас же направился к более удобной позиции – минарету и недалеко от него, на голом склоне хребта занял господствующую позицию, с которой ему была видна вся кабардинская плоскость.

За переправой малокабардинцев были оставлены наблюдать несколько мюридов. Ровно в 10 часов к переправе на соединение с

главными силами прибыли наибы Саадола, Дуба и Атабай. Батарея Фрейтага открыла огонь из 10 орудий. Чеченцы, не обращая внимания на пушечную пальбу, переправлялись через Терек. Саадола со своими всадниками прикрывал переправу. Дождавшись, когда чеченцы переправились, Фрейтаг начал атаковать мирных беженцев из Малой Кабарды. Отбросив прикрытие Саадолы к Тереку, два куринских батальона под командованием полковника Меллера-Закомельского и кавалерия подполковника Слепцова отрезали часть кабардинских семейств и их имущество. В руки к русским, по их многократно преувеличенным данным, попали более 500 арб, нагруженных разным имуществом, 2500 голов крупного рогатого скота и 50 малокабардинцев (10 семейств) обоего пола и разного возраста. Но так как все они были жители Малой Кабарды (подчиненной царской администрации), их тут же отпустили, предоставив возможность укрыться в лесах.

Успевшие переправиться горцы остановились на левой стороне Терека у опушки леса, а русские укрепились на правой. Не посмев переправиться через Терек на виду у горцев, Фрейтаг со своим отрядом ушел вверх по Тереку, став против позиции горцев. (В донесении в свое оправдание он написал, что сделал это для того, чтобы не пропустить Шамиля обратно за Терек.) Здесь Фрейтаг получил известие о поражении и отступлении отряда полковника Левковича после боя у минарета.

Как оказалось, полковник Левкович, услышав канонаду на переправе через Терек, с 2 батальонами (1590 штыков), 2 сотнями казаков и 2 орудиями двинулся по Военно-Грузинской дороге на шум выстрелов к минаретскому ущелью. Подходя к Урухской (Змейской) станице, он увидел впереди зарево двух пожаров – это пылали змейский и минаретский посты, сожженные горцами. Миновав минаретский пост, Левкович занял позицию вправо от аула Хату Анзорова, откуда увидел горцев, расположившихся на высотах и прикрывавших переправу через Терек. Левкович двинулся к Тереку, от которого он был уже на пушечный выстрел.

Для Шамиля складывалась неприятная ситуация: он оказался между двух огней.

Увидев с минаретских высот приближающегося неприятеля, Шамиль бросил в наступление 3-тысячную кавалерию с 3 орудиями (позднее Левкович оправдывал свое поражение тем, что его атаковала

якобы 5-тысячная кавалерия). Завязался ожесточенный бой, длившийся несколько часов, то ослабевая, то усиливаясь, но не прекращаясь ни на минуту. Горцы несколько раз бросались в шашки и подвозили свои орудия на картечный выстрел. Отряд Левковича, выстроившись в каре, мужественно оборонялся, но был отброшен сначала на прежнюю позицию, в 4 верстах от Урухской станицы, а затем и к самой станице. Отряд понес большие потери: 159 убитых, раненых и контуженных солдат и офицеров. Сам Левкович был ранен ядром в левую ногу. Движение колонны Меллера-Закомельского, посланного Фрейтагом на помощь Левковичу, спасло его отряд от полного уничтожения. Увидев со своей высоты приближение колонны Меллера, Шамиль послал вестовых для отзыва своей кавалерии, атакующей Левковича.

Из своего лагеря Фрейтаг послал нарочных к генералу Нестерову с просьбой прислать войска.

Ночью имам, не дожидаясь, пока царское командование стянет войска, быстро снялся с позиции у Татартупского минарета и двинулся на запад.

Нестеров же был прикован к Сунже и назрановским аулам ожидаемым нападением Нур-Али, который до 20 апреля стоял у верховьев реки Ассы, между селениями Исмаиловым и Хайрахом, около храма Тхаба-ерды. У галгаевцев и цоринцев Нур-Али взял аманатов и старался поднять восстание в ближнекистинском (русские источники называли мецхальское общество ближними кистинами в отличие от дальних кистин – чеченцев, проживавших по Чанты-Аргуну) обществе аулов Джейрахского ущелья. По предположениям царского командования, 2-тысячный отряд Нур-Али-муллы, преувеличенный паническими слухами до 8 тысяч, под командованием 9 наибов собирался выступить к Пемату, где стоял на позиции ларсский наблюдательный отряд, и из Пемата на Военно-Грузинскую дорогу. Нур-Али полностью сковал не только назрановскую группировку генерала Нестерова, но и силы генерал-лейтенанта Гурко, возглавившего Владикавказский гарнизон и отряды, защищавшие верхнюю Военно-Грузинскую дорогу. Царские генералы непрерывно посылали гонцов в Тифлис с требованием срочной присылки войск.

Между тем покорные царской администрации общества Владикавказского округа и расположенные вдоль Военно-Грузинской дороги продолжали волноваться, и слухи о намерении их

присоединиться к Шамилю каждодневно подтверждались. Джейраховцы тайно дали согласие стать на сторону Нур-Али-муллы, когда он с войсками займет их ущелье и изгонит царских солдат. Агитаторы Шамиля призывали к восстанию также осетин и назрановских ингушей. Но из осетин к воззваниям прислушивались только тагаурцы и дигорцы; осетинские же аулы от Владикавказа до минаретского поста были брошены, жители их с семьями, имуществом и стадами укрылись в ближайших горах; остались только способные носить оружие. На сторону Шамиля перешел тагаурский алдар Кази-Магомед Дударов, живший со своим аулом в Малой Кабарде.

Покинуты были также ингушские селения по Камбилеевке и правому берегу Терека: жители удалились в лесистые горы между Константиновским укреплением и долиной реки Назранки. «Что же касается назрановского племени, – писал царский офицер, – то оно доказало на деле свою непоколебимую преданность русскому правительству: милиция выставлялась им по первому требованию; они же служили проводниками, нарочными и курьерами как в отряде генерала Фрейтага, так и в назрановском (генерала Нестерова. – Д. Х.)».

Неожиданное появление войск Шамиля в Кабарде вызвало у царского военного командования огромный переполох и панику. «Тревога, – писал А. Зиссерман, – распространилась от Среднего Егорлыка на границе Донской области далеко за Тифлис. Военногрузинская дорога – этот жизненный нерв Кавказа, особенно в тогдашнее время, очутилась в блокаде и крайней опасности; в случае поголовного восстания всей Кабарды и населения окрестностей Владикавказа, воображению рисовалась ужасная картина истребления всех станиц, военных поселений, постов, почтовых станций; еще хуже – Пятигорска со всеми его заведениями минеральных вод!.. Понятно, с какой лихорадочной торопливостью принимались меры, двигались войска, стягиваемые со всех концов. Шамиль так ловко замаскировал свое движение, что много времени было потеряно, пока колонны наши попали в надлежащее направление. Зная, что у него большие силы, слухами преувеличенные на 50%, старались сосредотачивать колонны в несколько батальонов, чтобы малой части не подвергнуться поражению, что требовало опять много времени, отчасти начальство растерялось, и кончилось тем, что невзирая на отличную

распорядительность и энергию генерала Фрейтага, Шамиль имел только две встречи с русскими войсками».

Движение Шамиля в Кабарду генерал Нестеров считал тем более опасным, что оно было предпринято с ведома и по приглашению самих жителей; с восстанием же Кабарды сообщения могли быть прерваны и подвоз продовольствия для передовых войск мог прекратиться. «Таким образом, – писал военный историк, – действия Шамиля носили характер стратегической важности».

Армия Шамиля слухами была преувеличена до 20 и даже 25 тысяч человек пеших и конных.

19 апреля на рассвете посланный на рекогносцировку к минарету подполковник Слепцов прислал двух назрановских милиционеров сказать Фрейтагу, что Шамиля у минарета нет, а в его лагере осталось более тысячи чугунных котлов, запасы муки и проса и множество других предметов. У Фрейтага тут же возникло желание похвалиться победной реляцией, что Шамиль бежал от него обратно в Чечню, – но померкло перед хвастливым донесением Слепцова, что Шамиль «бежал с позиции» в глубь Большой Кабарды, а сам Слепцов «преследует» его, двигаясь по направлению к аулу Мухаммеда-Мирзы Анзорова. Шамиль же, не зная о грандиозных бумажных победах царских военачальников, неуклонно шел вперед к верховьям Уруха; на ночлег он остановился в одном из аулов в доме местного эфенди.

...Начальник центра Кавказской линии князь Голицын сидел за обеденным столом, когда к нему вбежал ординарец, весь бледный, и заикаясь проговорил: «Ваше сиятельство, Шамиль в Кабарде!» Неосторожный ординарец своим известием едва не лишил русскую армию одного из генералов: у подавившегося куском генерала ложка выпала из рук и он не мог слова произнести, оставаясь несколько минут в каком-то оцепенении.

...В тот же вечер имам отправил трех человек в Георгиевск для переговоров с крещеными кабардинцами, которые имели намерение присоединиться к Шамилю, а нарочных во главе с наибом Сулейманом-муллой послал за Кубань к черкесским племенам, по предварительной договоренности ожидавшим его прибытия и готовых исполнить все его требования. Сулейману было поручено сообщить абадзехам, что скоро к ним на помощь придут большие силы.

...Начальник центра Кавказской линии генерал Голицын в панике заперся в крепости Нальчик. Сохранившие же присутствие духа несколько генералов стягивали войска к Нальчику, а в Тифлис к М. С. Воронцову полетела отчаянная мольба о скорейшем направлении войск из Закавказья.

Секретарь Шамиля Мухаммед-Тахир писал о пребывании шариатского войска в Кабарде: «Имам думал сделать здесь остановку на некоторое время для того, чтобы испытать хваленые качества черкесов. Но когда он нашел их землю гладкой и ровной, на которой не видно ни лесов, в которых можно было бы укрыться черкесам, ни ущелий, в которых можно было бы их поселить, то пропало его стремление и он пожалел о своем приходе. Он расположился на равнине Кабарды. Черкесы посылали к нему посольство за посольством. Свои семьи они поселили в леса. Имам назначил над ними наибов из их же среды».

В Кабарде на месте не оставалось не только ни одного аула, но даже ни одного человека. «Хотя они на каждом шагу выражали к нам свою ненависть, но в этот момент не смели ни отложиться, ни открыто перейти в противный лагерь; они разбрелись по горам и ожидали, на чьей стороне будет перевес», – вспоминал Н. Горчаков.

Фактически к 20 апреля русские владели только укреплениями и станицами по нижней Военно-Грузинской дороге. Между Владикавказом и Екатериноградом сообщения были прерваны. Казачьи посты выставлялись только днем, а на ночь снимались. Власть царской администрации в Кабарде висела на волоске.

20 апреля Нур-Али, снявшись с позиции у храма Тхаба-ерды в верховьях реки Ассы, сделал обманное движение, направив два отряда к реке Тарку и Джейрахскому ущелью.

«Только скорое и решительное поражение главных сил Шамиля может удержать кабардинцев и восстановить прежнее положение дел, в противном случае нельзя ручаться не только за Кабарду, но и за преданность других ныне нам покорных племен. Волнение умов в Кабарде уже оказывает свое влияние на смежные с оной племена осетинские и даже более отдаленные племена назрановские», – волновался в своем донесении Нестеров. Не доверяя назрановским ингушам, Нестеров приказал войскам быстро согнать всех жителей, не

исключая женщин и детей, под стены Назрановского укрепления, чтобы не позволить им присоединиться к Шамилю.

Генерал-лейтенант Гурко, бывший во Владикавказе, взял в свои руки общее командование и принялся за обеспечение Военно-Грузинской дороги. Но 20 апреля Нур-Али совершенно неожиданно для царского командования изменил направление и вместо того, чтобы прорываться через Джейрахское ущелье на Военно-Грузинскую дорогу, пошел в Тарскую долину, к верховьям Камбилеевки, где стал 21 апреля лагерем, угрожая Военно-Грузинской дороге в районе Балты и Реданта. В полдень 22 апреля Нур-Али также неожиданно покинул эту позицию и двинулся горами в Малую Чечню. На Ассе, близ Алкуна, он остановился, подвергнув разорению несколько селений покорных русским обществ, предав огню Цори-юрт и взяв аманатов от галгаевского племени. Нур-Али-мулла ушел в Малую Чечню, и в окрестностях верхней Военно-Грузинской дороги водворилось полное спокойствие. Задание имама, возложенное на Нур-Али, было выполнено. «Туча, висевшая над этим прелестным уголком Кавказа, пронеслась мимо!» – с облегчением писал царский офицер.

20 апреля Шамиль перешел в Черекское ущелье, остановившись в 6 верстах от речки, в ауле князя Казиева. Он постоянно менял позиции и не задерживался нигде более суток, чтобы не дать царским войскам обнаружить себя и сосредоточиться в одном месте.

23 апреля на рассвете Шамиль, снявшись с позиции на Урухе, перешел на высоту между речками Лезген и Суким. Утром к бывшему Урванскому укреплению с целью дезинформации царского командования и захвата обоза с продовольствием для отряда Фрейтага был выслан отряд кавалерии, который расположился лагерем на дороге между Нальчиком и Черекским укреплением. При приближении отряда генерала Фрейтага, не вступая в бой, горцы стали уходить в Черекское ущелье. У входа в ущелье произошла небольшая перестрелка горцев с кавалерией под командованием подполковников Слепцова и Суслова, в которой четыре казака были ранены. Вечером того же дня была перестрелка между моздокскими казаками, охранявшими левый берег Терека, и эвакуировавшимися в горы кабардинцами. Казаки отбили у беженцев скот и двух пастухов забрали в плен.

В тот же день, 23 апреля, Шамиль послал к старшему князю Большой Кабарды подполковнику Атажукину письмо: «От эмира всех

мусульманских народов Шамиля к братьям моим Хаджи-Мисоусту Атажукину и прочим узденям. Желаю вам полного благополучия. Уведомляю вас, что я с моим войском, всегда хранимым Богом, прибыл на реку Суким-су, имея у себя несколько пушек и достаточно пороха. Прибыл я на помощь тем, кто признает слово единого Бога, к вам, мои единоверцы, и на погибель неверных и тех из мусульман, которые пристанут к русским. Если вы любите Бога и желаете быть счастливыми в этом мире и в будущем, вы должны как можно скорее прибыть ко мне для совещаний об общей нашей пользе, или же написать, что вы найдете для себя полезным. Подумайте о будущем и знайте, что я не приму от вас никаких оправданий».

Но Атажукин так и не присоединился к Шамилю, сразу же отдав письмо царским властям. Другие кабардинские князья и уздени также не торопились выполнять данные ранее Шамилю обещания. Лишь род Анзоровых и ряд других князей, узденей и мулл с самого начала открыто приняли участие в восстании. Большинство же кабардинцев хотя и перестали подчиняться царской администрации, но еще не решались открыто поднять оружие против царских войск. Некоторые, вздыхая по прошедшим битвам и своей молодости, сказали имаму, что он опоздал. Другие же говорили Шамилю: «Сдержи ты свое слово, тогда и мы сдержим свое». На это Шамиль ответил: «Дайте мне прежде с каждого дома по одному всаднику, и тогда увидите – останется ли хоть один русский (солдат – Д. Х.) в целой Кабарде».

Между тем жители аулов по рекам Чегем, Баксан и Малка, видя, что Шамиль не трогается с места и что царские отряды находятся в непрерывных передвижениях между ними и его войском, не смели открыто перейти на ту или другую сторону. Не отрываясь от полевых работ, они ожидали развязки разыгрывающейся драмы. Народный эфенди Кабарды Хаджи-Умар Шеретлуков, подпольно принимавший деятельное участие в подготовке восстания, послал к старшему князю Большой Кабарды подполковнику Хаджи-Мисосту Атажукину свое доверенное лицо, уговаривая принять участие в восстании и присоединиться к Шамилю. Согласие старшего князя могло решительно повлиять на последующие события, но подполковник Атажукин отказался от предложения кадия. После отказа Атажукина Хаджи-Умар Шеретлуков понял, что проиграл, и поспешил через своего сына передать начальнику центра Кавказской линии, что якобы

Шамиль, приставив к его груди кинжал, требовал, чтобы он отрекся от русских, и что будто бы он, Шеретлуков, как милости просил у Шамиля позволения «не быть ни на той, ни на другой стороне». Однако вечером того же дня князь Голицын виделся с подполковником Атажукиным, который выдал истинные намерения народного кадия Большой Кабарды.

24 апреля к Владикавказу стали подходить русские войска из Грузии. Время для поднятия всеобщего восстания было упущено.

В этот же день из-за Кубани к Шамилю возвратились лица, которых имам отрядил к абадзехам, призывая их выполнить обещание. Основную массу абадзехов поход Шамиля застал врасплох. Незадолго до прибытия Шамиля абадзехи, у которых был трехлетний неурожай, попросили начальника правого фланга генерала Завадовского наделить их землей для посевов по правому берегу Кубани. Они вынуждены были принять условия, по которым должны были выдать заложников из лучших фамилий за то, что им на три года давали землю. Когда Шамиль прибыл в Кабарду, абадзехи не решились пристать на его сторону, потому что земля им была уже отведена и хлеб взошел. Кроме того, Завадовский сосредоточил большие военные силы на линии. Посланцы Шамиля вернулись с отказом абадзехов немедленно выступить со своими отрядами на соединение с Шамилем. Но пребывание войска Шамиля в Кабарде не могло оставить абадзехов и других закубанских черкесов безучастными.

Начавшиеся волнения за Кубанью грозили перерасти в открытые военные действия черкесов против царских войск, но ждать имам уже не мог. После известий из-за Кубани, затаив гнев на Сулеймана-муллу за его неудачу среди абадзехов, Шамиль принял окончательное решение о возвращении в Чечню. 25 апреля, после утренней молитвы Шамиль сообщил наибам о своем решении.

Единомышленник Шамиля народный кадий Кабарды Хаджи-Умар Шеретлуков, глубоко переживая настоящее и будущее положение своей Родины, но трезвым рассудком осознавая, что войско Шамиля, так и не получив в эти дни военной поддержки от закубанцев и кабардинцев, может попасть в окружение царских войск, послал своего доверенного человека в лагерь имама. Тот привел в подарок Шамилю превосходную лошадь и посоветовал ему в интересах дела вернуться обратно. Имам не показал вида, что он принимает его совет, и только после отъезда

посланца Хаджи-Умара отдал распоряжение о приготовлении к походу. 25 апреля русской разведкой не было замечено на позиции горцев обычного движения и суеты, точно лагерь Шамиля вдруг опустел. К вечеру, оставив шалаши и палатки на своих местах, войско Шамиля спустилось в глубокую лощину, где и притаилось, ожидая темноты. С наступлением ночи отряд Шамиля двинулся к Тереку. По дороге Шамиль послал к Умару Шеретлукову гонца сообщить ему о своем уходе.

25 апреля в 5 часов утра отряд полковника Меллера-Закомельского, занимавший неприступную позицию у Татартупского минарета (с которой 18 апреля Шамиль нанес поражение отряду полковника Левковича), увидел многочисленное войско, приближающееся от укрепления Черек в правильном боевом порядке, с авангардом и арьергардом, с боковыми цепями. Барон Меллер выслал разведку. Николай Горчаков вспоминал: «Предполагая видеть перед собой отряд генерала Фрейтага – так как нам и в голову не приходило, чтобы неприятель мог обставить себя такими правильными построениями – мы были крайне удивлены, когда услышали перестрелку. Это разъяснило нам, что предстоит дело не с Фрейтагом». У Меллера-Закомельского было три батальона пехоты (около 2,5 тысячи штыков), 6 орудий и 500 казаков. Находя свою позицию невыгодной для боя, Меллер оставил ее и двинулся навстречу Шамилю.

Горцы остановились в недоумении от неожиданной встречи. Шамиль, увидев на Татартупе русские войска, несколько растерялся, так как, имея от разведки сведения о перемещениях царских войск в Кабарде, не ожидал встретить русских на обратном пути, особенно на переправе. Не оставалось сомнения, что царские войска подходят со всех сторон, и каждую минуту можно было ожидать прибытия новых сил, а переправа через Терек под огнем противника представляла огромные трудности. Имам быстро созвал к себе всех наибов и высказал им свои опасения. Наибы признали положение действительно критическим, но решили, что лучший выход – идти напролом, не теряя времени, пока их не окружили совсем. (Шамиль и наибы не знали, что генерал-лейтенант Фрейтаг с главным отрядом был введен в заблуждение ложным известием, будто Шамиль небольшим отрядом предпринял диверсию в сторону Терека, чтобы отвлечь главный отряд

русских, а сам имам якобы шел на Баксан возмутить остальную Кабарду.)

В седьмом часу утра кавалерия Шамиля начала продвигаться к опушке леса, быстрым маневром по направлению к горам обходя укрепления русских. Фронтом выстроенные русские орудия прижали было горцев к лесу, но они заняли высоту, под прикрытием которой начали переправлять свои войска. Ввиду очевидной опасности и возможной гибели, каждый воин Шамиля решился на отчаянную битву и в знак готовности умереть в газавате распустил концы чалмы. Сомкнув теснее свои ряды и читая нараспев предсмертную молитву «Ясин», без единого выстрела горцы двинулись к переправе. К удивлению их, русский отряд не только не перерезал им дорогу, но остался на своей позиции в стороне и ограничился артиллерийским огнем. Меллер был испуган таким количеством людей, готовых на смертельную битву, и не посмел атаковать войско Шамиля. «Стрелять чаще!» – кричал Меллер артиллеристам, и когда получил ответ, что на орудие остается только 9 снарядов, тотчас же перешел в отступление по направлению к Урухской станице отдельными эшелонами, по одному батальону и два орудия в каждом.

Увидев отступление отряда Меллера, горцы под командованием Хаджи-Мурата и других наибов принялись вплотную преследовать его. Выдвинув вперед свои орудия, горцы картечью провожали Меллера-Закомельского версты четыре до моста на большой дороге. Когда отряд Меллера перешел через мост, чеченцы повернули своих лошадей и поскакали к переправе. Их артиллерия была уже на другом берегу и прикрывала переправу. Через некоторое время, получив подкрепление в 360 казаков и присоединив к ним своих 500 казаков с 2 орудиями, Меллер послал их вдогонку чеченцам, а затем последовал и сам вместе с пехотой. «Но было поздно, – писал очевидец. – Хотя казаки нагнали хвост арьергарда, но не могли принести горцам никакого вреда». Меллеру, понесшему урон в 24 убитых, раненых и контуженных, оставалось в свое оправдание только сочинять победную реляцию о «сильном поражении» Шамиля при переправе с фантастическими потерями.

Переправившись почти без потерь через реку, горцы отошли от берега версты три и на глазах у отряда Меллера расположились отдыхать. Меллер не посмел атаковать, заняв свою прежнюю позицию.

«Здесь к имаму пришел наиб Бута (Бота Шамурзаев. – Д. Х.), – писал Мухаммед-Тахир, – и сказал: “А разве ты не видишь этих [врагов]?”

В это время русские войска уже приблизились к их тылу. Имам его спросил: “Что мы будем сейчас делать?” – “Я думаю, – ответил Бута, – что нужно поторопить конницу в поход, а пехоту спрятать вот в этом лесу”. Имам отверг его мнение и сказал: “Мы не бросим отставших и не оставим ослабевших, но пойдем сомкнутыми рядами. Того же, кто пойдет вслед за нами, будем бить и давать отпор. На тех же, кто нападет на нас спереди, будем наступать сами и заставим отступить”».

Отдохнув часа три, горцы двинулись далее. Тогда только поднялся и Меллер, переправился через Терек и стал двигаться за ними издали, опасаясь нападения, «без боя, в боязни и страхе».

В полдень к Фрейтагу, стоявшему у Черекского укрепления и слышавшему канонаду, прискакал нарочный с донесением от полковника Меллера-Закомельского, что Шамиль переправился через Терек у минарета, а сам Меллер «преследует» Шамиля «по пятам, не давая его остановиться». Это было похоже на иронию. Фрейтаг бросился вдогонку.

Шамиль, узнав, что генерал Нестеров идет ему наперерез к реке Ачалук, и видя, что Меллер не отстает от него, избрал путь на Самашки (к двум разоренным аулам Малой Чечни на левом берегу Сунжи). Имам без остановки прошел мимо упраздненного Константиновского укрепления, затем от реки Пседах мимо разоренного аула Магомет-юрта все 20 верст двигался по безводной местности до переправы на реке Сунже. У реки Пседах Меллер, не решившись идти далее за Шамилем, отстал и повернул на реку Ачалук, в 7 часов вечера он прибыл в Сунженскую станицу (современная Орджоникидзевская).

Шамиль после блестящего полуторасуточного перехода, одолев без привалов от самой переправы через Терек более 160 верст, утром 27 апреля показался на гребне Сунженского хребта, в 7 верстах от Казах-Кичу. Секретарь Шамиля писал: «Народ – и всадники, и пехота падали от одолевшего их сна, а к имаму не приходила даже и дремота из-за одолевающих его забот об ополченцах и слабых. Когда стал тяжел для них этот быстрый безостановочный поход, имам с товарищами направился на находившуюся поблизости вершину горы и оставался

там до тех пор, пока отставшие не догнали передних. Товарищи имама там спали, но к имаму не шел сон из-за одолевающих его забот.

Там мимо него проходил его наиб Халид (по-видимому, Талхиг. – Д. Х.). Имам спросил его: “О Халид, что ты сейчас больше всего хочешь?” – “Больше всего хочу спать”, – ответил Халид. – “А я больше всего хочу изношенную шубу” (т.е. заботы простого человека и завершённое дело. – Д. Х.), – ответил имам. Затем поднялись и пересекли реку».

Во вторую часть перехода от берегов Терека до Малой Чечни Шамиль не потерял ни одного человека. (Царским военачальникам для удовлетворения своего самолюбия оставалось только солгать о смерти от жажды во время 20-верстного перехода Шамиля до реки Сунжи 8 горцев.)

Спустившись с Сунженского хребта, Шамиль начал переправлять между Казах-Кичу и Закан-юртом свое войско, и прежде всего артиллерию. В 3 часа дня от генерала Нестерова к воинскому начальнику укрепления Казах-Кичу подполковнику Костырко подошел с 4 ротами (500 человек) и 3 сотнями казаков майор Розен с предписанием перерезать переправу Шамиля. Гарнизон Казах-Кичу состоял из 400 человек пехоты. Оставив в укреплении 150 человек, подполковник Костырко усилил колонну двумя ротами и, стараясь не торопиться, двинулся к переправе. Естественно, на левом берегу Сунжи «бесстрашный» Костырко застал только хвост войск Шамиля.

Поставив в ряд 4 орудия, он открыл огонь по арьергарду горцев. Наиб Яхья-хаджи отвечал ему метким огнем из своих пяти орудий, стоявших уже на позиции на правом берегу Сунжи. Костырко поспешил уйти из-под выстрелов вправо и, придвинув орудия к самой Сунже, начал стрелять по переправе. В свою очередь и начальник артиллерии Имамата Яхья-хаджи, чтобы лучше обеспечить безопасность переправы своего арьергарда, передвинул еще два орудия к Казах-Кичу и открыл огонь по форштадту. Операция увенчалась успехом: подполковник Костырко, проклиная в душе бестолковый приказ Нестерова и бросив переправу, поспешил назад в укрепление.

Переправа горцев продолжалась от 2 до 5 часов дня, после чего все войско потянулось к аулу Гехи. Расположившись на реке Гехи, в самом центре Малой Чечни, Шамиль тотчас же распустил чеченцев по домам,

а прибывшие из Дагестана отряды оставались в сборе в ауле Бача-юрт, недалеко от Гехи.

В тот же день, 27 апреля, начальник левого фланга генерал-лейтенант Фрейтаг со своим отрядом прибыл в Казах-Кичу, а 28 апреля вернулся в крепость Грозную, где получил сведения, что Шамиль готовится к новому походу. Говорили, что он имеет намерение двинуться к Старому Юрту (Дойкар-ойла), жители которого в отсутствие начальника левого фланга приглашали имама к себе. Лазутчики сообщили даже, что в пятницу он собирается молиться Богу в Староюртовской мечети. К Грозной срочно были двинуты войска.

Но волнения были напрасны. В пятницу, совершив моление в Новодаргинской (Веденской) мечети, имам Шамиль сообщил народу о славной победе мусульманской армии, перед взорами народов Кавказа доказавшей в дальнем походе в Кабарду неустрашимость горского оружия, действующего во славу исламской религии. Имам призвал горцев беспрестанно беспокоить царские войска и воевать до победного конца.

Подтверждением правоты слов имама является ничтожный урон, понесенный армией Шамиля за все время пребывания в Кабарде, и сотни кабардинцев, прибывших с его войсками.

Ушедших вместе с Шамилем в Чечню 30 кабардинских князей и узденей (в Кабарде дворяне), а также около сотни крестьян с семьями имам после торжественного приема в своей столице Ведено направил по их просьбе ближе к их родине, в Малую Чечню (область Гехи).

В мае Шамиль оставил в Малой Чечне небольшую партию мюридов, на которых возложил надзор за старшинами. По приказу Шамиля, собиравшегося пойти в поход в Акуши (Дагестан) и в связи с этим предпринявшего дезинформацию русских, с разных концов Чечни в окрестности аула Гехи свозили продовольственные запасы: якобы Шамиль намерен был остаться здесь на лето, сюда же якобы собирались прибыть

большие отряды из Дагестана. Наиб Гехинского округа Атабай получил повышение, а на его место был назначен ушедший с Шамилем из Кабарды мухаджир Мухаммед-Мирза Анзоров. В то же время галгаевцы, которые в апреле выдали Нур-Али-мулле своих аманатов, выкупили их и явились к генералу Нестерову с повинной.

Начальник центра Кавказской линии генерал Голицын, «допустивший кабардинцев так скрытно подготовиться к общему восстанию и уходу в горы навстречу Шамилю», за беспечность был смещен с должности.

Началась жестокая расправа с восставшими кабардинцами. Всех кабардинцев, присоединившихся к войску Шамиля и не возвратившихся в свои аулы после умиротворения края, приказано было объявить вне закона и признать абреками, а крепостных людей восставших кабардинских князей и дворян освободить от крепостной зависимости. Народный эфенди Хаджи-Умар Шеретлуков по приказу Воронцова был арестован и отправлен в Ставрополь. Указом императора Николая I было повелено конфисковать земли всего непокорного рода Анзоровых, открыто принимавших участие в восстании, приглашавших Шамиля в Кабарду и последовавших за ним в Чечню, и передать эти земли во владение командиру лейб-гвардии Кавказского горского полуэскадрона ротмистру Хату Анзорову, «долго и верно служившему в конвое». Были предприняты репрессивные меры против мулл и эфенди прошамилевской ориентации.

Хотя попытка поднять в Кабарде мощное всеобщее восстание не удалась, поход Шамиля дал сильный импульс для новой волны национально-освободительного движения как кабардинцев, так и других народов Северного Кавказа.

После похода Шамиля среди жителей уже не было прежнего спокойствия. Брожение умов продолжалось еще долго. Все с нетерпением ждали нового похода Шамиля, о чем настойчиво говорили кабардинские абреки и русские лазутчики.

Уже в июне 1846 года начальник Владикавказского военного округа генерал Нестеров со слов шпионов уведомил «о намерении Шамиля по окончании рамазана повторить нашествие на Кабарду и по пути наказать жителей Эльхотова аула за участие в истреблении партии абреков».

В первой половине сентября Кабарду охватило волнение. К концу рамазана сюда начали проникать слухи об интенсивных сборах шариатских войск в горах. Вся Кабарда пришла в движение. Жители распродали свое имущество, рогатый скот, овец, пчельники, сады – все, что только можно было обратить в деньги, не исключая домашнего скарба, чтобы как можно меньше понести потерь при переселении в

горы. Возобновились отношения с Малой Чечней, появились даже связи с закубанскими племенами. Страна, как и прежде, была наводнена маленькими отрядами партизан, укрывавшимися частью в мирных аулах, частью в лесистых ущельях тех самых рек, между которыми в апреле маневрировали Шамиль и Фрейтаг.

Начался второй этап национально-освободительного восстания 1846 года в Кабарде. Повстанческими отрядами предводительствовали кабардинские князья и уздени, ради свободы и независимости Родины презревшие привилегии царского правительства, – Куденетовы, Докшукины, Анзоровы, Темтировы и другие. Дороги стали опасны даже днем. Абреки смело появлялись здесь большими отрядами.

Однако ожидания кабардинцев не сбылись, хотя в горах Чечни и Дагестана шли большие приготовления к походу после рамазана, но Шамиль свои отряды готовил для похода в Дагестан, а слухи о походе в Кабарду распускались для дезинформации русского военного командования.

Постепенно слухи о новом походе Шамиля в Кабарду смолкли, хотя отряды партизан, руководимые непокорными кабардинскими князьями и узденями, продолжали борьбу.

За Кубанью волнения, вызванные походом Шамиля в Кабарду, также улеглись не скоро. Общее возбуждение выразилось в том, что за Кубанью появились отряды абреков, нападавших на почтовый тракт, на солдат и воинские команды, а сообщение между укреплениями, особенно на лабинской линии, стало небезопасным даже днем.

Западный поход Шамиля имел для Владикавказского округа те же последствия, что и для центра Кавказской линии. Тревоги с появлением абреков, ранее редкие, на кабардинской плоскости заметно усиливаются, а со стороны карабулак-галашевского общества Чеченской области Имамата становятся постоянными. Так продолжалось с июля до декабря 1846 года.

Усилились набеги на Терско-Сулакское междуречье и по всеми левому флангу Кавказской линии со стороны Ауховского и Мичиковского округов Чеченской области Имамата, Большой и Малой Чечни.

Царское военное командование, получив от Шамиля еще один хороший урок, ускоренными темпами стало завершать строительство

Верхнесунженской линии. В конце мая началось строительство Ачхоевского укрепления и Михайловской станицы.

Чеченцы решительно сопротивлялись постройке укреплений на их землях, но все-таки 17 июня была достроена Михайловская станица, оконченная почти одновременно с Ачхоевским укреплением. Таким образом, в середине июня 1846 года была «завершена верхнесунженская линия, состоявшая из Троицкой, Сунженской и Михайловской станиц и заселенная казаками только что сформированного 1-го Сунженского линейного полка, переселенного с Терека и Дона. Этому полку суждено было с небольшой частью пехоты начать и довершить покорение карабулак-галашевского общества и снести последние аулы с правого берега Сунжи».

Кроме того, в Малой Кабарде из Магомет-юрта были выселены чеченцы, а из аула была образована станица Магомет-юртовская (Вознесенская). В 1847 году в Малой Кабарде для нарушения связи чеченцев с кабардинцами были поселены аулы покорных царскому правительству назрановцев. Одновременно многим кабардинским дворянам «за услуги», оказанные в борьбе с Шамилем, в 1847 году было определено ежегодное «жалованье» в 5 тысяч рублей серебром. Царские власти были вынуждены пойти на систему подкупа, поняв, что угрозами и репрессиями вызывают только озлобление и сопротивление горцев.

В то же время царские власти в Кабарде за бегство кабардинцев к непокорным горцам в Чечню стали применять жестокие меры наказания. В 1847 году была создана специальная Военно-судебная комиссия для осуждения кабардинцев за связи с абреками и Шамилем. Особенно строго эта комиссия наказывала кабардинских крестьян, бегство которых в Чечню усилилось после специального низама Шамиля об освобождении черкесских крепостных и уравнивании их в правах со всеми гражданами Эмирата. Пойманный «с бегов» холоп Жамбек Шанкуров был сослан в атестантскую роту в Киев. Владелец холопа Магомет Абуков в своем обращении к русской администрации на Кавказе называл Жамбека «непостоянным» и «непослушным» и поэтому просил удалить его в «дальние гарнизоны рядовым, чтобы подобным примером из кабардинцев, желающих быть беглецами, многих удержать, как через подобные поступки происходит в народе беспокойство и не прекращаются злодеяния».

После западного похода 1846 года разладились отношения между имамом и наибом Черкесии Сулейманом-муллой, не сумевшим быстро организовать отряды закубанских черкесов для соединения с армией Шамиля в Кабарде. Узнав о готовящейся мести злопамятного имама, Сулейман вместе с родичами, престарелым отцом, ученым алимом Мустафой в 1847 году переходит в лагерь русских. Сулейман категорически отказался быть лазутчиком царских войск, но в обмен на разрешение ему совершить паломничество в Мекку согласился на поручение князя Воронцова составить воззвание к мусульманам с обвинениями в адрес Шамиля, которое было размножено и разослано по селениям, а в 1847 году напечатано в русском переводе в газете «Кавказ».

Только в конце 1848 года Шамиль по просьбе абадзехской делегации назначил наибом Черкесии своего мюрида Мухаммеда Асиялова (Мухаммед-Эмин), возглавлявшего освободительную войну закубанских черкесов и абхазов до декабря 1859 года.

Грандиозный план Шамиля утвердился на позиции, с которой он мог бы воздействовать на кабардинцев, закубанских черкесов, Карачай, Осетию и ингушей, и вместе с тем прервать все сношения России с Грузией по Военно-Грузинской дороге хотя и не удался, тем не менее показал, как смелы и совершенны с точки зрения мирового военного и политического искусства были предприятия имама. Это подтверждает и донесение главнокомандующего Русским корпусом на Кавказе князя М. С. Воронцова военному министру России А. И. Чернышеву: «...нашествие Шамиля на Кабарду могло иметь весьма важные последствия на положение наше на Кавказе... дать решительный оборот делам его, прекратить общее стремление закубанских народов к примирению с нами, восстановить против нас давно покоренные, но воинственные племена центра Кавказской линии и Владикавказского округа, прекратить или, по крайней мере, затруднить сообщения Тифлиса с Кавказской областью, укрепить дух непокорности и сопротивления в Чечне и утвердить еще более враждебное нам его владычество в Дагестане».

Литературные источники и документы

Айдамиров А. Хронология истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1991.

Берже А. П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859.

Вердеревский Е. А. Плен у Шамиля: В 3 ч. Ч. 2. СПб., 1856.

Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. Махачкала, 1990.

Гамзатов Р. Мой Дагестан. Махачкала, 1985. С. 311-313.

Гизетти А. Сборник сведений о георгиевских кавалерах и боевых знаках отличий кавказских войск. Тифлис, 1901.

Гольдштейн А. Башни в горах. М., 1977.

Горчаков Н. Экспедиция в Дарго (1845): Из дневника офицера Куринского полка. // Кавказский сборник. 1877. Т. 2. С. 117-141.

Государственный исторический архив Грузии. Тбилиси.

Грабовский Н. Ф. Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушевского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 3. Тифлис, 1870.

Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-е годы XIX века: Сб. Документов. Махачкала, 1959.

Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. Кн. 1. СПб., 1871.

Законы Шамиля. // Живописное обозрение. № 8. СПб., 1875.

Захарьин Ив. Встреча с сыном Шамиля и его рассказы об отце // Русская старина. Т. 57. СПб., 1901. С. 367-389.

Зиссерман А. Л. Двадцать пять лет на Кавказе (1842-1867): В 2 ч. СПб., 1879.

Зиссерман А. Л. История 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка (1726-1880). Т. 3. СПб., 1881.

Ицлаев А. Страна братьев // Даймохк (чеч.) [газета]. 1990. 26 авг.

Казем-Бек М. Мюридизм и Шамиль // Русское слово. № 12. 1859.

Котилов С. Б. К вопросу о присоединении Ингушетии к России // Известия ЧИНИИИЯЛ. Т. 9. Ч. 2. Вып. 1. Грозный, 1972.

Кровяков Н. Шамиль. Грозный, 1941.

Лермонтов М. Ю. Письмо А. А. Лопухину // Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1958. С. 464.

М. Авантюрист XVIII века // Русская мысль. Кн. 7. СПб., 1884.

Магомедов Р. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. Махачкала, 1991.

Макалатия С. Тушети. Тбилиси, 1933.

Мамакаев М. Чеченский тайп в период его разложения. Грозный, 1973.

Муталибов З. А. Буре навстречу: Повести и рассказы. Грозный, 1972.

Очерк положения военных дел на Кавказе с начала 1838 до конца 1842 года // Кавказский сборник. Т. 2. Тифлис, 1877.

Павленко П. А. Шамиль. Махачкала, 1942.

Письма виконта Г. Кастильона к Гизо. Документы // Историк-марксист. Кн. 5. М., 1936. С. 105-123.

Потто В. А. Чечня. СПб., 1899.

Потто В. А. Кавказская война. Т. 1-3. Ставрополь, 1993.

Руновский А. Записки о Шамиле. М., 1989.

Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 6. Тифлис, 1872.

Фадеев Р. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860.

Филипсон Г. Кавказская война. Ставрополь, 1991.

Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи. О дагестанских войнах в период Шамиля // Труды Института востоковедения. 35. М.; Л., 1941.

ЦГИА. Санкт-Петербург.

Чичагова М. Н. Шамиль на Кавказе и в России. СПб., 1889.

Шавхелишвили А. И. Из истории горцев Восточной Грузии (Тушетия XVI–первой половины XIX в.). Тбилиси, 1983.

Шавхелишвили А. И. Из истории взаимоотношений Грузии и Чечено-Ингушетии (XVI–первая половина XIX века) // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI–начале XX века. Грозный, 1981.

Юров А. 1844 год на Кавказе // Кавказский сборник. Т. 7. Тифлис, 1883.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Наибы Чечни

АКХАРШ (Акарш) — представитель тайпа садой. Наиб Шамиля в Чеберлое.

АКХБОЛАТ (Ахбулат) — наиб Чеберлоя. Погиб осенью 1853 г. во время похода в Закатлы.

АЛДАМ (Алдын Чантийский) — наиб общества чІантий.

АЛДАМ (Алдын Нашхинский) — наиб округа Нашха. Возможно, что Алдын Чантийский и Алдын Нашхинский — одно и то же лицо.

АЛПАТОВ (Яков, Дмитрий) — казак станицы Наурской. Бежал к чеченцам. Командир чеченских отрядов, совершавших диверсии за Терек. Был схвачен в станице Наурской во время посещения жены и повешен на кургане, названном в его честь «Алпатов курган».

АМЕРХАН ХАТАТ (Гатат) — выходец из с. ДаьргІа, тайп белгатой. Наиб с. Дарго. В 1845 г. сменил Дубу в аулах между реками Аргун, Мартан и главной дорогой Атаги–Урус-Мартан.

АНЗОРА МОХЪМАД-МИРЗА (Мухаммед-Мирза Анзоров, Магомед-Мирза) — один из влиятельнейших узденей Малой Кабарды. В августе 1846 г. назначен наибом округа Гехи в Малой Чечне, сменил получившего повышение Атабая. 4 марта 1849 г. назначен мудиром Малой Чечни. В сентябре начальник округов Гехи, Арштхой и Галай. 19 июня 1851 г. Мухаммед-Мирза умер от раны.

АСЛАН (Аслан-кадий) — в 1853 г. наиб округа Шарой.

АТИН АТАБИ-МОЛЛА (Атабай-мулла Атаев) — выходец из аула Чіунгарой-эвла. Ученый алим. Наиб округа между реками Мартан, Сунжа, Асса и Черными горами, где сменил в 1845 г. умершего Ису. В октябре 1846 г. мудир Малой Чечни. До 1860 г. скрывался в лесах Харсеноя. Один из руководителей восстания 1860–1861 гг. В 1861 г. сослан в Россию. Автор ненайденной летописи на арабском языке, а также трудов по теологии.

АХБЕРДИН МАХЪМА (Ахверды Магома, Ахбердин Мухаммед) — выходец из с. Хунзах. С весны 1840 г. наиб Малой Чечни (включая Шатой и Чеберлой). С мая 1843 г. мудир Западной Чечни. Летом 1843 г. умер от раны, полученной во время набега на хевсурский аул Шатели. Похоронен в Шатое (с. ГІушкорт).

АХЪМАДХАН (Ахметхан Дышнинский, Ахмедхан) — наиб Дишни-мохка. Погиб в 1840 г.

АЪККХИЙН ЖАНХОТ (Джанхот Аккинский) — погиб в бою с царскими войсками в Малой Чечне, похоронен в с. Таьнги-чу.

АЪРСАНАКЪА (Аьрсанакъан Аьрсанакъа, Арсануко) — выходец из с. Эзихой. С 1840 г. наиб Дишни-мохка.

АЪСТАМАР (Астемир) — пятисотенный наиб. Погиб.

БАЪРШКХИН БИРА (Бира) — старший брат Байсунгура Беноевского. Командир сотни.

БЕНОЙН БОЙСАГІАР (Баьршкхин БойсагІар, Байсунгур Беноевский) — выходец из аула Беной. С 1839 г. наиб беноевского общества. С мая 1860 г. имам Чечни. Руководитель восстания 1860–1861 г. Повешен в Хасав-юрте в 1861 г. Похоронен в с. ГІачалкъа (Аух). Автор утерянной летописи на арабском языке.

БЕТА — житель с. Ачхой-Мартан, тайп хьаккой. Командир отряда.

БИСАНИН ГЕЛАГ — выходец из с. Хьайбах. Наиб Нашха.

БОЛАТ-МИРЗА (Булат-Мирза) — наиб Ауха с октября 1840 г., сменил Ташу-хаджи. В конце 1840 г. убит ауховцами.

БОЛАТАН ТИМАРКЪА — житель с. Беной. Командир отряда.

БУЛУН БОТАКХ (Ботука) — выходец из горного Курчалоя. Кадий войска. В 1858 г. молодой Ботука был поставлен начальником округа в Ичкерии.

БУРСАК — выходец из ингушского с. Хули. Наиб Шамиля.

ВАРА — выходец из с. Беной-Атага (Новые Атаги). Командир одного из отрядов наиба Атабая — муллы Атаева. Участник восстания 1860–1861 гг., затем примкнул к зикристам. После разгрома в 1864 г. зикристов у с. Шали становится знаменитым абреком. Был предан Гудантом Мударовым из с. Старые Атаги (исполнявшим обязанности чеберлоевского наиба царской администрации) и во время посещения семьи в с. Беной-Атага в 1865 г. окружен драгунами. Оказал яростное сопротивление и был убит.

ВЕТИН ЗОВРБИ — выходец из с. Гехи, тайп мержой. Начальник сотни наиба Саадолы.

ГЕХА — житель с. Гордали. Молодой ученый алим.

ГІАРАБАТИРАН ЧАГІА (Чаха Карабатыров) — наиб с. Элистанжи.

ГШИШКИ ІЕЖА (Гишкаев Эжа) — выходец из с. БІавла (общество Терла).

ГІОЙТЕМИР (Гойтемир) — выходец из с. Юрт-Аух. В 1844–1847, 1850–1853 гг. наиб Ауховского округа. С 1850-х годов начальник кавалерии Имамата. В 1853 г. погиб в бою.

ГУМАЛАТАН ГЕХА — житель с. Гуни. Наиб внутренних войск. После окончания войны помощник пристава Веденского наибства.

ДАУД-ХБАЖА (Дауд-хаджи) — в 1853 г. наиб округа Шали.

ДАЧА — наиб, с 1845 г. заменил Дубу, возглавив шатоевское общество с горными и предгорными аулами Большой Чечни и Малой Чечни, выше дороги из Урус-Мартана в Нестеровское укрепление и Черных гор. Бывший старшина с. Шали.

ДЕРБИЧ САЙТ — житель с. Котар-юрт, тайп мержой. Кадий (бакъонца наиб).

ДЖОВТХА (Джаватхан, Джавадхан, Жаватхан) — наиб аула Дарго (1839 г.), Большой Чечни (1840–1842 гг.). Умер от раны летом 1842 г.

ДУДАРОВ — наиб в Галашках. По-видимому, осетинский (тагаурский) алдар Кази-Магомет Дударов, в апреле 1846 г. перешедший на сторону Шамиля.

ДУДАРОВ КАРАСЕ — осетин, тагаурский алдар, сын Инала, владелец аула Иналово. В 1857 г. ушел к Шамилю.

ДУИН ІУМА (Ума Дуев) — выходец из общества зумсой. Наиб Зумсоя, один из руководителей восстания 1860–1861 гг. После плена сослан в Россию, вскоре возвращен, избран старшиной Зумсоя. Один из руководителей восстания в Чечне 1877–1878 гг. 6 марта 1878 г. повешен вместе с сыном в г. Грозном.

ЖАНИН БУК — наиб Курчалоя.

ЖОНХА — житель с. Беной. Был тяжело ранен во время Даргинского сражения 1845 г. Назначен кадием Беноя, но через некоторое время добровольно сложил с себя обязанности судьи.

ЖУКИН ДУБА (Дуба Вашиндароевский, Дуба) — представитель тайпа чІинхой, наиб округа в Малой Чечне. В 1843 г. возглавил шатоевское общество с горными и предгорными аулами Большой и Малой Чечни, затем аулами между реками Аргун, Мартан и главной дорогой Атаги–Урус-Мартан. В 1845 г. летом в боях против

армии Воронцова в Ичкерии ранен и сменен, затем восстановлен. В 1859 г. сдался царскому командованию.

ИБРАХИМ-ХЪАЖА (Ибрахим ал-Черкеси) — с декабря 1846 г. кадий черкесских мухаджиров в округе Гехи. Сдался в плен вместе с Шамилем в Гунибе 25 августа 1859 г.

ИДАЛ (Идиль Веденский) — наиб Ичкерии в 1853 г.

ИАБДУЛЛАХІ (Абдула Цакхар) — вынужден был переселиться в Чечню, в с. Шали, из Дагестана. Ученый алим. Имел большое влияние на округ Шали. После женитьбы имама Шамиля на его дочери был назначен в 1842 г. начальником Чеченской области.

ИАЛХА (Алхан) — упоминается в сражениях в Малой Чечне в 1851 г.

ІЕМАЗАН ТІАЛБИШ (Иэмазан Талбиш) — житель с. Беной. Командир отряда. Награжден орденом Имамата (войска Талхига). Погиб в бою в 1850-е годы.

ІІЙСА (Иса, Иса Гендергено, Исса Гендергено) — старшина с. Урус-Мартан. С марта 1840 г., уже в пожилом возрасте, помощник наиба Малой Чечни Ахверды Магомы. В 1842 г. помощник наиба Большой Чечни, затем наиб Большой Чечни. Вновь помощник мудира Ахверды Магомы, после его смерти помощник мудира Малой Чечни Юсуфа-хаджи. Осенью 1843 г. наиб западной части Малой Чечни. Умер от болезни в 1845 г.

ІІСА — житель с. Элистанжи. Командир отряда. Погиб у крепости Назрань в бою с царскими войсками.

ІУЛЛАБИ-МОЛЛА (Улубий-мулла) — выходец из с. Кешен-Аух. С 1841 г. наиб Ауха.

ІУМАЛАТ (Умалат Ичкеринский) — наиб Ичкерии. Сдался в 1859 г. царскому командованию.

ІУМАРАН БОТАКЪА (Батуко Шатоевский, Батуко Умаров) — выходец из с. Гушкорт. Наиб Шатоевского (Шубутовского) округа. В 1858 г. после ранения сдался царскому командованию.

ІУМИН ЭНДАРИ (Эндирей Умаяев) — жил на хуторе в ущелье р. Рошни. Наиб в Малой Чечне. Перешел на сторону царского командования в феврале 1854 г.

ІУСМАН (Осман Майртупский) — в 1859 г. наиб округа между реками Хулхуло и Гумс (в горной зоне). После отступления имама из

Чечни ушел с Шамилем в Дагестан. Там сдался царскому командованию.

ІУСМИ САІДУЛЛА (Бетиг Саідола, Саадола, Сайдулла Усманов, Саибдула) — житель аула Нурикой, представитель общества дишний, а по другим данным – нихалой. Наиб Гехинского округа. Мудир Малой Чечни. Возможно, что было двое человек с этим именем. В 1859 г., поссорившись с Шамилем, переходит на сторону царских войск, участвует в военных действиях по завоеванию гор Нашхи и Галашек. В Терской области наиб Урус-Мартановского участка Чеченского округа. Майор. В 1865 г. летом вместе с начальником Чеченского округа генерал-майором Мусой Кундуховым возглавил переселение 23 057 чеченцев в Турцию.

КАЗИОУ — дагестанский мюрид Шамиля. В 1840 г. возведен в звание наба.

КУРБАНАЛИ — погиб в бою.

КУШАГА ХЬУЪНАХК (Маховри Хьюнарк) — выходец из Мелхисты.

КЪИБИД-МАХЪМА (Кибит-Магома) — выходец из Тилитля (Дагестан). С середины 50-х годов начальник Чеченской области. Сдался царскому военному командованию в 1859 г. Был наибом Чеберля.

ЛАЧИНИЛАУ — выходец из аварского с. Хунзах. Бывший кадий Хунзаха. Наиб Чеберля. Просветитель. Сделал свой вариант аварского и чеченского алфавитов на арабской графике.

МАІАШ (Мааш аз-Зунси, Мааш Зумсоевский) — с 1840 г. наиб зумсоевского общества. Погиб.

МАЙЛИН ТАЙМАСХА (Таймасха Молова) — уроженка с. Гехи. В течение 10 лет воевала против царских войск. Командир отряда. В 1842 г. попала в плен. Была награждена царем Николаем I и отпущена домой в знак преклонения императора России перед храбростью чеченской женщины.

МАЛЦАГ — житель с. Ачхой-Мартан, тайп зумсой. Командир отряда.

МАХЪМАЗАН АЪРСАНАКЪА (Арсико-Махамаз-оглы) — наиб горной Чечни (кистинский наиб). Возможно, что Арсануко Арсанукаев и Арсико-Махамаз-оглы — одно и то же лицо.

МЕХЬТИН ИДРИС (Идрис Мехтиеv, Идрис-мулла) — мулла с. Эндери, бежал в с. Зандак. С 1847 г. наиб Ауха. В начале 50-х гг. смещен. С начала 1857 г. сменил убитого наиба Хазу. Поэт, автор сатирических эпиграмм на имама Шамиля.

МОМИН ХЬОТУ (Мамаев Хату) — выходец из с. Гендерген. С 1857 г. младший наиб, командир отряда. В апреле 1859 г. перешел на сторону царских войск. Участвовал в военных действиях против горцев. В награду получил 50 десятин земли и чин офицера.

МОХЬМАД-ХЬАЖА (Хаджи-Мухаммед, Гаджи-Магомет) — чеченец, из с. Герменчук. Наиб Черкесии с 1842-го по май 1844 г. Умер от болезни.

МОХЬМАДАН АХЬМАД (Эвтархойн Ахьмад, Ахмад Автуринский) — выходец из с. Автуры, тайп гуной. С 1847-го до 1849 г. наиб округа в Большой Чечне. Убит в сентябре 1852 г.

МОХЬМАДАН ШОАЙП-МОЛЛА (Шоаип, Шуаиб-мулла, Шуаип Центороевский) — наиб аула Центорой (1839 г.). С 1840 г. наиб Мичиковского округа. С мая 1843 г. мудир Восточной Чечни (Аух, Мичик и Большая Чечня). С конца 1843 г. мушир (маршал), командующий левым флангом, начальник Чеченской области. Убит в начале марта 1844 г.

МУСА — выходец из надтеречного с. ЭчигтIе, тайп Iаларой. Наиб местности от с. Топли (на р. Аргуне) до р. Хулхуло (в месте впадения р. Мичик). Упоминается за 1854 г.

МУСТАПИН СУЛИМ-МОЛЛА (Сулейман-мулла Мустафинов, Сулейман-эфенди, Сулейман, Сельман) — выходец из с. Сольжа, тайп серхьой, жил в с. Герменчук. С 1845 г. по апрель 1846 г. наиб Черкесии. В мае 1846 г. смещен. В 1847 г. в Малой Чечне перешел на сторону царского командования. Автор семейной хроники на арабском языке, трудов по теологии, а также обвинительного письма в адрес Шамиля, опубликованного в газете «Кавказ». Труды Сулеймана и его отца Мустафы до сих пор не обнаружены.

МУСТАФА — житель с. Аршты. Командир диверсионного отряда, совершавшего набеги на царские укрепления. Ночью 14 октября 1847 г. во время набегов отряда Слепцова был изрублен в своем доме казаками.

МУСХАЙН МОХЬМАД (Магомед Мусакаев) — наиб Ичкерии с 1843 г.

МУСХИН ЖАПАР (Жапар) — выходец из с. Беной. Командир сотни наиба Байсунгура. Участник похода в Грузию в 1854 г.

МУХАММАД (Магомед Ассиалов, Мухаммед-Эмин) — выходец из дагестанского аула Хонуда. Мюрид Шамиля. С начала 1846 г. наиб в Малой Чечне. В конце 1848 г. назначен наибом в Черкесии. В декабре 1859 г. сдался русским и эмигрировал в Турцию.

НАИБ (имя неизвестно) — представитель тайпа цлечой. Командир отряда.

НАИБ ЧЕБЕРЛОЯ в 1859 г. — аварец (имя неизвестно). После падения Ведено в апреле 1859 г. бежал к Шамилю.

НУР-ІЕЛА (Нур-Али, Нур-Али-мулла) — возможно, выходец из с. Харадарихи (Дагестан). Наиб Чеберлоя и Шубута. Известен по операции у Военно-Грузинской дороги в апреле 1846 г. Умер от холеры.

ОБЗДАМАР (Оздемир) — с 1840 г. пятисотенный начальник в Мичиковском округе. Помощник Шоаипа-муллы. В начале мая 1842 г. предательски убит.

РАМЗИН ІАДА (Рамзин Ада, Рамзи Ада) — житель с. Беной. Командир отряда. Погиб в Даргинском сражении в июле 1845 г.

САИД (Саид Энгенойский) — наиб надтеречных чеченцев. Участвовал в сражении на Валерике в 1840 г.

САПРАН ЮУСАП-ХБАЖА (Юсуф-хаджи Сафаров, Гаджи-Юсуф) — выходец из с. БухІан-юрт (Новые Алды). Полковник турецкой армии. С 1841 г. советник Шамиля. Инициатор государственных, правовых, религиозных, военных реформ. Строитель военно-инженерных сооружений Имамата. Сменил умершего Ахверды Магому на должности мудира Малой Чечни. Осенью 1843 г. наиб восточной части Малой Чечни. С 1844 г. главный советник Шамиля. В 1853 г. лишен всех званий и имущества и сослан в с. Тинда. В июле 1856 г. бежал к русским, вскоре умер. Автор арабоязычных карт Имамата, а также письменных трудов по правоведению и теологии. Труды по теологии до сих пор не найдены.

СОІДУ (Саду Мичиковский) — мичиковский наиб. Сдался в 1859 г. царскому командованию.

СОІІП-МОЛЛА (Суаиб-мулла) — выходец из Эрсеноя. В 1842 г. помощник наиба Большой Чечни Джаватхана. После смерти Джаватхана стал наибом Большой Чечни. С марта 1844 г. мудир

Восточной Чечни. Летом 1845 г. героически погиб при преследовании войск М. С. Воронцова (Даргинская экспедиция).

СОЛУМГИРИН СОЛТАМУРД (Солтамурад, Султан-Мурад Беноевский) — мазун Беноя. Один из руководителей восстаний и абреческих движений 1860-1861, 1863-1865, 1877-1878 гг. В восстании 1877-1878 гг. Солтамурад был начальником наибов. После поражения восстания скрывался в лесах, умер в 1878 г., похоронен в Беное.

ТАИБ — с 1843-го по 1845 г. наиб аулов между реками Аргун, Мартан и главной дорогой Атаги— Урус-Мартан. В 1845 г. смещен Шамилем за слабое управление.

ТАКИ ЧОПА (Цыппу Такаев) — осетин, выходец из с. Фаллагкау. Предводитель гудских абреков. Возглавлял отряд осетинских абреков, служивших у имама Шамиля.

ТАПИ-НАИБ — пожилой человек из уважаемой чеченской фамилии. Возможно, что наиб Тапи и Тепи – одно и то же лицо. Известен также Тепи из с. Гуни, который возглавил весной 1845 г. делегацию к имаму от плоскостных аулов Чечни с просьбой или защитит от русских набегов, или позволить прекратить им войну.

ТАШУ-ХЪАЖА (Воккха-хъажа, Ташу-хаджи, Ташев-Хаджи, Ташов-Гаджи) — выходец из с. Эндери. Шейх накшбендийского тариката, исламский миссионер. С 1832 г. один из руководителей газавата в Чечне. С 1834 г. имам Чечни, с 1836 г. чеченский наиб имама Шамиля. Весной 1840 г. назначен наибом Ауха. В октябре 1840 г. смещен с должности наиба. Умер в 1843 г. Похоронен в с. Саясан. Автор работ по теологии.

ТИЕЛХАГ (Талхиг Шалинский, Талгик, Талгик Аргунский) — выходец из с. Шали, тайп курчалой. Наиб округа Шали, наиб Большой Чечни, мудир, начальник артиллерии. В 1859 г. перешел на сторону царских войск. Тесть старшего сына Шамиля Джемал эд-Дина. Автор летописи на арабском языке. Похоронен в с. Шали.

ТИУБРШ — наиб в Автурах, назначен после автуринского съезда 1848 г.

ТХЪАРАМ (Тарам) — выходец из с. Иуспан-юрт. Пятисотенный начальник. В 1847 г. наиб Сунженского наибства. Мазун.

ХАДА — в 1853 г. наиб Чеберлая.

ХАЗИ АЛХАСТ — житель с. Комалхо (Малхиста). Двоюродный брат Кушага (Хьюьнахк). Командир отряда. Награжден знаменем с

узкой красной полосой вдоль нижней трети зеленого полотнища.

ХАНДАКХАЙ (Хандакай) — житель с. Центорой. В 1850 г. наиб Ичкерии.

ХАТУ — в 1853 г. наиб Ауха.

ХЕНТИГ — наиб Дишниведенский.

ХУХАН ІАРБИ (Хухан Араб) — командир отряда в Беное, отвечал за участок Гуьржи-мохк. Участвовал в набеге на Грузию в 1854 г.

ХЪАМЗАТ (Хамзат) — житель Центороя.

ХЪАМЗАТ (Хамзат, Гамзат) — выходец из Притеречья, после восстания летом 1840 г. переселился в округ Гехи. Командир одного из отрядов наиба Малой Чечни Ахверды Магомы. Хамзат совершал диверсии за Терек. В одной из диверсий погиб в бою с царским отрядом осенью 1841 (или 1842) года.

ХЪАМЗАТ (Хамзат Чантийский) — житель с. Итум-кале. В 1858 г. был ранен во время стычки с восставшими чантинцами и сдался в плен царским властям.

ХЪАМЗАТ-ХЪАЖА (Хамзат-хаджи) — в 1853 г. наиб округа Наиха. Возможно, что Хамзат Чантийский и Хамзат-хаджи – одно и то же лицо.

ХЪОЗА (Хазу) — брат наиба Ауха Хату. Наиб Ауха с 1854 г. по февраль 1857 г. Сменен наибом Идрисом-муллой. Погиб в бою.

ШАМХАЛАУ — наиб Ауха в 1859 г.

ШАХМИРЗИН БОТА (Бота Шамурзаев, Батай, Бата) — выходец из с. Дади-юрт, тайп харачой. В плену воспитывался у барона Розена, бежал в Чечню. Наиб округа в Большой Чечне, мичиковский наиб. В 1851 г. перешел на сторону царских войск из-за ссоры с Шамилем. Качкалыковский наиб. Председатель горского окружного суда. Участвовал в военных действиях против Имамата в качестве капитана туземной милиции и переводчика князя Барятинского. После Кавказской войны за заслуги перед царем майор Б. Шамурзаев получил более 500 десятин земли.

ШЕМАЛАН ГІЕЗА-МОХЪМАД (Гази-Мухаммед, Гази-Магомет) — сын имама Шамиля. С 1848 г. наследник эмирского престола. В 50-е годы начальник Чеченской области Северо-Кавказского эмирата Шамиля. 25 августа 1859 г. сдался в Гунибе царским войскам. Вместе с отцом жил в плену в России. Сопровождал

имама в Мекку. Остался в Османской империи и служил в турецкой армии пашой (генералом). Принял активное участие в организации восстания в Чечне и Дагестане 1877-1878 гг.

ШОИП (Шуаип) — жил в верховьях р. Гойта. Наиб Гойтинского округа в 1850 г.

ШОИП-ГИЕЗА (Шуаип-Гази) — упоминается в боях в Малой Чечне в начале 50-х годов.

ЭЛДАР (Илдар) — наиб Мичика и Качкалыка. Героически погиб при преследовании войск Воронцова летом 1845 г. (Даргинская экспедиция).

ЭЛМАРЗА (Эльмурза Хапцов, Хапцоу) — с 1851 г. гехинский наиб. В сражении с отрядом Эльмурзы погиб Н. П. Слепцов. Сам Эльмурза смертельно ранен в бою в 1852 г.

ЭСКА (Эски Хулхулинский, Эски Мичиковский) — представитель тайпа чартой, выходец из Притеречья, затем жил в с. Нойбоъра. С 1851 г. наиб округа Мичик. В июле 1857 г. сдался царскому командованию. Определен на поселение в с. Брагуны, похоронен в Бачи-юрте.

ЭСКАРХА (Эскирхан) — житель с. Майртуп, тайп ялхой. Командир отряда. Потомки живут в Сирии.

ЮНУС-МАЗУН — в 1854-м – январе 1855 г. комендант укрепления Шуаиб-капа.

Хатат, сын Амерхана из Дарго^[19]

Хатат часто читал молитвы на похоронах убитых царскими солдатами мужчин, женщин и детей. И каждый раз он удивленно спрашивал родителей: «За что русские убивали этих людей?» — и ничего не находил в глазах отца, кроме ненависти, а в глазах матери — кроме горя и слез.

Хатат, как и другие чеченские дети, искренне верил, что русские — это девятиголовые огромные чудовища, которые нападают на людей и в своей ненасытности глотают мужчин, женщин и детей живьем. Он даже знал имя одного из самых страшных чудовищ, которого вспоминали матери, когда чересчур шаловливые дети не слушались старших.

«Ярмол вогу» («Ярмол идет»), — говорили матери малюткам. Хатат часто представлял себя, словно в сказках, турпалом (богатырем), в рукопашном поединке сражающимся с одноглазым страшным чудовищем «Ярмолем» и побеждающим его, освобождая людей от зла.

Хатат был несказанно поражен, когда в первый раз увидел пленного русского солдата, приведенного в Дарго. Ребенка изумило то, что русский похож на остальных людей. Русский мастерил из дерева игрушки и, улыбаясь, раздавал детям. И снова мальчик приставал к родителям с вопросом: «За что же русские убивают людей?»

И опять не находил в глазах отца ничего, кроме ненависти, а в глазах матери — кроме горя и слез.

Лишь старый Нур-Бахад ответил внуку:

— Они хотят сделать нас рабами, уничтожить нашу религию, наш язык, наши обычаи. А мы хотим быть свободными. Поэтому они и убивают наших людей, сжигают наши селения, ведут против нас войну.

— Но зачем нам свобода, если за нее убивают наших людей? — спросил мальчик.

— Нам нужна свобода, потому что мы — чеченцы! — ответил не задумываясь Нур-Бахад.

Старик достал исписанную арабской вязью тетрадь и, ведя пальцем по строкам, начал рассказывать Хатату историю его рода:

— Запомни на всю жизнь, Хатат, то, что я говорю. Эта история переходит от отца к сыну. Мы происходим из тайпа белгатой, из рода Гилсхана. Все люди народа нохчий происходят от одного предка по

имени Сайд-Али аш-Шами. Все мы чеченцы — из царского рода, ведь Сайд-Али был царем царей в стране Шам. Через 70 лет после смерти пророка, да будет всегда над ним приветствие Всевышнего, Сайд-Али умер, и в его царство вторглись люди зла. Сыновьям Сайд-Али пришлось уйти оттуда. Через много лет они поселились в Нашхе. Оттуда и начали расселяться все чеченцы.

Запомни имена наших предков:

1. Сайд-Али, 2. Абдулхан, 3. Шамхан, 4. Хамзатхан, 5. Алхан, 6. Хасай, 7. Товзархан, 8. Сайд-Ахмад, 9. Сулумхан, 10. Султан, 11. Саидхан, 12. Усман, 13. Чопхан, 14. Дауд, 15. Висолт, 16. Ахмадхан, 17. Чодахан, 18. Сатай, 19. Ховра, 20. Умар, 21. Сайпулла, 22. Хасан, 23. Хасмик, 24. Буглов, 25. Парсбит, 26. Умархан (брат Умархана Устархан основал аул Устаргардой), 27. Парск, 28. Сосак, 29. Суслан, 30. Сусим, 31. Веппи, 32. Ховра (в Махкетах есть место Хьовра боьра), 33. Хасай, 34. Арслан, 35. Буглов, 36. Сати (его брат Батай основал аул Билта близ Ножай-юрта), 37. Сатлахк, 38. Буглов (он основал аул Белгатой в горах), 39. Арсан, 40. Асанчи, 41. Хасан, 42. Ада, 43. Гилсхан (он первым из белгатоевцев, переправившись через реку Ясса, основал аул Дарго. Гилсхан был владельцем большого стада овец и коз. Однажды на него напала шайка грабителей, чтобы угнать скот. Он успел выстрелить и ранить одного из грабителей. Но они окружили его и убили. И сейчас на месте его гибели стоит надмогильный камень — чурт).

Гилсхан был моим отцом. У Гилсхана нас было три сына: Бетирсхан, я — Нур-Бахад и Пир-Бахад. У меня два сына: твой отец Амерхан и твой дядя Темирсхан. Ну а дальше в этом списке идешь ты, Хатат. Запомни это. Все твои предки были свободными, достойными людьми. Ни один человек в этом солнечном мире не может упрекнуть их в чем-либо. Ты тоже, Хатат, должен будешь вести себя так, чтобы не опозорить наш род.

Запомни, Хатат. Главное среди чеченцев — это оьздангалла (благородство). В него входит много понятий. Если ты не будешь соблюдать этикет (гиллакх), то люди будут считать тебя глупым. Будь верен своему слову. Будь гостеприимен. Не смей оскорблять, а тем более поднимать руку на женщину — это позор для мужчины-чеченца. Будь храбрым товарищем и хорошим другом. Никогда не прощай обид и никогда не обижай слабого. Будь щедр и защищай слабых, вдов, сирот и нищих. Помни, что все эти люди равны перед

Аллахом. Никогда не воруй, даже если будешь умирать с голоду, – это тоже позорно для чеченца. Не смей никогда, в самом трудном положении, просить милостыню, лучше погибнуть.

Хатат запомнил слова деда на всю жизнь.

...Рассказывают, что после окончания Кавказской войны перед мечетью горного чеченского аула Дарго каждый день собирались старые вояки, вспоминали свою бурную военную молодость. Среди них был и бывший наиб Шамиля Хатат. Прохожие здоровались с ними, старцы же отвечали на приветствие лишь легким кивком головы. Молодых в свое окружение старцы не допускали.

Однажды к ним подъехал на кляче одетый в грязные лохмотья старый аварец и поздоровался. Восседавшие у мечети старцы все встали, улыбаясь и с возгласами: «Неужели это ты, Берта!» жали ему руку.

Один подросток, наблюдавший эту сцену, решил узнать, в чем дело. Его к старикам не пустили. Попытался во второй раз, и опять от него отмахнулись. Но когда он, проявив настойчивость, в третий раз попросил слова, то один старец заступился за него и сказал:

— Подпустите его, видимо, он хочет что-то спросить.

Юноша задал им вопрос:

— Почему обычно, когда с вами здороваются прохожие, — а среди них были люди высоких рангов и большого достатка, — вы отвечаете сдержанно, а какому-то нищему аварцу оказали такие почести?

На его вопрос ответил Хатат:

— Хороший вопрос задал ты. Этот аварец Берта в одном из сражений близ Мелхи-чов^[20] гранаты, которыми царская артиллерия забрасывала горцев, хватал руками и отбрасывал в безлюдное место, говоря, что без воли Аллаха смерти не бывает, а если есть на то Его воля, то ее не избежать. Так кто больше достоин нашего уважения — нищий аварец Берта или какой-нибудь богатей, дрожащий за кусок сала, со старшиной, желающим любым грязным способом выслужиться перед русским приставом?

Старцы, сидевшие вокруг, наклонили головы в знак согласия с Хататом, и на несколько мгновений замерли, погрузившись в воспоминания.

Задумался и Хатат...

Он родился в 1823 году в семье чеченского узденя Амерхана, сына Нур-Бахада. Брата Хатата звали Абдурзак. Хатат рос здоровым, подвижным ребенком, уже в малолетнем возрасте облазил с друзьями лесистые горы вокруг аула Дарго. Семья Амерхана, как и многие чеченские семьи, не отличалась материальным достатком. Отец в поте лица добывал пропитание своей семье. Хатат помогал отцу. Нередко сюда, в далекое ичкеринское селение, доносилось эхо битв и сражений чеченцев с царскими войсками. Еще когда Хатат был маленьким, мать при известии о приближении карателей привязывала его платком к спине и спешно уходила вместе с односельчанами в близлежащие горные лесные чащи.

Юность жителя Дарго проходила в играх, забавах и в тяжелом труде. Хатат стал крепким, широкоплечим, среднего роста юношей. Он виртуозно владел оружием, искусством наездничества. Но в искусстве меткой стрельбы не было равного его односельчанину и другу Ходу из рода Гарчал-некъе. Про Ходу до сих пор рассказывают следующий случай: «Хода и другой белгатоевец из рода Гилсхан-некъе, по имени Бена, были друзьями. Однажды Бена по дороге в лес встретил Ходу. Тот попросил Бену сесть на ящик из коры деревьев (кхез). Бена сел. Хода отошел на расстояние 50 метров, выстрелил и спросил Бену: “Куда попала пуля?” Тот ответил, что ящик, на котором он сидит, пробит. Хода попросил залепить эту дыру глиной. Бена сделал это. Хода выстрелил во второй раз. Пуля попала в то же отверстие, выбив затычку из глины. Только показав свое мастерство, Хода отпустил друга по его делам».

Война на Кавказе разгоралась все сильнее. Шейх Ташу-хаджи призывал чеченцев к газавату. В горном Дагестане все большей популярностью пользовался имам Шамиль. Вести о его победах распространялись и в Чечне.

После поражения в Ахульго Шамиль со своей семьей и несколькими мюридами пришел в Чечню. Во время его пребывания вместе с Ташу-хаджи в Беное к нему присоединяются некоторые известные чеченские лидеры, в том числе Джаватхан из Дарго. Шамиль назначил их наибамии в своих селениях.

Чтобы быть ближе к начавшей волноваться плоскостной Чечне, Шамиль вместе с Ташу-хаджи и Мухаммедом-муллоу переезжает в Шатоевское общество, укрепляя свои позиции среди горных чеченцев.

В конце зимы—начале весны 1840 года в равнинной Чечне готовятся к вооруженному выступлению. В конце зимы семья Шамиля в целях безопасности переезжает в Дарго. Лишь через год, в начале зимы 1841 года Шамиль, занятый войной и укреплением шариата, смог возвратиться к своей семье в Дарго. Предания жителей аула Дарго рассказывают, что в этот аул Шамиль пришел после того, как не смог найти убежища в Шатое. В Дарго зажиточные люди тоже его не приняли. А вот отец Хатата Амерхан забрал его к себе, выделил ему одну комнату, где имам и прожил долгое время. Юный Хатат сразу же стал верным сторонником имама. Шамиль тоже обратил внимание на удалого сына хозяина.

По рассказам старожил Дарго, Хатат был назначен наибом аула Дарго еще в 17 лет, то есть сразу после назначения Джаватхана наибом Большой Чечни. Юный, но энергичный наиб, одержимый идеей независимости Чечни, претворяет все нововведения имама в жизнь в своем родном селении, участвует в набегах и сражениях с царскими войсками.

В конце мая 1842 года в Дарго привозят наиба Большой Чечни Джаватхана, тяжело раненного в бою с войсками генерала Граббе. Отряд даргоевцев под предводительством Хатата также героически сражался в Ичкерийской битве. Хатат, как и другие наибы и многочисленные знакомые, часто навещал умирающего Джаватхана. Время от времени Хатат встречал там прославленного Байсунгура, который был женат на белгатоевке.

Джаватхан ненадолго пережил победу чеченцев. Он умер от раны. Вся страна хоронила Джаватхана. На похороны приехал в Дарго имам Шамиль. Над могилой поставили высокий шест с флагом в знак гибели воина в газавате.

С 1843 года в столице Имамата стали отливать собственные пушки. В Дарго строятся завод по производству пороха и мастерские по производству и ремонту пушек. Хатат, живший в Большом Дарго и являвшийся наибом этого селения, часто навещал имама, помогая в вопросах снабжения, укрепления обороны столицы, разведки, религиозных обрядов, исполнял его личные поручения.

А война шла своим чередом... В мае 1845 года Хатат, одетый в кольчугу, был в гуще сражающихся против армии Воронцова в Даргинской битве.

В ходе сражения, рассказывают, произошел неприятный для Хатата эпизод. Хатат по природе был горяч и вспыльчив. Молодость подогревала эти свойства характера. Во время наступления, получив мимолетом какой-то приказ имама, Хатат в пылу сражения не выполнил его, а бросился в атаку на противника. Подобные легкомысленные поступки, типа невыполнения приказа командира в ходе боя, по законам Имамата карались смертью. И реакция имама не замедлила проявиться. Разъяренный Шамиль догнал в гуще сражающихся Хатата и рубанул его сзади саблей. Кольчуга спасла Хатата от смерти, имам рассек только два железных кольца. Вспыливший Хатат, нагрубив Шамилю, показал на русских и сказал, что для него есть и без Хатата сколько угодно врагов. Тогда имам взял себя в руки, ведь Хатат был сыном его друга.

После разгрома и изгнания армии Воронцова Шамиль начал искать место для новой столицы, так как временно оставленный Дарго был сожжен царским войском. Место было определено на земле дишниведенцев. Летом 1845 года началось возведение новой столицы горского государства, названного имамом Новое Дарго (или Дарго-Ведено). Хатат, оставаясь в старом Дарго, тем не менее поддерживал связь с Шамилем, хотя молодость и горячность нередко приводили его к ссорам с имамом.

Как-то Шамилю донесли сведения о распутстве одного из множества русских военнопленных. Этот военнопленный немедленно был осужден на смерть. Хатат же считал донос на солдата грязной сплетней. Во время свершения казни осужденный попросил, чтобы его зарубил старый знакомый, Хатат — мол, ему тогда будет легче умереть. Заклиная отказывавшегося наиба всеми святыми, русский вынудил Хатата выполнить свое последнее желание. Хатат поддался на уговоры и взмахнул шашкой, но при ударе о шею осужденного клинок внезапно сломался. Хатат замер, глубоко пораженный произошедшим. С этой шашкой Хатат рубился во многих сражениях, и она никогда не подводила его. Когда на сей раз клинок сломался, Хатат посчитал это божественным знаком несправедливого суда, в чем он сразу же упрекнул Шамиля, ведь имам не должен был ошибаться. Имам, и сам глубоко веривший в предопределение Аллаха, тут же приказал отпустить солдата как невинного.

Рассказывают также, что как-то Хатат во главе отряда, состоявшего в основном из аварцев, был послан в набег на крепость Темир-хан-Шура, и в боях погибло много аварцев. Узнав о результатах набега, Шамиль упрекнул Хатата, что он неоправданно загубил людей и что если бы они были не аварцы, а чеченцы, то он стал бы их беречь. Тогда на следующий набег Хатат пригласил Шамиля. В той схватке Хатат ворвался в самую гущу противника, зарубил офицера, захватил его лошадь и оружие и весь свой трофей в качестве подарка преподнес Шамилю. Умевший ценить мужество имам сказал Хатату, что он убедился — тот губит людей только из-за своей безрассудной храбрости и удалства, и что он больше не таит на Хатата обиды.

После Даргинского сражения 1845 года в связи с тяжелым ранением в этих боях наиба Дубы имам Шамиль переводит Хатата на его место. Наibu Хатату поручался участок в аулах между реками Аргун, Мартан и главной дорогой через Большую Атагу в Урус-Мартан. Хатат временно переезжает в Урус-Мартан и поселяется на одном из его хуторов. Для поддержки он привозит с собой своих близких родственников и воинов. Это был один из самых опасных участков, где не прекращались боевые действия. Хатат находит здесь новых соратников и тревожит царские войска и укрепления диверсиями.

В одном из таких набегов нашел свою смерть его соратник Ходу. За Терекон Ходу со своими товарищами попал в окружение казаков. Ходу и его друзья вырыли окоп и оттуда отстреливались. Все заряжали, а Ходу, известный своим искусством снайперской стрельбы, палил по врагам. Из-за меткой стрельбы чеченца казаки не могли без больших потерь подойти близко, а день уже клонился к вечеру. Казаки знали, что с наступлением темноты абреки спасутся, и один старый казак посоветовал загрузить арбы сырой соломой, поджечь и двинуться на чеченцев. Идея оказалась удачной, и чеченцы, читая нараспев слова предсмертной молитвы «Ясин», все погибли в рукопашной схватке. Так умер Ходу.

Вскоре Хатат вернулся в Дарго, где продолжал исполнять обязанности наиба. Но связи с Урус-Мартаном уже не терял. В 1847 году троюродный брат Хатата Бети зашел со своей отарой овец на территорию андийцев и те в виде штрафа потребовали козла-вожака. Бети согласен был отдать любого барана, но не козла-вожака. Ссора с андийцами на этой почве привела к тому, что Бети зарубил кинжалом

андийца. Обычай кровной мести вынуждал Бети и его близких родственников покинуть Дарго. Он переселился в Чечен-аул, а затем в Урус-Мартан, куда его и своих двоюродных братьев Бойту и Мусоста с семьями определил Хатат. С тех пор в Урус-Мартане и проживают родственники Хатата.

По рассказам стариков, Хатат еще очень долго управлял в ауле Дарго.

Война всю последующую жизнь отзывалась на Хатате. В его теле осталось более 10 пуль. Прожив около 60 лет, он умер от болезни. Спустя 5 лет после его смерти умер его сын Мохмад. Двое других сыновей — Закарай и Молай умерли, так и не оставив потомства. Четвертый же сын Хатата, Гюпа, разделил тяжелую судьбу изгнанника, уйдя с тысячами чеченцев в Турцию.

В Дарго живет потомство Мохмада и его троих сыновей — Абдулкерима, Абдулы и Тайба: Абдулкеримов Лабаз, Абдулаев Джарулла и Таилов Селмирза.

Похоронен был бывший наиб Хатат на большом кладбище у села Дарго. А на могиле, как у воина, отдавшего свою жизнь за независимость Чечни, высился деревянный шест с флагом на вершине.

Шоаип-мулла Центороевский

«Маршал лесной войны» — так назвал этого человека советский писатель П. Павленко. Выдающиеся заслуги одного из самых знаменитых, талантливых и удачливых полководцев имама Шамиля отмечали многие царские военачальники и зарубежные дипломаты. Легко, с улыбкой на устах смотрел он в глаза смерти, во имя свободы и независимости Родины не щадя ни себя, ни родных, ни чужих.

Шоаип родился в чеченском ауле Билта-ойла (современный Тухчар в Дагестане) в 1804 году. Все его родичи жили в ауле Центорой в Нохчи-мокке (Ичкерия). К этому же тайпу — цIонтрой принадлежал и Шоаип.

Его отец, Мохмад-мулла, человек, известный своей ученостью, дважды совершал паломничество в Мекку и Медину и получил почетное звание «хаджи». Мулла Мохмад-хаджи пользовался огромным влиянием в Чечне и долгое время возглавлял Совет страны (Мехкан кхел) в Нохчи-мокке.

Начальное воспитание мальчик получил в доме отца, с детства проявляя большие способности к наукам и выделяясь среди сверстников смелостью, решительностью, твердостью характера. Недовольный его детскими шалостями, желая своему ребенку судьбу ученого-богослова, отец часто говорил, что из Шоаипа выйдет со временем ужасный разбойник. Подросший Шоаип продолжил учение при разных мечетях Чечни у лучших преподавателей, осваивая арабскую грамматику, риторику, философию, арифметику и другие дисциплины. Он знал 13 языков.

Но время было беспокойным. На Отчизну надвигался могучий, жестокий и коварный враг. Полыхали чеченские аулы, иссыхали в столах и рыданиях над окровавленными телами матери, все больше горестных морщин прорезали страдания на еще юных лицах горцев. Видя жестокость и несправедливость колонизаторов, возглавляемых тогда генералом Ермоловым, проводившим в Чечне политику геноцида, Шоаип, будучи еще молодым человеком, участвует в крупных восстаниях 1824—1826 годов, в партизанских набегах на царские укрепления, в движении под руководством имама Гази-Мухаммеда в Дагестане и Чечне.

После разгрома восстания в Чечне, с конца 1834 года Шоаип селится в Оку-юрте и исполняет обязанности муллы. Оставаясь внешне покорным царским властям, он не прерывает связи с горцами,

ведущими партизанскую борьбу против колонизаторов. В 1838 году «за связи с хищниками» Шоаипа хотели арестовать. Но он успел уйти в горы Нохчи-мохка, к руководителю повстанцев Чечни шейху Ташу-хаджи, у которого стал мюридом. Поселился Шоаип в своем родовом ауле Центорой. Вскоре умом и храбростью он сумел заслужить большое доверие у Ташу-хаджи, и тот не раз поручал Шоаипу командование большими отрядами, с которыми Шоаип-мулла проводил партизанские набеги.

В конце лета 1839 года имам Дагестана Шамиль, потерпев поражение в Дагестане, уходит в Чечню. Во время его пребывания в Беное и Ведено к нему одними из первых присоединяются «известные во всем округе своим мужеством Шуаиб из Центороя и Джавад-хан из Дарго». После избрания на горе Кхеташон Корта, у селения Центорой, имама Дагестана Шамиля имамом Чечни он назначает их обоих наибам: одного в Центорое, а другого в Дарго.

В начале 1840 года Шамиль разбивает Чечню на четыре крупных округа. Над округом Гехи (Малая Чечня) он назначил наибом популярного среди чеченцев Ахверды Магому, над округом Мешки (Мичиковское наибство) — Шоаипа, над округом Ауха и его окрестностями — Ташу-хаджи из селения Эндери, проживавшего в селении Саясан. В Большой Чечне (округ Шали-Гирмчик) наибом был Джаватхан.

Шоаип с самого начала приобретает расположение имама и становится близким человеком не только Шамилю, но и его семье. Шамиль доверил своему новому другу и соратнику Шоаипу безопасность своей семьи, и чеченский наиб неоднократно перевозил и укрывал от царских войск домочадцев имама.

В первых числах марта 1840 года по приглашению плоскостных чеченцев Шамиль выезжает из Аргунского ущелья, чтобы возглавить восстание в плоскостной Чечне. Шоаип с другими соратниками Шамиля развёртывает энергичную деятельность «по возмущению умов» жителей аулов Хазиры-Гойта, Чунгурой-юрт, Урус-Мартан и других против царских властей. «Каждый, вступающий в мюриды к Шамилю, к Ахверды-Магома, к Шуаиб-мулле и к другим лицам, близким к Шамилю, приносил на Коране присягу свято выполнять приказания, какого бы рода они ни были. Таким образом имам составил

около себя особый орден из лучших чеченских фамилий, для которых воля его была законом» [Берже, с. 110].

Недовольные действиями колониальной администрации, чеченцы поднимают в 1840 году всеобщее восстание. Соратники Шамиля разъезжают по всей Чечне, призывая крестьян к борьбе. 15 марта один из отрядов восставших попадает в засаду, устроенную царскими войсками у села Алхан-юрт. В столкновении Шоаип получил ранение.

В середине апреля 1840 года вся Чечня в огне восстания. Шоаип с небольшим отрядом приверженцев агитирует жителей качкалыковских аулов присоединиться к восстанию. Ему удается это, и многие, восстав против царской администрации, переселяются за реку Мичик. Шоаип и Джаватхан неотступно следуют за имамом, поднимая чеченцев на борьбу.

27 декабря 1840 года Шоаип совершает набег на Амир-хаджи-юртовское укрепление, примечательный «как по многочисленности участвовавших в нем скопищ горцев, так и по смелости... предприятия» [Очерк положения, с. 38].

В течение всей зимы 1840/41 года чеченские отряды прорывались за Сулак до самых Тарков, совершая нападения даже под Темир-хан-Шурой, сообщение которой с Кавказской линией стало возможно только при сильном конвое. Начальником пятисот человек из Мичиковского наибства, которым управлял Шоаип, был «один из храбрейших и известнейших чеченских наездников» Оздемир, награжденный всеми высшими наградами Имамата (в начале мая 1842 года Оздемир был предательски убит мухаджиром из села Эндери Чагаем Акаевым).

В конце октября 1841 года Шоаип-мулла совершает набег к самому Кизляру. В этом набеге горцы, кроме огромной добычи, отняли у царских войск одну пушку, а на обратном пути одержали победу над отрядом генерал-майора Ольшевского, загородившего им путь. Пушку Шоаип отвез в Центорой.

Были в судьбе одного из лучших полководцев Шамиля и трудные минуты. К примеру, когда в начале 1841 года в сражении с царскими войсками у Ауха горские отряды из-за неслаженности действий дагестанских наибов бежали с поля боя, разгневанный имам сместил всех наибов, не пожалев даже Шоаипа, хотя тот и не был виновен.

Очень скоро, впрочем, справедливость была восстановлена, и Шоаип опять стал наибом.

По вступлении своем в должность наиба Шоаип показал необыкновенную твердость характера при введении шариатских институтов, утвержденных Шамилем, решительность в преследовании врагов, большое умение обращаться с народом и принципиальность при наведении дисциплины.

Полностью полководческий и административный талант храброго наиба раскрылся в начале июня 1842 года в знаменитой Ичкеринской битве с царскими войсками под командованием генерал-адъютанта П. Х. Граббе. Шоаип развернул бурную деятельность по подготовке отражения карательной экспедиции царских отрядов, личным примером вселяя бодрый дух и уверенность в горцев. В сражении, длившемся несколько дней, царские войска были окружены и с трудом вырвались, потеряв около 1800 солдат и офицеров. Большие трофеи и 2 пушки достались мюридам. А. Пронели в своей книге «Горный орел Шамиль» (с. 30—31) писал: «Один завал некий наиб Шуаиб защищал с таким мужеством, что было удивительно. Всех офицеров авангарда — передового отряда он или убил или ранил». За этот подвиг Шамиль, спешно вернувшийся из-под Кази-Кумуха, наградил Шоаипа Центроевского расшитым золотом трофейным знаменем, а также орденом в виде звезды с надписью: «Нет силы, нет крепости, кроме Бога единого».

В августе 1842 года имам Шамиль с Шоаипом объезжает аулы Ичкерии, благодаря чеченцев за разгром царских войск. На место наиба Большой Чечни Джаватхана, умершего от раны, был назначен Иса Гендергено из Урус-Мартана. В августе того же года Шамиль, отправившись воспрепятствовать постройке русского укрепления Ойсунгур, «в первый раз употребил в дело полевое орудие, находившееся у Шуаиб-муллы». Орудием этим управлял беглый русский артиллерист.

Большой военный успех Шоаипа-муллы чрезвычайно поднял авторитет наиба как среди горцев, так и в стане врагов. О престиже Шоаипа, приобретшего наряду с другим знаменитым наибом Ахверды Магомой влияние у горцев, с тревогой пишет 19 июля 1842 года военный министр России генерал-адъютант А. И. Чернышев. Он указывает, что Шамиль одного Шоаипа встречал нарочито уважительно

«вне дома (т. е. выйдя из дома навстречу. — Д. Х.) с большой радостью и искренним выражением дружбы». В Мичиковском наибстве, по данным царских лазутчиков от 12 декабря 1842 года, под началом Шоаипа-муллы было 1500 семейств (под началом Ахверды Магомы Хунзахского в Малой Чечне было 5700 семейств).

В сентябре 1842 года Шоаип, Хаджи-Мурат и Кибит-Магома командуют отрядами горцев, отбивших аулы в горном Дагестане. 7 сентября, после двухдневных боев, отряд Шоаипа захватывает село Цатаных и Арахтаускую башню. Две роты царских войск были уничтожены. Стараясь избежать больших людских потерь, Шоаип начал решительную атаку 7 сентября лишь после того, как скрытые за саклями два орудия (их обслуживали перешедшие на сторону горцев русские солдаты, которых Шоаип привлекал к боевым действиям) повредили батарею царского гарнизона, состоявшую из двух орудий. 14 пленных Шоаип отправил в Танаус, в лагерь Шамиля, где им был поручен присмотр за лошадьми при артиллерии.

В начале ноября 1842 года повторный набег на Кизляр Шамиль вновь поручил Шоаипу. По всему протяжению Кавказской линии нападения горцев усилились, так что не только окрестности Кизляра, но и окрестности Ставрополя подвергались набегам.

По показаниям князя Орбелиани, находившегося в 1842 году в плену у Шамиля, в 1842 году Шоаип возглавлял наибство, которое охватывало всю Ичкерия. По его данным, в отличие от дагестанских войск Шамиля, которые «не подразделяются на дробные части, а идут и действуют нестройно толпою со своим наибом», в Чечне, особенно у Шоаипа и Улубия Ауховского, войска подразделяются на сотни и пятисотни под начальством сотенных командиров, имеющих особые знаки различия — трех- и пятиугольные звезды. За храбрость Шамиль награждает подарками, в Чечне Шоаип и Улубий жалуют за подвиги медали и звезды с надписью из Корана: «Нет силы, нет крепости, кроме Бога единого». Орбелиани же показал, что беглые русские солдаты выстроили Шоаипу мечеть и мельницу, которая приводилась в движение лошадьми или быками. «Для чеченцев это новизна, и они со всех сторон съезжаются, чтобы посмотреть на это изобретение» [Движение горцев, с. 420].

В русском документе от 22 марта 1843 года чин наиба Шоаипа-муллы царские власти приравнивали к генеральскому (к такому же чину

они отнесли наибское звание Ахверды Магомы, Улубий-муллы, Абакара-кадия Гумбетовского, Кибит-Магомы Тилитлинского).

На горе Кхеташон Корта, у ставки Шоаипа-муллы в ауле Центорой (место традиционных заседаний верховного органа Чечни — Совета страны и народных съездов) имам Чечни и Дагестана Шамиль дважды в год читал проповеди народу. На этой же горе была наибская тюрьма Шоаипа. В укреплении Шуаиб-капа (Шоайпан-гап — крепость Шуаиба) был поставлен настоящий гарнизон — караул во главе с мазуном для наблюдения за Большой Чечней.

В начале мая 1843 года в Андии на общем собрании всех наибов, старшин и мулл имам Шамиль, вновь получивший всеобщий вотум доверия, «объявил, что непосредственное наблюдение за беспрекословным выполнением его предначертаний он поручает Ахверды-Магоме, Кибит-Магомеду и Шоаип-мулле, через которых все наибы и старшины обязываются относиться к нему» [Движение горцев, с. 390]. Так по совету Юсуфа-хаджи Сафарова при Шамиле был образован институт старшин наибов или генерал-губернаторов (мудиров), из которых два наиба — Ахверды Магома и Шоаип — управляли Чечней, а Кибит-Магома — горным Дагестаном.

Летом 1843 года отряды Шамиля ведут тяжелые бои с царскими войсками в горном Дагестане. Шоаип во главе конного чеченского отряда «по их чеченскому обычаю» вступает в бой с конницей «отступников» из горцев (милицией в составе царских войск) и вынуждает их обратиться в бегство. Затем по заданию имама Шоаип со своим отрядом совершает стремительный ночной рейд на Кумыкскую плоскость и отгоняет огромную отару овец (по данным «Хроники» Мухаммеда-Тахира ал-Карахи, 16 тысяч голов). Как сообщает секретарь Шамиля, это произвело большое впечатление на колеблющихся жителей равнины Дагестана, которые не решались присоединиться к сражавшимся горцам, опасаясь карательных акций царских войск из ближайших крепостей: «С этих времен расширились области, подчиняемые шариату. Те, кто раньше отрицал шариат, начали даже опережать мюридов в его выполнении, оказании помощи его руководителям и поддержке их». «К концу 1843 года Шамиль был полным господином Дагестана и Чечни; нам (русским. — Д. Х.) приходилось начинать дело их покорения с самого начала».

В документе от 20 ноября 1843 года сообщается, что Шамиль для лучшего управления разделил Чечню на четыре округа: Мичиковский, Ауховский, Большую и Малую Чечню (осенью 1843 года Малая Чечня была разделена на два участка, границей между которыми была речка Рошни). Наибом Мичиковского округа вновь был утвержден Шоаип-мулла. Если в его административном ведении было 2000 семейств, то в военном отношении кроме Ичкерии и предгорий Шоаипу были подчинены также наибство Большой Чечни (2500 семейств), в котором наибом был ставленник Шоаипа — Суаиб-мулла Эрсеноевский,^[21] и Ауховский участок (1500 семейств), где управлял Улубий из Кешен-Ауха. По системе набора воинов мичиковцы могли выставить до 2000 вооруженных людей, ауховцы до 1500, а Большая Чечня около 2500 ополченцев (для сравнения: Малая Чечня — до 400 воинов ополчения). Таким образом, в военном ведении Шоаипа было около 6000 воинов с территории, ограниченной с севера Качкалыковским хребтом и Сунжей, а с запада рекой Аргун ниже села Дачу-Борзой (Ичкерия, Аух и Большая Чечня).

Начальником Чеченской области стал тесть Шамиля Абдула Цакхар, проживавший в селении Шали и пользовавшийся большим почетом. Его обязанностью являлся контроль за соблюдением шариата и законов Имамата в Чечне. О всех нарушениях он должен был докладывать имаму.

Казна наибства, находившаяся в ведении Шоаипа, включала 35 крымских ружей, 4 тысячи голов баранов, 5 сотен голов крупного рогатого скота, 60 буйволов и до 30 тысяч рублей серебром.^[22]

В 1843 году Шамилем были переселены в Ичkerию несколько сот каранаевских, эрпелинских и ахатлинских жителей.

В течение 1841—1843 годов чеченцы и дагестанцы одержали ряд побед над царскими войсками, нанеся им большие потери и отбив у них 13 укрепленных пунктов. Это было время, названное Н. А. Добролюбовым «блистательной эпохой Шамиля» [Очерки истории, с. 106]. Именно на этот период падает наиболее активная деятельность Шоаипа-моллы. Анализ свидетельств, оставленных горцами — сторонниками народно-освободительной войны, говорит об огромном уважении, которым пользовался Шоаип в горской среде. Характеризуя его, постоянно употребляют эпитеты «известный», «храбрый», «известный храбрец», «подобный льву, приготовившемуся к прыжку».

О справедливости Шоаипа и его высоком авторитете вспоминает в своих мемуарах С. Беляев, прошедший в 1842—1843 годах в плену у чеченцев десять месяцев. Командир Отдельного Кавказского корпуса генерал-адъютант Нейдгардт писал военному министру генерал-адъютанту Чернышеву 20 ноября 1843 года: «Шуаибу теперь около 40 лет. Он пользуется доверием Шамиля и если останется с последним в хорошем отношении, будет одним из самых уважительных ему помощников, но в случае ссоры с Шамилем, то по влиянию, каковое Шуаиб имеет на чеченцев, он может быть и опаснейшим его врагом. Чеченцы уважают и боятся Шуаиба» [Движение горцев, с. 407]. Н. Дубровин писал о нем (с. 468): «Шуаиб-мулла — наиб мичиковский, хотя был корыстолюбив в высшей степени, но эти недостатки с избытком заглушал своим умом и лихим наездничеством».

Остался и словесный портрет Шоаипа 1842 года, данный князем И. Орбелиани: «Шуемб небольшого роста, лицо смуглое с небольшими рябинками, ловкий во всех приемах и в особенности верхом. Он известен, как человек с хитрым и бойким умом, как отличный рубака, лихой наездник и искусный предводитель в бою» [Вердеревский, с. 31]. Шоаип отличался острословием и неунывающим нравом.

После гибели в 1843 году под хевсурским аулом Шатели наиба Малой Чечни Ахверды Магомы Хунзахского (с 1843 года в это наибство вместе с чеберлоевцами входил и Шатоевский округ), который пользовался безграничным доверием Шамиля и уважением чеченцев и считался главным претендентом на пост имама в случае гибели Шамиля, все доверие и надежды имам обратил на Шоаипа, также бывшего близким другом и верной опорой Шамиля в Чечне. К началу 1844 года Шоаип стал руководителем всей Чечни от среднего течения реки Ассы на западе до побережья реки Акташ на востоке. «Самым искусным из помощников Шамиля, которому он доверял командование правым флангом, то есть всей страной, расположенной между Терекон и Андийским хребтом», называет Шоаипа французский консул в Тифлисе виконт Г. Кастильон в письме к министру иностранных дел Франции Гизо от 18 мая 1844 года.

Блистательная карьера Шоаипа-муллы оборвалась внезапно, вместе с трагически оборвавшейся жизнью. 6 марта 1844 года в Андии проходил сбор наибов. На нем решались важные вопросы. Неожиданно имам Шамиль получил известие о гибели Шоаипа.

По свидетельству потомков участников тех событий, произошло это так:

«Наиб Шамиля Шоаип-мулла (Шоаип-молла) был очень уважаем и любим имамом Шамилем. Его уважали чеченцы за мужество, ум, честь, ученость, надежность. Шоаип-мулла был образованным человеком и отличался безрассудной отвагой. Как-то Хаджи-Мурат Аварский поспорил с Шоаипом, кто храбрее. Шоаип, сказав, что не может случиться того, что не предопределено Аллахом, взвел курок заряженного пистолета и, приставив к голове, нажал на спусковой крючок. Но выстрела не последовало, пистолет дал осечку. Шоаип предложил Хаджи-Мурату повторить то же самое, но наиб Аварии не стал шутить со смертью.

Шоаип был из аула Центорой. В тайпе цонтрой есть несколько родов (некъе): Корни-некъе (Кюрни-некъе), Оки-некъе и другие. Из рода Корни-некъе был и Шоаип, но, как всякий человек, получивший большую власть, он стал злоупотреблять ею.

Между шейхом Ташу-хаджи и Шоаипом как-то произошла ссора, и Ташу-хаджи предрек Шоаипу, что он умрет страшной смертью — «Таържа валарца лийр ву хьо»». (В других вариантах преданий говорится, что они купались в речке и Ташу-хаджи, омывшись, стал белым, а Шоаип так и остался черным (смуглым). И тогда шейх произнес слова, оказавшиеся пророческими, о страшной смерти Шоаипа.)

По законам тех времен всякий достигший совершеннолетия (15 лет) обязан был вступить в брак. То же самое относилось и к девушкам. Тех, кто отказывался, наказывали — вплоть до содержания в яме (темнице) до тех пор, пока не даст согласие на заключение брака.

Надо отметить, что средний брачный возраст у чеченцев до Шамиля был отличным от установленного законами Имамата. По чеченским обычаям совершеннолетними юноши считались с 17 лет, а девушки — с 15. Но в раннем возрасте в брак обыкновенно не вступали. Средний брачный возраст был у мужчин 25—27 лет, а у девушек 23—25. В связи с войной появилось очень много старых дев и молодых вдов. Шамиль был озабочен этим обстоятельством. В целях поддержания моральных устоев и предотвращения случаев разврата, а также для активного воспроизводства стремительно уменьшающегося в войне народонаселения было утверждено обязательное вступление в

брачный союз всех достигших совершеннолетия, а также молодых вдов и старых дев.

По указу Шамиля был сокращен до минимума (в интересах бедных людей) размер подарка и выкупа родителям за невесту; наказанию за невыполнение указа подвергались даже влиятельные люди Имамата, близкие родственники и друзья Шамиля. (Так, когда Шамилю было донесено о том, что наиб Ахверды Магома, вступив в четвертый брак, заплатил отцу невесты 90 рублей серебром, а по низаму следовало заплатить не более 20 рублей, то в наказание вся сумма была отнята и поступила в шариатскую казну.) Упрощалась и традиционная обрядность сватовства и свадьбы. Поощрялось также многоженство в противовес чеченскому обычаю иметь одну жену.

Во всех аулах в обязанность мюридов входил контроль за исполнением этого указа имама: чтобы все совершеннолетние вступали в брак. В течение месяца после вступления в брачный возраст девушка должна была назвать того, за кого она согласна выйти замуж. Если она не называла избранника, то ее выдавали замуж за любого, желающего ее взять, женат он или стар — неважно.

«Шоаип посватал дочь своего родственника Хамти за одного из своих соратников (юххера стаг). Но отец девушки ответил, что его дочь не согласна. Тогда Шоаип приказал посадить ее в яму. Отец девушки послал к Шоаипу делегацию. Но Шоаип ответил, что он не выпустит ее до тех пор, пока она не выйдет замуж за того, кого он ей указал. Говорят, что эта девушка была первой красавицей в ауле. Назначенный ей жених был коноводом у Шоаипа, и притом в годах. А ей было 16—17 лет. Когда она находилась в яме, к ней допускали только женщин, которые приносили еду. Женщины заметили, что она осунулась и день ото дня худеет, однако она наотрез отказывалась выйти замуж за назначенного жениха. Тогда родственницы девушки договорились между собой вывести ее из ямы обманным путем. Женщины сказали Шоаипу, что она согласна выйти замуж. Девушку отпустили, и ее спрятали у родственников. Узнав об обмане, Шоаип потребовал вернуть девушку, угрожая уничтожить ее отца и его близких».

Однако, проявив принципиальность, Шоаип-мулла нарушил тайповое братство и поступил наперекор собственно чеченским обычаям: он опозорил девушку и ее род тем, что посадил ее в яму

(темницу). Согласно Адату (обычному праву чеченцев), такой поступок подлежал каре. Это понимали все родичи Шоаипа-муллы.

Родственники девушки, пытаясь уладить дело миром — все-таки Шоаип был их однотайповцем, — послали своих представителей к родственникам Шоаипа с требованием, чтобы те сами принудили Шоаипа отказаться от рокового решения. Шоаип-мулла фактом заточения девушки в темницу, одним фактом насилия над ней, по чеченским морально-этическим нормам задевал честь не только девушки и ее рода, но навлекал позор на себя и свой род, так как задевший честь девушки не мог считаться настоящим мужчиной.

Это понимали близкие Шоаипа, которые в категорической форме предложили ему выпустить девушку и оставить ее в покое. Загладить же вину Шоаипа перед девушкой и ее близкими была уже обязанность старших. Однако Шоаип-мулла, один из видных руководителей мюридистского движения, знаменитый полководец Имамата, сподвижник и единомышленник Шамиля, в борьбе мусульманского (реформированного Шамилем) шариата с горским Адатом был непреклонен и решителен.

Принципиальность 40-летнего наиба и привела к тому, что в начале марта 1844 года его двоюродные братья по отцовской линии, не желая навлекать позор на свой род, убили Шоаипа. Убийцы тотчас же бежали в Ташкичу (царская крепость у села Аксай). Бежали с ними и их ближайшие родственники.

Срочно вернувшись из Андии с войском, Шамиль вошел в Центорой и устроил шариатский суд. Можно представить, какие страсти обуревали имама, потерявшего своего друга, виднейшего полководца и государственного деятеля. И только полгода назад, во время осады хевсурского аула Шатели, погиб друг Шамиля — наиб малой Чечни Ахверды Магома (похоронен в Гушкорте своим другом Батуко Шатоевским).

Шамиль обратился к центороевцам:

«—...Вы, поседевшие от долгого пребывания на этой земле, отступили от шариата, а всякий отступник — “мунапик”, с которым должны воевать истинные мусульмане. Вы хуже чем неверные. Я, как имам и истинный мусульманин, не могу терпеть отступничество. Ваши головы должны быть отсечены, и это будет сделано до заката солнца, который вы видите в последний раз. Если у вас есть оправдательное

слово, говорите. Обещайте, что впредь не будете отступать от моего низама, и тогда я пощажу остальных.

Говорят, что старики некоторое время молчали, а потом один из самых ревностных мюридов, который имел перед Шамилем и другими имамами много заслуг, выступил вперед:

— Шамиль, ты должен бы знать, что мы не боимся смерти и не раз это доказывали в боях. Вот уже сколько лет мы воюем с белым царем, держа за пазухой мешочки с толокном.^[23] Эта война и связанные с ней невзгоды нас не пугали. Нас пугает война в семье, у очага. И эта война всегда неизбежна, если семья создается без взаимной любви молодых. То, что наша молодежь встречается у источников,^[24] — истинная правда, и это будет продолжаться до тех пор, пока останется в живых хоть одна пара молодых. Мы пускали своих дочерей к источнику и впредь будем пускать, чтобы у них сложился “безам” — любовь такая же чистая, как та родниковая вода, у которой они собираются, так как “безам” необходим в семье так же, как вода в жизни. И если за это, имам, нас лишишь голов, то это будет смерть во много раз достойнее газавата, так как эти головы слагаются за самое чистое и справедливое дело из тех, за какие когда-либо слагались они. Если подобные встречи противоречат твоему низаму, то тебе надо подумать и разобраться, кому следовал ты, устанавливая его, — Аллаху или Иблису...» [Хасиев, с. 41].

По приговору суда были казнены 40 или 50 (скорее всего, их было меньше) мужчин из рода убийц (по-видимому, в их число вошли и люди, так или иначе замешанные в этом событии).

Официально было объявлено, что такое количество людей приговорено к казни из-за того, что Шоаип-мулла был убит коварно, нечестно. Вероятно, в число казненных вошли и некоторые жители аула Гордали (Гюьрдали), пособничавшие, по мнению имама, беглецам, в то время как, по низаму, они обязаны были их задержать (аул Гордали находится ниже аула Центорой по пути на плоскость, так что миновать его беглецы не могли).

Очевидно, после убийства Шоаипа-моллы Шамиль пересмотрел некоторые положения низама и запретил сажать девушек за подобные провинности в темницу — и сажали их отцов или старших мужчин их семей.

Так трагически оборвалась жизнь замечательного полководца и политического деятеля горского государства Шоаипа-моллы

Центороевского. На его могиле сам Шамиль поставил памятник с великолепным *шахидом* (шест с флагом): «Некогда знаменитому в Чечне наибу Шуаипу-мулле».

Юсуф-хаджи Сафаров из Алдов

Раскаленное добела солнце медленно плыло над изнуренной зноем пустыней. Сафар-хаджи лежал на белом горячем песке, судорожно ловя ртом воздух. Слабеющей рукой он взял ручонку рыдавшего возле него мальчика.

— Юсуф, сын мой... Там, в той стороне наши горы, страна отцов. Обязательно вернись туда, на Родину...

Растирая по лицу слезы, мальчишка смотрел на север. Повсюду, до самого горизонта, сколько охватывал глаз, была пустыня. Мальчик пристально глядел вдаль — туда, где у самой полосы горизонта, расплывающейся в мареве знойного воздуха, виднелись очертания высоких гор.

— Я вернусь туда, дада!..

...Юсуф родился в чеченском ауле БухІан-юрт (Новые Алды). Когда мальчику было пять лет, отец его Сафар отправился вместе с ним в Мекку и Медину для поклонения святыням ислама. В Мекке Сафар умер. Сын, оставшись сиротой на чужбине, попал в крайние обстоятельства. Но мальчику повезло. В Египте с давних времен занимали высокое положение «черкесы» — потомки выходцев с Кавказа — мамлюков. Воспитываясь у знатных покровителей, он получил прекрасное образование и через несколько лет поступил здесь в Османский корпус, находившийся под началом паши Мухаммеда-Али, где дослужился до чина полковника (миръ-алай).

В 1834 году Юсуф-хаджи Сафаров возвратился на Кавказ.

Под видом татарина он поселился в деревне Бековичи (по правому берегу Терека, напротив Моздока), где занимался воспитанием детей у князя Бековича. О себе Юсуф рассказывал, что его отец долго торговал в Кизляре, потом жил в станице Парабочевской и затем с ним уехал в Константинополь (Стамбул), там Юсуф-хаджи получил свое образование и поступил на службу.

В 1839 году Юсуф оставил Бековичи под тем предлогом, что намерен возвратиться в Константинополь, но вместо этого он отправился за Кубань к черкесам, где внимательно изучал местную обстановку и положение дел. Юсуф представлялся там посланцем турецкого султана. Юсуф-хаджи не только не скрывал, но, напротив, всячески подчеркивал, что он находится в больших сношениях с турецким султаном и египетским пашою, таким способом пытаясь занять лидирующее положение среди народов Закубанья.

В 1840 году Юсуф, находившийся у абадзехов, неоднократно пытался завязать отношения с имамом Чечни и Дагестана Шамилем, посылая ему письма с предложением своих услуг для связи с султаном Абдул-Межидом, египетским пашой Мухаммедом-Али и Ибрагимом. Секретарь Шамиля Мухаммед-Тахир ал-Карахи писал: «...народ неоднократно советовал имаму попросить помощи у этого султана. Но имам не хотел помощи ни от кого, кроме Владетеля всего сотворенного. Но когда к имаму пришло от Хаджи Юсуфа, который был “в черкесах”, письмо такого содержания: “Если ты хочешь изложить какое-либо дело султану Абдул-Меджиду, так посылай ко мне”, то он склонился к этому» [Хроника, с. 147].

Весной 1841^[25] года Шамиль направил к Юсуфу-хаджи делегацию во главе со своим учеником Амир-ханом из Чиркея. Посольство имело цель встретиться с султаном. Шамиль просил поддержать горцев открытием военных действий против России или хотя бы путем дипломатических усилий Турции заставить царские войска уйти с кавказских земель и оставить кавказские народы в покое. Взяв проводником черкесского мухаджира Султан-бека из селения Гехи и еще двух помощников, делегаты в составе Амир-хана, Шейха ал-Чиркави, Мусы ал-Балагини и Иджа-хаджи стали пробираться по ночам в Закубанье. Избежав многочисленных опасностей (о послых имама сразу же стало известно царскому командованию), они переправились через реку Кубань, проследовали далее в земли абадзехов и остановились в доме Исмаила-хаджи, у которого и жил Юсуф-хаджи. Юсуфу передали письмо имама, в котором говорилось: «Посылаю к тебе этих доверенных людей для того, чтобы ты доставил их по месту назначения». Через некоторое время послы двинулись к Черноморскому побережью.

Юсуф, вместо того, чтобы держать цель поездки в строжайшей тайне, при скоплении народа и в местах отдыха посланцев Шамиля стал разглашать содержание письма имама. Пораженный кичливостью и преступной беспечностью Юсуфа, Амир-хан с возмущением запретил ему распространять тайну. Но Юсуф-хаджи не обратил на его слова внимания, грубо ответив, что «здесь не бывает измены и разглашения тайн неверным, как это бывает среди тавлин».^[26]

Посланцы имама спустились на морское побережье между царскими крепостями Сухум и Анапа. Юсуф-хаджи вернулся, а

посланцы остались на побережье, ожидая посадки на торговое судно из Турции. Однако вся береговая линия русских была на ногах, пытаясь помешать отплытию послов. Неоднократно посланники имама пытались сесть на корабль, отплывающий в Турцию, и всякий раз безуспешно. Несколько турецких кораблей были сожжены и потоплены береговой охраной. Когда Амир-хан с товарищами поняли, что за каждым их шагом следят царские соглядатаи, они решили, что Амир-хан и Муса вернутся обратно, а Шейх и Иджа-хаджи останутся на побережье, чтобы попытаться счастья.

Амир-хан и Муса возвратились в абадзехский аул, договорившись между собой о том, что «раз это произошло по вине хаджи Юсуфа, то они возьмут его с собою в обратный путь и убьют по дороге». Вернувшись к Юсуфу, они начали уговаривать его перейти на службу к имаму. Юсуф-хаджи ждал этого и, не заставляя себя долго уговаривать, поехал вместе с ними в Чечню. Амир-хан и Муса, нуждаясь в знающем дорогу Юсуфе, отказались от своего тайного намерения убить его. Преодолевая опасности, которыми кишел обратный путь, скрываясь от царских отрядов и дозоров, спутники медленно пробирались к Чечне. Впоследствии Юсуф, вспоминая приключения по пути в Чечню, говорил: «Разве после этих трудностей может быть какая-либо утеха» [Хроника, с. 147—151].

В ходе общения с Юсуфом неприязнь Амир-хана сменилась удивлением глубиной познаний Юсуфа в различных науках. Позже Амир-хан Чиркеевский, бывший личным секретарем Шамиля, вспоминал: «Хаджи-Юсуф знал многие науки, владел в совершенстве арабским языком и до того был способен ко всему, что не было случая, в котором он не нашелся бы дать полезный совет» [Низам Шамиля, с. 33].

Имеется и другой вариант изложения событий, связанных с прибытием Юсуфа, который существенно отличается от слов Мухаммеда-Тахира. Рассказ был записан в передаче царских чиновников со слов Амир-хана Чиркеевского.

После письма Юсуфа к имаму «Шамиль составил письма к султану и египетскому паше, в которых, описывая несоразмерность сил своих в сравнении с русскими, неусыпное ведение с ними войны на защиту мусульманства, просил себе покровительства и помощи.

Письма эти были отправлены с доверенными людьми Шамиля (в числе коих был главным сам Амир-хан). Посланные успели благополучно пробраться через русские владения к абадзехам, нашли там Гаджи-Юсуфа, и он немедленно направился с ними к берегам Черного моря, для приискания турецкого судна, на котором мог бы отправить посольство Шамиля в Константинополь. Вскоре Гаджи-Юсуф приискал судно, договорился с хозяином и снарядил шамилевских посланников в путь, отказавшись сам следовать с ними по неизвестной причине; но судно в ту же ночь захвачено было русским большим кораблем, крейсировавшим у берегов, и сожжено. То же самое случилось с другим турецким судном, приисканным Гаджи-Юсуфом, и затем посланные, пробыв на берегу Черного моря около трех месяцев в напрасном ожидании возможности безопасного переезда в Турцию, стали собираться в обратный путь.

Амир-хан, сблизившись во время пребывания у абадзехов с Гаджи-Юсуфом и будучи очарован обширными его сведениями, стал уговаривать его отправиться с ним к Шамилю. Гаджи-Юсуф согласился и последовал за ним. Когда они стали приближаться к Дарго, Гаджи-Юсуф начал беспокоиться о том, что неудача посольства, возбужденного по его вызову, может огорчить имама и дурно повлиять на народ; поэтому он предложил Амир-хану составить подложную бумагу, в виде фирмана от египетского паши, с различными обещаниями, и торжественно возвестить ее народу, для ободрения его в войне с русскими, если только имам одобрит эту меру.

Мысль Гаджи-Юсуфа пришлась Амир-хану по сердцу, потому что он также был очень сконфужен неудачей посольства и опасался, дабы она не была отнесена к излишней его осторожности. Так как Гаджи-Юсуф знал хорошо форму бумаг египетского паши и имел все необходимые материалы, то он в дороге же составил грамоту на имя Шамиля и отправил наперед Амир-хана для испрошения позволения имама представиться с тою грамотою. Шамиль одобрил выдумку Гаджи-Юсуфа, и подложная бумага, им составленная, возвещена была с большою торжественностью как в Дарго, так и в других местах, подведомых Шамилю. (По покорному нам Дагестану разнеслась тогда молва, что Гаджи-Юсуф пробрался к Шамилю под видом дервиша и провез бумагу от султана в двойном дне медного кувшина, какие употребляются для омовения)» [Низам Шамиля, с. 2—4].

На вероятное время приезда Юсуфа в Имамат указывает рапорт начальника Хунзахской цитадели Талышина генерал-майору Клюки фон Кругенау от 25 июня 1841 года: «Назад тому 4 дня, как от Шамиля был прислан нарочный в Тилитли к Кибит-Магоме с бумагами, при коих приложена была также бумага, будто бы полученная Шамилем из Турции от Мамед-Али паши; последний пишет, что он скоро будет с войском, и этим распускают фальшивые слухи и поддерживают в черни дух народный к возмущению...» [Движение горцев, с. 306]. Таким образом, делегация Амир-хана, видимо, выехала в 10-х числах марта 1841 года и вернулась с Юсуфом в середине июня.

Уже позже, в 1856 году, в письме князю Барятинскому Юсуф-хаджи Сафаров, объясняя причину своего появления в Имамате, выдвинул заранее подготовленную легенду о том, что он в 1840 году отправился из Египта на родину в Чечню, в деревню Алды, чтобы взять мать свою и имущество, но «попал в войска Шамиля».

Гаджи-Али Чохский писал о Юсуфе-хаджи: «Он обладал знаниями, не известными до того времени никому в Дагестане. Он хорошо знал все науки и в особенности математику и архитектуру. Когда Шамиль увидел его громадные знания, то приказал мне учиться у него математике и архитектуре и Гаджи-Юсуф передал мне все свои познания».

За короткое время Юсуф-хаджи стал влиятельным человеком при Шамиле, и многое в Имамате делалось по его совету и с его участием.

Юсуф-хаджи привлек весь свой ум, талант, знания на создание сильного государства, помогая в создании государственных учреждений, реорганизации армии, строительстве крепостей, налаживании дипломатической службы и т. п.

Не зная о той большой роли, которую Юсуф-хаджи Сафаров играл в новых учреждениях, вводимых в Имамате с 1841 года, царские военачальники пытались объяснить их появление тем, что «все эти правила заимствовал Шамиль из арабских книг о военном искусстве и других учреждениях халифов. Предшественники его также заботились о введениях оных, но как по новости учения, так и по непрочности власти своей мало имели успеха» [Движение горцев, с. 358—359].

Никогда не стеснявшийся учиться, имам Шамиль впитывал рассказы Юсуфа о государственных учреждениях в Турции и Египте. Пристав Шамиля в Калуге Аполлон Руновский со слов бывшего имама

описал празднование байрама в Ведено: «Дорога, по которой шел Шамиль в мечеть и обратно, установлена была живыми шпалерами из мюридов. Это была пародия на церемониал, происходящий в этот день в Константинополе. Подробности его, а также подробности некоторых учреждений в Турции, сообщил Шамилю некто Юсуф-хаджи, живший очень долго в столице султана. С его рассказов Шамиль учредил у себя звание мудира и ввел некоторые другие турецкие учреждения» [Руновский, с. 166].

В мае 1843 года Шамиль, по совету Юсуфа, созвал в Андии съезд. В рапорте военному министру Чернышеву генерал-адъютант Нейдгардт 10 мая 1843 года сообщал: «...Шамиль, собрав всех наибов, старшин и мулл из преданных ему обществ, объявил им, якобы, что по малому с их стороны единодушию и усердию, не видя возможности достигнуть общей их цели, освобождения Дагестана от владычества русских, он слагает с себя обязанности главы веры и отказывается от управления дагестанцами, предоставляя каждому действовать по своему усмотрению. Но когда все находившиеся на собрании уверили его, что все его распоряжения и приказания будут исполнены с точностью и усердием, тогда он объявил, что непосредственное наблюдение за беспрекословным исполнением его предначертаний он поручает Ахверды-Магоме и Шуаип-мулле, через которых все наибы и старшины обязываются относиться к нему» [Движение горцев, с. 390].

Были объявлены новые положения и низамы, регулирующие различные стороны жизни Имамата и составленные Юсуфом-хаджи.

После съезда в Андии имам назначил Юсуфа-хаджи наибом над частью Малой Чечни в помощь мудиру Ахверды Магоме. Когда же Ахверды Магома «получил другое назначение», Малая Чечня была вверена Юсуфу-хаджи, и помощником к нему был назначен Иса Гендергено из Урус-Мартана. Вскоре, однако, Шамиль увидел, что Юсуф не в состоянии управлять столь огромною частью страны, и осенью Малая Чечня была разделена на две части, границей между которыми стала речка Рошни, «впадающая в Сунжу неподалеку от разоренного аула Куллар». Над восточной частью Малой Чечни, расположенной между реками Рошни и Аргун, наибом остался Юсуф-хаджи, западную же часть Малой Чечни, простиравшейся от Рошни до Фортанги, управлял теперь наиб Иса. Южной границей наибства было начало Черных гор, а северной — река Сунжа.

Огромное желание Юсуфа быстро воплотить в жизнь все свои идеи жесткого государственного управления вызвало недовольство чеченцев. Дали о себе знать высокомерие и презрительное отношение к простонародью, укоренившиеся в характере бывшего турецкого чиновника. Стараясь выделиться, Юсуф даже удлинил свое имя и представлялся на турецкий лад: Юсуф-хаджи-Юсуф-заде-оглы. Все это отразилось в характеристике наиба, данной по донесениям лазутчиков генерал-адъютантом Нейдгардтом в его рапорте военному министру генерал-адъютанту Чернышеву от 20 ноября 1843 года: «Впрочем, Юсуф-хаджи на этом участке скорее вреден, чем полезен Шамилю. За короткое время, что он управляет наибством Малой Чечни, разного рода несправедливостями и взятками он успел заслужить ненависть чеченцев, и на него уже несколько раз приносили жалобу Шамилю» [Движение горцев, с. 408]. Это же подтвердил много позднее и Амирхан Чиркеевский: «Вскоре после роспуска собрания в Андии, Шамиль назначил его наибом в Гехи (в Чечне), но Гаджи-Юсуф не мог пробыть там долго. Его действия не понравились народу и потому Шамиль взял его к себе» [Низам Шамиля, с. 5—6].

Чтобы не обидеть Юсуфа, Шамиль искал повод, не оскорбляющий его достоинство. Знание Юсуфом-хаджи черкесских языков и обычаев, опыт его пребывания среди абадзехов и других закубанских народов повлияли на решение имама, который в 1843 году послал Юсуфа сопровождать наиба Хаджи-Мухаммеда к абадзехам. Введение Хаджи-Мухаммедом шариата и новых учреждений, в чем ему помогал Юсуф-хаджи, утверждение единоличной власти для более успешной войны против царских войск, горячая поддержка его простым народом быстро вызвали раздражение тех, кто не хотел отдавать бразды правления, — части богатого старшинства, высшего дворянства абадзехов. Высокомерные черты характера Юсуфа еще усиливали недовольство. Через некоторое время Юсуф возвратился в Чечню.

В 20-х числах сентября 1844 года закубанцы послали к Шамилю делегацию из 8 человек. По прибытии своем в начале октября 1844 года в Дарго «посланные закубанцами, в числе коих находился салих (чеченский эфенди — Д. Х.) и сын Исмаила Хаджи, имели совещание с Шамилем, вследствие которого назначен был к закубанцам наибом Юсуф-Хаджи; но доверенные закубанцев недовольны таким назначением по той причине, что Юсуф-Хаджи, будучи уже один раз с

Хаджи Магометом за Кубанью, несправедливостями своими вооружил против себя народ» [Движение горцев, с. 483].

К закубанцам поехал наибом чеченский мулла Сулейман-эфенди Мустафинов. А Юсуф-хаджи вновь занялся укреплением горского государства.

«Юсуф Гаджи занимался постройкой укреплений и всячески старался содействовать предприятиям Шамиля по управлению и в военных действиях», — писал Гаджи-Али Чохский. По его чертежам и под его руководством были сооружены крепости и укрепления Риси, Ири, Чох, Уллу, Чалда, Харакань, Ведено, Гуниб, Салты, Гергебиль, Шуаиб-капа и др.

Юсуф-хаджи проявил себя и как картограф: известные сейчас карты Имамата были составлены им в период с 1850-го до 1853 года. А. Н. Генко, правда, не принижая общих заслуг Юсуфа, дает невысокую оценку этой сфере его деятельности: «Юсуф как законодатель (“низам”) и как картограф не возвышается над уровнем посредственности не только с европейской точки зрения». Зато Генко высоко отзывался о работе Юсуфа в области возведения фортификационных сооружений: «Бесспорно, что практически наиболее действенной и непосредственно полезной была его роль военного инженера».

После перенесения столицы Имамата из Дарго, сожженного русскими в 1845 году, в Ведено (Новое Дарго) Юсуф среди прочих сооружений выстраивает для себя в Дишни-Ведено большой дом, окруженный частоколом; на одной из арабских карт Чечни он обозначен так: «Это помещение наиба, паломника в Мекку и Медину Хаджи Юсуфа чужеземца».

Юсуф-хаджи стал и своего рода министром иностранных дел в Имамате, осуществляя переписку Шамиля с правителями и лидерами других государств и народов.

Уже намного позже, в 1856 году, Юсуф-хаджи, оценивая свою роль в Имамате, писал князю Барятинскому, что он «был у него (Шамиля. — Д. Х.) первым между наибами, устраивал и расширял его владения, сделался известен всем народам горским и Шамиль ни своим старшинством, ни насилием без посредничества и знания мною военного дела не достигал бы того, что делал со мною...» [Генко, с. 32].

Через Юсуфа Сафарова Шамиль и наибы решали и другие проблемы. Так, наиб Данил-бек Елисуйский писал к Юсуфу в июне

1852 года: «Любимому брату и дорогому другу Хаджи Юсуф Эфенди. Да направит тебя Бог на правильный путь. Привет тебе и милости Бога. А затем, податель сего письма Мухаммед Наби Эфенди доставит тебе список книг. Если Богу угодно, ты вместе с письмом отправь Хаджи Ибрагим-беку мои деньги, чтобы он приобрел эти книги в Стамбуле и переслал с доверенным лицом к нам. Еще напиши превосходному Ибрагим-беку, чтобы он подыскал там трех человек искусных мастеров, умеющих лить снаряды, стрелять из пушек, добывать и обрабатывать металл и отправил бы их к нам» [Движение горцев, с. 614—615].

Высокое положение Юсуфа вызвало зависть некоторых наивов. Многократно завистники (и среди них коварный Данил-бек Елисуйский, в глаза называющий Юсуфа «любимым братом и дорогим другом») наущничали имаму о том, что Юсуф-хаджи доставляет царскому командованию «секретные сведения о положении дел в горах». Имам, несмотря на свою подозрительность, развившуюся в последние годы правления, все же не доверял доносам, требуя неопровержимых доказательств. Вскоре, впрочем, Юсуф, находившийся постоянно под контролем и слежкой интриганов, сам дал повод для расправы над собой.

В 1853 году были начаты военные действия Турции и союзных государств (Великобритании и Франции) против России (Крымская война).

Осенью 1853 года султан Турции Абдул-Межид в письме просит имама Шамиля начать военные наступательные действия против России. Он обращается к Шамилю: «...ты от рождения проникнут благоговением к религии, ты до сих пор праведно воевал за нее по своей воле без всякого вознаграждения, не получая ни от кого помощи, кроме Бога.

Таким образом, ты закалился и приобрел опыт в боях, ты завоевал симпатии всего населения... Я постараюсь также произнести великую славу о твоей храбрости, умении и способности жертвовать жизнью и имуществом ради Аллаха.

Ты получишь от меня, безусловно, великую награду за услуги, не считая того, чем наградит тебя Бог на том свете» [Движение горцев, с. 627—628].

Летом 1854 года войска горцев совершают поход против царских войск в Грузии. Юсуф разрабатывает карты и направления главных

ударов по царской укрепленной линии. Складывалась благоприятная обстановка для изгнания царских войск из земель воюющих кавказцев.

Письма, обращения, посольства к имаму Шамилю, возвеличивание его, похвала и обещания всяческих наград и славы, часто подобострастное отношение правителей великих держав к имаму задевали честолубие Юсуфа-хаджи. Жажда славы, почестей, наград подвела Юсуфа Сафарова, толкнув на безрассудный шаг.

В 1853 году житель Ахалциха Гаджи-Исмаил был направлен к Шамилю с письмами от турецкого султана и с поручением уговорить имама в «довершение своих непрерывных действий приготовиться к новым схваткам, надеясь на неограниченную» помощь Порты. Когда нарочный отправился в обратный путь, Шамиль передал с ним два письма с приложением перевода русской газеты, «найденной у убитого казака, и чертежного описания земель, обитателей на Кавказе... составленной Гаджи-Юсуфом». (Карта эта, изъятая у задержанного по дороге в Карс Гаджи-Исмаила, была переведена и издана Линевицем в 1872 году.) Гаджи-Исмаил в пути был задержан дважды: царскими кордонами и, ранее, секретными службами Имамата. Поводом к задержанию явилось донесение Шамилю, что Юсуф секретно передал Исмаилу какую-то бумагу сверх врученных ему от имама.

После изъятия ее у Исмаила, бумагу принесли к имаму. В письме Юсуф-хаджи сообщал паше, что когда он прибыл к Шамилю, у последнего не было никакого порядка, и все шло, как у людей, незнакомых с требованием правильного строя для управления народом и войском; что он со времени прихода постоянно занят введением во всех частях должного порядка и успел устроить у Шамиля низам и многое другое, о чем в Дагестане не имели понятия.

Вознегодовавшие приближенные Шамиля бросились к дому Юсуфа с намерением убить его, но подавивший свой гнев имам приказал остановить их и велел привести Юсуфа к себе. Тесть и учитель Шамиля Джемал эд-Дин Казикумухский просил Шамиля о пощаде Юсуфа. В присутствии Юсуфа и окружения Шамиля было зачитано тайное послание Юсуфа карскому паше. Юсуф понял, что все кончено. Он стоял словно окаменевший, не в состоянии вымолвить ни одного слова.

Нарушив мертвую тишину, имам обратился к Юсуфу, сказав ему, что «хотя он вполне заслужил казнь, но в уважение ходатайства

Джамалэддина, дарует ему жизнь и ссылает его в Тинди, где приказывает ему жить без всяких ухищрений под опасением лишения жизни» [Низам Шамиля, с. 6—7].

В селении Акнада («шамилевской Сибири») Юсуф провел в тяжелых условиях несколько лет в кандалах, в темнице. Все имущество Юсуфа было конфисковано.

Суровые условия заключения подорвали здоровье ссыльного наиба. Тягостно тянулись мучительные годы заключения. Отчаявшись, несмотря на все ходатайство за него, получить прощение имама, Юсуф решился на крайний шаг. В 1856 году он бежит из Акнады через общество Чеберлой в крепость Воздвиженскую (Чахкери), а оттуда его переправляют с семейством и несколькими родственниками в крепость Грозную, «где был благосклонно принят» 18 июля.

Юсуф просил позволения жить в Малой Чечне в мирных аулах. На донесении о выходе Юсуфа-хаджи император Николай I написал: «Надеюсь, что не будет повторения того, что случилось с Хаджи-Муратом» [Зиссерман, с. 244].

Жажда мщения Шамилю владела Юсуфом. «Знаю многое о Шамиле и его войсках, — писал Сафаров князю Барятинскому, — надеюсь быть полезным русскому правительству и ручаюсь уничтожить все сделанное мною у Шамиля, потому что хозяин дома лучше знает, что в нем делается» [Генко, с. 32—33].

Однако через несколько месяцев после бегства в Грозную в 1272 году хиджры (1856 год) Юсуф-хаджи Сафаров скончался. Гаджи-Али пишет, что Юсуф умер через восемь месяцев после прибытия в Грозную; Амир-хан рассказывал, что, по официальной версии, распространенной в Имамате, Юсуф «умер там скоропостижно, в первую же ночь после своего прихода туда».

Так закончилась сложная, противоречивая и трагическая жизнь этого слабого в своих человеческих страстях, но талантливого и замечательного во многих отношениях великого государственного деятеля Имамата Шамиля.

Ахмад Автуринский^[27]

Имя Автуринского Ахмада (Эвтархойн Ахьмад) стало достоянием как литературы, так и устного народного творчества (илли, назма) уже в

50-х годах прошлого столетия.

В начале XX века песни о нем привлекли внимание композитора Муслима Магомаева-старшего. Песни об Ахмаде Автуринском в исполнении сказителя А. Нучаева слушали и записывали в 1915—1916 годах юный Асланбек Шерипов и его братья. В конце 20-х—начале 30-х годов известный илланча (исполнитель народного эпоса на дечик-пондаре) Б. Сулейманов пел песни об Ахмаде Автуринском по радио. В 1930-х годах песня о нем впервые была опубликована в сборнике чеченского фольклора. Пожалуй, самую большую работу по сбору песен-сказаний об Ахмаде Автуринском проделал С. Эльмурзаев.

Ахмад родился в 1824 году в семье жителя аула Автуры Мохмада из чеченского общества гуной. Уже в юном возрасте Ахмад выделялся среди сверстников удалью, искусством наездничества, щедростью и благородством.

Один из оплотов чеченского сопротивления, аул Автуры был все время под прицелом многочисленных военных экспедиций царских военачальников. Но военному командованию царских войск не удавалось запугать непокорных чеченцев, в сердцах которых еще больше укреплялась ненависть к поработителям. Юный Ахмад часто участвовал в постоянных стычках с жестоким врагом.

Весной 1840 года, когда вся Чечня под предводительством имама Шамиля вновь поднялась на священную войну за свободу, войска генерала Граббе начали новый поход в Чечню. 27 октября 1841 года они взяли штурмом села Гелдаган и Автуры. Отчаянное сопротивление чеченцев заставило царские войска остановиться перед входом в горы.

В этих боях за родной аул Ахмад показал себя отважным, зрелым воином. В обнаруженной А. И. Гапаевым в 1986 году чеченской хронике 40-х годов XIX века, написанной на арабском языке, рассказывается о бое отрядов наибов Шоаипа-муллы и Хаджи-Мурата против войск генерала Мусы Ансатойн (Ансалтинского) у берегов реки Терек. Известный чеченский летописец сообщает, как на вызов предводителей: «Кто понесет знамя?» — из рядов войск, подобно льву, выскочил неизвестный юноша на коне. Это был Ахмад Автуринский.

По рассказам стариков, имя юноши стало широко известно в Чечне после сражения в Нохчи-мокке, в месте Кожалган дукъ (начало июня 1842 года). В стане горцев неожиданно, как из-под земли появился неуловимый царский офицер, нанеся большой вред, он невредимым

исчезал обратно. Раздраженные удачными вылазками русского храбреца, бывалые джигиты стали обсуждать план поимки офицера. Стоявший поодаль юный Ахмад, стесняясь своей смелости, робко предложил свои услуги. Оторопевшие от наглости юнца опытные воины высмеяли Ахмада, а затем с руганью прогнали юношу.

Воспитанный в чеченских традициях уважения к старшим, Ахмад тем не менее решил делом доказать свое право на голос в любом обществе. Юноша подстерег русского офицера и, вступив с ним в единоборство, в сабельном бою поверг врага! Коня и оружие противника 18-летний Ахмад отдал не в меру высокомерным джигитам.

Но не только воинская доблесть пылкого юноши прославила его имя. Храбростью, благородством, добротой и честностью молодой Ахмад завоевывает уважение и любовь народа. Дружеское расположение к Ахмаду питал и сам имам Шамиль, умевший выделять в народе достойных людей.

Особое место в эпосе об Ахмаде Автуринском занимает его дружба с известным на Тереке гребенским казаком. Песня об Ахмаде Автуринском подробно рассказывает о начале их трогательной дружбы в самый разгар Кавказской войны, в середине 40-х годов XIX века.

Двое молодцев — Автуринский Ахмад и казак влюблены в красавицу-казачку из Кизляра. Случайно оба молодца встречаются на невысоком хребте у Терека. Казак, увидев безмятежно спящего чеченца, не стал вероломно пользоваться случаем, напротив, отпустив своего скакуна пастись рядом с конем Ахмада и вытянув из-под чеченца половину бурки, лег рядом с ним. Ахмад увидел тяжелый сон: будто лошадь казака испугала его скакуна. Проснувшись, автуринец увидел, что сон был явью. Гордый Ахмад разбудил казака и пригласил хозяина лошади сразиться с ним в поединке. Удалой казак согласился. Соперники выбрали самое надежное оружие — сабельные клинки. Однако в самый последний момент перед поединком казак обратился к Ахмаду:

*«Ты внимательно выслушай, терпения набравшись:
Испугавшись не сказано тебе, Автуринский Ахмад.
Если ты, опередив, меня сразишь,
“Казака убил Автуринский Ахмад” сказав, —
Уладят, тебе не подивятся,
Если я успею и от моей руки падешь,*

*Если ты прославленный в стране добрый молодец,
“Один казак убил Автуринского Ахмада” сказав, —
Имя твое предадут забвению, Автуринский Ахмад.
На четыре стороны света ты знаменитый, добрый молодец,
Автуринский Ахмад.
Нами любимых, на нас смотрящих
Девушек нет здесь, не вини меня.
На тебя смотрящих нет этих чеченских девушек,
На меня смотрящей нет этой городской кизлярки.
Сердцем верными друзьями если стать,
Храбрость показать место еще будет,
Наберись терпения, Автуринский Ахмад», —
Сказав, когда вымолвил это казак,
Согласился с ним Автуринский Ахмад.
Руку пожав, друг друга к груди прижали,
Друзьями стали эта два добрых молодца...*

После просьбы своего друга поведать ему о цели своей поездки Ахмад рассказал ему, что он собирается жениться на полюбившейся ему кизлярке. Казак, несмотря на то, что эта девушка нравилась и ему, пожертвовал своей любовью ради святой дружбы и поехал с Ахмадом сватать прекрасную жительницу Кизляра. Казак сосватал ее и со словами доброго напутствия любви и мира провожает молодую пару домой (по преданию, от Кизляра до аула Устар-гардой). При расставании казак добавил:

*Ко мне ты придешь, когда захочешь,
От твоего сердца сердце мерящим другом я буду,
Меня не забывай, Автуринский Ахмад!*

Принявшую веру мужа прекрасную кизлярку родственники Ахмада называли Гизларха (Кизлярка). До свадьбы, по обычаю, девушка жила у одного из друзей Ахмада, в доме жителя Малых Атагов Кадия (ныне его потомки Кадиевы). На свадьбу друга гребенский казак пригнал после удачного набега в затеречной степи 40 жеребцов. Вместе с другими друзьями Ахмада казак сопровождал невесту в свадебном

эскорте от Малых Атагов до Автуров. На свадьбу с поздравлениями приезжал имам Шамиль.

Ахмада с его верным другом гребенским казаком Санькой связывали не только товарищеские, но и кровные узы. От отца к сыну переходило в гуноевском тайпе предание о родстве гуноевцев с гребенскими казаками...

Во время нового укрепления ислама в Нохчи-мохке (Ичкерия) проповедником Берс-шейхом из Курчалоя несколько семей гуноевцев, не желая отказываться от своих древних обычаев, ушли из Гуноя, поселившись на равнине в селении Алды. Однажды двое парней-гуноевцев, поссорившись между собой из-за любимой девушки, начали рубиться кинжалами. Родственники убийцы вынуждены были уйти из аула и, поселившись за Тереком, основали, согласно преданию гуноевцев, по имени главы семьи село Оьрза-гIала. После переселения сюда (в 1711—1712 годах) с правого берега Терека гребенских казаков, основавших станицу Червленную, гуноевцы породнились с гребенцами. Это не составляло труда, так как издавна принятые чеченцами гребенские казаки, переняв одежду, обычаи и нравы кавказцев и породнившись с местными жителями, отличались от чеченцев лишь религией и русским языком, обильно пополненным кавказскими словами. Пошедшие от гуноевцев казачьи фамилии Гулаевых, Байсунгуровых, Борискиных и Титкиных отлично помнили свое происхождение и не теряли своих родственных связей с чеченцами даже во время войн, развязанных русским царизмом против Чечни. Истинные казаки в совершенстве знали чеченский язык, чрезвычайно гордясь своим родством (среди казаков были представители и других чеченских тайпов) и дружбой с чеченцами.

Проведший в плену у чеченцев 10 месяцев С. Беляев с удивлением вспоминал, что несмотря на кровопролитную войну, чеченцы считают казаков своими братьями. В своем «Дневнике русского солдата, бывшего десять месяцев в плену у чеченцев» в 1848 году С. Беляев писал: «Газак — казак или русский вообще. Это название еще довольно ласковое, потому что они казаков любят, несмотря, что те не милуют их. Они говорят: “ГIалгIазки джигит, люля узуш вац, нохчий санна ваша ву”. То есть: “Казак молодец! Трубку не курит! Словно нохчиец, брат нам!”»

В честь своего друга — казака Саньки Ахмад нарек своего сына именем Сату. У Ахмада были также четыре дочери.

В доме Ахмада жил его друг, беглый русский солдат Кузьма, ушедший из солдатской неволи (в селе Автуры до сих пор живут чеченцы — потомки Кузьмы).

В целях восстановления истребляемого войной народонаселения, укрепления границ, развития экономических и других связей имам Шамиль с 1842 года переселяет безземельных жителей нагорного Дагестана в Чечню. Обосновавшиеся в Автурах дагестанцы были наделены землей, построили дома, наладили с помощью чеченцев хозяйство и вскоре мало чем отличались от чеченцев, деля с остальными автуринцами все радости, беды и военные невзгоды. В Автурах поселились также семьи непокорных беженцев — мухаджиров из Тарков, Кумыкии и других мест, находящихся под властью царской колониальной администрации. Среди помогающих переселенцам был и Ахмад.

Ахмад остался в народной памяти защитником обездоленных, вдов и сирот. Молодой наездник все свои трофеи и военную добычу неизменно раздавал в пользу неимущих.

В составе отряда наиба Большой Чечни (вилаyet Шали) Суаиб-муллы из Эрсеноя Ахмад участвует в разгроме войск графа Воронцова в Нохчи-мокке летом 1845 года. В этой кампании Суаиб-мулла героически погиб при преследовании царских войск.

После смерти Суаиб-муллы Эрсеновского наибство Большой Чечни было разделено на два округа, наибами которых стали Бота Шамурзаев и Талхиг Курчало из села Шали. Автуры входили в округ Шали.

Царские власти на завоеванной территории запада Чеченской области (на месте уничтоженных карабулакских аулов) основывают укрепленные поселения, заселяя их казаками. В 1845—1846 годах с созданной здесь Верхнесунженской линии царские войска совершают набеги в Чечню. В Дагестане русские отряды прокладывают Военно-Ахтынскую дорогу, постепенно ограничивая поле деятельности непокорных горцев. В октябре 1846 года Шамиль ведет упорные бои против войск князя Бейбутова при дагестанском селе Кутеши, но 15 октября в ночном бою имам терпит поражение и отступает.

Осознавая сложное положение и получая от разведки сведения о намечающихся походах в Чечню, имам Шамиль пишет в середине января 1847 года письмо наибам Чечни:

«...Вы видели все труды и тяжести горских народов в боях с заблудившимися и как они стояли перед нами в текущем году. Теперь очередь стать перед этими нечистивыми дошла до вас. Если вы примете все тяжести, выставите всех совершеннолетних, вступите в войну, то вы славные люди, и Аллах вам поможет. Если же вы уклонитесь, то вы потеряете ваш авторитет и геройскую славу, которая утвердилась за вами с отцовских времен, и Аллах разгневается на вас. А это для вас большой ущерб. В помощь вам мы посылаем горских бойцов (из дагестанских. — Д. Х.) один отряд. Если вы терпеливо постараетесь, то этот отряд будет достаточен. В Коране сказано Аллахом: “Терпите, старайтесь...”»

В марте 1847 года имам Шамиль, ведя серьезную подготовку к обороне, по разным причинам, в том числе и из-за жалоб народа, сменил нескольких наибов, не пощадив даже одного из самых предприимчивых — Талхига Шалинского. Мудиром (генерал-губернатором) Большой Чечни был назначен один из участников разгрома войск князя Воронцова в Нохчи-мокке в 1845 году Бота Шамурзаев. На место Талхига наибом округа Шали Большой Чечни был поставлен «Ахмад Автуринский, пользовавшийся уважением всей Большой Чечни».

После неудачи в Дагестане Шамиль придавал защите Большой Чечни огромное значение. Царский генерал-майор Нестеров докладывал начальнику главного штаба на Кавказе 24 марта 1847 года: «Шамиль со всеми своими приверженцами находится в с. Автуры, где объявил жителям, что он не возвратится в Ведено, пока не обеспечит их от нападения русских войск, всенародно читает успокоительные проповеди, для слушания коих стекаются все окрестные жители, даже старцы, жены и дети. Должно полагать, что он присутствием своим может успокоить жителей, взволнованных последними набегами, и выжидает появления подножного корма или подкрепления из Дагестана...»

Шамиль издавна относился к Ахмаду с симпатией. Еще во время женитьбы имама на принявшей ислам армянке Шуанет (Анна Улуханова) юный острослов и прекрасный наездник Ахмад был, по

преданию, сватом Шамиля. Во время своего пребывания в Большой Чечне Шамиль всегда останавливался у Ахмада Автуринского и в самом ауле Автуры принимал посетителей, выслушивал жалобы и рассматривал дела в суде.

Пребывание Ахмада на должности наиба пришлось на очень трудный период.

Весной 1847 года царские войска осадили Гергебиль в горном Дагестане, но героически защищавшие его в течение нескольких месяцев мюриды, поддержанные 1—8 июня отрядами Шамиля, отбились. С огромными потерями войска Воронцова отступили. Начавшаяся в горах холера вынудила обе стороны прекратить военные действия. 25 июля князь Воронцов осадил дагестанский аул Салты. Имам послал на выручку осажденным своих лучших дагестанских наибов Хаджи-Мурата, Кибит-Магому и Данил-бека, но они так и не смогли пробиться через кольцо врагов, и 7 августа ушли ни с чем. Шамиль неоднократно пытался разорвать блокаду Салтов, но успеха не имел.

Отчаянное, почти двухмесячное сопротивление мучимых голодом, жаждой и холерой горцев после гибели большинства защитников было сломлено. С огромными потерями царские войска взяли аул, после того, как остатки его защитников, пробившись через окружение, ушли к имаму. В ряде важных селений, закрывавших дорогу в средний Дагестан, русские разместили свои гарнизоны.

Не лучшим было и положение Чечни. Постоянные бои против царских войск, экономическая блокада, связанные с войной лишения изматывали народ. Но люди Большой Чечни верили молодому наibu и шли за ним, невзирая на опасности. Ахмад во главе своих отрядов принимал активное участие в военных действиях против царских войск как в Большой, так и в Малой Чечне, в которую в эти годы переносятся основные военные действия.

Волконский писал, что «15 декабря 1847 года полковник генерального штаба Форстен занял с. Гойты, Боагачарой, и войска наибов Атабая, Муртазали (салатовский наиб. — Д. Х.), Садуллы и Ахмата опоздали, они прискакали на тревогу тогда, когда войска были вытеснены из Гойты и успели скрыться в лагере.

23 декабря предполагалось всем отрядам выступить из Чечни и развести войска на отдых, как вдруг получили известие, что Ахмат и

Геха намереваются с конными партиями двинуться к низовьям реки Сунжи. В Чуртугае (Петропавловской. — Д. Х.) полковник Форстен узнал: наибы уже возвратились с поиска на Сунженской линии.

21 января 1848 года вечером лазутчики дали знать, что наибы Ахмат и Геха возвратились со своими партиями за Аргун».

Ахмад без устали кидается со своим отрядом в наиболее уязвимые места, нанося урон окружающим Чечню линией крепостей и станиц колонизаторам.

Положение умирающего от холода, голода, обескровленного войной населения плоскостной Чечни и Дагестана было настолько серьезным, что в январе 1848 года имам Шамиль собрал в Ведено наибов, главнейших старшин и духовных лиц и объявил им, что не видя от народа помощи в своих предприятиях и усердия в военных действиях против русских, он слагает с себя звание имама. Собрание объявило, что оно не допустит этого, потому что в горах нет человека, более достойного носить звание имама, народ не только готов подчиняться требованиям Шамиля, но обязывается послушанием и его сыну, к которому после смерти отца должно перейти звание имама.

Ахмад уезжал из Ведено с тяжелым сердцем, думая о словах начальника Аварской области Хаджи-Мурата из Хунзаха, бросившего в лицо Шамилю в ответ на решение сделать преемником Шамиля его сына наиба Гази-Мухаммеда: «Имамом должен быть тот, у кого шашка острее». Ахмад знал, что имам не простит этого Хаджи-Мурату.

В Малой Чечне продолжались кровопролитные бои. В марте 1849 года все селение Автуры высыпало на улицы, чтобы встретить обоз эвакуированных из пылающей огнем пожарищ Малой Чечни семей черкесских мухаджиров (беженцев из завоеванной царизмом Кабарды). Гостеприимные автуринцы под звуки салюта обнимали хмурых, изможденных людей и разводили их по своим саманным и турлучным лачугам, делясь последним куском хлеба. В своей кунацкой Ахмад разместил семью отважного мудира Малой Чечни кабардинца Мухаммеда-Мирзы Анзорова. Кабардинцы были поражены, узнав, что среди автуринцев были их сородичи, бежавшие из Кабарды в Чечню к Бейбулату более 20 лет назад, еще при Ермолове.

Вскоре автуринцы все от мала до велика вышли на *белхи* (совместная работа для оказания помощи), за несколько дней возведя

дома переселенцам. С тех пор в Автурах появился черкесский квартал (чергазийн куьпа) и черкесские кладбища (чергазийн кешнаш).

Изматывавшая кавказские народы долголетняя кровопролитная война, тяжесть которой ложилась в основном на Чечню, невзгоды военных лет, тяготы службы, начавшиеся одна за другой неудачи войск имама вызывали недовольство людей, апатию и усталость. На многих действовала лживая пропаганда царских военачальников, от имени царя торжественно обещавших в прокламациях чеченцам все блага жизни, землю и автономию, если они прекратят сопротивление.

Огнем и мечом, обманом и подкупом, политикой «разделяй и властвуй» колонизаторам удалось разъединить народ.

В четыре летних экспедиции 1850 года вся Малая Чечня была разгромлена царскими войсками, а жители ушли в горы. Шли слухи, что если чеченцы не вернутся, то всю Малую Чечню царское командование хочет заселить казаками, как сделали, завоевав западную часть Чеченской области (Карабулак) и образовав Верхнесунженскую линию в 1845 году. Доведенные до отчаяния несколько тысяч чеченцев переселились в зону, контролируемую царским командованием.

Терпевший поражения имам Шамиль все больше терял авторитет, росло недовольство его неспособностью защищать Чечню. Имам ужесточал меры поддержания порядка в Чеченской и других областях Имамата. Участились смертные казни.

Но произошло то, что имам не мог предвидеть: ужесточение режима, запугивание слабых вызвали ответную реакцию тех, на ком десятилетиями держалось сопротивление царизму, кто укреплял в людях дух свободолюбия и непокорности и кто не собирался терпеть никакого ярма на шее своего народа.

Об этих людях в статье «Покорение Кавказа» писал после окончания Кавказской войны один из ее участников: «Почему так долго держались против нас чеченцы, терпели и голод и крайнюю нужду, умирали и посылали детей на смерть? Нам кажется, не из одной покорности Шамилю и его проповедникам, не из слепой ненависти к гяурам, не из жажды грабежа, как думают многие, нет, из желания независимости, по естественному убеждению народа, отстаивающего свою свободу, из чести и славы».

Среди таких людей был и Ахмад. Правление Ахмада во главе наибства отличалось мягкостью по отношению к наказуемым, защитой

осужденных на казнь. По преданиям, Ахмад высказал имаму свое несогласие с тем, что тот нарушает шариат, приказав конфисковывать в пользу государства имущество казненных. Имущество после смерти приговоренного считается имуществом сиротским и изъятию не подлежит. Имам Шамиль был вынужден согласиться с доводами наиба. Недовольство чеченцев вызывало также то, что Шамиль, выдвинутый на должность имама Мехкан кхелом (Советом страны) Чечни, с молчаливого согласия лидеров Чечни практически распустил этот орган власти народа, заменив его своими людьми в Диван-хане.

Вмешательство Ахмада, пользовавшегося уважением имама, спасло от суда Шамиля одного из авторитетов религиозной оппозиции Имамата — Кунту-хаджи Кишиева из Илисхан-юрта, открытые проповеди мира и покорности судьбе которого в военное время могли грозить большими неприятностями. Ахмад содействовал также побегу одного из осужденных мулл.

Очень сильно на молодого Ахмада повлиял случай, когда в перестрелке были убиты шестеро перебежчиков из аула Устар-Гардой. Ахмаду была объявлена кровная месть, хотя наиб приказал открыть огонь лишь после того, как перебежчики убили одного из всадников и отказались вернуться в село при условии прощения убийства.

Кровь убитых причиняла непрерывное страдание молодому наибу, мучившемуся сомнением, справедливо ли он поступил, отдав приказ стрелять.

Последовавший вскоре за тем открытый отказ Ахмада казнить семерых осужденных привел к тому, что Ахмад добровольно сложил с себя обязанности наиба в 1849 году.

Талхиг, назначенный наибом вместо Ахмада, совершил смертную казнь осужденных.

Несмотря на отказ от должности наиба, Ахмад не отказывается от борьбы с царизмом и не теряет связи с Шамилем. В письме к Ахмаду, переданном ему через тайного дипломата — троюродного брата Ахмада Эвтархойн АгIа-Мирзу, имам благодарил Ахмада за деньги, скакуна, белого верблюда и другие подарки, добытые после разгрома лагеря неприятеля на берегу реки ГЮйсу, и просил Ахмада вернуться на должность. В ответном письме Ахмад благодарил за приглашение, но заявил, что возвращаются только покинутые невесты. Далее он писал, что имам может видеть его впереди своего наступающего войска

и сзади — при отступлении. (Письма, сабля, ружье, пистолеты, подзорная труба Ахмада, хранившиеся в Автурах у Гапаевых, были конфискованы 22 февраля 1944 года.)

В 1851 году Ахмада потрясло известие о смерти от раны, полученной в июньском сражении на Нуракоевской поляне, мудира Малой Чечни Мухаммеда-Мирзы Анзорова, связанного с Ахмадом дружескими узами; а также переход в ноябре к русским наиба Хаджи-Мурата из Хунзаха.

17 сентября 1852 года имам Шамиль двинулся с войском на крепость Грозную. Этим походом он хотел поднять в Чечне свой пошатнувшийся из-за военных неудач авторитет, принудить царское командование к оборонительной тактике и увести аулы мирных чеченцев из-под крепости в Имамат. Однако замыслы Шамиля были раскрыты, и его отряд попал в засаду. Обступаемый со всех сторон, он вынужден был пробиваться в горы, неся потери в людях.

В этом нападении на Грозную участвовал и Ахмад. Предания так рассказывают об этом событии.

Подкупленный царским командованием провокатор Мустайпин Мохмад предательски заманил воинов под крепость Грозную, сказав известному наезднику из Сержень-юрта Эрсанойн Берду о том, что есть возможность похитить в крепости полковника. Не подозревавший предательства Берд передал это Ахмаду, и тот со своими друзьями Буга и Таду направился к крепости. На переправе через Сунжу, когда наездники находились в середине брода, по ним открыли перекрестный огонь. Приказав друзьям отступать, Ахмад сам стал отстреливаться и прокладывать себе дорогу шашкой. Автуринец получил тяжелое ранение в ногу (была перебита главная артерия), но от погони ушел. Истекая кровью, он поехал в аул Старая Сунжа (Сольжа), но охрана села встретила его выстрелами. Одна из пуль попала Ахмаду в предплечье.

Отъехав немного, окровавленный и теряющий сознание Ахмад сошел с коня, расстелил бурку и прилег. Своего любимого коня отпустил. Стрелявший в Ахмада охранник (он был из тайпа ялхой) сообщил кровникам Ахмада, переселившимся в Старую Сунжу, о местонахождении их обидчика.

Кровники нашли Ахмада в предсмертных муках и сочли для себя унижительным совершать казнь. Они соорудили носилки, подняли

носилки с Ахмадом на плечи и понесли в аул. Этот благородный шаг кровников остановили злые языки, которые кричали вдогонку:

— Он убил ваших людей, а вы еще взвалили его себе на плечи!

«Саблей нанесенную рану врачи залечивают, плохим языком нанесенная рана не заживает», — говорят чеченцы. Кровь бросилась в голову мстителям, омрачив их рассудок. Положив носилки, один из них взял у раненого саблю, обнажил ее и нанес удар, напополам рассекший плечо.

— Хорошо рубит сабля? — обратился он к Ахмаду.

— Да, хорошо. Ее носил достойный мужчина! — Это были последние слова Ахмада Автуринского. В то время ему было всего 28 лет.

...Люди расступались и смотрели вслед траурной повозке, направлявшейся ко двору Ахмада. Братья Ахмада Гапа, Ета и Овхад с потемневшими от горя лицами отрешенно смотрели на покрытое буркой тело. Чермойн Цосар, шедший рядом с повозкой, бросил поводья и с трудом, едва сдерживая нахлынувшие горестные чувства, внезапно охрипшим голосом произнес:

— Нет больше нашего Ахмада!

Воздух пронзили стоны. Женщины зарыдали.

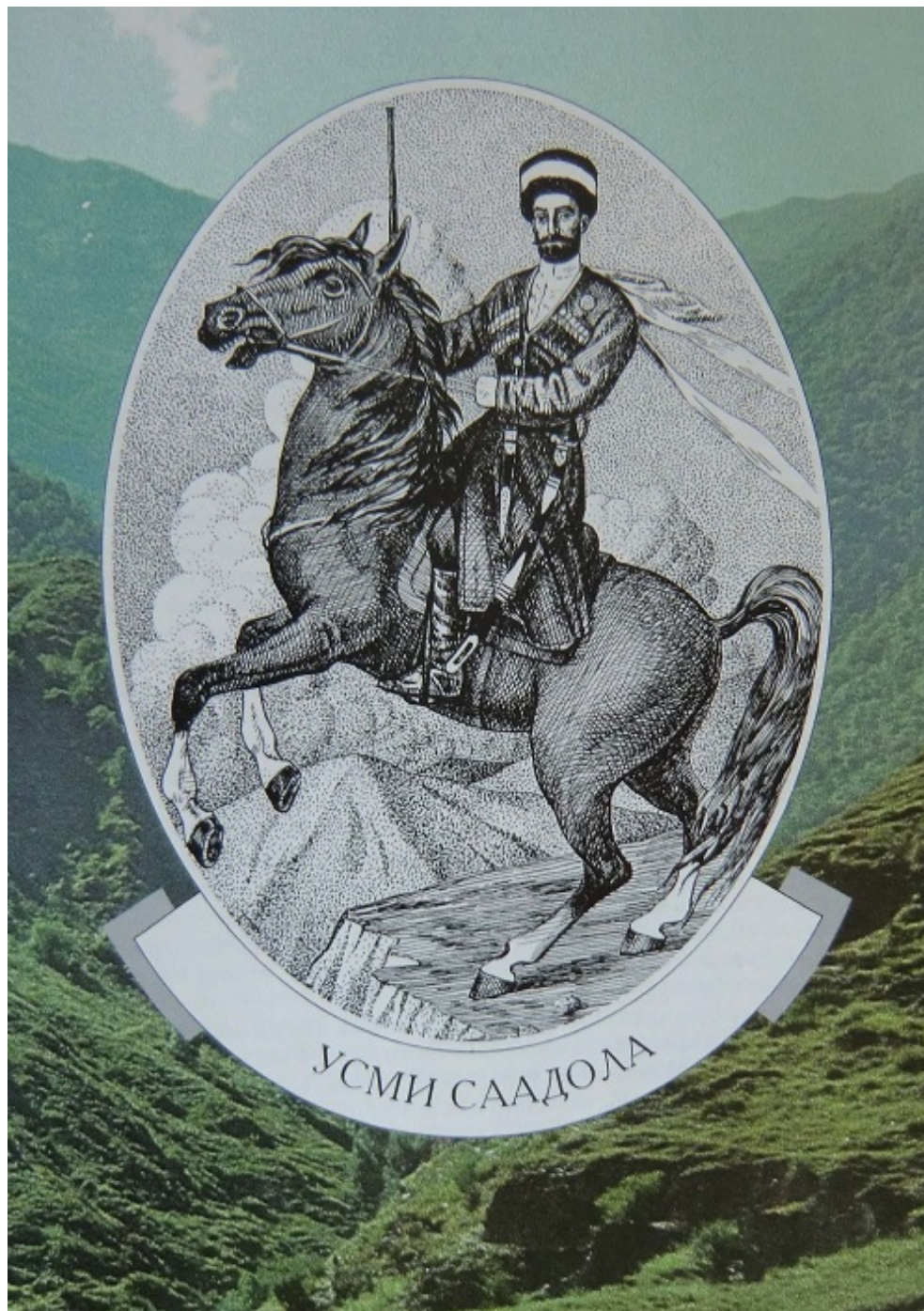
Статная, красивая жена Ахмада Гизларха словно окаменела. День превратился в ночь.

Имам Шамиль с горечью встретил известие о потере мужественного автуринца. Суд Шамиля, рассматривавший жалобу по одному и тому же делу только раз в год, четыре раза, с 1853 по 1857 годы, рассматривал обстоятельства гибели Ахмада.

На кладбище селения Автуры, у Ахмад-хутора, в скромной, но ухоженной могиле покоится его прах.

Народ чтит память своего героя — борца против царизма и любит его за мужество и отвагу, за честь и доброту, за твердость слова и чистоту поступков, за верность мужской дружбе, которой он дорожил, и чеченскому народу, который он любил больше жизни.

Усми Саадола

О гехинском наибе Саадоле (Усми Саїдулла) рассказывают предания горских чеченцев Аргунского ущелья.

«Саадола был уроженцем аула Ботурча в Дишнийн-мохк (по данным поэта Апти Бисултанова, Саадола был из села Нихала в Аргунском ущелье. — Д. Х.). До того, как присоединиться к имаму Шамилю, Саадола с друзьями самостоятельно совершал набеги на царские укрепления.

Однажды, придя к русским в крепость, он предложил свои услуги какому-то царскому генералу. Саадола объявил, что знает, где находится Шамиль, и берется за хорошую плату привести его живым или принести его голову. В помощь себе Саадола попросил 40 лучших офицеров. С этими 40 офицерами Саадола пришел в местность Чишки и, оставив их в лесу, наказал им не спать, пока не вернется. Те долго ждали его прихода, но сон сморил их, и офицеры уснули. Следивший за ними Саадола вернулся и отрубил всем своей шашкой головы. С этой добычей он пришел к имаму Шамилю. Шамиль ласково принял известного наездника и обещал Саадоле наибство, если тот принесет голову царского полковника.

Саадола пошел в засаду. Тогда была очень холодная зима. Аргун обычно подмерзал кое-где, но в эту зиму он весь покрылся льдом. Саадола, оставив коня, пополз через реку по льду к русскому лагерю, находившемуся в местечке Тоҕле чу. В этом лагере царский полковник показывал мастерство рубки саблей, тренируя кавалеристов. Он был в белой одежде и белой шапке.

Солдаты заметили, что по льду через реку кто-то движется, но полковник, занятый учением, не обращал на их призывы внимания. Саадола, приблизившись на короткое расстояние, выстрелил из ружья. Лошадь рванулась, и раненый полковник, стараясь не упасть, пригнулся к шее лошади. Подскочивший же в это время Саадола срубил шашкой ему голову. И в создавшейся панике, под градом выстрелов благополучно скрылся с его головой. За этот подвиг Шамиль дал ему наибство.

Как-то, уже будучи гехинским наибом, Саадола находился в свите имама Шамиля, у небольшого озера возле села Гатен-кала, в местечке Кхаа кхоре (К трем грушам). У имама был прекрасный скакун, который не знал удара плети, очень своенравный, несшийся как ветер, на котором Шамиль не раз выходил из беды.

Наибов раздирало соперничество. Многим не нравился выскочка Саадола. Решив опозорить его перед имамом, они начали предлагать

Шамилю, чтобы Саадола искупал его скакуна в озере. Имам согласился. Саадола вскочил на скакуна, ударил его изо всех сил плетью. Конь взвился и, прыгнув прямо в середину озера, скрылся вместе с Саадовой под водой. Вторым ударом плети Саадола заставил выскочить коня на берег. Шамиль, подстрекаемый наибам, попросил показать Саадове искусство джигитовки (динхъавзор). Саадола начертил перед пропастью шашкой черту и, отъехав, погнал коня прямо на обрыв. Доскакав до черты, он сдал обеими руками круп коня, и тот сел на задние ноги, встав на дыбы перед самой пропастью. Саадола проделал это вторично. Имам был восхищен...» (Рассказал З. Амагов, житель г. Грозного.)

Сведения о Саадове имеются и в русскоязычных документах, а также в арабоязычных хрониках горцев.^[28]

Молодечество Саадовы описал в своих воспоминаниях генерал В. А. Полторацкий, с 1846-го по 1854 годы служивший на Кавказе. В рассказе об уничтожении жителей аула Дубы, а затем ответном натиске горцев на отступающий царский отряд 6 марта 1847 года он пишет: «Вот мчится ко мне горсть всадников; один из них на темно-сером коне пригнулся к передней луке, из чехла выхватил винтовку и, грациозно-ловко перекидывая ее со стороны в сторону, стремительно во весь карьер несется вдоль всей моей цепи. Батальонным огнем, наудалую, провожают молодца все семь взводов наших, но он, целый и невредимый, вихрем летит вперед к авангарду и, завернув коня вправо, врезывается один в середину ошеломленных его дерзостью донских казаков. Ловко, отважно и лихо всадник сделал между ними вольт и тем же путем не далее, как на 20 шагов от цепи, скачет снова мимо нее, не обращая внимания на возобновившуюся по нему пальбу, а только, поравнявшись со мною, дает, наконец, выстрел и сам невредимо и безнаказанно сворачивает скакуна своего к восторженно встретившей его толпе чеченцев. Но пуля этого сорви-головы джигита не пропала даром, а вершка на два от моего левого колена глубоко засела в живот моего бедного гнедого... По сведениям лазутчиков, отважный джигит на сером коне, ворвавшись в самую середину “гаврилычей” (прозвище донских казаков. — Д. Х.) и ранивший затем моего гнедого, был не кто иной, как знаменитый наиб Саибдула, ближайший сосед и друг Дубы.

Этот наездник и богатырь не впервые оказывал чудеса храбрости, чем и славился в Большой и Малой Чечнях и высоко ценился самим

Шамилем» [Полторацкий, с. 78—79].

И вновь воспоминания горцев: «...Саадола участвовал и в убийстве несархоевского Малсага. Малсаг был очень заметным, красивым, смелым, стройным и благородным человеком. Желая покутить и попировать в Петербурге, он трехмесячный путь совершал за день и, покинув, возвращался обратно за ночь.

Его очень любил русский царь, однако потом из-за подозрения, навеянного интригами царского двора, в том, что сын царя родился от Малсага, царь и его князья возненавидели Малсага и отдалили его от двора.

Однажды Малсаг поехал в Воздвиженку (Чехгири-Гала) с несколькими несархойцами к своим друзьям — русским офицерам. Имам Шамиль узнал об этом и велел наибу Бетигову Саадоле принести его голову в Ведено.

Наиб с воинами поехал делать засаду. В это время Малсаг с несархойцами и с офицерами из крепости, вызвавшимися проводить его, выехали из Воздвиженской крепости. В погоне за ними мюриды приблизились к группе Малсага. Возбуждение всадников передалось лошадям, лошади ринулись в разные стороны, охватывая несархойцев и царских офицеров кольцом. Офицеры, увидев опасность, бросили Малсага и его товарищей и кинулись в бегство. Кольцо вокруг несархойцев сомкнулось. Группа Саадолы начала скакать по кругу.

Малсаг спокойно разложил на землю бурку, положил на нее ружье, пороховницу и то, что нужно было для боя, и лег сам. Саадола закричал Малсагу, что имам Шамиль приказал Малсагу, сдавшись, предстать перед имамом в Ведено, и тогда его оставят с головой и свободным или, если он не согласится, отрубив, принести имаму голову Малсага.

Малсаг, решив продать свою голову подороже, произнес:

— Не верится мне, что вас имам послал. Поверю я вам, если среди вас окажется наиб Саадола.

Надеялся Малсаг, что Саадола отзовется и, никогда не промахивающийся, Малсаг сделает первый выстрел. Но один из мюридов, поняв намерение Малсага, опередил Саадолу:

— Этого имама Шамиля имамом Шамилем сделавшие, этого Шатоевского Ботака Шатоевским Ботаком сделавшие, этого Саадолу Саадолой сделавшие ведь мы, горские молодцы (ламанхой кІентий), являемся. Произносимое нами слово ты словом не считаешь?

Тут ответил Малсаг, что чем он, представ перед имамом Шамилем, сдавшись, вызовет смех наибов, пусть лучше, узнав, что красивую голову Малсага, которой несархойцы клянутся, отрубили, несархойцы плачут.

Начали стрелять мажарские ружья, размахивать начали терсмаймунами — шашками. Падать начали несархойские гордые молодцы.

Смертельно раненный Малсаг, оглядев убитых друзей, воскликнул, обращаясь к Саадоле:

—Ва, Саадола, о тебе все рассказывают как о прославленном знаменитом молодце. Ведь мы одного народа, ведь мы вайнахи (вай цхъаьна ма деций, вай вайн нехан ма деций). Оттого что тавлин (суьйли) Шамиль сказал принести Малсага красивую голову, которой несархойцы клянутся (Малсаган хазчу кортор дуй бууш), если ты Малсага голову отдашь имаму Шамилю, то наш народ (вайн нах) осудит тебя, говоря, что Саадола, голову отрубив, имаму Шамилю отдал, и поэтому тело Малсага без красивой головы в могилу положили.

Саадола, выполнив последнюю просьбу Малсага, отдал тело, не отрубая головы, оставшемуся в живых несархойцу и вернулся к имаму Шамилю.

Имам Шамиль сказал Саадоле:

—Кто ты такой, чтобы не принести голову Малсага, когда я приказал принести? Ведь теперь голова Саадолы будет на виселице висеть.^[29]

Но Саадола, собрав своих приверженцев, не стал дожидаться покорно решения своей судьбы и ушел от имама». (Рассказал в г. Грозном З. Амагов со слов жителя с. Шульта Атсаламова Идриса в 1985 г.)

Еще один вариант предания о гибели Малсага зафиксирован Апти Бисултановым в 1980 году у жителя села Урус-Мартан Асхаба Тагаева (1910 г. р.):^[30]

«Среди наибов Шамиля наибольшим мужеством прославился наиб по имени Саадула. Он не боялся никаких трудностей и исполнял все повеления Шамиля. В то время в Ингушетии жил весьма известный мужчина — Назрановский Малсаг. Он не пошел за Шамилем, и имам за это его возненавидел и все искал возможности расправиться с ним.

Однажды Шамилю сообщили, что Назрановский Малсаг едет в Чечню. Тогда Шамиль послал своего наиба Саадулу, чтобы он на пути следования Назрановского Малсага устроил засаду.

— Или приведи мне плененного Назрановского Малсага с головой на плечах, или принеси голову, снятую с тела убитого Назрановского Малсага, — наказал он наибу.

Пошел Саадула исполнять приказ Шамиля. Он устроил засаду у дороги, выходящей из гор на равнину. Ехал по этой дороге Назрановский Малсаг. Он доехал до моста, где Саадула устроил ему засаду. Вышел Саадула ему навстречу, поприветствовал его и сказал:

— Меня послал Шамиль и наказал: или привести тебя плененного с головою на плечах, или принести твою голову, снятую с твоего тела.

Тогда ответил ему Назрановский Малсаг:

— Чтобы не смеялись надо мною назрановцы, говоря, что я сдался, чтобы спасти свою жизнь, я предпочитаю, чтобы они плакали, причитая, что мою голову снесли наибы Шамиля.

Разошлись они двое, обнажили сабли, сошлись и начали сражаться. Поединок затянулся, и солнце стало клониться к закату. Никто из них не выказывал усталости. Но Саадуле повезло: изловчившись, он нанес Назрановскому Малсагу опасную рану. И тогда Назрановский Малсаг сказал ему:

— Ты, Саадула, настоящий мужчина; не будь ты таким, тебя не чтили бы столь высоко в Чечне. Ты победил меня. Я прошу тебя об одном: когда помру, не уродуй мое тело, лишив его головы. А чтобы Шамиль убедился, что я убит,ними и отнеси ему мои офицерские погоны.

Саадула исполнил завещание Назрановского Малсага. Подождал наиб, пока герой помрет, затем снял с него погоны и поехал к Шамилю.

Узнав о возвращении Саадулы, Шамиль сам пошел к нему навстречу и спросил:

— Или ты привел мне плененного Назрановского Малсага с головой на плечах, или ты принес его голову, снятую с его тела?

Саадула ответил Шамилю:

— И не привел я тебе плененного Назрановского Малсага с головой на плечах, и не принес его голову, снятую с тела. И если тебе нужно свидетельство о гибели Назрановского Малсага, вот тебе офицерские погоны, снятые с его плеч.

Увидя погоны, Шамиль, говорят, презрительно усмехнулся:

— У торговцев немало имеется таких погон, мне нужна была голова Назрановского Малсага.

И ответил тогда имаму наиб Саадула:

— Я скорее готов отречься от тебя и покинуть твоё войско, чем, подчинившись тебе и исполняя твою волю, уничтожать лучших мужчин своего народа и быть проклятым среди своих людей!

Так и ушел Гехинский Саадула, а имам из-за своей чрезмерной жестокости лишился своего лучшего наиба».

Дальнейшая судьба Саадола сложна и противоречива.

По преданиям жителей села Гехи, Саадола, сын Усмы (Гусми Саадола), возглавил в 1865 году переселение чеченцев, карабулаков (орстхой) и ингушей в Турцию. Согласно документам, поддавшись провокационной пропаганде царских колонизаторов и османских властей, не желая покоряться царизму, в Турцию уходят с родной земли 23057 человек (5 тысяч семей) чеченцев, карабулаков и ингушей. Возглавили переселение кавказских горцев (всего их ушло 493000 человек) из Чечни и Ингушетии начальник Чеченского округа генерал-майор Муса Кундухов и начальник Урус-Мартановского участка бывший наиб Шамиля Усманов Сайдулла.

«Хлебнув сполна всех “прелестей” обещанного “рая”, пройдя унижения, позор на чужбине, теряя умирающих от голода и болезней родных и близких, потеряв Родину, горцы осыпают проклятиями тех, кто повел их в чужеземные пустыни. Переносить проклятия приходится и Саадоле, сыну Усмы. Саадола возглавляет теперь горцев, желающих во что бы то ни стало вернуться домой, на родину. Но тут железной хваткой стискивают горцев султанские власти. Чеченцы и ингуши во главе с Саадолой поднимают восстание, с оружием в руках пробиваясь к Кавказу. Саадола пропал без вести, неизвестно пока, погиб он или с ним произошло что-либо другое».^[31]

Мемуары генерала Муса-паши Кундухова

«В конце февраля 1865 года Лорис получил приказание Великого князя приступить к подготовке чеченцев к переселению. Вместе с этим всем начальникам областей

было предписано следить за движением вверенных им народов.

Также и я получил от Лориса официальное письмо о начатии переселения. Не теряя времени, пригласил я к себе в дом чеченского многоуважаемого наиба Саадуллу и почетного карабулакского старшину Алажуко Цугова с почетными людьми. Объяснив им прошлое и настоящее их положение, я спросил их, что ожидает их в будущем на Кавказе.

Они в один голос ответили, что кроме нищеты и обращения в христианство ничего лучшего не предвидят. Убедив их в истине этой, я предложил им оставить со слезами Кавказ и переселиться со мной в Турцию, где правда не найдем таких удобных земель, какими завладели у нас по праву сильные русские, но где при труде не будем иметь ни в чем недостатка и будем всегда готовы, как только представится случай, с помощью турок прогнать врага нашего с Кавказа.

Когда некоторые из них, предпочитая скорее расстаться с жизнью, нежели с родиной, начали говорить в пользу восстания (попробовать еще раз свое счастье), то я им сделал следующий вывод:

— Мы знаем, — сказал я, — что на земном шаре нет нации, стоящей ниже евреев. Все народы название их употребляют вместо многозначительного ругательства. Всякий назвавший в порыве сильного гнева противника своего не только в глаза, но и за несколько сот и тысяч верст жидом, чувствует, что гнев его смягчается. Но между тем было бы несправедливо отрицать, что в этой нации есть много честных, умных, образованных и благомыслящих людей. Следовательно дело в том, что эти несчастные жида не имеют своего отечества, не на что им опираться, нечем гордиться и не к чему стремиться, вот по этой-то несчастной причине лишились они даже человеческого достоинства и униженно живут и хлопочут только для живота своего под гнетом народов, на земле коих они живут...

Не желая своему потомству подобной участи, я обязан искать ему отечество и выбор мой, как мусульманина, пал на Турцию, где безукоризненно слившись сердцем и душой с османами, он будет с ними делить скорбь и радость своего отечества, имея по умственным способностям своим открытую дорогу к высшим государственным должностям.

А здесь стыдно и грешно нам слиться с врагом, лишившим нас отечества и всех прав.

— Согласитесь, — продолжал я, — что мы горюем и опасаемся не за себя, а за будущее (за потомство). Оно ни в коем случае не поставит нам в вину, что с лишком столетняя кавказская война лишила нас национальности, но непременно будет укорять нас, если мы под предлогом родины (которая уже нам не принадлежит) оставим его здесь без отечества в глубоком унижении.

Одним словом, безотрадно окинув взглядом будущность нашей родины, я нахожу ее для нас невыносимо гадкой и душной и потому разум требует от нас из двух зол выбрать меньшее.

Они все без малейшего возражения согласились переселиться, спросив только, переселение совершится морем или сушею?

Я объявил им, что переселение совершится сухим путем по военно-грузинской дороге и со всеми удобствами.

Они остались очень довольны и поклялись готовиться к переселению, не делая беспорядков в крае.

Саадулле я приказал внушить переселенцам не трогаться с места, пока не переселятся все мои родственники с моим семейством.

Командующий войсками, опасаясь восстания, имел почти во всех аулах лазутчиков, которые, как всегда в таких случаях бывает, снабжали его и его начальников округов тревожными слухами, до крайности Лориса изнурявшими.

...Первая партия с семейством и родственниками моими была отправлена из Владикавказа 25 мая. Затем, каждый раз пропуская один день, выступали другие партии, и таким образом отправив до трех тысяч дворов, я остальных

поручил наибу Саадулле, а сам с тяжелым чувством и сокрушенным сердцем простился с милой родиной.

Обратился к Всевышнему с усердной молитвой дать мне возможность в числе турецких войск с правильно устроенными мухаджирскими войсками вернуться на Кавказ и избавить его от ненавистного ему правительства».

Солтамурад Беноевский

В невыносимые годы русского господства и национального унижения сколько раз взывали чеченцы к памяти своих великих предков:

— О, Байсунгур Беноевский! Где ты?

— Повешен.

— Вара Беной-Атагинский?

— Убит.

— Ума-хаджи и Дада Зумсоевские?

— Повешены.

— Алибек- хаджи Зандакский?

— Повешен.

— Где ты, чеченский волк Солтамурад Беноевский?..

...Шел 1807 год. Продолжались нескончаемые многовековые русско-чеченские войны.

Отряд беноевцев возвращался домой после кровопролитного Ханкальского сражения против русских войск генерала Булгакова, пришедших с огнем и мечом на чеченскую землю. Чеченцы остановились перед одним из подъемов на отдых. Неунывающие горцы смеялись и шутили, вспоминая смешные ситуации из сражения в Ханкале.

Лишь серьезный Солумгири, как всегда, погрузился в думы.

— Что задумался? — спросил его подошедший товарищ. Сев рядом, он настроил свой дечик-пондар (национальный музыкальный инструмент) и, перебирая пальцами струны, запел звучным, сильным голосом:

*Споем про турпала Нохчо!
Неохотно приближаешься к старости,
Неохотно удаляешься от молодости.
Не хотите ли, добрые молодцы,
Про турпала Нохчо послушать песню?
Как искры сыплются от булата,
Так мы рассыпались от турпала Нохчо.
Родились мы в ту ночь,
Когда от волчицы родятся щенки.
Имена нам были даны в то утро,
Когда ревел барс:*

Такими произошли мы от предка нашего турпала Нохчо!

Обступившие его чеченцы в восторге восклицали: «ХIайт, маржа дуне яI!», салютуя выстрелами из пистолета. Разгоряченного Солумгири обнял подошедший к воинам путник:

— Солумгири! Я принес тебе хорошую новость. У тебя родился сын!

Солумгири выстрелил в воздух и в награду за весть отдал в подарок свой пистолет. Своего первенца Солумгири нарёк Солтамурадом...

Солумгири был узденем среднего достатка. В хозяйстве имел несколько быков, верховую лошадь, пару упряжных лошадей. Две небольшие отары паслись в Беное и в местечке рядом с Бачи-юртом. Всего в его семье было 3 сына и 4 дочери.

Самым старшим сыном в семье Солумгири был Солтамурад. Младше Солтамурада на три с половиной года был Муна и на шесть с половиной лет — Ханмурад.

Солтамурад рос серьезным и ответственным ребенком, характером был в отца. Как старший из детей, он рано стал помогать отцу в хозяйстве, смотрел за братьями и сестрами.

Мальчишеских обид не прощал, и хотя не был задирист, но когда вынуждали, дрался до конца, молча, упорно и отчаянно. Очень скоро упрямый мальчишка, которого невозможно было победить, завоевал авторитет среди сверстников.

Люди рассказывают, что когда Солтамураду исполнилось тринадцать лет и беноевский отряд с другими чеченцами выступил к грузинской границе для боев с вторгнувшимися в Чечню русскими войсками, то к ним попытался присоединиться и Солтамурад. Воины, сказав, что он еще мал, не взяли его с собой, но Солтамурад тайно обошел их, и когда отряд был уже далеко от родного селения, вышел к ним навстречу. Воинам пришлось взять его с собой. В бою с царскими войсками Солтамурад получил ружейную рану в левое плечо. Таким был его первый бой с царскими захватчиками.

Солтамурад с детства буквально впитывал в себя предания и рассказы стариков об исламе, истории чеченцев, их происхождении и знаменитых героях. Как-то он спросил у своего отца Солумгири, откуда происходят чеченцы. Отец после некоторых раздумий ответил:

— Люди рассказывают по-разному, но я расскажу тебе только то, что слышал от ученых мулл (а они читали в старых чеченских хрониках — *тяптар*ах, написанных на арабском языке).

Говорят, что общий предок всех нохчий был потомком пророка. Он являлся правителем страны Шам и носил титулы «шахин-шах» («царь-царей») и «сейс-дуль умараи султану салатини» («князь правителей и властелин властителей»). Этот Сайд-Али был 107-м потомком родоначальника всех людей пророка Адама. Брат Сайд-Али Гази-Хамзат правил в Нахчуване. У Сайд-Али было три сына: Абулхан, Рашидхан и Хамзатхан. После смерти их отца в 70-м году после смерти пророка, да будет над ним всегда благодать Всевышнего, их царская власть перешла в руки людей неправедных, а престол их отца занял Омар-бен Хасан аш-Шаами. Братьям пришлось бежать в Нахчуван. Они ушли в КагIазман, где жили родственники их отца, в том числе их дядя Гази-Хамзат. Там прожили десять лет. В этом городе смерть забрала их младшего брата Хамзатхана. Оттуда братья ушли в Арзуман, где умер Рашидхан, а оттуда в город Халаб. В этом городе остался жить сын Рашидхана. Далее они по берегу моря пришли в страну абзек, где сын Абулхана женился на дочери абзекского князя Сурхи. Затем после ссоры с абзекскими князьями переселились на реку Басхан, где построили башню, а оттуда переселились в Нашху. В Нашхе от них образовалось 13 тайпов. Уже из Нашхи нохчий стали расселяться по всем направлениям. Предок беноевцев Биан через Аргунское ущелье, где было основано поселение Оргун с башнями, через Тевзане пришел сюда и основал селение Бена. Я назову тебе имена наших предков, но не могу тебе сказать, точно ли я запомнил их и всех ли перечислил.

Моего отца, то есть твоего деда, звали Тур, его отца Оьлкъа, затем Мохъмад, Юьрташ, Iубайд, Элдар, Жоба (этот Жоба является родоначальником нашего рода — гара, Жоби-некъе), Бахъанда, Йовта, Хурсул (Хурсул принял ислам), Тур, Биан (основатель Беноя), Ал (Эл), Ул, Уз, Iамирхан. А далее имена предков я точно не припомню: то ли Рашидхан, то ли Оргун, его отец Сайдхан и его дед Абулхан (сын Сайд-Али аш-Шаами). Люди по-разному говорят.

У беноевцев девять родов-гаров. Люди одного гара считаются родственниками. Эти гары таковы: Жоби-некъе, Уонжби-некъе, Iасти-некъе, Ати-некъе, Чупал-некъе, Очи-некъе, Довъши-некъе, а также Эди-некъе и Гуьржмахкахой.

Все мы, беноевцы, — тайповые братья и равны между собой. Мы всегда помогаем друг другу и защищаем друг друга. Над нами шутят люди из окружающих селений, называя нас «большеногими беноевцами», потому что у нас очень много людей крупного телосложения. Люди уважают нас за бесхитростность, прямоту, верность слову и бесстрашие. Наш тайп самый сильный и многочисленный в Чечне. Мы чистые чеченцы. Может быть, потому, что чеченцы происходят из царского рода, они не признают князей и власти над собой. Все чистые чеченцы называют себя «обзда нах» — узденями, то есть свободными и благородными людьми.

Солтамурад хорошо запомнил слова отца.

В 19 лет Солтамурад женился. У него родились три сына — Туьршил, Демилха и Тіема.

Со своими братьями Муной и Ханмурадом Солтамурад участвует в боях чеченцев против войск Ермолова. Солтамурад вместе с другими беноевцами воевал под знаменами имамов Авко из Герменчука и Мухаммеда. Как и другие, восхищался бесстрашием и удалью предводителя Чечни Тайми Биболта.

...Наступило временное перемирие в русско-чеченских войнах. Но это было лишь затишье перед грозой. С 1828 года в горном Дагестане начинается антирусское движение под руководством имама Гази-Мухаммеда из аварского селения Гимры. Весной 1830 года это движение охватывает Чечню. Беноевцы, селение которых посещал со своими проповедниками Гази-Мухаммед, были увлечены обаянием нового имама и последовали за ним. Беной стал опорой имама в Чечне.

Шли жестокие сражения с царскими войсками. Сплоченные единым порывом чеченцы и дагестанцы наносили поражения русским, захватывали укрепления. 1 ноября 1831 года конница Гази-Мухаммеда ворвалась в Кизляр и частично сожгла его. Солтамурад был в первых рядах мюридов.

Весной 1832 года под Гудермесом чеченцы в конном бою разбили наголову Гребенский казачий полк. По приказу Гази-Мухаммеда две трофейные царские пушки Байсунгур и Солтамурад со своим отрядом увезли в Беной.

В Беное, бывшем опорной базой последователей имамов Шамиля из Гимров, Ташу-хаджи из Эндери и других, Солтамурад заворуженно слушал проповеди тестя Гази-Мухаммеда шейха Мухаммеда ал-Яраги,

просто и доходчиво раскрывающего перед душами правоверных таинства ислама.

Летом и осенью 1832 года войска генерала Розена прошли по Чечне, оставляя за собой смерть и разрушение. После ожесточенного сопротивления беноевцы отошли в леса. Войска генерала сожгли Беной и другие чеченские селения и ушли в горный Дагестан, преследуя имама Гази-Мухаммеда.

17 октября 1832 года последняя крепость имама — аул Гимры — была взята штурмом, а Гази-Мухаммед героически погиб, пронзенный царскими штыками. Тяжелораненый Шамиль сумел пробиться через окружение. В январе 1833 года в ауле Гоцатль имамом Дагестана был провозглашен соратник Гази-Мухаммеда Хамзат-бек.

Другой соратник Гази-Мухаммеда Ташу-хаджи Эндерийский в 1834 году ушел в Чечню. По приезде в Беной он остановился в доме отца Солтамурада Солумгири, с которым у него завязалась большая дружба. Жители Беноя по достоинству оценили ученость, ум, святость и мужество шейха Ташу-хаджи. Вскоре у шейха Ташу-хаджи (ученика шейха Мухаммеда ал-Яраги) появилось много приверженцев и мюридов среди ичкеринских чеченцев. Солумгири и его сыновья прилагали все усилия для выполнения поручений шейха Ташу-хаджи. Уже в августе 1834 года царское военное командование обращает внимание на деятельность Ташу-хаджи, который все более распространяет свое влияние в Чечне.

19 сентября 1834 года был убит кровниками имам Дагестана Хамзат-бек. Через несколько дней в ауле Гоцатль имамом Дагестана избирают Шамиля. 12—15 июня 1835 года произошли бои между отрядами подполковника Пулло и имамом Чечни Ташу-хаджи на Аргуне. Солтамурад с другими беноевцами сопровождал Ташу-хаджи почти во всех походах. В том же году Ташу-хаджи признал Шамиля имамом и стал его наибом в Чечне.

С февраля 1836 года Солтамурад в составе отряда Ташу-хаджи участвовал в походе в горный Дагестан, где Шамиль подчинил себе многие селения.

В 20-х числах августа 1836 года Пулло с царским отрядом быстрым маршем прошел до села Зандак. Аул был сожжен после боя. На призыв о помощи сошлись ополченцы из окрестных селений.

Подошедшие беноевцы и жители других аулов во главе с Ташу-хаджи вынудили царский отряд отступить.

В 1837 году, в конце февраля—начале марта, враг вновь вторгся в Ичкерию. 1 марта у селения Алерой произошел бой между отрядом соратника Ташу-хаджи Уди-муллы и войсками генерала Фези. Из Чечни генерал Фези продолжил поход в Дагестан против Шамиля. 7 июля 1837 года у Тилитля Шамиль заключил с Фези перемирие. Но перемирие это было недолгим. Уже в августе произошло между ними новое сражение.

В этом же году состоялось событие, вызвавшее много разговоров в горах. Это был приезд на Кавказ русского царя. 7 октября 1837 года император Николай I прибыл в Тифлис. Посещение Кавказа русским царем предполагало переход к более жестокому и быстрому введению русских колониальных порядков. Так и получилось. Назначенный 30 ноября командиром Отдельного Кавказского корпуса генерал от инфантерии Головин по указанию царя начинает вводить на оккупированной территории русское управление.

В 1838 году траур опустился на мусульман Дагестана и Чечни. Умер святой эфенди Мухаммед ал-Яраги. А в 1839 году в связи с вводом в плоскостной Чечне русского управления начинаются волнения среди равнинных чеченцев.

По поручению своего мюршида Ташу-хаджи (или, как называли его чеченцы, Воккха хъажа — Старший Хаджи) Солтамурад, Байсунгур и другие ездили по селениям Чечни, призывая людей к газавату.

Одновременно Ташу-хаджи разрешал тяжбы, возникавшие между жителями Ичкерии. Так, например, разбирая спор беноевцев по поводу желания некоторых разделить урочища между фамилиями, шейх постановил, что урочище Беной-Ведено должно быть в нераздельном пользовании аула, потому что прежде на месте расчищенной поляны был общебеноевский лес.

С тамадой Беноя Байсунгуром Солтамурада связывали давняя дружба и родство. На дочери Байсунгура МацIа был женат брат Солтамурада Муна. Муна, по рассказам, был физически очень сильным человеком и храбрым воином. В схватках с царскими войсками он был ранен 12 раз. Первая его жена, из очень бедной беноевской семьи, умерла от болезни. Умер и их 3-летний сын. Во второй раз Муна женился в начале 40-х годов на дочери Байсунгура.

Рассказывают, что перед этим Муна совершил подвиг. На хребте Энгана-дукъ расположились лагерем царские войска, шедшие на Беной. В этот день Муна, подкравшись к белой палатке царского полковника, поджег ее, и когда полковник выскочил оттуда, Муна застрелил его из пистолета, прыгнул к склону и покатился с обрыва. Сопровождаемый выстрелами, которые, за исключением нескольких неопасных ран, не принесли ему особого вреда, Муна спасся в лесу.

После этого подвига он и женился на дочери Байсунгура. Маца умерла в 1862 году. От нее у Муны было три сына: Гарда, Гарби, Джаби — и дочь Забанат.

Солтамурад в Беное пользовался не меньшим влиянием и авторитетом, чем Байсунгур. Рассказывают, что когда нужно было назначить наиба Беноя, то Солтамурад обратился с просьбой к Байсунгуру принять на себя эту должность, так как Солтамурад и другие не видели на это место более подходящего, болевшего за общее дело человека. Байсунгур, отказавшись от должности, напротив, предложил стать наибом Солтамураду. Но Солтамурад возразил, сказав, что он не доверяет до конца Шамилю. Байсунгур заметил: «А что же ты мне предлагаешь стать наибом человека, которому не доверяешь?» Разговор перевели в шутку, и должность наиба опять осталась незанятой.

Уже во всех округах и обществах были назначены наибы, и лишь Беной оставался без наиба. Поэтому почетные люди всех аулов выражали лидерам беноевцев свое недовольство. Солтамурад организовал собрание беноевцев, на котором предложил избрать наибом Байсунгура.

Советуясь с собравшимися в мечети людьми, Солтамурад сказал:

— Как бы там ни было, чеченцы избрали Шамиля имамом. Во всех аулах уже поставлены наибы, только наше селение осталось без наиба. Мы посоветовались и решили избрать наибом Байсунгура. Хорошо было бы, если бы все высказались по этому поводу.

Люди поддержали его. Тут же делегация беноевцев направилась к Шамилю в Дарго с просьбой назначить наибом беноевского общества Байсунгура, сына Баършкхи, а его помощником — Солтамурада, сына Солумгири. С тех пор бессменным наибом Беноя был Байсунгур, а мазуном — Солтамурад. Люди не ошиблись в своих руководителях.

Как и все наибы, Байсунгур и Солтамурад дали обет (*тоба*) на верность имаму Шамилю. Солтамурад полностью организовал внутреннюю жизнь беноевских селений и хуторов, занимался внедрением дисциплины, обустройством и вооружением муртазек и ополчения, исполнением приказов наиба, исполнением шариата и низамов и т. д. Беноевцы самоотверженно и бескорыстно участвовали во всех начинаниях имама, не задумываясь отдавали жизни за свободу Отчизны и ислама. Жители Беноя были на самых опасных участках сражений, погибали, не требуя для себя наград и богатств. Терпя нужду и лишения, беноевцы отдавали в войска Шамиля лучших воинов, сами, без помощи мюридов имама, защищали свои селения от царских войск.

В 1840 году Шамиль вновь снял с должности наиба Ауха шейха Ташу-хаджи, на долгое время отдалив его от дел. Солтамурад, как и многие другие беноевцы, являлся приверженцем шейха Ташу-хаджи. Он часто слышал от Ташу-хаджи нелицеприятные оценки, которыми тот в беседах характеризовал Шамиля.

Имам Шамиль медленно, но все более отдалял от себя Ташу-хаджи. Многие люди объясняли это тем, что Шамиль считал Ташу-хаджи конкурентом в борьбе за имамскую должность. На это влияли, по-видимому, и интриги, которые сразу же начали плести завистники из окружения имама и наиба. Назначение весной 1840 года такого видного деятеля, как Ташу-хаджи, на должность простого наиба Ауховского округа уже говорило о многом. Последовавшие вслед за этим несколько открытых ссор с имамом и неподчинение приказам Шамиля вызвали скорое отстранение Ташу-хаджи от должности наиба. Осенью он был заменен Булатом-Мирзой. Несмотря на большой авторитет имама Шамиля, снятие с должности шейха Ташу-хаджи вызвало недовольство среди многих чеченцев. Одна за другой к имаму потянулись делегации, пытавшиеся примирить Шамиля и Ташу-хаджи.

В составе этих делегаций были Солтамурад и Байсунгур, их друзья наиб Шоаип-мулла из Центороя, шейх Геза-хаджи из Симсира, а также другие. Искреннее сожаление о том, что он явился жертвой клеветников и завистников, выражал в своих письмах к имаму и сам шейх Ташу-хаджи. В походах и государственных заботах имам затянул примирение с Ташу-хаджи из Саясана, но под давлением народа все же был вынужден вновь сблизиться с влиятельным среди чеченцев шейхом.

Примирение это было окончательным, и Ташу-хаджи завершил жизнь верным сподвижником Шамиля.

В мае 1842 года 500 чеченских всадников под командованием наиба Малой Чечни Ахверды Магомы вместе с Шамилем ушли в Дагестан в поход на Кази-Кумух, а в Чечню, спеша использовать отсутствие имама, двинулись войска генерала Граббе. В конце мая состоялось знаменитое Ичкеринское сражение и разгром генерала Граббе. В этом сражении огромную роль сыграли беноевские ополченцы во главе с Байсунгуром и Солтамурадом. Солтамурад и его брат Муна в рукопашных схватках с царскими солдатами получили тяжелые ранения. Однако враг был побежден и изгнан, и ничто не могло омрачить радость этой победы.

В 1843 году умер шейх Ташу-хаджи. С большими почестями он был похоронен в селе Саясан. Этот год был особо траурным для Солтамурада. Умер и его отец Солумгири.

В том же году триумфальное шествие войск Шамиля завершилось освобождением большей части Чечни и Дагестана от царских войск, разрушением царских укреплений, пленением солдат и офицеров и взятием многочисленных трофеев.

Но уже сказывалась усталость горцев от войны. Тяжело внедрялись в Чечне и новые низамы имама. Так, весной 1843 года восстали некоторые селения Чеберлая, отказавшись подчиниться шариату. Ни увещевания, ни угрозы имама не помогли. Тогда в дело вступили отряды дагестанских наивов с артиллерией. Восстание было жестоко подавлено. В Чечне большинство народа восприняло наказание богоотступников как должное. Но брожение в народе не прекращалось.

В этом же году, летом, умер от раны один из верных сподвижников Шамиля мудир Ахверды Магома.

...Не успели в Имамате отпраздновать великие победы и начать устраивать внутреннюю жизнь по шариату, как сопротивление нововведениям вылилось в новую трагедию. В начале марта 1844 года был убит родственниками нарушивший священные для чеченцев законы Адата Шоаип-мулла Центороевский.

Шоаип был другом Байсунгура и Солтамурада. Они оба сильно переживали его гибель и считали его убийство коварством врагов. Разъяренный имам жестоко отомстил убийцам Шоаипа. Несколько десятков мужчин-центороевцев были казнены. Окрестные селения не

вмешивались в наказание центороевцев андийскими войсками. Но когда Байсунгур и Солтамурад узнали о том, что убитые исчисляются десятками, они вместе поехали к имаму с просьбой прекратить побоище. Имам приказал остановить казни. Детей Шоаипа Шамиль забрал к себе в столицу на воспитание.

В апреле и мае 1845 года в горах появились слухи о готовящемся большом наступлении русских во главе с новым «полуцарем Воронцо» (наместником Воронцовым). Привычка чеченцев к постоянным тревогам смягчала беспокойство людей, но Байсунгур и Солтамурад отдали распоряжения о заготовке продовольствия и фуража, боеприпасов, а также о ремонте в окрестных лесах и горах военных баз и убежищ. Солтамурад уделял также большое внимание обучению воинскому искусству молодого пополнения. Беноевские мастера ремонтировали ружья и пистолеты, ковали новые булатные кинжалы и шашки, готовили порох и отливали медные пули.

В то же время среди некоторой части населения Чечни начали распространяться упаднические настроения. Байсунгур и Солтамурад отлично понимали, что такие настроения провоцируют царские агенты, паникеры и трусы. Однако эти негодяи умело пользовались усталостью народа, растущим неверием в победу над русскими, постоянной угрозой царских вторжений, угрозой голода и холода. Но самым главным фактором недовольства людей было взяточничество, несправедливость некоторых наибов, судей, мулл и других представителей шариатской власти имама. Многие высказали недовольство самим имамом, по их мнению якобы поощрявшим мздоимство; среди чеченцев его с недовольством называли «падишахом» (царем).

В народе шло брожение.

Беноевцы же во главе с Байсунгуром и Солтамурадом, понимая, что раздоры в народе и отход от Шамиля приведут к общему поражению, стояли прочно на позициях борьбы за независимость Родины и религии.

В Беной в один из весенних дней пришла весть о том, что делегация от некоторых плоскостных аулов пришла в столицу Шамиля с просьбой или защитить их аулы от непрекращающихся русских набегов и разорений, или позволить им заключить с царским военным командованием мир.

Байсунгур, вызвав Солтамурада, приказал срочно объявить сбор муртазек и мюридов, а также привести в боевую готовность ополчение. С беноевским отрядом наиб и мазун двинулись к Дарго, чтобы поддержать имама. К Дарго прибывали наобы с отрядами и толпы народа.

...Имам молился трое суток в мечети. На третий день он вышел оттуда изможденный и именем Аллаха приказал палачу наказать ста ударами палок того, кто посмел ему сказать о примирении с христианами, а значит, о покорении. Это была его старая мать Баху-Меседу. Толпы людей застыли, пораженные решением имама. Палач нанес несколько ударов старушке, которая пала без сознания. Остальные девятью восемь ударов принял на себя сам имам, так как он был сыном этой женщины. После истязания, встав как ни в чем не бывало, Шамиль приказал отпустить делегатов. Народ был несказанно поражен увиденным. Весть о решении имама, не пожалевшего ради независимости и ислама ни себя, ни даже собственную мать, была настолько шокирующей, что люди все более утверждались в мысли, что Шамиль — святой. Авторитет Шамиля среди впечатлительных чеченцев возрос многократно. Во имя справедливости и честности своих вождей народ был готов терпеть голод, лишения, холод, идти на смерть. Виденное поразило Солтамурада и отбросило все сомнения, он преисполнился уважением к Шамилю.

В начале июня в горах молниеносно разлетелась весть о вторжении со всех сторон в пределы Имамата бесчисленных русских войск.

3 июня в Дарго по приказу Шамиля были расстреляны пленные — знатные русские офицеры. Этим шагом имам показал всем, что для него нет примирения с царским правительством.

В этот же день в Беное было получено приказание прибыть 4 июня на сбор наобов в село Алмак.

На совет собрались все наобы Чечни и Дагестана. Имам поклялся, что убьет или зашьет рот тому, кто будет просить его заключить мир с русскими. Наобы все дали клятву, что будут сражаться. Имам с дагестанскими наобами остался в Дагестане, а воодушевленные чеченские наобы вернулись домой и начали подготовку к встрече царских войск.

Вести из Дагестана приходили неутешительные. Царские войска продвигались все дальше в горы, несмотря даже на мороз и выпавший

внезапно снег. 13-го числа дагестанские войска Шамиля были разбиты в Андии и разбежались. Расстроенный Шамиль, оставшись с десятком товарищей, ушел в Чеберлой (Чечня).

Недобрая весть облетела Чечню. Перед лицом смертельной опасности, не сговариваясь, некоторые чеченские наибы, религиозные и общественные авторитеты съехались в Дарго. Байсунгур и Солтамурад из Беноя, Геза-шейх из Симсира, Суаиб-мулла из Эрсеноя, Элдар Ичкеринский, Хатат из Дарго и другие составили письмо к имаму Шамилю, в котором просили его вернуться в Дарго и возглавить сопротивление. Чеченские вожди писали: «Мы и наши жены клянемся умереть за тебя и будем служить тебе не так, как дагестанцы, которые бежали, нисколько не сражаясь».

15 июня Шамиль получил их письмо и, успокоившись, вернулся на позиции, рассылая по Дагестану письма с призывом ополчаться. К 18 июня дагестанские наибы и их ополчения вновь собрались на горе Азал в Андии.

Через несколько дней имам, оставив на позициях дагестанские войска, вернулся в Чечню, в Дарго, где находились чеченские наибы.

Наибы искренне обрадовались приезду имама Шамиля. Шамиль заверил их в том, что останется у них, и поклялся на Коране, что он не заключит с русскими мир. Такую же клятву дали наибы и их ополчение. Главнокомандующим чеченскими войсками был назначен Суаиб-мулла Эрсеновский. Чеченцы начали рубить завалы на лесной дороге из Андии в Дарго.

6 июля русские войска под руководством главнокомандующего М. С. Воронцова двинулись в Дарго.

Байсунгур с отрядом муртазексов ушел в Дарго. Солтамурад был оставлен в Беное для сбора ополчения и укрепления аула. 500 ополченцев из Беноя, среди которых были женщины и даже подростки, приняли участие в сражении против армии Воронцова под Дарго. Бои продолжались до 20 июля. От полного уничтожения войска Воронцова спас подошедший на помощь отряд генерала Фрейтага.

Чеченцы одержали историческую победу. Байсунгур потерял в этом сражении руку, героически погибли командир беноевской сотни Рамзин Ада и кадий Беноя Джонха. Тяжело раненный, Солтамурад до конца оставался на поле боя.

Имам наградил Байсунгура и Солтамурада орденами за разгром царских войск.

Байсунгур был надолго выведен из строя. Обрубок левой руки долго не заживал. Всю наибскую деятельность выполнял скоро вставший на ноги Солтамурад.

В апреле 1846 года войска Имамата ушли в дальний поход в Кабарду. Солтамурад и Байсунгур в этом походе не участвовали, оставаясь в Беное, но отправили несколько десятков воинов с командиром. После победоносного стремительного марша войска вернулись домой, произведя среди царского командования переполох.

Выздоровевший Байсунгур вновь возглавил Беноевское наибство.

В 1847 году при защите дагестанского аула Гергебиль был взят в плен раненый, потерявший сознание Байсунгур. Эта леденящая весть пришла в Беное одновременно с известием о том, что русские врачи ампутировали Байсунгуру ногу. Солтамурад со своими братьями, братом Байсунгура Бирой и беноевскими муртазеками напали на отряд, перевозивший Байсунгура в крепость Грозную, и отбили искалеченного наиба. Одноглазый, однорукий и теперь уже одноногий Байсунгур был освобожден из плена и вскоре, залечив раны, вновь сел на коня.

В конце мая 1854 года во главе беноевского отряда муртазекон Солтамурад принял участие в походе на Грузию, откуда вернулся с тяжелым чувством, недовольный тем, что чеченцам пришлось участвовать в пленении в Цинандали женщин и детей из имения князей Чавчавадзе. Солтамурад с презрением и отвращением смотрел на учиненный в Грузии грабеж. Он был воин, защищающий свободу Отечества, а не мародер, богатеющий за счет войны. Свое недовольство Солтамурад высказал открыто сыну Шамиля Гази-Мухаммеду, командовавшему походом.

После пленения Шамиля в 1859 году Солтамурад вместе с Байсунгуром и непокорными беноевцами продолжали борьбу, в которую постепенно включались и другие районы Чечни. Борьба эта, то затухая, то разгораясь вновь, продолжалась до 1878 года.

В декабре 1861 года, во время Аргунского восстания раненый Солтамурад попал в плен, но сумел бежать. Вернувшись домой, он ушел в беноевские леса и стал абреком.

Братья Солтамурада Муна и Ханмурад с семьями, выселенные из Беноя, жили в Урус-Мартане. Но уже через год Муна убил в городе

одного начальника, речь которого изобиловала оскорблениями в адрес чеченцев. Бросившись в реку Сунжу, Муна сумел спастись и в наступивших сумерках пробрался домой. Но павшее на него подозрение вынудило его с братом и семьями бежать в Беной, в лесах и пещерах которого они скрывались и стали абреками под началом старшего брата Солтамурада.

Когда царские власти, опасаясь новых восстаний, стали агитировать чеченцев переселяться к единоверцам в Турцию, Солтамурад сумел удержать беноевцев от опрометчивого шага. Урус-мартановские беноевцы, уже начавшие было по примеру гехинских (малочеченских) и карабулакских чеченцев готовиться к переселению, после переданных им слов Солтамурада отложили сборы. «Настоящие мужчины умирают, защищая Родину, а не спасаются бегством на чужбине. Если начнут переселять силой, будем сопротивляться и умрем все до последнего человека на нашей родной земле» — передавали друг другу слова Солтамурада.

В марте 1878 года было потоплено в крови восстание чеченцев под предводительством имама Алибека-хаджи Алдамова. 70-летний Солтамурад был главнокомандующим повстанческой армией. Поверив обещаниям начальника Терской области генерала Лорис-Меликова о помиловании сложившим оружие, Алибек-хаджи, пытаясь спасти жизни своих соратников и их семей, принял решение выйти к русским.

Солтамурад отлично знал цену этим обещаниям, но не смог предотвратить сдачу имама и его наибов в руки врагов. Для него их плен был большим ударом.

Вместе с наибом Сулейманом из Центороя Солтамурад скрывался в беноевских лесах, с ними были и их семьи. Получив известие об аресте руководителей восстания, Солтамурад через своих близких распространил слух о том, что он вместе с Сулейманом ушел в Турцию. На самом деле Солтамурад продолжал скрываться в Чечне. Секретарь Алибека Расу писал: «Нужно заметить, что стоявший во главе этих наибов Солтамурад сын Сулумгири из Беноя не примирился с русскими и не пошел к ним. Никому кроме своих родственников не давая знать, где он находится, будучи все время в бегах, так и не примирившись, он заболел и умер и с очень большими почестями был похоронен на беноевском кладбище».

70-летний Солтамурад, живший в нелегких условиях в лесу, зимой сильно заболел. Родные отвезли его в селение Мелч-хи, поближе к целебным водам.

Больной Солтамурад, тоскуя о своих соратниках, часто слушал одну и ту же песню:

*С темного того лесистого склона, с холма высокого
Волчий вой услышав, думали,
Что воет он, изнуренный голодом, от горящей утробы,
Для добычи вечера страстно дожидаясь.
Нет, не выл он, изнуренный голодом,
Для добычи вечера страстно дожидаясь,
А выл он, от стаи отбившись.
Так и молодцы тоскуют, от друзей оторванные.*

...Солтамурад умирал молча, без страха и стонов. В его воспаленном мозгу проносились прошедшие годы бесконечной жестокой борьбы за независимость, сражения и битвы, горе и страдания. Перед его взором из тьмы возникали то шейх Ташу-хаджи, то обезображенный Байсунгур, то имам Шамиль, Ума-хаджи и Алибек. Они молча смотрели на Солтамурада. И тут Солтамурад, почувствовав на себе чей-то пристальный взгляд, оглянулся. Это был его отец Солумгири. Солумгири строго посмотрел на сына и произнес:

— Что разлегся? Вставай и прими газават!

Сердце Солтамурада гулко забилося. Он вскочил с постели, машинально схватив со стены клинок. «Я — Аллах!» — были его последние слова...

Весть о смерти Солтамурада мгновенно разлетелась по окрестностям, дошла она и до царских властей.

По преданию, спешно прибывший царский отряд окружил Мелч-хи (Исти-су). Уважив славу мужественного чеченца, царский генерал приказал положить тело Солтамурада на могилу святого Асандра, где продержал его трое суток. Затем наместник разрешил его похоронить. Родные отвезли Солтамурада в Беной, где похоронили с большими почестями.

Через три года было найдено письменное завещание Солтамурада, где он просил похоронить его на фамильном кладбище. Тело

Солтамурада вырыли и перезахоронили на том кладбище, которое он указал, на повороте от Беноя в Гуьржийн-мохк.

Такова была славная судьба негибаемого борца за свободу Чечни Солтамурада Беноевского.

Байсунгур Беноевский

В 1794 (?) году (точный год рождения неизвестен) в семье чеченца Баршкхи из рода Эди-некьи, проживавшего в ауле Беной (современный Ножай-юртовский район), родился мальчик. Назвали его Байсунгуром (БойсагIар).

Еще свежи были в памяти народа битвы восставших горцев Северного Кавказа под предводительством жителя селения Алды Ушурмы Шаабазова (имама Мансура) с царскими войсками. В год рождения Байсунгура «первый кавказский революционер» — 34-летний Ушурма умер в каземате в Шлиссельбургской крепости, став для потомков вечным примером пламенной борьбы за свободу и независимость Родины, за справедливость и равенство всех людей.

Разгромив последователей Ушурмы, царизм стремился к захватам новых земель, покорению и дальнейшему закреплению горцев Кавказа. Год от года маленькую Чечню сотрясают сражения с царскими захватчиками. В 1818 году на реке Сунже, стерев с лица земли чеченские селения, генерал А. П. Ермолов ставит крепость Грозную. 12 февраля 1819 года он пишет царю Александру: «Горские народы примером независимости своей в самых подданных Вашего Императорского Величества порождают дух мятежей и любовь к независимости». Бросая на Кавказ все новые и новые силы, сменяя командующих и генералов, царизм разворачивает неприкрытый геноцид против свободолюбивых горцев.

О периоде жизни Байсунгура до 1839 года ничего неизвестно. Но очевидно: он не мог быть в стороне от той борьбы за свободу, в которой активнейшее участие принимали члены беноевского общества.

В это время в Ичкерии (Нохчи-мохк) чеченцы под руководством Ташу-хаджи из селения Эндери ведут военные действия против царских карателей. 10 мая 1839 года генерал-лейтенант Граббе докладывал военному министру генерал-адъютанту Чернышеву, что Ташу-хаджи «волнует горские общества, обитающие между Аргуном и Акташем, и преимущественно ичкеринцев, самого сильного и воинственного чеченского племени... Желая воспользоваться расстройством партии Ташев-хаджи, чтобы нанести ему решительный удар, я намерен сего же числа в 5 часов пополудни, двинуться в самый центр земли ичкеринцев к главному аулу Беной, наиболее содействовавшему замыслам Ташев-хаджи и наказать как это селение, так и все прочие непокорные деревни, лежащие в этом пути». Однако

нелегко было добраться карательным отрядам до главного селения Ичкерии — Беноя.

Именно здесь, в Нохчи-мокке, где расположился Беной с хуторами, окруженный горами, сокрытый от недоброго взгляда девственными вековыми лесами, населенный радушными и приветливыми хозяевами, а в бою неукротимыми и бесстрашными воинами, зрели многие восстания, разгоравшиеся в Чечне. Не зря в Чечне до сих пор в ходу поговорка о том, что когда непреодолимо насаждают враги, то изможденные воины просят Всевышнего: «Ва везан дела, бенойн орца лолахь!» («О всемогущий Боже, дай в помощь беноевское войско!»). Считалось, что распалившегося беноевца и пушкой не остановишь (чуьра-ваьлла бено йоккха топ тоьхча а сацалурвац).

Предводителем беноевского общества был в то время Байсунгур.

Здесь, в Беное, скрывался от царских войск предводитель повстанцев Чечни Ташу-хаджи. Сюда, в Беной, бежал потерпевший поражение в Дагестане, но увенчанный в Ахульго славой мужественного воина Шамиль со своей семьей и несколькими соратниками. Измученного имама Дагестана приютил у себя Байсунгур.

Именно в Беное родилась их многолетняя боевая дружба. Шамиль на 5 лет был моложе Байсунгура, но отношения у них были как у равных по возрасту и должности. Вместе с Ташу-хаджи, Шоаипом-муллой из Центороя и Джаватханом из Дарго Байсунгур развернул в Нохчи-мокке бурную деятельность по провозглашению Шамиля имамом, что и произошло на съезде представителей чеченских обществ в 1839 году.

Видя активную готовность ичкеринцев следовать за ним, Шамиль вместе с Ташу-хаджи начинает поездки с проповедями по горной Чечне и всюду встречает горячий отклик и поддержку. Объединенная призывом газавата, Чечня поднималась на борьбу с царскими колонизаторами.

В начале января 1844 года жители Дагестана и Чечни пишут царским военачальникам: «Со времени появления низких ног ваших на стесненных землях и горах наших, вы всегда обманывали людей наших несправедливыми словами своими и подлогами, чего не прилично людям благоразумным и действительно храбрым, а в особенности великим государям, имеющим влияние, силу и средства действовать против равного себе и могущим избавить угнетенных от преследования

притеснителей. Вы же всегда разоряли имущество наше, жгли деревни и перехватывали людей наших, чего хотя и неприятно было переносить нам, но притеснения эти мы противу желания носили на себе до сего времени; потому, во-первых, что не имели нужных инструментов и оружия и, во-вторых, что между нами находились люди глупые, которые из видов своих предавались вам, ради временной пользы непостоянного света... Словом, между нами и вами не остается ничего более, кроме вражды, обнаженных шашек и войны. А потому должно вам отступить от наших земель немедленно времени, в противном случае вы делаете то, что вам угодно, и мы также постараемся по желанию своему до тех пор, покуда не свершится воли Божьей. Впрочем, вы не думайте, чтобы мы боялись вас и отступали назад: напротив, мы приняли присягу на имя Бога, Корана, Библии, Евангелия и Псалтыря в том, чтобы упорно драться с вами до тех пор, покуда из двух сторон одна до последнего уничтожится, или покуда вы не оставите места наши» [Движение горцев, с. 244—245].

Прямодушный и бесхитростный Байсунгур отказался от почетных званий и должностей, которые ему предлагал имам, не желая идти против своих принципов: ему претило желание власти над людьми. Шамиль назначил Байсунгура наибом общества Беноей, бессменным предводителем которого он и оставался до конца своих дней. Известны имена соратников Байсунгура: Солтамурад из рода Жоби-некъе был главным помощником Байсунгура, исполнял обязанности *мазуна* (заместитель наиба) в беноевском обществе; Джаапар из рода Жоби-некъе, который был начальником сотни (*наиб*); а также ДжогIа из того же беноевского рода, выполнявший обязанности кадия (*къеда*) в Беное. Шамиль и его окружение с огромным уважением и любовью относились к мужественному тамаде беноевцев. «Таш-адам Байсунгур» («Байсунгур — человек из камня»), — отзывался о нем Шамиль. А наследник Шамиля Гази-Мухаммед просто боготворил Байсунгура.

...Чечня, Дагестан и Адыгея охвачены огнем, все больше стычек с царскими отрядами в Ингушетии, Осетии и Кабарде. Байсунгур со своим отрядом беноевцев участвует во многих сражениях, ведя их в бой под своим красным знаменем (значком). Он принимает участие в Ичкеринской битве, когда под руководством блестящего полководца Шоаипа-муллы Центороевского чеченцы окружили и разгромили

войска генерал-адъютанта Граббе, вторгшиеся в Ичкерия в начале июня 1842 года.

Летом 1845 года Байсунгур вместе со всеми беноевцами участвует в разгроме армии графа Воронцова. Биограф Шамиля так описывал победу горцев: «Наибы и народ, в особенности чеченцы, у которых даже жены нападали на солдат и обирали их, торжествовали, видя неожиданные свои успехи, как будто бы русских (царских войск. — Д. Х.) больше не осталось, кроме тех, которые убиты». После этой неудачной Даргинской («сухарной») экспедиции 1845 года, в которой колонизаторы потеряли свыше 3 тысяч солдат и офицеров, в течение 14 лет царские генералы уже не решались вторгаться в Ичкерия.

Во всем мире прогрессивная общественность с ликованием встречает вести о победах свободолюбивых горцев. В странах Европы организуется сбор средств в помощь кавказцам: преодолевая кордоны, к Шамилю стараются пробраться добровольцы из Польши, Венгрии, России. Организованный в Петербурге революционный кружок М. В. Буташевича-Петрашевского, членом которого был и будущий великий русский писатель Ф. М. Достоевский, пытается наладить с предводителями горцев контакт, чтобы объединить усилия в борьбе с общим врагом народов — царизмом.

Победа давалась горцам тяжелой ценой. Матери, жены, сестры и дочери оплакивали погибших. 51-летний Байсунгур в боях летом 1845 года лишился руки, но даже после этого не перестал быть воином. По рассказам стариков, однорукий Байсунгур обладал таким мастерством и силой, что своей булатной шашкой рубил врагов надвое.

Мужество Байсунгура проявлялось и в его взаимоотношениях с Шамилем — он держал себя с имамом с огромным достоинством. Так, например, в 1847 году, недовольный, как и многие чеченцы, атмосферой раболепия и наущничества, царившей вокруг Шамиля после провозглашения его северокавказским эмиром, обеспокоенный падением авторитета имама, Байсунгур решил открыто высказать это Шамилю. Он долго не мог застать Шамиля наедине, так как подхалимы и карьеристы постоянно обступали эмира плотным кольцом.

В конце концов раздраженный Байсунгур высказал в присутствии других все, что народ говорит об имаме, попросил его быть ближе к народу и не верить подхалимам. Но возгордившийся имам не воспринял слов верного наиба. Вспыхнула ссора, после которой

Байсунгур вернулся домой и решил больше не появляться во дворце эмира в Ведено.

Однако вскоре царские войска осадили аул Гергебиль в горном Дагестане, и Байсунгур с несколькими десятками беноевских муртазеков выехал в Дагестан.

Одноглазый и однорукий Байсунгур со своим отрядом держал оборону в районе садов. Царские военачальники время от времени предпринимали штурм аула. В одной из атак чеченскому наibu пушечным ядром оторвало ногу. Истекающего кровью, потерявшего сознание 53-летнего полководца в наступивших сумерках подобрали царские солдаты.

Весть о пленении Байсунгура мгновенно облетела горы. Шамиль тяжело переживает это известие, он лично оказывает всемерную помощь друзьям и родственникам Байсунгура в организации побега из плена.

Солтамурад, отдав распоряжения по наibству, тут же выехал вместе с братом Байсунгура Бирой и со своими братьями Муной и Ханмурадом в Дагестан. С помощью дагестанских наibов через разведку они установили местопребывание плененного Байсунгура. Также они узнали, что русские врачи полностью ампутировали ему ногу. В середине июня 1847 года раненого наiba перевезли из темирхан-шуринского гарнизонного госпиталя в тюремный госпиталь. Вскоре Солтамураду стало известно, что в начале июля Байсунгура отправят с оказией в штаб начальника левого фланга в крепость Грозную. Оказию должна была сопровождать рота Куринского полка. Солтамурад принял решение отбить Байсунгура в пути. Из Беноя к нему двинулись отборные муртазеки. Вместе с ними к Солтамураду прибыл доверенный имама с деньгами для выкупа Байсунгура.

Нападение воинов Солтамурада было удачным. Одноглазый, однорукий и одноногий Байсунгур был вырван из плена.

Не успев излечиться от ран, он принимает участие в обороне Салтов. Но дагестанский аул Салты после героической защиты пал.

Железная воля и ненависть к царским поработителям вдохнули силы в искалеченного Байсунгура. О таких, как он, «рыцарях свободы» под впечатлением победы горцев в Ичкерии в 1845 году Маркс писал в «Коммунистическом журнале»: «Храбрые черкесы снова нанесли

русским несколько серьезных поражений... Народы, учитесь у них, на что способны люди, желающие остаться свободными!»

Еще при его жизни о Байсунгуре слагали легенды. По преданию, его привязывали к лошади кожаными ремнями, и не ведающий страха наиб, выхватывая единственной рукой шашку и сверкая единственным глазом, мчался в самую гущу врагов. Народная память донесла до нас некоторые эпизоды из жизни этого замечательного борца за свободу.

«Как-то во времена Шамиля встретились два войска: царское и шамилевское. Из рядов царских войск выехал один храбрый казак, известный среди чеченцев своим мастерством ведения боя, и стал кричать по-чеченски, призывая на бой противника из горцев. Тогда было традицией таким образом показывать свою удаль. Из ряда чеченцев вызов сразу же принял беноевский Байсунгур (бенойн Бойсхар). Он был одноглазым, одноруким и одноногим. Выхватив шашки, противники поскакали навстречу друг другу. Подскакав, они одновременно взмахнули шашками, казак остался сидеть в седле, как ни в чем не бывало, а Бойсхар вернулся обратно. Имам Шамиль увидел у наиба на груди страшную сабельную рану. Имам воскликнул:

— Байсунгур! О тебе все говорят как о знаменитом прославленном мужчине. Как ты мог опозорить себя и всех нас, ведь смотри: казак сидит в седле, а ты вернулся с этой раной.

— Подожди немного, имам, — ответил Бойсхар. — Лошадь казака еще не тронулась с места.

Вернувшись к казаку, наиб посмотрел в глаза его лошади, та дернулась и отошла на несколько шагов. Голова всадника отвалилась...»

После поражения в Крымской войне царизм пытается взять реванш на Кавказе. Мирный договор в Париже дает возможность самодержавию бросить против горцев огромные силы.

Шамилю противостоит 300-тысячная армия. Изнуренное вековой войной население, с трудом, напрягая последние силы, оказывает отчаянное сопротивление.

В кровопролитных боях царские войска постепенно занимают территории Чечни и Дагестана. 12 мая 1859 года практически вся Чечня, за исключением одного Беноя и прилегавших к нему хуторов, была занята царскими войсками. Шамиль покидает Чечню, вместе с ним уходит в горный Дагестан и непокорный Байсунгур со своим отрядом. Теснимый многочисленными царскими войсками, Шамиль с

400 защитников и 3 пушками укрепляется на горе Гуниб. Байсунгур с несколькими оставшимися верными имаму дагестанскими наибам и сотней беглых русских солдат и казаков организовывает оборону Гуниба. 25 августа 1859 года после осады и предложения сдаться имам Шамиль сдался в плен. О том, что произошло в тот день в Гунибе, в Чечне сложены песни. Вот одна из них:

*Нависла туча над Гунибом, нависла смерти тень. «Имам,
Мы вырвемся отсюда — либо умрем, как подобает нам!
Наш дух, не уступавший силе, привык в бою свободу брать.
И жить враги нас не учили, и не научат воевать.*

*Тропа судьбы для нас все уже, уходит прочь из света дня.
Мюриды! Слышите! Потуже к коню привяжите меня.
Позорной смерти трус достоин, ему не видеть райских врат.
Пока скакун мой жив, я — воин. Шамиль, веди на газават!*

*Для нас марчо из шали сшиты, прорвемся сквозь гяуров тьму,
Еще полтысячи джигитов послушны слову твоему».
К земле опущен взгляд имама, он что-то молчалив и хмур:
«Сегодня светлый меч ислама в ножны вложил я, Байсунгур».*

*«Что ты сказал? А ну-ка снова, коль не ошибся, повтори!»
Шамиль в ответ ему ни слова, наиб настойчив: «Говори!»
Лицо имама посерело: «Вершишь ты надо мною суд.
Ведь сам ты знаешь, наше дело пятьсот мюридов не спасут.*

*Я просто нужным не считаю и эти души сжечь в огне.
Сирот уже и так хватает и в Дагестане и в Чечне.
На то, наверно, Божья воля, не спорь со мною — это рок».
Чеченец зубы сжал до боли: «Ну как ты это сделать мог?*

*Тебя совсем не понимаю, мы двадцать пять нелегких лет
Шли за тобой, не нарушая суровой верности обет.
И вот нелепо так, без боя, сегодня в самый трудный час
Готовых умереть с тобою — Шамиль! — ты покидаешь нас.*

*Шамиль, опомнись! Это слабость! Готовы к смерти мы!
Вели!
К тебе взывает кровь асхабов, что в эту землю легли.
Куда ты? Что все это значит? Имаму в плен дороги нет.
Шамиль, остановись! Иначе — при мне кремневый пистолет,*

*Клянусь Адамом, что из глины был сотворен... Остановись!
Чеченцы не стреляют в спину, Шамиль, хотя бы оглянись!»
Ответ имама: «Надо мною судьбы знаменье. Я устал.
Тебе, чеченец из Беноя, прощаю все, что ты сказал,*

*За то, что ты сквозь смерть и выюгу прошел со мною пламя
лет,
За верность и за то, что друга надежней не было и нет».
Дымит верхушка минарета, пылает солнце с высоты.
«Имам, не трусил ты?» — «А это точнее знают Бог и ты!»*

*Наиб широкими ремнями привязан намертво к коню.
«Мюриды! Сам Всевышний с нами, теперь уходим мы в
Чечню.
И жить и умирать нам с нею. За мною, волки, на врага!
Кто честью дорожит своею, но жизнь кому не дорога —*

*Нас ждут внизу штыки гяуров!» — И вот, кинжалы
обнажив,
Как барсы, сотня Байсунгура рванулась молча на прорыв
В последней яростной атаке, как искупления волна.*

Нет ничего страшней отваги, когда она обречена.

*Их газават Всевышний примет, у них иного нет пути.
Удастся вырваться живыми из сотни только тридцати.
По склонам гор перед восходом плывут багрово облака —
Ну что же, плата за Свободу была от века высока.* ^[32]

После того, как Шамиль сдался в плен, Байсунгур, прорвав окружение, ушел в Чечню.

Осенью 1859 года царские войска сожгли Беной.

Байсунгур со своей семьей и соратниками скрываются в пещерах недалеко от аула. Неукротимый предводитель беноевцев совместно с Солтамурадом и лидерами других чеченских обществ готовят восстание. Одновременно и в контакте с ними в Аргунском ущелье энергично готовятся к выступлению «старый волк» Ума Дуев из Зумсоя и Атабай-мулла Атаев. Проведя за зиму подготовку, в мае 1860 года в ауле Беной и в верховьях реки Аргун чеченцы начинают вооруженное выступление.

Вот как описывают это восстание: «К июню 1860 года к движению беноевцев присоединились соседние аулы Ичкерии. Восстание грозило охватить всю Ичкерию. В начале января 1861 года против восставших выступили войска под командованием генерал-майора Мусы Кундухова, которому было приказано разгромить беноевцев, захватить их руководителя Байсунгура, выселить на плоскость жителей селения Энгеной, а другие аулы верхней Ичкерии разорить и жителей расселить по соседним крупным аулам. В конце января 1861 года в результате жестоких мер, принятых Кундуховым, численного и технического превосходства его войск восстание в Ичкерии было окончательно подавлено, около 15 аулов, причастных к нему, уничтожено» [Очерки истории, с. 126—127].

Известно, что когда Байсунгур поднял восстание, то бывший имам Шамиль по настоянию царя написал ему письмо, укоряя его в том, что тот напрасно губит людей в безнадежной борьбе, ибо силы царя неисчислимы. Байсунгур послал Шамилю ответ, в котором со свойственной ему резкостью и прямоотой заявил, что Шамиль опозорил

себя навеки тем, что променял борьбу за свободу на плен и рабство, и что он, Байсунгур, пока жив, будет сражаться за свободу своего народа.

Когда капитан Руновский спросил Шамиля, почему беноевцы так непримиримы и так ненавидят царскую власть, Шамиль ответил, что это будет продолжаться до тех пор, пока жив Байсунгур Беноевский.

17 февраля 1861 года Байсунгур со своим семейством и некоторыми участниками восстания был окружен и после боя захвачен в плен. 28 февраля генерал Кемпферт рапортовал в Петербург военному министру генералу Сухожанету: «...Несмотря на отчаянное сопротивление, взяли в плен Байсунгура и четырех его сподвижников... захвачены также семейства Байсунгура и Султан-Мурада — всего 14 человек».

Рассказывают, что той ночью Солтамурад увидел странный сон, которым он утром поделился с Байсунгуром:

— Байсунгур! Я видел сон, что ты, не слушая моих предостережений, вошел в какой-то темный лес. А я во сне был очень недоволен, ведь не было ни разу, чтобы ты сделал вопреки моему мнению. К чему бы это?

Байсунгур, склонив голову, задумался.

В этот день их окружили царские солдаты. Байсунгур на коне, вырываясь из окружения, помчался к одному склону, не слыша крика Солтамурада: «Не иди туда, там засада!» На том склоне, осыпаемом выстрелами, Байсунгур поскользнулся и упал на растущие внизу кустарники, получив сильный ушиб. Он тут же был схвачен царскими солдатами. Схватили и тех, кто был с ним. Поймали также жену брата Солтамурада Муны, дочь Байсунгура Мацу с сыном Гарда и грудным Гарби на руках. В тюрьме в Хасав-юрте они содержались до повешения Байсунгура.

Потомки брата Байсунгура Баршкхи рассказывают, что русские сумели пленить Байсунгура, применив коварство. К его жене, которая была родом из Белгатоя, они подослали ее родственников. Ее родичи, поверив обещаниям русских начальников, стали уговаривать жену Байсунгура, чтобы она помогла пленить своего мужа для его же пользы. «Русские начальники обещали отпустить и помиловать всех. Но Байсунгур, не желая примириться, мучает и себя, и свою семью, и других. Борьба его бесполезна. Так помоги же ему и своим детям». Обманутая женщина сделала так, как ее научили. Ночью она залила

воду в ствол винтовки, пистолета и в ножны. В зимнюю стужу вода превратилась в лед. Узнав через жену о месторасположении Байсунгура и его соратников, царские солдаты окружили их. Во время боя Байсунгур так и не смог выстрелить из ружья и вытащить из замерзших ножен клинок. Лошадь под ним была убита, и раненым однорукого, одноногого и одноглазого Байсунгура схватили солдаты.

На участников восстания и их родственников обрушиваются жестокие репрессии. 29 января 1861 года из одного аула Беной было выселено 1218 человек. Их расселяли по 5—10 дворов в плоскостные селения Чечни. Всего из Ичкерии было выселено 7,5 тысячи человек обоего пола. По рассказам жителей Беноя (это селение сжигали 4 раза в XIX веке), днем царские войска выселяли семьи беноевцев, а ночью вокруг Беноя зажигались огни костров. Это тайно возвращались к родным пепелищам беноевцы.

Военно-полевой суд приговорил предводителя восстания Байсунгура Беноевского к смертной казни через повешение. Его семья и сыновья Олхазур и Тахир вместе с другими участниками восстания были сосланы в Сибирь.

В тот воскресный день на площадь перед церковью в Хасав-юрте согнали народ. Многие кумыки, горные дагестанцы, сами чеченцы шли посмотреть на знаменитого предводителя горцев. Под барабанный бой везли на телеге одноглазого, однорукого и одноногого чеченца. Кто знает, о чем думал этот человек перед казнью? Что хотел он сказать этим горцам в оборванных одеждах, в глазах которых теплилась надежда на чудо и которые не стесняясь утирали слезы? Что могли они теперь, безоружные и «покоренные».

Тяжело, только с помощью других передвигавшегося 67-летнего Байсунгура подвели к виселице. Стоявшие на площади горцы начали читать предсмертную молитву «Ясин». Раздавались команды офицеров, остановили барабанную дробь. Зачитали приговор. И тут царские палачи, решив унижить горцев, начали вызывать из толпы горца, желающего совершить казнь над Байсунгуром. В награду обещали деньги. Толпа угрюмо молчала. Никто не двинулся с места. Но нашелся один... (Предвидя неудачу, русские заранее подкупили одного из дагестанцев.)

Но Байсунгур не стал ждать и, сверкнув глазом, сам сошел со скамьи, уйдя в бессмертие...

Возглас ужаса пронесся над толпой. Многие мужчины плакали... Траур опустился на Беной. Родственники Байсунгура отправились просить власти о выдаче тела. Выдавать тела казненных было неположено, и лишь огромные деньги помогли нарушить это правило. Тело Байсунгура похоронили на одном из кладбищ близ Кеше-Ауха, водрузив холлам-шахид над его могилой.

Чеченцев трудно было удивить храбростью. Мужество и отвага всегда были присущи сынам этого народа. Но по сегодняшний день с особой гордостью, любовью и восхищением называют в Чечне имя Байсунгура Беноевского. Никогда благодарная память народа не забудет своего великого сына, отдавшего жизнь в священной борьбе за свободу Отчизны.

Борьба за независимость Чечни после пленения Шамиля

25 августа 1859 года после осады Гуниба и предложения сдаться имам Шамиль сдался в плен. О том, как происходило это событие, остались свидетельства его участников и воспоминания самого Шамиля, записанные А. Руновским (пристав Шамиля в Калуге).

Шамиль ехал на коне, с толпой соратников к выходу из аула, где их поджидали парламентары главкомандующего князя Барятинского — Данил-бек, Исмаил и полковник Лазарев, знавший аварский язык. У

самого выхода из аула к Шамилю подскакал всадник. Это был знаменитый одноглазый, однорукий и одноногий чеченский наиб Байсунгур из Беноя, который со своими сыновьями Олхазуром и Тахиром и другими чеченцами участвовал в обороне Гуниба. Байсунгур окликнул имама и попросил поговорить с ним. Вдвоем они зашли в саклю, стоявшую на окраине села. Бойсхар как мог отговаривал имама. Он говорил, что не все кончено, что они могут прорваться с отрядом чеченцев сквозь кольцо врагов, что они уйдут в Чечню, снова поднимут горцев на борьбу. Но упавший духом Шамиль был непоколебим в своем решении сдаться и пошел к царским войскам.

Байсунгур выхватил пистолет и, направив его на удалявшегося имама, окликнул его по имени: «Шемал!» (Назвать имама без звания, по имени было очень непочтительно.) Шамиль, не оборачиваясь, продолжал идти. Еще дважды окликнул Байсунгур имама, но тот не обернулся.

Позже на вопрос царского генерала Шамилю, почему он не обернулся, когда чеченец звал его, имам ответил:

— Если бы я обернулся, то он застрелил бы меня.

— А разве он не мог тебя застрелить и так? — удивился генерал.

— Чеченцы в спину не стреляют, — ответил Шамиль.

Раздраженный и глубоко разочарованный в Шамиле, Байсунгур с двумя сыновьями и своим отрядом пробился сквозь кольцо врагов и в сентябре вернулся в Беной. В Беное он поведал чеченцам о том, что было в Гунибе, о том, как сдался Шамиль. При упоминании имени Шамиля Байсунгура начинало трясти от ярости, и в адрес бывшего имама сыпались проклятия. Мрачные чеченцы молча слушали своего прославленного наиба. Все они были едины во мнении, что Шамиль, как и остальные наибы, трусил и предал общее дело борьбы за свободу.

Царское правительство праздновало победу. По всем селениям рыскали агенты, выявляя и репрессировав непокорившихся горцев. Уже забыты были торжественные обещания чеченскому народу, царские власти стали готовиться к дележу земель горцев, к выселению их с насиженных мест и заселению горских земель казаками.

Освободившиеся от войны царские войска начали стягивать к непокорному Беною. По данным лазутчиков, в ауле Беной насчитывалось 280 семейств. Осенью 1859 года по распоряжению

начальника Терской области генерала Евдокимова войска окружили Беной и сожгли его, а жители Беноя «были расселены по окрестным аулам». Часть же беноевцев во главе с Байсунгуром и Солтамурадом, сопротивляясь, отошли в леса, откуда продолжали борьбу.

В наказание за непокорность беноевцы-выселенцы были лишены своих земельных угодий, которые перешли в пользу российской казны. Но по приближении поры весенне-полевых работ переселенцы из аула Беной, невзирая на запрет, самовольно вернулись на свои прежние места. Помощник главнокомандующего Кавказской армией князь Орбелиани сообщал об этом военному министру России Сухозанету: «В ночь с 7 на 8 мая 50 беноевских семейств, выселенных в аул Даттых и поселенных у нефтяных колодцев, внезапно оставили эти места и ушли снова в Беной».

Самое неподчинение царскому военному командованию в послевоенных условиях разгромленной и, как уже казалось, покоренной Чечни было дерзким вызовом царизму и причиной большой обеспокоенности русской администрации.

А ведь совсем недавно начальник Чеченского округа полковник Беллик успокаивающе писал командующему войсками Терской области: «В Азамат-Юрте я застал чеченцев, переселившихся из аулов Акбулат-Юрта, Хамат-Юрта, Джаба-Юрта и Умахан-Юрта в числе 90 дворов». После того, как выселенцам был передан приказ генерала Евдокимова немедленно возвратиться в те аулы, куда их определило начальство, «народ без малейшего сопротивления запряг свои арбы и отправился обратно», — констатировал с удовлетворением Беллик.

Упрямые же беноевцы не подчинились приказу начальствующих лиц Ичкеринского округа и Терской области. Все увещевания и даже угрозы оказались тщетными, ибо представители беноевского общества, по словам генерала Евдокимова, «выбрав из среды своей предводителя, обязались не повиноваться».

Предание рассказывает: решение о начале газавата было принято в беноевской мечети. Речь Солтамурада была краткой и жгучей. Его поддержали одноглазый Джапар, сын Мусхи; Бира, сын Баршкхи; Арби, сын Хуха; Тимарка, сын Болата, и другие. Последним выступил Байсунгур. «Нам лучше сейчас погибнуть, чем, покорившись, сдаться царской власти» — постановило собрание беноевцев. И тут совершенно неожиданно раздался одинокий голос: «Нам надоела война, мы хотим

жить спокойно, помирившись с царской властью». Стоявший до этого безмолвно брат Солтамурада могучий Муна, резко схватив за шиворот пораженца, поднял его и через головы сидящих в мечети людей вышвырнул вон, сказав: «Там твое место». Закравшееся было в сердца некоторых сомнение быстро улетучилось. В тот же день все жители Беноя встали под знамя газавата — вновь подняли зеленое беноевское знамя с белым полумесяцем и перекрещенными шашкой и кинжалом над белой полосой.

Через два дня был образован сильный вооруженный отряд. Руководителями беноевского восстания стали Байсунгур и Солтамурад.

В мае 1860 года беноевцев поддержали только в Аргунском ущелье — соратники бывших шамилевских наибов Умы, сына Дуя из Зумсоя, и кадия Атабая-муллы, сына Ати.

Восставшие беноевцы стали готовиться к обороне, укрыли свои семьи, хлеб и скот в неприступных горных местах, а сами сосредоточились в дремучих беноевских лесах, расположенных между реками Яман-су и Аксаем.

Поначалу восставшие не предпринимали наступательных действий. Часть жителей еще надеялась, что царские власти оставят их в покое, и все разрешится мирным путем.

26 мая полковник Беллик сообщил генералу Евдокимову: «У князя Темир-Булата были на днях ичкеринцы, которые рассказывали, что беноевцы убедительно просили дозволения поселиться им на старых местах, в противном случае они все поклялись умереть, но не подчиниться».

Ультимативное требование беноевцев оставить их в покое посыльные от царской администрации, получившие задание склонить беноевцев к покорению, передавали по-своему. Так, 27 мая полковник Беллик писал Евдокимову: «Теперь посланные к беноевцам маюртупинский старшина Цимако и его же аула купец Таша (бравшие с собою и Магомеда из Шуны) возвратились и говорят, что все мужчины и женщины просят у Вашего Сиятельства прощения и дозволения им возвратиться на свои места».

Однако настрой раздраженных беноевцев был далеко не таким, каким его представляли в своих выдумках царские парламентареры. Усилиями Солтамурада к беноевскому восстанию начали присоединяться единомышленники в окрестных аулах. В Беной

прибыли 21 человек из Центороя, 11 человек из Энгеноя, 3 человека из Гендергена, 1 человек из Зандак-Ара, 4 человека из Даттаха, 5 — из Хьочи-Ара. К восставшим присоединились аулы Байтарки и Симсир. Во главе симсировцев стоял шейх Г'еза-хъажа, дядя будущего имама Алибека-хаджи Алдамова. В восстании участвовали и его братья.

К июню 1860 года к движению беноевцев присоединились соседние аулы Ичкерии. Почти вся Чечня была охвачена восстанием, которое перекинулось и в горный район Дагестана.

Хотя на подавление были двинуты регулярные войска с участием местной постоянной милиции, тем не менее русским властям не удалось сломить сопротивление горцев. Во главе с Байсунгуром и Солтамурадом повстанцы смело вступали в бой с крупными военными силами, отбивали их атаки, переходили в наступление. Под их натиском в июне 1860 года регулярные войска карателей отступили.

Старики рассказывают, что в Беной были направлены царские войска во главе с генералом Мусой. Между ними и беноевцами произошло четыре сражения.

Из Энгеноя царское войско направилось к граничащему с Беном местечку Пхачу, где рос густой лес. Здесь Байсунгур и Солтамурад повели беноевцев на газават. Вместе с ними были и их друзья: Олдам с братьями из Симсира, Шаарани из Энгеноя и другие. После резни и яростного сражения, в котором беноевцы одержали победу, царские войска с большими потерями отступили. В этом бою брат Солтамурада Ханмурад получил тяжелую сквозную штыковую рану.

Серьезное поражение царских войск дало Беною 8 месяцев спокойной свободной жизни.

Воодушевленные победой, повстанцы перешли в наступление. Ряд укрепленных мест был захвачен восставшими. К ним стали стекаться обездоленные крестьяне различных районов Чечни и Северного Кавказа.

Некоторые кумыкские князья, ущемленные в экономическом и политическом отношении царским правительством, помогали восставшим. По словам начальника Чеченского округа полковника Беллика, кумыкские князья поставляли восставшим чеченцам «порох, свинец, хлеб и разные материалы для одежды». Из среды кумыкских князей, «сильно старавшихся возмутить Чечню», особенно выделялся

князь Али-Султан, «пославший 6 значков (флагов)» повстанцам и обещавший им поднять восстание в Кумыкии.

Приняло угрожающий характер и восстание в Аргунском округе. Начальник Аргунского округа майор Штанге в своем докладе начальнику Терской области жаловался, что аппарата управления в округе не существует, все должностные лица (адъютанты, кадий и народные судьи) разбежались и никто не желает исполнять должности, «не имея ни сил, ни власти, ни средств, необходимых для восстановления тишины и порядка...»

Царское правительство бросило на подавление чеченского восстания огромные воинские силы: 46 батальонов пехоты, три Донских полка и один драгунский полк.

К концу 1860 года царским военачальникам удалось подавить восстание на Аргуне. Но руководителям восстания Уме Дуюву и Атабаю Атаеву снова удалось укрыться в лесистых горных ущельях.

В начале января 1861 года против восставших беноевцев выступили соединенные войска Терской и Дагестанской областей под командованием генерал-майора Мусы Кундухова.

В конце января 1861 года восстание в Ичкерии было разгромлено, около 15 аулов, причастных к нему, уничтожено. Самые непримиримые повстанцы ушли в беноевские леса. Беной вновь был сожжен, а его жители 29 января 1861 года в числе 1218 человек были высланы и расселены по 5—10 дворов в указанные им плоскостные селения Чечни. Войска же продолжали блокировать леса с целью окончательного уничтожения повстанцев.

17 февраля 1861 года царскими войсками был окружен беноевский отряд. После ожесточенного боя был взят в плен Байсунгур. Солтамураду удалось прорваться через окружение и уйти с беноевцами на Аргун, где он стал одним из руководителей аргунских повстанцев.

Байсунгур был предан военно-полевому суду и весной 1861 года повешен в Хасав-юрте. Другие же участники восстания, в том числе его сыновья Олхазур и Тахир, сосланы в Россию.

К осени 1861 года новый начальник Терской области князь Святополк-Мирский организовал большую экспедицию против Умы Дуюва, Атабая Атаева и Солтамурада Солумгириева. В нее были включены значительные военные силы: 15 батальонов пехоты, 7 сотен

казаков, 1 дивизион драгун, 10 сотен Терского и Дагестанского полков, 9 сотен постоянной милиции и до 3 дивизионов артиллерии.

Кроме чисто военных мер Святополк-Мирский ловко использовал против восставших силу давления со стороны зажиточной верхушки плоскостной Чечни. «Эти последние меры, — писал он, — более способствовали нашим успехам, чем сила нашего оружия».

14 ноября 1861 года Атабай Атаев добровольно явился в укрепление Шатой и сдался лично князю Святополку-Мирскому. Окруженный со всех сторон отрядами царских войск, которые продвигались в горные ущелья, прорубая в лесах просеки, лишившийся своих приверженцев, 14 декабря 1861 года явился к Святополку-Мирскому и Ума Дуев. По свидетельству князя, Ума Дуев отличался «замечательными духовными качествами и способностями». Будучи раненым, попал в плен Солтамурад из Беноя. Часть же соратников Солтамурада укрылись в аргунских аулах (где впоследствии они основали аул Бена у с. Гатен-кале).

В середине декабря 1861 года восстание было подавлено окончательно. Руководителей восстания немедленно сослали: Атабая — в город Порхов Псковской губернии, Уму — в Смоленск.

Неукротимый же Солтамурад сумел бежать из плена и, вернувшись домой в беноевские леса, стал абреком.

Чечня находилась в глубокой апатии и унынии. В развалинах и пепелищах лежала Ичкерия. Царские власти подкупали часть горцев, брали их на службу, раздавали им земли и привилегии. Некоторых же подвергали жестоким репрессиям. Продолжался передел земель, горцев переселяли с места на место, лучшие чеченские земли отбирали в российскую казну для передачи под укрепления, казачьи станицы или местным изменникам.

В январе 1864 года арестом шейха Кунта-хаджи и его близких в селе Шали царские власти спровоцировали горцев на выступление и устроили побоище, расстреляв из пушек толпы мюридов-зикристов, с одними кинжалами и пустыми ножнами двинувшихся на каре солдат.

С этого времени чеченцев особенно интенсивно стали провоцировать к переселению в Турцию. Быстрее ветра распространившиеся среди чеченцев слухи о том, что царские власти собираются их разоружить, переселить за Терек, в степи и пески, обратить их в христианство, сделать их казаками и т. д., волновали

народ. Русские агенты говорили, что единственное спасение для чеченцев — переселение в благословенную Аллахом Турцию, где горцев-мусульман ждет рай на земле. В пример приводили закубанских черкесов, которые уже почти все переселились и обласканы самим султаном. Чеченцы даже предположить не могли, что все эти разговоры — следствие тщательно разработанной секретной операции царских властей по «освобождению» Кавказа от кавказцев. В Чечню срочно перебрасывались с Северо-Западного Кавказа русские войска, чтобы в случае надобности поддержать операцию военными мерами.

В мае 1865 года отчаянную попытку поднять восстание предпринял зикрист Еаза Акмирзаев из села Харачой. Собрал вокруг себя до 70 сподвижников (в основном из аулов Харачой, Элистанжи, Хой) 24 мая он, обойдя царский отряд, двинулся к селению Центорой, где на горе Кхеташон Корта, в месте традиционного совещания чеченцев, провозгласил себя имамом. Но изменники из чеченцев, находившиеся на царской службе, даже не дали царским войскам возможность применить силу, самостоятельно подавив восстание и разогнав зикристов. Первый выстрел по восставшим зикристам был сделан главным муллой селения Центорой Арсануко Ходаевым. Усилия царских властей, раздувавших различия и противоречия между сектами, достигли цели. Восстание было настолько неподготовленным и скоротечным, что Солтамурад даже не успел поддержать его.

Летом 1865 года 23 тысячи чеченцев выселились в Турцию. В Чечне наступило затишье. В беспокойной Терской области был установлен «военно-народный» режим, являвшийся по сути режимом чрезвычайного положения. Введение новых порядков, усилившийся национально-колониальный и социальный гнет питали напряженную обстановку в аулах: слишком свежо в памяти было прошлое и ненавистны новые установления.

В начале 70-х годов появляются слухи о подготовке нового восстания в Чечне. Огромную роль в его подготовке на Кавказе начал играть сын Шамиля Гази-Мухаммед, которого в 1871 году отпустили из плена в Османскую империю. Он проводил совещания с паломниками с Кавказа. На одном из таких совещаний присутствовал Алибек-хаджи Алдамов. В 1872 году был созван специальный съезд начальников областей при главнокомандующем Кавказских войск для разработки

мероприятий против возможных выступлений горцев. На нем решили усилить укрепления в горах, а также сформировать части из наиболее беспокойных горцев Чечни на своих конях, со своим оружием и вывести их за пределы Кавказа. К 1877 году такие части были созданы. В апреле этого года Чеченский полк направили на закавказский участок Русско-Турецкого фронта.

После возвращения из Турции в 1874 году Алибек-хаджи Алдамов передал другу своего отца Солтамураду Беноевскому устное послание от Гази-Мухаммеда и начал подготовку к восстанию.

Авторитет Солтамурада был очень велик. В Беное и в других селениях проходили тайные встречи, совещания и сборы единомышленников. Пользуясь данными о том, что скоро должна начаться война России и Турции, Солтамурад и Алибек-хаджи тайно решили начать восстание в день объявления войны.

12 апреля 1877 года Александр II подписал манифест об объявлении войны Турции. Тотчас, в ночь на 13 апреля Солтамурад и Алибек-хаджи собрали в местечке Савраган-мохк, в лесу у аула Саясан 60 человек из разных селений. Друг и секретарь Алибека-хаджи Гойтукин Расу из Беноя писал: «...собрав тайно людей, Алибек-Хаджи провел заседание. Алибек-Хаджи поднял вопрос о препятствиях, чинимых царем Александром II мусульманской религии и шариату, а также других запретах. В то время царские власти оповестили о том, что в мечетях запрещается читать громко зикры, хаджиям носить халаты и чалмы паломников, а также большим скоплениям людей собираться в толпы для вызывания дождя или в иных местах. Люди, присутствовавшие на данном собрании и особенно Алибек-Хаджи, все эти запрещения, несовместимые с шариатом, подвергнули бурному обсуждению, и договорившись, приняли решение избрать Алибека-Хаджи имамом и, укрепляя его власть, назначить во всех местах его наибов. Ровно через две недели в понедельник днем Алибек-Хаджи, раскрыв общий замысел, благословил дело молитвой».

Алибеку-хаджи было всего 27 лет. Поэтому он предложил избрать имамом 70-летнего Солтамурада, опытного организатора, храброго воина и уважаемого в народе человека. Но Солтамурад отказался, сославшись на свои годы, и сам, в свою очередь, предложил избрать имамом молодого, статного ученого алима и хаджи, сына достойных родителей и племянника шейха Беза-хаджи Алибека Алдамова. Мнение

Солтамурада было решающим. Алибек-хаджи был избран единодушно. Солтамурада избрали начальником наибов, то есть он стал главнокомандующим повстанческой армией.

Все наибы были молоды, в возрасте 23—25 лет. Главными помощниками Алибека в начале движения были его брат Алихан, Дада Залмаев из Чеберлоя, Сулейман из Центороя, Губахан из Теза-кала и другие. К 18 апреля насчитывалось уже около 500 приверженцев имама. В документе от 21 апреля говорилось: «Все 47 аулов с населением 18 тысяч присоединились к Алибеку. Восставшие перешли через реку Аксай, сожгли ставку в ауле Гордали, и движение перекинулось через реку Хул-Хулау». Одновременно вспыхнуло восстание в верховьях реки Шаро-Аргун, в Чеберлоевском обществе.

Русское командование располагало значительными боевыми средствами — до 13200 штыков, 2270 сабель и 92 орудия. 19 апреля Терская область была объявлена на военном положении. Против восставших мобилизовали «благонамеренных лиц» из чиновной верхушки чеченского населения. Начальник Терской области генерал-адъютант Свистунов приказал войскам блокировать пути возможного выхода восставших на плоскость.

22 апреля у аула Майртуп, на берегу реки Хумиг состоялось сражение между войсками имама Алибека-хаджи и царскими отрядами полковника Нурида и полковника Милова. Отчаянные лобовые атаки Солтамурада и других наибов, а также ливень заставили русских отступить. Успех восставших привлек на их сторону качкалыковские селения и аулы верхнего Чанты-Аргуна. В этом большую роль сыграла дружба Солтамурада и старшины аула Зумсой (бывшего наиба Шамиля) Умы Дудева.

Медлительность Алибека-хаджи дала возможность царскому командованию подтянуть воинские и казачьи части. Одновременно были отпущены средства для подкупа лазутчиков и велась усиленная работа по привлечению на сторону царского правительства верхушки чеченского народа. Для этой цели с Русско-Турецкого фронта отзывают генерал-майора Арцу Чермоева, имевшего большой авторитет у богатой прослойки Чечни. Привлекают также престарелого очеченившегося перса полковника Касыма Курумова. Оба этих офицера были старыми врагами Солтамурада. Чермоев и Курумов помогали царским войскам в Кавказской войне, помогали в подавлении восстания Байсунгура, и

теперь испытанные царские слуги вновь были призваны хозяевами. Впоследствии Курумов за содействие в подавлении чеченского восстания 1877 года получил чин генерал-майора.

Видя усиливающуюся мощь царских войск, чеченские старейшины, большинство мулл, крупные богачи и торговцы, считая, что сопротивление бесполезно, начали подавать адреса с заверением своих верноподданнических чувств.

На рассвете 28 апреля Алибек-хаджи подошел к аулу Шали, но был встречен ружейными залпами сторонников шалинского старшины Борщика Ханбулатова, а также казачьими частями — и отступил. Царскому командованию удалось отрезать повстанцев от плоскостной части Чечни. Алибек отступил к Гуни и затем с небольшой группой ушел в Симсирский лес.

В Чечне сосредоточили крупные силы (84 роты, 9 с половиной казачьих сотен и 32 орудия). К началу мая в Терской области имелось 28 пехотных батальонов и 6 команд с общим количеством 24 409 человек, 16 казачьих сотен в 2261 человек, 11 сотен постоянной местной милиции и 104 орудия. Кроме того, со стороны Дагестана был двинут отряд полковника Накашидзе в 3 тысячи человек. С 10 мая началось наступление на Ичкерия с трех сторон.

Но 14 мая неожиданно восстали аварские аулы, и войскам пришлось направиться в Дагестан. Царские войска сожгли аулы, уничтожили посевы и корма, захватили имущество и скот. Они уничтожали и выселяли жителей на плоскость, но, потушенный в одном месте, пожар восстания с новой силой вспыхивал в другом.

Царское командование, надеясь расправиться с восставшими руками самих чеченцев, назначило награду в 25 рублей за каждого пойманного или убитого повстанца, а за главных «абреков» — Алибека-хаджи, Солтамурада и Даду Залмаева — гораздо больше. Но план этот провалился.

1 июля вспыхнуло восстание в бассовских аулах Хатуни, Махкеты, Таузен и Агишты, которым руководил Абдул-хаджи. Махкетинский старшина Тангий объявил себя наибом Алибека. Восстание охватило и весь Аргунский округ. Аргунских чеченцев вновь возглавил вернувшийся из ссылки Ума Дуев.

В августе 1877 года восстание достигло апогея.

В Ичкерии были направлены большие соединения царских войск. К началу сентября царское командование мобилизовало еще 26 тысяч человек.

Пять войсковых колонн генерала Смекалова двинулись, сметая аулы на своем пути. После кровопролитных сражений Алибек с Солтамурадом и небольшой группой соратников отступили в Симсирский лес. Отсюда через своих людей Алибек сообщил ичкеринцам: «Не надейтесь более на меня, пособить вам не могу: делайте теперь что знаете, я с Султан-Мурадом ухожу».

Царские войска от Центороя двинулись в Беной, разорили его жителей и выселили их оттуда, распределив по нижним селениям. Предатель Бисолтан, спасая свои стада, указал царским войскам тропу к убежищу Алибека.

После сражения Алибек и Солтамурад со своими людьми ушли в Дагестан, в Согратль, к имаму Магомеду-хаджи, где продолжили восстание.

На обратном пути из Симсира русские сожгли и разрушили Зандак и, вторично, селение Беной — все до последнего дома, включая и мечети, сровняли с землей. «...И Беной, и Зандак надо выселить поголовно в Сибирь, или, если эти подлецы не пожелают, выморить всех зимой как тараканов и уничтожить голодом», — писал с ненавистью о непокорных жителях селений генерал Свистунов.

В октябре, после подавления восстания в Аргунском ущелье ушел в Дагестан и Ума-хаджи Зумсоевский.

16 октября 1877 года Свистунов телеграфировал главнокомандующему, что Терская область «совершенно очищена от мятежников».

Посланец сына Шамиля Гази-Мухаммеда Аббаз прибыл в селение Согратль, где находились все руководители повстанцев. Селение это было окружено русскими войсками и дагестанской милицией. Богатеи Согратля, заключив с царским военным командованием тайное соглашение, коварно схватили и выдали русским Уму Дуева, его сыновей и соратников, а также своего односельчанина Магомеда-хаджи.

Солтамурад, Алибек со своими родными и сподвижниками сумели вырваться из окружения и ушли в Симсирский лес.

Гойтукин Расу писал в своем повествовании «История о том, как Алибек-Хаджи стал имамом»: «Когда Алибек-Хаджи находился в этом

лесу, друзья Алибека-Хаджи и люди, которым он доверял, оповестили его, что если он придет к властям с миром, то ему оставят свободу. Поверив их словам и пойдя за этими людьми, которые обманули его, он явился к начальнику Веденской крепости. Начальник тотчас же приказал схватить его и, заковав ноги и руки в кандалы, отправил в городскую тюрьму».

Начальник Терской области генерал князь Лорис-Меликов обманул их, дав честное слово о помиловании всех, явившихся с повинной. Многочисленные делегации просителей, в том числе просьбы женщин к матери Алибека Хангаз и настойчивые просьбы генерала Арцу Чермоева к отцу Алибека Алдаму, вынудили Алибека 27 ноября сдаться, так как, по его словам, он не хотел, чтобы за него страдали его родные и народ. Вскоре сдались и 12 наибов Алибека и были схвачены 262 человека, активно участвовавших в восстании.

4—6 марта 1878 года в Грозном состоялся военно-полевой суд. Из 17 человек, привлеченных к суду, 11 были осуждены на смертную казнь через повешение. Это были Алибек-хаджи Алдамов из Симсира, Косум и Нурхаджи из Чичилух, Тазарка из Туртиотар, Губахан из Теза-кала, Курку из Дишни-Ведено, Лорсан-хаджи из Махкеты, братья Залмаевы Мита и Дада из Чеберлоя, Ума-хаджи Дуев и его сын Дада из Зумсоя. 9 марта 1878 года в 6 часов утра в городе Грозном на ярмарочной площади они были повешены и зарыты в общей яме.

Приговоренные встретили казнь очень мужественно. Когда перед казнью приговоренным было дано право последней просьбы, нашелся лишь один, который пожелал воспользоваться им. Это был 70-летний наиб Ума Дуев из Зумсоя. «Мне, старому волку, — сказал он, — хотелось бы прежде увидеть, как встретит смерть волчонок». После этих слов его сын Дада, не дрогнув ни единым мускулом и не опуская взора, сошел со скамьи. Вслед за сыном спокойно и гордо вместе со своими соратниками встретил смерть и сам Ума. По преданию, ночью чеченцы вырыли тела погибших и похоронили их на мусульманском кладбище где-то возле Самашек.

Многие аулы (Симсир, Беной, Зандак, Даттах и другие) были выселены на плоскость. Сотни людей подверглись выселению за пределы Чечни, во внутренние губернии России.

Итоги Кавказской войны были трагичны. В Чечне в течение XIX века погибло 70 % населения. Так же обстояло дело и в других областях

Кавказа. В войне погибли и были искалечены сотни тысяч царских солдат. В Турцию были изгнаны со своей родины более полумиллиона кавказцев. Обезлюдел Северо-Западный Кавказ. Полностью было разрушено хозяйство и социально-экономический уклад горцев.

Началось вытеснение кавказцев в бесплодные горы и заселение их плодородных земель казаками. В крае был установлен колониальный «военно-народный» режим.

И все же горцы, несмотря на поражение, добились многого. В Дагестане была довершена антифеодальная революция. Героической борьбой горцы избежали насаждения на своей земле российских феодально-крепостнических порядков, получили ряд привилегий и свобод в исполнении своих обычаев, право проживания на своей родине, добились освобождения от воинской повинности и др.

В то же время горцы, за неучастие в движении Шамиля получившие в ходе войны ряд льгот и привилегий, были теперь лишены их и подвергнуты более жесткому колониальному режиму, чем те, которые воевали с оружием в руках за свою свободу. Так, например, ингуши были лишены права носить оружие и после упразднения Осетинского военного округа и выделения Назрановского округа административно стали подчинены Сунженскому казачьему округу. Кроме того, горная и плоскостная Ингушетия были разделены полосой казачьих станиц, что лишило ингушей большей части их территории и в результате чего они были вынуждены выплачивать налоги в несколько раз большие, чем соседние народы.

А осетин даже стали забирать солдатами в царскую армию.

Соппротивление горцев Кавказа заставило царское правительство отказаться от насильственной христианизации горцев, обращения их в казаков или выселения в Сибирь, заселения их земель казаками.

Непокорный Кавказ, особенно Терская область, вплоть до февральской революции держал в напряжении царизм и, будучи фактически на постоянном военном положении, отвлекал на себя огромные силы самодержавия.

Один из царских генералов писал после окончания Кавказской войны: «Теперь, когда умолкли шум и азарт отчаянной борьбы, когда наша власть на Кавказе вполне упрочена, мы можем спокойно отдать дань удивления героизму и беззаветной отваге побежденного врага,

честно защищавшего свою Родину и свободу до полного истощения сил».

Литературные источники и документы

Беляев С. Дневник русского солдата, бывшего десять месяцев в плену у чеченцев // Библиотека для чтения. Т. 88. Ст. 1. СПб., 1848.

Берже А. П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859.

Вердеревский Е. А. Плен у Шамиля: В 3 ч. СПб., 1856.

Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. Махачкала. 1990.

Генко А. Н. Арабская карта Чечни эпохи Шамиля // Записки Института востоковедения АН СССР. Вып. 2. Л., 1933.

Государственный исторический архив Грузии. Тбилиси.

Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-е годы XIX века: Сб. документов. Махачкала, 1959.

Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. Кн. 1. СПб., 1871.

Зиссерман А. Л. История 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка (1726—1880). Т. 3. СПб., 1881.

Мемуары генерала Муса-паши Кундухова // Кавказ. № 3. Мюнхен, 1989. С. 14—18.

Мухаммед Тахир ал-Карахи. Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах. Ч. 1. Махачкала, 1990.

Мухаммед Тахир ал-Карахи. Три имама // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 45. Махачкала, 1926.

Низам Шамиля // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 3. Тифлис, 1870.

Очерк положения военных дел на Кавказе с начала 1838 до конца 1842 года // Кавказский сборник. Т. 2. Тифлис, 1877.

Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. Грозный, 1967.

Павленко П. А. Шамиль. Махачкала, 1942.

Письма виконта Г. Кастильона к Гизо. Документы. (Письмо № 3, от 18 мая 1844 года) // Историк-марксист. Кн. 5. М., 1936. С. 105—123.

Полторацкий В. А. Воспоминания // Исторический вестник. Т. 51. СПб., 1893.

Пронели А. Горный орел Шамиль. Тифлис, 1914.

Руновский А. Записки о Шамиле. М., 1989.

Сказки, сказания и предания чеченцев и ингушей. Грозный, 1986.

Смирнов Н. А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963.

Хасиев С.-М. А. Институт ухаживания чеченцев: (По материалам 2-й половины XIX — начала XX века): Семейно-бытовая обрядность вайнахов. Грозный, 1983.

Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи. О дагестанских войнах в период Шамиля // Труды Института востоковедения. 35. М.; Л., 1941.

ЦГИА. Санкт-Петербург.

Шавхелишвили А. И. Из истории горцев Восточной Грузии (Тушетия XVI — первой половины XIX в.). Тбилиси, 1983.

Энциклопедический словарь / Сост. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 39 (77 полутом). СПб., 1903.

Юров А. 1844 год на Кавказе // Кавказский сборник. Т. 7. Тифлис, 1883.

NOXÇIÇÖ, LATTA XÖ!

Bettasa sXaqijti şo Xalxa
Qetaş ma-xillara — ghajghane cXalxa,
Adamaş çudirzi, Əzar şo Xalxa
Dörzuş ma-xillara — daxa ja qalxa.
Noxçijçö, latta Xo serlonan hordax,
Əzar şo dälça a jaxa ca kIordoş.

Mostagha voghur vu — düsur du dertaş.
Düsur du Xan leqa ojlane berdaş
Xaşa-da voghur vu — jüsur ju marzo.
I marzo jelxajo Xan lomaX barzo,
Ghelaşna ghertaçu kuraçu sajno,
Cİe jocçu koşa tİe dällaçu stajno;
I marzo jelxoş du san hora doş a,
Xan dato neqhaş a, momsarijn bos a.
Noxçijçö, latta Xo serlonan hordax,
Əzar şo dälça a jaxa ca kIordoş.

So quzaX vina vu, tijnallin kIorgeX
Xan sina tijzaçu qoqanan kIorni.
Pen bocçu husameX, txov bocçu qerçaX
Da vocuş qiƏna so Xan cİarax Xerçaş
Xan bİavnijn xercarşlaX beca xal sanna,
Xan serlo tergaljan ma dezna san a
Xan stiglaX ärzunan moX sanna şijla
So a dİavovr vu cqha tijnalleX ijna.
Noxçijçö, latta Xo serlonan hordax,
Əzar şo dälça a jaxa ca kIordoş.

Txo devİla dİaghur du — düsur du deşnaş,
Düsur du Xan xaza, Xan özda keşnaş,
Buc jolu, buc jüzu ojlane bärznaş.
Vöduçun, voghuçun doİanijn äznaş;
Xan xercarş jüsur ju, da vocuş velxa,

Düsur du Xan stiglaX ärzunijn xelxarş,
Jüsur ju nazmanaş, zikarijn şovqhaş,
Jüsur ju txan dagalecamijn ovqharş.
Xo jisa, Noxçijçö, serlonan hordax,
Əzar şo dälça a jaxa ca klordoş.

Apti Bisultanov

Далхан Хожаев
Чеченцы в Русско-Кавказской войне

Предисловие Тамары Мазаевой
Научно-популярное издание
ISBN 5-85973-012-8

Автор проекта и научный редактор – Тамара Мазаева
Иллюстрации – Саид-Хусейна Бицираева
Художник – Николай Кутовой
Корректоры – И. П. Сологуб, Н. В. Пивоварёнок
Верстка – А. М. Брилль, Н. В. Лукьянова
Издательство “Седа”
Грозный – Санкт-Петербург 1998

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](http://Royallib.com)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

notes

Примечания

При советской власти алфавит чеченского языка, основанный на латинской графике, был переведен на кириллицу. В 1992 г., после провозглашения независимости, чеченцы вновь вернулись к латинской графике. Отдельные главы книги были подготовлены до 1992 г., и потому в написании чеченских слов использована кириллица.

Глава «Шейх Мансур» написана совместно с преподавателем истории С. Нахаджаевым. Большую помощь в работе над ней оказали кандидат исторических наук Ш. В. Ахмадов, житель поселка Новые Алды одготайповец Ушурмы М. Долкаев и другие.

О своем пленении под Алдами и возвращении чеченцами Багратион рассказал историку П. Г. Будкову [см.: Авалиани, с. 55; Терещенко, с. 56]

До первого десятилетия XIX века Малая Кабарда на востоке доходила до реки Сунжи, захватывая территорию современного Малгобекского района. Во втором десятилетии XIX века кабардинцев здесь сменили чеченцы.

Если в Чечне словом «уздень» (букв. «достойный») называли всех чеченцев, то у других горцев Северного Кавказа только дворян.

Эти предания были опубликованы У. Лаудаевым в его статье «Чеченское племя» в «Сборнике сведений о кавказских горцах» и использованы Л. Н. Толстым при написании им повести «Хаджи-Мурат».

В русской литературе название «карабулаки» утвердилось за чеченским тайпом орстхой (арстхой, эрштхой, арштхой), проживавшим в бассейне рек Асса и Фортанга. Это название дали орстхойцам соседи — тюркоязычные кумыки.

Современный город Новороссийск.

Речь идет о дагестанских ханах, пытавшихся поставить в зависимость некоторые чеченские общества.

В XIX веке черкесами зачастую называли всех горцев Кавказа.

Рассказал в 1982 году информатор А.-А. А. Хожаев, житель поселка Чири-Юрт.

Глава «Имам Шамиль» написана в соавторстве с Султаном Нанхаджиевым.

В заимствованных чеченских именах слова «хан» и «бек» теряют свое смысловое значение и пишутся слитно из-за отсутствия в чеченском обществе этих понятий.

Кавказ. 30 мая 1853 г. № 40.

Арабское слово, имевшее в чеченском языке несколько значений:
закон, войско, дисциплина.

ЦГИА Грузии. Ф. 1087, оп. 6, л. 6 об.

О численности назрановцев в 1840 году см.: [Движение горцев, с. 228].

ЦГИА Грузии. Ф. 1083, оп. 6, д. 381, л. 18.

Глава «Хатат, сын Амерхана из Дарго» написана в соавторстве с врачом Султаном Резвановым.

Исти-су Гудермесского района.

В рапорте от 20 ноября 1843 года о Суаибе из аула Эрсеной сообщается, что он пользуется малым уважением чеченцев, так как считают его за человека со слабым характером и не имеющим военных способностей. «Назначением своим в наибы Большой Чечни Суаиб обязан Шуаиб-мулле, который нарочно рекомендовал его Шамилю, как человека способного занять это место, для того, чтобы через него получить влияние в управлении над Большой Чечней» [Движение горцев, с. 407]. Однако Суаиб-мулла в отличие от многих личностей с «сильным характером», смалодушничивших и сдавшихся в плен во время войны, проявил подлинный героизм и погиб в бою с захватчиками во время разгрома войск графа Воронцова летом 1845 года.

Н. А. Смирнов в «Мюридизме на Кавказе» (с. 125) пишет, что это состояние было накоплено Шоаипом с ведома имама, однако не приводит данных о его использовании, о том, где и как оно содержалось. Я. З. Ахмадов, сотрудник ЧИНИИИЛСФ, высказал предположение, что эта собственность была казной наибства. Возможно, что казна принадлежала нескольким наибствам, ведь Шоаип был мудиром [см. также: Юров, с. 216]. В Чечено-Ингушском государственном объединенном музее хранилась печать Шоаипа.

«Цу чета а тесна» — выражение, означающее полную отрешенность от жизни, от ее радостей и благ.

У родников и других источников, куда девушки и женщины ходили за водой, обычно назначались свидания влюбленных.

По другим данным, в 1840 или 1842 году. И все-таки мы склоняемся к 1841 году. Косвенно на время выезда делегации Шамиля указывает рапорт пристава Малой Кабарды Анастасьева начальнику центра Кавказской линии генерал-майору Пирятинскому от 9 марта 1841 года: «...Возмутитель Шамиль избрал из числа верноподданных ему чеченцев чеченца по имени Магомеда Кириева, которого посылает на днях с 10 при нем товарищами к закубанцам; сверх того Шамиль распускает слухи в народе, что сказанный Магомед Кириев оттоль отправился к Ибрагим-паше...» [см.: Движение горцев, с. 303]. По данным Линевича, Юсуф сам говорил, что он приехал в Чечню в 1257 году хиджры, что соответствует 1840—1841 годам, т. е. сам Юсуф мог говорить о 1841 годе.

Судя по тому, что пишет Мухаммед-Тахир ал-Карахи, — если правда за ним, — Юсуф-хаджи не хотел, чтобы делегация Шамиля выехала в Турцию. Дальнейшие события указывают на то, что Юсуф поставил перед собой задачу любым способом вместе с этими послами попасть к имаму.

Глава «Ахмад Автуринский» написана в соавторстве с преподавателем автуринской средней школы Абдулой Гапаевым.

См., например: [Движение горцев, с. 498, 518, 519, 520, 521, 649; Хроника, с. 242].

Имам не вешал, но в этом предании говорится о виселице — память о казнях горцев царскими палачами.

Опубликовано в кн.: Сказки, сказания и предания чеченцев и ингушей (с. 368—369).

Рассказал житель г. Грозного Борха Амирханов в 1988 г. Его предок — один из вернувшихся из Турции гехинцев.

Русский текст У. Яричева.